ISSN 0869-7167

ВОЕННЫЕ АРХИВЫ РОССИИ

Секретные дополнительные протоколы...
Репрессии в Красной Армии
Катынское дело
Г. К. Жуков: неизвестные страницы биографии
Дневник Мартина Бормана

1 выпуск 1993

ВОЕННЫЕ АРХИВЫ РОССИИ

1 выпуск 1993

СОДЕРЖАНИЕ

РЕПРЕССИИ В КРАСНОЙ АРМИИ

М. Н. Тухачевский и «военно-фашистский заговор» 4

— Пленум ЦК ВКП(б). 23 февраля — 5 марта 1937 г.: Стенографический отчет 5

— Справка о проверке обвинений . . . 29

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

Секретные дополнительные протоколы к договору о ненападении между Германией и СССР от 23 августа 1939 года 114

ЭХО ПРОШЛОГО

Катынское дело 123

ПОРТРЕТЫ БЕЗ РЕТУШИ

Г. К. Жуков: неизвестные страницы биографии 175

СССР: НАРОДЫ И СУДЬБЫ

Социально-политическая обстановка в Прибалтике в 50-е годы 246

ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО И РЕФОРМЫ

Сокращение Вооруженных Сил СССР в середине 50-х годов 271

СОВЕТСКИЙ ФАКТОР В КИТАЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Протоколы заседаний Китайской комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) (апрель—сентябрь 1925 г.) 309

ФАШИЗМ В ЛИЦАХ

Дневник Мартина Бормана (январь—апрель 1945 года) 324

Собственноручные показания начальника личной охраны А. Гитлера Ганса Раттенхубера . 338

ТАЙНА ОДНОЙ ФАЛЬСИФИКАЦИИ

А. А. Брусилов «Мои воспоминания» 372

Главный редактор Л. В. МАЛЬЦЕВА

Документы для публикации предоставили:

А. АЛЕКСАНДРОВ,
В. ИВАНОВ,
Л. КАЗАКОВА,
А. КИРШИН,
В. ЛЕБЕДЕВ,
В. ЛЕБЕДЕВА,
С. МЕЛЬЧИН,
Ю. МУРИН,
А. СЕРГЕЕВ
А. СТЕПАНОВ.

В подготовке номера участвовали:

О. АРИСТОВА,
В. БОГДАНОВА,
Л. БУЛЫЧЕВА,
О. ГРАЧЕВА,
И. КУЗИНА,
Е. МЕЖЕВОВА,
Л. НИКАНОРОВА,
Т. НИКОЛАЕВ,
В. СТЕПАНОВ.

Документы публикуются без изменений и комментариев

Учредители ТОО «Пересвет», ТОО «Церера»

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации. Регистрац. № 01851

621055

Memorial Library
University of Wisconsin - Madison
728 State Street
Madison, WI 53706-1494

© «Военные архивы России», 1993.

nlem
DK
50
V647
1

Наш читатель получил новый журнал «Военные архивы России». Еще одна заповедная область знания стала доступной широкому кругу специалистов, ученых, студентов, учащихся, всех любителей военной истории. Произошло это благодаря новой политике в области архивного дела, главными принципами которой являются открытость мировому сообществу, освобождение от лжи и фарисейства, преданность правде, какой бы неприятной она ни была. Журнал намерен публиковать документы, которые помогут возвратить нам ощущение подлинной и полнокровной истории Отечества. Редакционный совет ставит своей задачей содействовать процессу очищения исторического сознания от мифов и фальсификаций, которыми обильно сдабривалась наша духовная жизнь и питались корни исторической памяти. Поэтому мы будем отдавать предпочтение фактам, а не их идеологизированному толкованию. Читатель вправе сам составить о них свое мнение.

Приглашаем всех держателей военных архивов принять участие в публикации своих материалов на страницах нашего журнала.

Общественный редакционный совет журнала «Военные архивы России»

М. Н. ТУХАЧЕВСКИЙ И «ВОЕННО-ФАШИСТСКИЙ ЗАГОВОР»

Московская трагедия 1937 года потрясла не только Россию, но и всю мировую общественность. И наибольшее внимание среди репрессированных привлекал маршал М. Н. Тухачевский, обвиненный в измене Родине, терроре и организации военно-фашистского заговора и окончивший свой жизненный путь в бериевских застенках.

К моменту возникновения дела о «военном заговоре» маршал находился в апогее своей известности. Тухачевский, занимавший высокое служебное положение, оказался в центре межпартийной борьбы в РККА.

Это, пожалуй, и послужило одной из причин того, что после февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП(б) 1937 года, на котором обсуждались вопросы, связанные с разгромом троцкистов, зиновьевцев и правых, судьба маршала была предрешена. И казнь состоялась...

СТРОГО СЕКРЕТНО

Хранить на правах шифра
Снятие копий воспрещается
Подлежит возврату во 2 часть
техсекретариата ОБ

ПЛЕНУМ ЦК ВКП(б)

23 февраля — 5 марта 1937 г.

СТЕНОГРАФИЧЕСКИЙ ОТЧЕТ

Выпуск II

Исх. № П3540

ЦК ВКП(б)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ (Андреев). Слово имеет тов. Ворошилов.

ВОРОШИЛОВ. Товарищи! Доклады тт. Молотова и Кагановича, вчерашнее выступление тов. Ежова со всей ясностью, как прожектором осветили подрывную работу наших классовых врагов и показали, как глубоко проникли они в поры нашего социалистического хозяйства и государственного аппарата.

Выбирая наиболее чувствительные места, важнейшие пункты в нашем социалистическом строительстве, враг не брезговал никакими средствами, чтобы, поражая их, подрывать народнохозяйственный организм, наносить вред всему социалистическому строительству. НКПС, Наркомтяжпром, Наркомлегпром, Наркомпищепром и другие наркоматы все они были и, к сожалению, в какой-то мере, очевидно, продолжают еще быть пораженными вредительской работой японо-немецких, троцкистско-зиновьевских шпионов и диверсантов.

В своих выступлениях товарищи наркомы и работники наркоматов честно пытались анализировать, вскрыть причины проникновения врага в недра нашего социалистического строительства. Все выступавшие обещали работать по-иному, так, чтобы в будущем не только не допустить врага в наиболее важные участки хозяйства и госаппарата, но и вообще лишить его какой бы то ни было возможности вредить и мешать нам в социалистическом строительстве.

Будет очень хорошо, товарищи, если мы данные здесь Пленуму Центрального Комитета обещания сумеем выполнить хотя бы, скажем, на 95 проц. Мне думается, что пройдет немало времени, прежде чем мы по-настоящему эти обещания реализуем. Благодушие, зазнайство, желание почить на лаврах, о чем товарищ Сталин часто нам говорит, все это и многое, многое другое тяжелым грузом тащится за нами. Это шоры на наших глазах, мешающие видеть вокруг себя все, что надлежит видеть руководителю и всякому истинному коммунисту. Но помимо всего этого есть ряд других причин, способствующих проникновению врага в наши ряды и способствующих его подлой подрывной работе. В частности, я имею в виду следующий, казалось бы, маловажный, однако имеющий большое значение фактор.

Все наркоматы в той или иной степени являются заказчиками и исполнителями заказов. В процессе деловых связей, в ходе выполнения заказов отношения между ответственными людьми

наркоматов выливаются нередко в недопустимые трения, а то и прямо в склоки.

Это обстоятельство, я в этом глубочайше убежден, является тоже одним из наиболее удобных прикрытий, ширмой для врага, диверсанта, вредителя, шпиона.

ГОЛОСА. Правильно.

ВОРОШИЛОВ. Я не хочу быть голословным. Здесь присутствует тов. Павлуновский, который в свое время нес ответственность за производство артиллерийского вооружения для армии. У нас с ним были часто споры по различным конкретным и серьезным вопросам. Но был и до сих пор остается один очень большой спор на протяжении ряда лет по тяжелой восьмидюймовой гаубице «Б-4», изготовляемой на Ленинградском артиллерийском заводе «Большевик». Все требования наших приемщиков, инженеров и других работников артиллерийского управления, все указания на неблагополучие в производстве этой гаубицы, на невыполнение условий договора и технических требований заказчика — все это работники завода встречали в штыки. Больше того, они доказывали, что именно военные приемщики и работники артиллерийского управления являются причиной того, что дело с производством гаубицы идет плохо, что, дескать, они предъявляют новые требования, вносят изменения в систему и прочее. Создалась такая обстановка, что пришлось вмешаться правительству. Но дело было нарочито так запутано, что разобраться во всем этом было очень трудно.

Что же вскрылось теперь? А вскрылось вот что: главный конструктор, который всю эту работу вел, оказался не только организатором большого вредительства в артиллерийской работе завода «Большевик», но и матерым немецким шпионом. Этот господин сам теперь во всем признался. Он обещает, если ему будет дарована жизнь, все вредительские акты исправить как по указанной тяжелой гаубице, так и по другим артиллерийским системам.

Вот видите, товарищи, в то время как мы с дирекцией завода «Большевик» и с тов. Павлуновским пререкались и устраивали драчки, шпионы и диверсанты делали свое черное дело. Оно и понятно. Наши ведомственные склоки и петушиные бои — лучшая ширма для вредителя, диверсанта и шпиона. Враг ловко использует «конъюнктуру» и, делая глазки начальству, наносит свои предательские удары по наиболее чувствительным местам.

Можно было бы привести еще целый ряд подобных примеров.

И вот, товарищи, теперь, когда мы обещаем работать по-другому, по-большевистски, давайте учтем и этот фактор. Необходимо впредь требования со стороны заказчиков рассматривать не как неприятное предъявление к исполнителям заказов каких-то назойливых претензий, а как выполнение партийных и государственных обязанностей. Мы не имеем права забывать, что каж-

дый из нас выполняет волю партии на том посту, на который он назначен. Поэтому отношения между нами должны быть не только нормально деловыми, но обязательно и товарищескими, коммунистическими. При этих условиях не будет места ведомственным драчкам. При этих условиях будет затруднено проникновение врага туда, куда он проникать не должен.

ГОЛОСА. Правильно.

ВОРОШИЛОВ. Я думаю, что это правило должно быть обязательным для всех нас при установлении новых форм и методов большевистской ленинско-сталинской работы на будущее время. Это тоже одно из условий, могущих препятствовать проникновению врагов в наше народное хозяйство и государственные органы.

Разрешите перейти теперь к военному ведомству.

Лазарь Моисеевич перед тем, как я пошел на трибуну, сказал мне: «Посмотрим, как ты будешь себя критиковать, это очень интересно». (О б щ и й с м е х.) Я ему сказал, что мне критиковать себя очень трудно, и совсем не потому, что я не люблю самокритики, особенно больших любителей самокритики, впрочем, среди всех нас немного найдется (с м е х),— я тоже не особенный, так сказать, любитель, но я большевик, член ЦК, и мне не пристало бояться нашей партийной критики.

Но положение мое, Лазарь Моисеевич, несколько особое. И потому, что я представляю армию,— это имеет «кое-какое» значение,— и потому, что в армии к настоящему моменту, к счастью, вскрыто пока не так много врагов. Говорю — к счастью, надеясь, что в Красной Армии врагов вообще немного.

Так оно и должно быть, ибо в армию партия посылает лучшие свои кадры; страна выделяет самых здоровых и крепких людей.

Что собой представляют вскрытые НКВД в армии враги, представители фашистских японо-немецких, троцкистских банд? Это в своем большинстве высший начсостав, это лица, занимавшие высокие командные посты. Кроме этой сравнительно небольшой группы вскрыты также отдельные, небольшие группы вредителей из среды старшего и низшего начсостава в разных звеньях военного аппарата. Я далек, разумеется, от мысли, что в армии везде и все обстоит благополучно. Нет, совсем не исключено, что и в армию проникли подлые враги в гораздо большем количестве, чем мы пока об этом знаем.

Рабоче-Крестьянская Красная Армия в настоящее время представляет собой громадную индустриализированную, если можно так выразиться, организацию. Армия располагает колоссальным автомобильным и танковым парком, с огромной массой самых разнообразных машин. Мы имеем могущественную авиацию и большую насыщенность артиллерией всех родов войск. Армия располагает большим количеством разных инженерных и химических частей. Я уже не говорю о морском флоте, где все осно-

вано на технике. Во всех этих родах войск очень много всевозможных военных специалистов. Разумеется, враг не может не пытаться проникнуть туда для вредительской и диверсионной работы. Но, повторяю, к настоящему моменту среди личного состава РККА вскрыта пока небольшая по численности (о качестве я буду говорить позже) группа людей, которая вела свою подлую контрреволюционную работу.

Товарищи! Не взыщите, если я сделаю самый короткий экскурс в недалекую нашу историю, для того чтобы было понятнее, откуда появились в Красной Армии эти мерзкие предатели, арестованные сейчас органами НКВД.

Троцкий еще в 1920—1921 гг., когда он пошел открытым походом на Ленина, на нашу партию, пытался опереться на кадры армии. Он считал тогда, что имеет в армии прочную базу и достаточное количество своих сторонников, чтобы начать бои с нашей партией по всем правилам военного искусства. Он просчитался и не мог не просчитаться, Троцкий был слишком далек от нашей партии, он только что в нее вступил и не знал ее, не верил в силы, заложенные в партии, рабочем классе, не понимал основ, на которых покоилась мощь и партии, и всей ленинской политики.

На этом этапе своей вражьей вылазки против партии и Ленина Троцкий был убит. Но он не сложил оружия, а повел углубленную подрывную работу. И к 1923 году ему удалось — об этом нужно прямо сказать — с помощью своей агентуры добиться немалых успехов в Красной Армии.

В 1923—1924 гг. троцкисты имели за собой, как вы помните, об этом помнить следует, почти весь Московский гарнизон. Военная академия почти целиком, школа ВЦИК, артиллерийская школа, а также большинство других частей гарнизона Москвы были тогда за Троцкого.

ГАМАРНИК. И штаб Московского округа, где сидел Муралов, был за Троцкого.

ВОРОШИЛОВ. Правильно. Троцкий пошел тогда в атаку на больного Ленина, а фактически на тов. Сталина. Но усилиями настоящих большевиков, главным образом тов. Сталина, Троцкий и на этом этапе был разбит наголову.

Нелишне напомнить, товарищи, потому что многие, присутствующие здесь, в то время не были членами ЦК ВКП(б), что в тот момент, когда в конце 1923 и начале 1924 года Троцкий попытался нанести предательский удар нашей партии, Красной Армии как боевой вооруженной силы, способной вести войну с внешним врагом, не существовало. Троцкий, будучи еще Наркомвоенмором, и его агентура в армии и вне ее больше всего думали не об армии и задачах, стоящих перед нею, а о том, как бы поудобней рассадить своих людей для свержения партийного и государственного руководства. Если вы развернете протоколы ЦК ВКП(б) за февраль и апрель 1924 года, то из доклада тов.

Гусева — председателя спец. комиссии ЦК и ЦКК ВКП(б), созданной для изучения вопросов текучести и состояния армии,— выступлений тов. Сталина и других товарищей узнаете о полном развале Красной Армии. Армии как боеспособной силы в то время не существовало. Это было единодушное мнение всех военных цекистов и ответственных военных работников. Того же мнения были все командующие военных округов. Зато в армии сложились крупные группы троцкистов, которые, используя свое служебное положение, вели ожесточенную, дикую борьбу с партией и ее руководством.

При жизни Ленина Троцкий в роли Наркомвоенмора дважды пытался свергнуть партийное руководство, навязать партии свою политическую линию и руководство и оба раза был беспощадно бит. Но он и не думал складывать оружия, особенно после смерти великого Ленина.

В 1925—1927 гг. Троцкий во главе своей окончательно сложившейся организационно и квалифицированной качественно группы в последний раз пошел на партию. К этому времени все военные гарнизоны были твердо за партию и против Троцкого. Только Ленинград представлял исключение. Тогдашнее ленинградское партруководство — Зиновьев и его присные Евдокимов, Бакаев, Залуцкий и другие — изменили партии. Они пошли за контрреволюционером Троцким. В этот последний раз, когда Троцкий вместе со своими новыми подручными Зиновьевым и Каменевым был не только побит, но и выброшен из наших рядов, как открытый враг, он оставил и в стране, и в армии кое-какие кадры своих единомышленников. Правда, количественно эти кадры были мизерны, но качественно они представляли известное значение. Вот к этим кадрам относятся и те господа, которые ныне себя снова проявили в армии уже по-новому, как открытые, подлые враги, как наемные убийцы.

Что представляют собой эти изменники и предатели персонально, кто они такие? Это, во-первых, комкоры Примаков и Путна; оба виднейшие представители старых троцкистских кадров. Это, во-вторых, комкор Туровский, который, не будучи в прошлом троцкистом, тем не менее, невзирая на отрицание пока своей виновности, очевидно в скрытом виде, тоже является сочленом троцкистской банды.

Далее идут комдивы Шмидт и Саблин, комбриг Зюк, полковник Карпель и майор Кузьмичев.

Следовательно, к настоящему времени в армии арестовано 6 человек комсостава в «генеральских» чинах: Примаков, Путна, Туровский, Шмидт, Саблин, Зюк и, кроме того, полковник Карпель и майор Кузьмичев. Помимо этой группы командиров арестовано несколько человек инженеров, преподавателей и других лиц начальствующего состава «рангом и калибром» пониже.

Небезынтересно, что собою представляют эти господа с точки зрения их политической физиономии и морального облика. Что-

бы охарактеризовать их с этой стороны, я позволю себе прочитать только пару писем этих наглецов, и вам будет ясно, на какие подлости способны эти люди.

Вот, например, начальник штаба авиабригады Кузьмичев. Он только майор, по-старому подполковник, «чин» небольшой, но по стажу борьбы с партией это очень заядлый троцкист. Кузьмичев в свое время был секретарем у Примакова, был тесно с ним связан, принимал активное участие в троцкистских вылазках против партии с 1923 по 1927 год.

Этот Кузьмичев, будучи арестован, обращается ко мне через органы Наркомвнудела с письмом, в котором пытается доказать свою невиновность. И пишет так, что даже ваши закаленные сердца не могут не...

ГОЛОС. Не дрогнуть.

ВОРОШИЛОВ. Да, не могут не дрогнуть. Вы увидите, к чему вся эта писанина свелась. Он пишет:

«Народному Комиссару Обороны тов. Ворошилову.

Меня обвиняют в том, что я якобы являюсь членом контрреволюционной троцкистской террористической группы, готовил покушение на Вашу жизнь.

Мое заявление о том, что я ничего по этому делу не знаю, рассматривается как запирательство и нежелание давать показания.

Основания не верить мне имеются, ибо я в 1926—1928 гг. входил в контрреволюционную троцкистскую организацию...»

Уже врет. В троцкистскую организацию он входил и в 1923—1924 гг.— об этом, как видите, Кузьмичев умалчивает.

«Начиная с 1929 года,— продолжает Кузьмичев,— я старался всеми мерами загладить свою вину перед партией. В Вашем лице я всегда видел не только вождя Красной Армии, но и чрезвычайно отзывчивого человека. Вашим доверием я обязан факту моего возвращения в РККА в 1929 г. ...»

Это было действительно так.

«Своими действиями в 1929 году я, мне кажется, оправдал Ваше доверие и, конечно, не без Вашего решения был награжден вторым орденом Красного Знамени».

Это тоже факт.

«В 1931 году,— повествует далее Кузьмичев,— Вашим распоряжением мне представили возможность поступить в Академию.

В 1934 году в связи с болезнью жены, опять-таки не без Вашего участия, меня перевели в условия, где моя жена и ребенок быстро выздоровели.

Вашим решением я обязан той интересной работе, которую я вел последние годы. Именно Вы сделали меня человеком, настоящим членом партии.

Иных чувств, кроме чувства большого уважения и глубокой благодарности, я к Вам иметь не мог.

Как же случилось, что меня зачислили в банду фашистских убийц?

В 1935 году я проездом с Дальнего Востока в Запорожье остановился у Дрейцера — в то время он был членом ВКП(б), носил ордена и являлся зам. начальника Криворожского строительства. Он по телефону мне сообщил, что у него гостил Туровский, который только что уехал, и что сам Дрейцер тоже через 1—2 дня уезжает, поэтому мне можно будет остановиться у него на квартире. Я так и сделал. С Дрейцером мы виделись мало, говорили о работе: я — о своей, он — о своей, и все. С тех пор я его не видел, и уже в тюрьме на очной ставке я от него услышал, что якобы я сам предложил свои услуги для Вашего убийства.

Эту троцкистскую клевету я не могу опровергнуть, все мои заявления о нелепости чудовищной клеветы, все мои просьбы расследовать обстоятельства моих разговоров ни к чему не привели. Скоро будет суд. По-видимому, меня расстреляют, ибо у меня нет возможности доказать, что никаких контрреволюционных дел у меня с Дрейцером не было.

Может быть, через несколько лет все же троцкисты скажут, зачем оболгали невинного человека, и вот тогда, когда раскроется действительная правда, я Вас прошу восстановить моей семье честное имя. Простите за марание, больше не дают бумаги.

21.VIII-36 г. Кузьмичев».

Так писал мне господин Кузьмичев 21 августа 1936 года. А вот [что] этот же господин показал на допросе в Наркомвнуделе 1 сентября, стало быть, ровно через 10 дней после этого письма.

Вопрос следователя: «Что вами было практически сделано для подготовки террористического акта над Ворошиловым в осуществление полученного задания от Дрейцера в феврале 1935 года?»

Я очень извиняюсь, товарищи, что вынужден тут занимать вас своей персоной. Читаю это просто для того, чтобы полнее охарактеризовать этого субъекта.

ГОЛОСА. Правильно.

ВОРОШИЛОВ. Вот как Кузьмичев, добровольно взявший на себя выполнение теракта, отвечает на этот вопрос следователя:

«На маневрах в поле с Ворошиловым мне встретиться не удалось, так как наша часть стояла в районе Белой Церкви, а маневры проходили за Киевом, в направлении города Коростень. Поэтому совершение теракта пришлось отложить до разбора маневров, где предполагалось присутствие Ворошилова».

«Где происходил разбор маневров?»

«В Киевском театре оперы и балета»,— отвечает Кузьмичев.

«Каким образом вы попали в театр?» — спрашивает Кузьмичева следователь.

Кузьмичев отвечает: «Прилетев в Киев на самолете, я узнал о том, что билетов для нашей части нет. Комендант театра предложил занять свободные места сзади. Так как я намерен был совершить террористический акт над Ворошиловым во время разбора, я принял меры к подысканию места поближе к сцене, где на трибуне после Якира выступал Ворошилов. Встретив Туровского, я попросил достать мне билет. Через несколько минут Туровский дал мне билет в ложу».

Дальше его спрашивают: «На каком расстоянии вы находились от трибуны?» Кузьмичев отвечает: «Метрах в 15-ти, не больше». И вслед за этим он рассказывает, из какого револьвера должен был стрелять, почему он не стрелял — потому что якобы ему помешали, потому что все присутствующие в ложе его знали, что впереди две ложи были заняты военными атташе и иностранными гостями...

КОСИОР. Она несколько сзади, эта ложа.

ВОРОШИЛОВ. Да, она сзади, и эти две ложи с иностранными гостями несколько заслоняли ложу, в которой разместился этот «стрелок».

Вот, товарищи, облик одного из этих мерзких типов. Когда я впервые прочитал это письмо Кузьмичева, то невольно подумал: может быть, и в самом деле человека оговорили, может быть, парень невиновен. А всего лишь через 10 дней этот предатель пространно излагает, как он проводил свою гнусную работу, как он подготовлял теракты. А разве он рассказал все, разве он до конца вскрыл свою гадкую и предательскую работу? Конечно, нет.

Вот другой тип — Шмидт Дмитрий; этот уже в «генеральском чине», комдив. Он тоже написал мне и тоже апеллирует к моим чувствам.

Вот его письмо.

«Дорогой Климентий Ефремович! Меня арестовали и предъявили чудовищные обвинения, якобы я троцкист. Я клянусь Вам всем для меня дорогим — партией, Красной Армией, что я ни на одну миллионную не имею вины, что всей своей кровью, всеми мыслями принадлежу и отдан только делу партии, делу Сталина. Разберитесь, мой родной, сохраните меня для будущих тяжелых боев под Вашим начальством».

Как видите, в этом, хотя и кратком, письме, но сказано все, ничего не упущено. Предатель Шмидт с достойной двурушника циничностью даже заботится о том, чтобы я был его начальником «в будущих тяжелых боях». А через месяц этот наглец, будучи уличен фактами, сознался во всех своих подлых делах, рассказал во всех подробностях о своей бандитской и контрреволюционной работе.

Я имею письма и от других арестованных: от Туровского, от Примакова. Все они пишут примерно в том же духе. Но ни Примаков, ни Туровский пока не признали своей виновности, хотя

об их преступной деятельности имеется огромное количество показаний. Самое большое, в чем они сознаются, это то, что они не любили Ворошилова и Буденного, и каются, что вплоть до 1933 года позволяли себе резко критиковать и меня, и Буденного. Примаков говорит, что он видел в нас конкурентов, он-де кавалерист, и мы с Буденным тоже кавалеристы.(С м е х.) Ему, Примакову, видите ли, не давали хода вследствие того, что Буденный и его конноармейцы заняли все видные посты в армии и пр., вследствие чего он был недоволен и фрондировал.

Конечно, это наглая ложь, разумеется, дело совсем не в этом. А дело в том, что именно Примаков — этот воспитатель и вдохновитель Кузьмичевых — является, бесспорно, доверенным агентом Троцкого, его главным уполномоченным по работе в армии. Об этом говорят показания почти всех основных бандитов троцкистов и зиновьевцев. Об этом говорят и Радек, и Сокольников, Пятаков, Смирнов и Дрейцер. Все они довольно подробно рассказали следственным органам о роли и действиях Примакова. И тем не менее этот субъект запирается и до сих пор не признался в своих подлых преступлениях.

Я не могу не сказать несколько слов и относительно Туровского, тоже крупного работника Красной Армии. Туровский, так же как и Примаков, запирается, не признает за собой вины. Он признает себя виновным лишь в поддержании связи с Дрейцером и со всей бандой (Шмидт, Зюк, Кузьмичев и др.).

Справедливости ради должен сказать, что в 1927 году, когда мы с Вячеславом Михайловичем и другими товарищами в Ленинграде вели борьбу с троцкистско-зиновьевским блоком, Туровский был в наших рядах, он дрался тогда против зиновьевцев по-настоящему, по-большевистски. Тем не менее я думаю, что он по уши сидит в троцкистской грязи, что показания на него его дружков основаны на правде.

Какие цели и задачи ставила перед собой эта японо-немецкая, троцкистско-шпионская банда в отношении Красной Армии?

Как военные люди, они ставили и стратегические, и тактические задачи. Стратегия их заключалась в том, чтобы, формируя троцкистские ячейки, вербуя отдельных лиц, консолидируя силы бывших троцкистов и всякие оппозиционные и недовольные элементы в армии, создавать свои кадры, сидеть до времени смирно и быть готовыми в случае войны действовать так, чтобы Красная Армия потерпела поражение, чтобы можно было повернуть оружие против своего правительства. Тактические цели — это ускоренная подготовка и проведение террористических актов против вождей партии и членов правительства.

Пятаков, этот кровавый бандит из бандитов, в своих показаниях по поводу планов Троцкого в отношении Красной Армии заявляет следующее:

«Особенно важно,— подчеркивал Троцкий,— иметь связи в Красной Армии. Военное столкновение с капиталистическими

государствами неизбежно. Я не сомневаюсь, что исход такого столкновения будет неблагоприятен для сталинского государства. Мы должны быть готовы в этот момент взять власть в свои руки».

И далее Пятаков показывает:

«Что касается войны, то и об этом Троцкий сообщил весьма отчетливо. Война с его точки зрения неизбежна в ближайшее время. В этой войне неминуемо поражение «сталинского государства». Он, Троцкий, считает совершенно необходимым занять в этой войне отчетливо пораженческую позицию. Поражение в войне означает крушение сталинского режима, и именно поэтому Троцкий настаивал на создании ячеек в армии, на расширении связей среди командного состава. Он исходил из того, что поражение в войне создаст благоприятную обстановку в армии для возвращения его, Троцкого, к власти. Он считал, что приход к власти блока, безусловно, может быть ускорен военным поражением».

А вот как о том же говорит расстрелянный террорист Пикель, бывший в свое время секретарем Зиновьева.

«На допросе от 4 июля 1936 года вы показали о существовании военной организации, в которой принимали участие связанные с Дрейцером Путна и Шмидт. В чем должна была заключаться их работа?» — спрашивает Пикеля следователь.

Пикель отвечает:

«Все мероприятия троцкистско-зиновьевского центра сводились к организации крупного противогосударственного заговора. На военную организацию возлагалась задача путем глубокой нелегальной работы в армии подготовить к моменту успешного осуществления планов Зиновьева и Каменева немедленный переход части руководящего командного состава армии на сторону Троцкого, Зиновьева и Каменева и требования командного состава армии отстранить Ворошилова от руководства Красной Армией. Это предполагалось в том случае, если Дмитрию Шмидту до убийства Сталина не удастся убить Ворошилова».

Вот как эти господа намечали развертывание своей предательской работы в армии. Если не удастся троцкистам и зиновьевцам прийти к власти путем устранения руководства партии и советского государства террором, то необходимо выждать и готовиться к войне. А уже во время войны действовать в соответствии с их «стратегическими» планами.

В своих показаниях Д. Шмидт, рассказывая о преступной деятельности троцкистов в армии, говорит примерно то же, что и Пикель.

«Развивая передо мною задачи организации военных троцкистских ячеек в армии,— заявляет Шмидт,— Дрейцер информировал меня о наличии двух вариантов захвата власти:

1) предполагалось, что после совершения нескольких основных террористических актов над руководством партии и

правительства удастся вызвать замешательство оставшегося руководства, благодаря чему троцкисты и зиновьевцы придут к власти;

2) в случае неудачи предполагалось, что троцкистско-зиновьевская организация прибегнет к помощи военной силы, организованной троцкистскими ячейками в армии. Исходя из этих установок, Дрейцер в разговоре со мной настаивал на необходимости создания троцкистских ячеек в армии».

Как видите, товарищи, здесь уже более полное обоснование необходимости организации троцкистских ячеек в армии, подчеркивается их значение на случай военного переворота, на случай вооруженной борьбы за власть.

Пятаков и Радек в своих показаниях также говорят о работе в Красной Армии. И тот, и другой возможность военного переворота в мирных условиях почти исключали, так как считали, что в Красной Армии достаточно твердая и сознательная дисциплина, что армия предана партии, правительству и своему государству. Однако троцкистские, контрреволюционные группы в армии насаждали, видя в них очаги разложения армии и свои опорные пункты во время войны. Эта сволочь — как вы увидите далее из их же показаний — держала курс на поражение Красной Армии в будущей войне.

Не менее важными представляются показания по этому же вопросу Путны. Этого субъекта многие из вас знают. Последнее время он работал за границей. В 1927—1931 гг. Путна был военным атташе в Японии, Финляндии, Германии; затем работал в Киевском в[оенном] о[круге] и на Дальнем Востоке; после этого снова был назначен военным атташе в Англии. На этой последней должности и был разоблачен органами НКВД.

Еще в 1931 году, будучи в Берлине военным атташе, Путна, связавшись через Смирнова с Седовым, намечал план троцкистской работы в Красной Армии. Вот что он показывает на вопрос следователя о содержании разговора, имевшего место между ним и Седовым.

«Разговор велся тогда по двум направлениям,— говорит Путна,— во-первых, вокруг уже известной мне от Смирнова директивы о терроре и, во-вторых, о настроениях в Красной Армии и перспективах укрепления троцкистского влияния в частях РККА. Седов подробно меня расспрашивал, кто из троцкистов остался среди комсостава армии, и выразил уверенность, что армия и ее командиры Троцкого помнят».

Касаясь указаний, которые получались разными путями от Троцкого по вопросам целей и задач военной троцкистской организации и работы в Красной Армии, Путна говорит:

«Седов, узнав от меня о моем предстоящем отъезде в СССР, сообщил мне как директиву, что Троцкий считает необходимым снова собрать в организацию всех военных работников-троцкистов. Седов мне назвал Мрачковского, который эту задачу смо-

жет решить, поскольку он еще в 1927 году был руководителем военной группы троцкистов и связи с участниками этой группы сохранил. Седов мне тогда передал мнение Троцкого о том, что сильная военная организация троцкистов сможет сыграть решающую роль, если это потребуется в ходе борьбы с руководством ВКП(б)».

И далее:

«Общая и основная задача нашей военной троцкистской организации заключалась в борьбе с руководством ВКП(б) и Красной Армии, направленной в итоге к смене этого руководства. Я имею в виду Сталина и Ворошилова в первую очередь. Я уже показал выше, что Седов в Берлине излагал мне точку зрения Троцкого, по которой необходимо было иметь сильную военную организацию троцкистов для того, чтобы в нужный момент, если это потребуется конкретной обстановкой, она смогла бы сыграть решающую роль в борьбе за приход троцкистов к власти».

Зюк, которому была поручена организация ячеек в Красной Армии, рассказывает следующее:

«Ставя себе задачу создания своей базы, своей опоры в армии и ведя в этом направлении практическую работу, о чем я показал на допросе от 29.VIII с.г., мы контингент лиц, на которых рассчитывали, не ограничивали троцкистами. Мы, конечно, отдавали себе отчет в том, что рассчитывать в этом отношении на сколько-нибудь широкие слои в армии — вещь нереальная. Но к военнослужащим, по тому или иному частному поводу недовольным своим положением, к элементу «обиженному», недисциплинированному, озлобленному и т. д. мы считали целесообразным присмотреться, приблизить его к себе, под углом зрения использования этого элемента в наших целях. Исходя из этой установки, мы считали необходимым такого рода людей из армии не увольнять, формально ссылаясь на то, что людей этих можно перевоспитать, на них затрачены государственные деньги, они уже приобрели военную квалификацию и тому подобные мотивы. Такая установка разделялась и мною, и Дрейцером, и Примаковым».

Далее он называет определенных лиц, намеченных к вербовке, а может быть, уже и завербованных. Предатели рассчитывали, что в армии всегда найдутся «контингенты», помимо бывших троцкистско-зиновьевских ублюдков, на которые можно рассчитывать и которых можно вовлечь в свою гнусную организацию.

Расчет и надежды, возлагавшиеся на определенные элементы в армии с точки зрения врага, правильны. Как видите, товарищи, аргументация — нельзя человека выгонять запросто, на него затрачены государственные деньги, он может исправиться, нужно человеку дать время показать себя на новой работе и т. п.— эта аргументация не только наша, этой аргументацией ловко пользуется злейший враг. Часто сталкиваешься с такого рода случаями, когда приходится говорить: нельзя же каждое лыко в стро-

ку, нужно к человеку подходить внимательно, нужно его перевоспитать, сберечь для армии, для партии, для страны. В общем, это правильно. Нельзя огульно людей избивать. Но нельзя и забывать, что враг хитро и коварно пользуется всяким случаем в своих подлых целях.

Я уже говорил, что, по заявлению Пятакова и Радека, троцкистский центр не верил в возможность военного переворота в мирных условиях. Это, как мы увидим из их же показаний, не означало, что троцкистский центр не придавал особого значения работе в Красной Армии. Радек в своих показаниях 4—6 декабря 1936 года заявляет:

«Я уже показывал ранее, что Дрейцер, руководивший террористической деятельностью ряда групп первого центра, привлек также к террористической деятельности троцкистов, оставшихся на командных должностях в Красной Армии. Связь с участниками организации в Красной Армии поддерживал также и параллельный центр, в частности я — Радек был связан с Путной и Шмидтом.

Объясняется это тем, что деятельности троцкистов в рядах Красной Армии Троцкий и центр блока придавали особо серьезное значение, исходя опять-таки из установки на пораженчество в грядущей войне СССР с фашистскими государствами.

Как первый, так и второй центры троцкистско-зиновьевского блока прекрасно понимали, что троцкисты — командиры Красной Армии в мирных условиях ничего реального в смысле широкого или сколько-нибудь значительного выступления против правительства сделать не могут.

Как первый, так и второй центры исходили при этом из общеизвестного факта сознательной дисциплины в Красной Армии и ее преданности правительству и считали поэтому, что рассчитывать на красноармейскую массу нельзя.

Однако в случае поражения СССР в войне, из чего мы главным образом исходили и на что рассчитывали, троцкисты — командиры Красной Армии могли бы даже отдельные проигранные бои использовать как доказательство якобы неправильной политики ЦК ВКП(б) вообще, бессмысленности и губительности данной войны.

Они также могли бы, пользуясь такими неудачами и усталостью красноармейцев, призвать их бросить фронт и обратить оружие против правительства.

Это дало бы возможность немецкой армии без боев занять оголенные участки и создать реальную угрозу разгрома всего фронта. В этих условиях наступающих немецких войск блок, опираясь уже на части, возглавляемые троцкистами-командирами, делает ставку на захват власти в свои руки, для того чтобы после этого стать оборонцами».

Сокольников показывает по этим вопросам примерно то же самое. Отвечая следователю на вопрос о том, какие обязатель-

ства взял на себя Троцкий перед фашистской Германией и какова тактика троцкистского блока во время войны, Сокольников говорит:

«Троцкий обещал гитлеровскому правительству, что блок будет проводить линию активного поражечества...

Троцкий указывал, что организации блока должны содействовать поражению СССР всеми имеющимися в их распоряжении средствами. Основными средствами, как указывал Троцкий, должны явиться: диверсия и вредительство в промышленности и прямая измена командиров-троцкистов на фронте».

И последнее из громадного количества показаний всех этих мерзавцев, которое считаю необходимым, товарищи, довести до вашего сведения,— это показание Пятакова от 26 октября 1936 года.

Показывая об имевшей место специальной встрече в Наркомтяжпроме и беседе с Сокольниковым почти по всем основным вопросам работы троцкистов, зиновьевцев и правых, Пятаков, в частности, заявляет:

«Тут же Сокольников рассказал мне о своем плане действия, который сводился к тому, что одновременно с террористическими актами в Москве, на Украине и других пунктах Союза надо использовать воинские части в Ленинградском гарнизоне. Но надо сказать, что в Ленинградском гарнизоне я, за исключением Виталия Примакова, никаких связей не имел и не знал. Я план Сокольникова об использовании воинских частей считал фантастическим, но тем не менее я понимал, что нужен действительно план согласованных действий. Я поэтому предложил собраться всей четверке, о которой я указывал выше, плюс Томский, для того чтобы подвести итоги того, чем мы располагаем, и наметить действительно реальный план на будущее».

Из всего, что я здесь зачитал вам, товарищи, ясно, насколько серьезно троцкистско-фашистская сволочь ставила дело внедрения своей организации в Красную Армию, как вся эта гнусная шайка стремилась использовать Рабоче-Крестьянскую Красную Армию в своих контрреволюционных целях.

Вся деятельность этих фашистских бандитов сконцентрирована на том, чтобы создавать в армии свои группки и ячейки, вылавливать отдельных недовольных лиц и вербовать их на свою сторону.

План этих предателей столь же прост, сколь и мерзок. С одной стороны — готовить террористические акты над членами ЦК и правительства и, если представится случай, приводить их в исполнение, с другой стороны — ждать войны, ждать наиболее острого момента для государства, чтобы потом путем измены, подлого предательства и провокации помогать врагу против своей родины и армии.

Отсюда нужно сделать соответствующие выводы, извлечь, как здесь все товарищи правильно говорили, нужные уроки. Я

уже говорил и еще раз повторяю: в армии арестовали пока небольшую группу врагов; но не исключено, наоборот, даже наверняка, и в рядах армии имеется еще немало невыявленных, нераскрытых японо-немецких, троцкистско-зиновьевских шпионов, диверсантов и террористов. Во всяком случае, для того чтобы себя обезопасить, чтобы Красную Армию — этот наиболее деликатный инструмент, наиболее чувствительный и важнейший государственный аппарат — огородить от проникновения подлого и коварного врага, нужна более серьезная и, я бы сказал, несколько по-новому поставленная работа всего руководства в Красной Армии.

Сейчас, может быть, не совсем к месту, но я считаю необходимым, не вводя в заблуждение Центральный Комитет, сказать, что мы, работники Красной Армии, все-таки старались вести свою работу так, чтобы преградить доступ в армию нашим заклятым врагам.

Мы без шума — это и не нужно было — выбросили большое количество негодных людей, в том числе и троцкистско-зиновьевского охвостья, и всякого подозрительного, недоброкачественного элемента. За время с 1924 года, с того времени, как Троцкий был изгнан из армии, за это время вычищено из ее рядов большое количество командного и начальствующего состава. Пусть вас не пугает цифра, которую я назову, потому что сюда входят не только враги, но и всякая мало пригодная для армии публика и некоторая часть хороших людей, подлежавших сокращению. За 12 лет уволено из армии около 47 тысяч человек начсостава. (За то же время призвана в армию из запаса 21 тысяча человек.) Только за последние три года — 1934—1936 [гг.] включительно уволено из армии по разным причинам, преимущественно негодных и политически неблагонадежных, около 22 тысяч человек, из них 5 тысяч человек как явные оппозиционеры.

Причем — я должен об этом сказать, товарищи,— и я, и мои ближайшие помощники проводили эту работу с достаточной осторожностью. Я лично подхожу всегда осторожно при решении вопроса об увольнении человека из рядов армии. Приходится быть внимательным, даже если человек в прошлом был замешан в оппозиции. Я считаю необходимым и правильным — так учит нас тов. Сталин — всегда самым подробнейшим образом разобраться в обстоятельствах дела, всесторонне изучить и проверить человека и только после этого принять то или другое решение.

Частенько бывают у меня разговоры с органами тов. Ежова в отношении отдельных лиц, подлежащих изгнанию из рядов Красной Армии. Иной раз приходится отстаивать отдельных лиц. Правда, сейчас можно попасть в очень неприятную историю: отстаиваешь человека, будучи уверен, что он честный, а потом оказывается, он самый доподлинный враг, фашист. Но,

невзирая на такую опасность, я все-таки эту свою линию, по-моему правильную, сталинскую линию, буду и впредь проводить. Я считаю такое отношение к столь серьезным вопросам наиболее правильным, наиболее партийным. Тов. Молотов в своем докладе об этом говорил совершенно правильно. Нужно изучать людей, нужно знать их душу, их способности, повадки проверять их на деле, на работе, в частной и личной жизни; знать их окружение, среду. Только зная человека по-настоящему, будучи с ним, если можно так выразиться, связан интимно, товарищески, проникая в его душу, в деталях зная его работу, можно более или менее правильно решать, на что способен человек, является ли он тем, за кого его считают. У нас же сплошь и рядом бывает так, что мы верим словам или тех, кто о нем говорит, или тому, что он сам о себе говорит, а лично хорошо не знаем, что он за человек.

Товарищ Сталин неоднократно говорил и часто об этом напоминает, что кадры решают все. Это — глубокая правда. Кадры — все! А кадры Рабоче-Крестьянской Красной Армии, которым тов. Сталин уделяет колоссально много времени и внимания, являются особыми кадрами. Мы должны постоянно и упорно работать над тем, чтобы эти кадры увеличивались численно и улучшались качественно, чтобы непрерывно повышались их специальные знания и их политическая стойкость и ценность.

Армия располагает по штату 206 тыс. человек начальствующего состава, из которых 107 тыс. командиров, а остальные — это политсостав, инженерно-технический, медицинский, ветеринарный, административно-хозяйственный и прочий начальствующий состав. Этот огромный человеческий массив требует к себе очень большого, серьезного и постоянного внимания со стороны руководящих органов армии.

Достаточно ли умело ведем мы нашу работу, чтобы этих командиров и начальников по-настоящему, по-большевистски организовывать, воспитывать, по-большевистски растить, чтобы они были достойными той высокой чести и задачи, которые возлагаются партией, государством, советским народом на Рабоче-Крестьянскую Красную Армию? К сожалению, товарищи, невзирая на все старания, наше руководство могло бы быть лучшим, мы могли бы управлять людьми более умело, чем мы это делали до сих пор.

Как мы готовим наши кадры, как мы с ними работаем? Я об этом обязан вам сказать, чтобы не создалось впечатления, что в Красной Армии так плохо, что нужны какие-нибудь сверхординарные и срочные меры.

В Красной Армии, конечно, есть много недочетов и недостатков, но армия обладает такими кадрами командного и начальствующего состава, которые обеспечивают ей не только нужную боеспособность, но и преданность и верность нашей партии и пролетарскому государству.

Готовим мы наши кадры усиленно и в большом количестве. Армия имеет 12 академий и 1 ветеринарный институт с 11 тысячами слушателей, 75 военных школ, в которых обучается 65 тысяч курсантов и слушателей. За 12 лет школы дали армии 134700 человек командиров и разных начальников — теперешних лейтенантов, воентехников и пр. Академии за тот же период дали армии 13 тысяч командиров, инженеров и других специалистов.

Как видите, Красная Армия укомплектована командным и начальствующим составом неплохо. Но над этим командным составом необходимо работать еще очень много, работать непрерывно, умело и организованно. Мы знаем немало фактов, когда неплохо подготовленные в военном отношении, честные и долгое время находившиеся в армии люди вследствие нашей нерадивости, вследствие того, что мы ими не занимались и упускали их из поля зрения, портились, становились никудышными и даже вредными.

Мы провели вместе со всей партией в 1933—1934 гг. чистку партийного состава Красной Армии. В армии — как многие из секретарей обкомов и нацкомпартий это знают — был, пожалуй, наименьший процент вычищенных...

КОСИОР. Так и должно быть.

ВОРОШИЛОВ. Правильно, потому что страна дает армии лучших людей. Если бы мы имели такие же результаты по чистке парторганизаций РККА, какие имелись в гражданских ячейках, это было бы плохо, потому что мы имеем отборных во всех отношениях людей. Хотя мы и имеем, казалось, незначительный процент вычищенных, все же в абсолютных цифрах вычищено довольно много — 3328 человек, из которых за троцкизм и контрреволюционную агитацию — 555 человек. Из этих 555 человек было уволено сразу же из армии 400 человек.

При обмене партдокументов исключено из партии, как бывших троцкистов и зиновьевцев, 244 человека.

Из числа бывших троцкистов и зиновьевцев и исключенных в разное время из партии оставлено в армии 155 человек. Кроме того, в армии находятся на различных должностях 545 человек бывших участников антипартийных группировок, получивших новые партбилеты.

Всего, таким образом, в армии имеется без партбилетов и с партбилетами бывших троцкистов, зиновьевцев и правых 700 человек.

Этих людей мы знаем, все они находятся под нашим непосредственным наблюдением. Однако последние события показывают, что этот народ нужно взять под еще более тщательный контроль и партийное наблюдение. Очевидно, придется соответствующей работой с этими товарищами добиваться положения, при котором можно будет переводить их из «бывших» уже в настоящих большевиков, чтобы не было сомнений в их партийности и

преданности нашему делу. А с сомнительными нужно будет расстаться.

Наша армия имеет, в общем, замечательный красноармейский состав. Лучших людей нельзя выдумать. Если и наши командные кадры будут так же хороши, крепки, если они будут здоровы, по-настоящему преданы нашей партии и государству, то армия при наличии той прекрасной техники, которой она располагает сейчас, будет безусловно непобедимой. Командные кадры армии — это все.

Что же собой представляют эти командные кадры?

Я уже говорил, что из 206 тысяч начальствующего состава 107 тысяч падает на командиров. 67 проц. командного состава — партийцы и, кроме того, около 8 проц. — комсомольцы.

Из 107 тысяч командиров: бывших рабочих — 50 942 человека, или 47,5 проц.; с законченным военным образованием — 96 390 человек, или 90 проц. всего командного состава.

Военно-технический состав. Здесь мы имеем свыше 60 проц. членов партии, почти 15 проц. комсомольцев. Бывшие рабочие составляют почти 65 проц. всего военно-технического состава. Свыше 90 проц. военно-технического состава имеют законченное специальное образование.

Военно-политического состава в армии 22 тысячи, все 100 проц.— члены партии, 58 проц.— бывшие рабочие, 50 проц. политсостава имеют законченное военное или политическое образование. Тут многое еще не сделано. Признать нормальным положение, когда 50 проц. политсостава не имеют военной или политической подготовки, нельзя, тем более что этим людям приходится вести постоянно ответственную политическую работу среди рядового и начальствующего состава.

Военно-медицинский состав. Здесь картина значительно хуже. Члены партии среди медиков составляют всего лишь 27,2 проц., комсомольцы — 5 проц.; рабочие — около 14 проц., со специальной подготовкой — 91 проц.

Примерно так же обстоит дело и среди военно-ветеринарного состава (члены партии составляют 29 проц., комсомольцы 4 проц., рабочие — 13,5 проц.).

Но хуже всего положение с военно-хозяйственным и административным составом. Военно-хозяйственный и административный персонал составляет значительную долю всего начальствующего состава — почти 26 тысяч человек, а членов партии среди этих 26 тысяч только 9331 человек, или 36 проц., комсомольцев — 3,8 проц. Рабочих среди этой группы начсостава 23 проц., а имеющих военную или специальную подготовку всего лишь 43 проц.

Таким образом, нельзя сказать, что военно-хозяйственный персонал — а от него зависит очень многое в деле ведения военного хозяйства, правильного снабжения и своевременного удовлетворения текущих нужд армии — по своему составу удовлет-

воряет тем требованиям, которые в настоящее время предъявляются к этой группе начсостава. Как вы видите, народ здесь сидит еще не совсем подготовленный и с недостаточной партийной прослойкой.

Я не буду дальше утомлять ваше внимание приведением цифр по ряду других интересных разделов, характеризующих кадры начсостава РККА.

Скажу лишь несколько слов относительно организации воспитательной работы среди начальствующего состава армии.

Наркомат обороны имеет возможность и обязан по-иному вести работу с кадрами, чем какой-либо другой наркомат. Наркомат обороны — особый наркомат.

В то время как большинство наркоматов партийно-политической работы не ведет или почти не ведет, вся эта деятельность распределяется между парторганами, профсоюзами и общественными организациями, в Наркомате обороны положение совершенно другое. В Наркомате обороны под руководством его органов кадры армии помимо своей повседневной работы — командования, обучения войск и прочего — сами непрерывно учатся. Они в обязательном порядке учатся на политзанятиях, в общеобразовательных школах и кружках, в группах по специальным военным и техническим предметам. Так, например, в прошлом и в этом году политзанятия для начсостава проводились три раза в месяц по четыре часа. Для общеобразовательной подготовки (для тех, кто в этой подготовке нуждается) отводилось шесть занятий в месяц по два часа. На изучение иностранных языков для среднего, старшего и высшего состава — шесть занятий в месяц по два часа. Военная подготовка проводилась и проводится пять раз в месяц (35 часов). Это тот обязательный минимум, который неуклонно выполняется во всех военных подразделениях и частях. Эта твердая система занятий дает возможность не только воспитывать, растить людей, кадры, но и систематически наблюдать за их работой, за их ростом, улавливать их настроения и запросы.

На 1 января 1937 года в армии насчитывалось 5475 учебных групп, в которых занималось 102 тысячи человек начальствующего состава. Это примерно половина всего командного и начальствующего состава. Следует, однако, иметь в виду, что высший начсостав в своей подавляющей части ведет самоподготовку в индивидуальном порядке или вовсе освобожден от подготовки, как уже имеющий законченное соответствующее образование. Как видите, охват политической и общеобразовательной учебой начсостава армии значительный. Необходимо, однако, признать, что часть начсостава все же остается вне этого охвата. Нужно еще немало усилий, чтобы все 100 проц. были включены в систему подготовки и переподготовки в целях непрерывного совершенствования и роста политического и начальствующего состава Красной Армии.

Товарищи! Какие выводы необходимо сделать нам, работникам Красной Армии, из всего того, о чем здесь было сообщено в докладах и выступлениях по этим докладам, из всех тех ужасных фактов вредительства, диверсий, шпионажа, двурушничества и обмана партии, государства и народа подлыми предателями?

Мне кажется, что тот же самый вывод, что делают для себя и все другие товарищи. Я думаю, что мы обязаны не только обратить еще большее внимание на политическую, партийную работу среди всего личного состава армии, но и посмотреть глубже, наблюдать изо дня в день за всей деятельностью наших специальных частей: военно-морских, авиационных, танковых, артиллерийских, химических, инженерных, связи, школ и академий.

Враг будет пытаться (если он уже не проник глубоко в недра армии) запустить свои щупальца в Красную Армию, в ее наиболее важные части.

Больше всего нужно бояться, чтобы, разойдясь с этого Пленума ЦК ВКП(б), кое-что, а может быть, и многое сделав в процессе повседневной работы, снова не успокоиться. Это было бы самым непростительным и недопустимым легкомыслием. Вредители и шпионы снова тогда полезут во все щели и наделают нам еще больших бед, чем до сих пор. Нет, впредь мы должны работать по-другому.

Товарищ Сталин постоянно напоминает нам, что классовая борьба не только не окончена, но она принимает еще более острые формы. Не воюя с оружием в руках, мы ведем жестокую борьбу с нашими классовыми врагами, которых у рабочего класса, у нашего государства еще очень и очень много. При этом нужно иметь в виду, что арсенал средств борьбы у наших классовых врагов чрезвычайно велик и разнообразен. При малейшем нашем самоуспокоении, забывчивости и ротозействе враг будет творить нам всякие пакости, не останавливаясь ни перед чем. И это будет происходить до тех пор, покуда «или мы их — или они нас». Конечно, «мы их», как сказал Петька в «Чапаеве». Но пока «мы их» изничтожим, пока рабочий класс железной метлой выметет капиталистическую нечисть на Западе, наши смертельные враги будут использовать всякие малейшие наши промахи, и особенно благодушие, маниловщину и разгильдяйство, чтобы наносить удары по социализму, подрывать наше дело. Наша социалистическая страна не отгорожена непроницаемой перегородкой от остального мира. А весь остальной мир — это мир капитала, мир наших классовых врагов. Оттуда, из «того мира», в нашу страну проникают организаторы диверсий, шпионажа, наемные убийцы. Оттуда фашист Троцкий управляет своей шайкой, разбросанной по советской земле и нами еще не выловленной.

Классовый враг еще до начала открытой войны с нашей социалистической Родиной будет пытаться наносить вред, ослаб-

лять ее силы. Поэтому мы всегда должны чувствовать себя на боевом посту, принимать все меры к тому, чтобы врагу было тесно, если он попадет в ту или иную нашу организацию, чтобы ему было душно, чтобы он обязательно был задушен. Это больше всего и главным образом относится к нам, военным коммунистам, к нам, ответственным работникам армии. Мы не можем, не имеем права быть «шляпами», слюнтяями. Бдительность, аккуратность, четкость и организованность в работе, политическая, большевистская, ленинско-сталинская закалка — вот чем должны обладать обязательно все военные работники, если они не хотят быть ротозеями и посмешищем для врага.

Теперь больше, чем раньше, должно быть уделено внимания воспитанию кадров Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Мы обязаны упорно и умно работать над тем, чтобы возможно большее число беспартийных командиров и начальников сделать подлинными большевиками. Нужна упорная, хорошо продуманная работа над непрерывной политической, классовой, партийной шлифовкой кадров армии. Кадры армии должны быть на все 100 процентов сознательными, большевистски твердыми, сталински верными. Мы, однако, не можем не допускать беспартийных в кадры Красной Армии. Беспартийные есть и будут оставаться в кадрах армии в значительном проценте. Но ни один беспартийный командир не может, не должен быть безразличным к советскому строю, власти, социализму. Мы не можем допустить, чтобы беспартийный начальствующий состав был аполитичен. Впредь мы не допустим, чтобы беспартийный командир был безразличен к тому, что делается вокруг него, чтобы он не знал, не интересовался нашей партией, ее задачами и стремлениями, чтобы он не являлся активным участником социалистического строительства. Если будут появляться беспартийные с маской аполитичности, безразличия, стало быть, это полувраги или агенты врага. Таких беспартийных мы терпеть у себя не будем, не должны их терпеть. И разумеется, тем более мы не можем допустить, чтобы наши партийные командиры и красноармейцы (последних, к сожалению, сейчас у нас пока мало из-за прекращения приема в партию) были неполноценными, ненастоящими во всех отношениях партийцами-большевиками. Все члены партии, работающие в армии, независимо от занимаемых постов должны непрерывно учиться марксизму-ленинизму, должны быть полностью вооружены необходимыми знаниями, обязаны быть образцовыми партийцами, ленинцами, сталинцами.

Красная Армия и теперь занимается не только военной учебой. Она ведет большую работу по политическому воспитанию командных и рядовых кадров. Мы и впредь обязаны еще усиленнее и более продуманно, тов. Уборевич,— это вы должны все запомнить,— работать по воспитанию бойцов и командиров в марксистско-ленинско-сталинском духе, добиваться, чтобы красные бойцы и командиры были действительно знающими, стопро-

центными большевиками. Это основной и главный залог, первое условие, могущее гарантировать нас от проникновения врагов в ряды нашей армии.

Мы обязаны далее добиться, чтобы связь между различными группами начальствующего состава, между старшими и младшими, связь начсостава с красноармейской массой была еще более крепкой, деловой, товарищеской, большевистской связью, а не формальной или панибратской, что, к сожалению, часто теперь наблюдается.

Часто наши командиры и начальники, партийные и беспартийные, отрываются от красноармейцев, не знают доподлинно повседневной жизни бойцов, не интересуются как следует их настроениями, запросами, нуждами. Отсюда, как следствие, недовольство красноармейцев. Враг этим пользуется, не может не воспользоваться. Он прекрасно понимает, что из недовольных легко создать врагов советской власти.

У нас были случаи, когда красноармейцы вредили, ломали механизмы, портили самолеты, делали иные пакости в своей части. Были случаи поджога ангаров с самолетами. Правда, эти красноармейцы оказались детьми кулаков, попов, урядников. Но дело, понятно, не в этом. Дело в нашей плохой работе с красноармейцами, в незнании личного состава командирами и политработниками, в плохой работе политорганов войсковых частей армии. Нашим политорганам и политработникам нужно сильно подтянуться, резко улучшить свою политработу, крепче связаться с красноармейской массой и комсоставом, усилить работу с беспартийными кадрами, непрерывно изучать людей и знать их полностью.

Товарищи! Красная Армия оказалась, к сожалению, тоже задетой подлой контрреволюционной мерзостью. Я и мои ближайшие помощники несем всю ответственность за это, тем паче, что все эти Примаковы, Путны, Зюки и Шмидты нам были очень хорошо известны. Правда, никто из нас не может вспомнить ни одного случая, когда эти господа проявили бы себя антисоветски или хотя бы подозрительно. Наоборот, эти люди, ведя подпольную, подрывную работу на поражение в предстоящей войне, как теперь выяснилось, в армии для виду вели себя неплохо. И Примаков, и Путна, и Туровский, и даже Шмидт — все они своей работой не вызывали ни у кого сомнения.

В чем же дело? А дело в том, товарищи, что система нашего управления и наблюдения за этими людьми оказалась негодной. Мы должны были за ними смотреть по-другому, знать о них больше, чем мы знали, видеть их лучше, чем мы видели. Стало быть, метод, с помощью которого мы изучали людей, измеряли их политическую температуру, этот метод оказался негодным, порочным, провалившимся. Нужны другие меры, иной подход, новый метод управления и руководства людьми вообще, такого рода людьми в особенности.

Какие же это меры? Что необходимо предпринять, чтобы окончательно ликвидировать последствия болезнетворного нарыва на здоровом, безусловно здоровом, прекрасном теле Рабоче-Крестьянской Красной Армии?

Как я уже сказал, надо максимально повысить качество политической, партийно-воспитательной работы среди всех групп начсостава и красноармейских масс.

Необходимо добиться более дружной и согласованной работы командования, политорганов, особых отделов и партийных организаций.

Надо систематически проверять, контролировать работу, изучать людей на деле и исправлять их ошибки, воспитывая чувство нетерпимости к очковтирательству, подхалимству, зазнайству, успокоенности и всяким прочим безобразиям и недочетам, безжалостно борясь с этими явлениями, невзирая на ранг и положение руководителей.

Необходима, наконец, еще более тесная связь начсостава между собой, связь больших и малых начальников с массами, с отдельными людьми, с которыми надлежит быть связанным; необходимо подлинное знание окружающей среды, людей, их чаяний, запросов и настроений.

Все это и ряд других мероприятий, направленных к усилению ленинско-сталинской бдительности и руководства, избавит Красную Армию от зловредных, мерзких элементов, которые, несомненно, еще имеются в ее рядах, и гарантирует нас в будущем от проникновения в ряды начсостава двурушников, изменников и предателей из подлого лагеря троцкистов, зиновьевцев и правых.

Товарищу ХРУЩЕВУ Н. С.

Посылаю Вам справку о проверке обвинений, предъявленных в 1937 году судебными и партийными органами тт. Тухачевскому М. Н., Якиру И. Э., Уборевичу И. П. и другим военным деятелям в измене Родине, терроре и военном заговоре.

Материалы о причинах и условиях возникновения дела на т. Тухачевского М. Н. и других видных военных деятелей изучены Комиссией, созданной Президиумом ЦК КПСС решениями от 5 января 1961 года и от 6 мая 1961 года.

Н. Шверник

26-VI-1964 г.

СПРАВКА

О ПРОВЕРКЕ ОБВИНЕНИЙ, ПРЕДЪЯВЛЕННЫХ В 1937 ГОДУ СУДЕБНЫМИ И ПАРТИЙНЫМИ ОРГАНАМИ тт. ТУХАЧЕВСКОМУ, ЯКИРУ, УБОРЕВИЧУ И ДРУГИМ ВОЕННЫМ ДЕЯТЕЛЯМ, В ИЗМЕНЕ РОДИНЕ, ТЕРРОРЕ И ВОЕННОМ ЗАГОВОРЕ.

11 июня 1937 года Специальным судебным присутствием Верховного суда СССР были осуждены по обвинению в измене Родине (ст. 58-1 «б» УК РСФСР), терроре (ст. 58-8), военном заговоре (ст. 58-11) к расстрелу следующие видные деятели Красной Армии:

1. Маршал Советского Союза ТУХАЧЕВСКИЙ Михаил Николаевич, 1893 г. рождения, член ВКП(б) с 1918 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б), член ЦИК СССР, заместитель наркома обороны СССР;
2. Командарм 1 ранга ЯКИР Иона Эммануилович, 1896 г. рождения, член ВКП(б) с 1917 г., член ЦК ВКП(б) и ЦИК СССР, командующий войсками Киевского военного округа;
3. Командарм 1 ранга УБОРЕВИЧ Иероним Петрович, 1896 г. рождения, член ВКП(б) с 1917 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б), член ЦИК СССР, командующий войсками Белорусского военного округа;
4. Командарм 2 ранга КОРК Август Иванович, 1888 г. рождения*, член ВКП(б) с 1927 г., член ЦИК СССР, начальник Военной академии им. М. В. Фрунзе;
5. Комкор ЭЙДЕМАН Роберт Петрович, 1895 г. рождения, член ВКП(б) с 1917 г., председатель Центрального Совета Осоавиахима СССР;
6. Комкор ФЕЛЬДМАН Борис Миронович, 1890 г. рождения, член ВКП(б) с 1919 г., бывший начальник Управления по начсоставу НКО СССР;
7. Комкор ПРИМАКОВ Виталий Маркович, 1897 г. рождения, член ВКП(б) с 1914 г., заместитель командующего войсками Ленинградского военного округа;
8. Комкор ПУТНА Витовт Казимирович, 1893 г. рождения, член ВКП(б) с 1917 г., военный атташе СССР в Великобритании.

---

* Так в документе. А. И. Корк родился в 1887 г.

В 1956 г. Главная военная прокуратура и Комитет госбезопасности при Совете Министров СССР проверили уголовное дело Тухачевского и других вместе с ним осужденных лиц и установили, что обвинение против них было сфальсифицировано. Военная коллегия Верховного суда СССР, рассмотрев 31 января 1957 года заключение Генерального прокурора СССР, определила: приговор Специального судебного присутствия Верхсуда СССР от 11 июня 1937 г. в отношении Тухачевского, Якира, Уборевича, Корка, Эйдемана, Примакова, Путны и Фельдмана отменить и дело за отсутствием в их действиях состава преступления производством прекратить.

В том же 1957 г. Комитетом Партийного Контроля при ЦК КПСС все эти лица были реабилитированы и в партийном отношении.

Еще раньше — в 1955 г. решением КПК при ЦК КПСС был полностью реабилитирован в партийном отношении бывший член ЦК ВКП(б), начальник Политуправления Красной Армии Гамарник Ян Борисович, против которого необоснованно в 1937 г. были выдвинуты обвинения как на одного из руководителей военного заговора и члена его «центра».

Однако и после проверки 1956—1957 гг. остались невыясненными многие вопросы: о причинах и условиях возникновения этого дела, об отношении Сталина к руководящим военным деятелям, о незаконных массовых репрессиях военных кадров и других последствиях культа личности в военном деле и в военно-исторической науке.

В соответствии с постановлением Президиума ЦК КПСС от 5 января 1961 г. (П.313/XXIII) нами рассмотрены материалы следствия и судебного процесса по делу о так называемом военном заговоре, документы, хранящиеся в архивах Секретариата и Президиума ЦК КПСС, архива Парткомиссии при ЦК КПСС, партийных, советских и военных архивах, оперативные материалы органов НКВД—КГБ при Совете Министров СССР, Министерства обороны и Генерального штаба, Министерства иностранных дел СССР и отдельные иностранные источники, относящиеся к этому вопросу, а также объяснения, полученные от ряда военных работников, бывших сотрудников органов НКВД, суда и прокуратуры, и от других лиц, имеющих отношение к делу.

Результаты изучения указанных выше материалов изложены в настоящей записке.

I. ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ОБВИНЕНИЙ ПРОТИВ ТУХАЧЕВСКОГО, ЯКИРА, УБОРЕВИЧА И ДРУГИХ ВОЕННЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ ПЕРЕД ИХ АРЕСТОМ

Дело о так называемом военно-фашистском заговоре в Красной Армии возникло вскоре после февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП(б) 1937 года, на котором обсуждались вопросы, связанные с разгромом троцкистов, зиновьевцев и правых. С до-

кладами на этом Пленуме ЦК ВКП(б) выступили Сталин, Молотов, Каганович и Ежов.

По вопросу о положении с кадрами в армии на Пленуме выступили Ворошилов и Гамарник. По их оценке политико-моральное состояние личного состава армии не вызывало тревоги. По словам Ворошилова, армия систематически очищала свои ряды от негодных элементов и за 12—13 лет, прошедшие после изгнания Троцкого из армии, из ее состава было вычищено около 47 тысяч человек, из них 5 тысяч оппозиционеров.

...«К настоящему моменту,— заявил Ворошилов,— армия представляет собой боеспособную, верную партии и государству вооруженную силу... отбор в армии исключительный. Нам страна дает самых лучших людей».

Однако Молотов дал совсем иную оценку положения с армейскими кадрами:

...«Военное ведомство,— заявил он,— очень большое дело, проверяться его работа будет не сейчас, а несколько позже и проверяться будет очень крепко... Если у нас во всех отраслях хозяйства есть вредители, можем ли мы себе представить, что только там нет вредителей? Это было бы нелепо, это было бы благодушием... У нас было вначале предположение по военному ведомству здесь особый доклад заслушать, потом мы отказались от этого. Мы имели в виду важность дела».

Репрессии против многих партийных и советских работников начались еще до февральско-мартовского Пленума ЦК, но после Пленума они получили невиданный размах. Выступления на Пленуме ЦК Сталина, Молотова, Кагановича и Ежова накалили обстановку в стране, прямо ориентировали партийные и административные органы на выискивание в партийных организациях, советских учреждениях так называемых врагов народа. В результате большое распространение получили фальсификация обвинений, ложные доносы, оговоры. Любые прошлые ошибки членов партии, попытки высказать критические замечания в адрес Сталина или некоторых других руководителей ЦК расценивались как антипартийные, антисоветские действия со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Репрессии, развернувшиеся в стране после Пленума ЦК, широко коснулись и армии. Требования Сталина и Молотова о «проверке» военного ведомства были восприняты руководством Наркомата обороны и НКВД как прямые директивы по чистке армии, по ликвидации «врагов народа», якобы проводивших в рядах Красной Армии вражескую работу.

События, приведшие после Пленума ЦК к возникновению дела о так называемом военно-фашистском заговоре, развернулись следующим образом.

В апреле 1937 года Политбюро ЦК приняло решение об отмене поездки Тухачевского в Лондон на коронацию английского короля Георга VI. Это решение основывалось на спецсообщении Ежова от 21 апреля 1937 г. Сталину, Молотову и Ворошилову. Вот текст этого сообщения:

«Нами сегодня получены данные от зарубежного источника, заслуживающего полного доверия, о том, что во время поездки тов. Тухачевского на коронационные торжества в Лондон над ним по заданию германских разведывательных органов предполагается совершить террористический акт. Для подготовки террористического акта создана группа из 4 чел. (3 немцев и 1 поляка). Источник не исключает, что террористический акт готовится с намерением вызвать международное осложнение. Ввиду того, что мы лишены возможности обеспечить в пути следования и в Лондоне охрану тов. Тухачевского, гарантирующую полную его безопасность, считаю целесообразным поездку тов. Тухачевского в Лондон отменить. Прошу обсудить».

Никаких материалов о подготовке подобного террористического акта над Тухачевским в КГБ СССР не имеется и, таким образом, это спецсообщение является сфальсифицированным.

На спецсообщении Сталин написал:

«Членам ПБ. Как это ни печально, приходится согласиться с предложением т. Ежова. Нужно предложить т. Ворошилову представить другую кандидатуру. И. Сталин».

На «спецсообщении» НКВД имеется надпись Ворошилова: «Показать М. Н. 23.IV.37 г. КВ». На этом же экземпляре сообщения расписался М. Н. Тухачевский, подтвердив этим, что он ознакомился с документом 22 апреля 1937 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление:

«1. Ввиду сообщения НКВД о том, что т. Тухачевскому во время поездки на коронационные праздники в Лондоне угрожает серьезная опасность со стороны немецко-польской террористической группы, имеющей задание об убийстве т. Тухачевского, признать целесообразным отмену решения ЦК о поездке т. Тухачевского в Лондон. 2. Принять предложение НК Обороны о посылке т. Орлова на коронационные праздники в Лондоне в качестве представителя СССР по военной линии».

Проявив «заботу» о безопасности Тухачевского, органы НКВД под руководством и при прямом участии Ежова в это же время начали активно собирать от арестованных различные провокационные показания против Тухачевского и других военачальников. Так, 22—25 апреля 1937 г. были получены от быв. начальника Особого отдела НКВД СССР Гая и бывшего заместителя наркома внутренних дел СССР Прокофьева, к этому времени арестованных, ложные показания о преступных связях Тухачевского, Уборевича, Корка, Шапошникова, Эйдемана и других с Ягодой.

Однако попытка получить тогда же показания на военных у арестованного Ягоды успеха не имела. На допросе 26 апреля 1937 г. Ягода показал:

«Личных связей в буквальном смысле слова среди военных у меня не было. Были официальные знакомства. Никого из них я вербовать не пытался».

Работниками НКВД были приняты решительные меры к получению показаний на Тухачевского также и от арестованного зам. начальника отдела НКВД СССР Воловича. Допросу Воловича придавалось большое значение. Это видно, например, из записи, сделанной Ежовым в личной записной книжке, в которую

он вносил, судя по характеру отдельных записей, указания, полученные им от Сталина. В одной из таких книжек имеется запись: «Воловича особ. допрос».

27 апреля 1937 г. работникам НКВД от Воловича удалось получить показания на Тухачевского как на участника заговора, обеспечивающего поддержку этого заговора воинскими частями.

Из материалов дела на Гая, Прокофьева и Воловича видно, что их показания носили общий, неконкретный характер, были противоречивы. К тому же эти показания были добыты незаконным путем, с помощью обмана, провокаций и насилия. В суде эти показания проверены не были, так как Прокофьев, Гай и Волович были расстреляны в 1937 г. без суда, «в особом порядке».

Разоблачая незаконные методы получения показаний от Гая и Прокофьева, заместитель начальника 2 отдела НКВД СССР Залпетер, находясь под арестом, писал 10 февраля 1939 года:

> «Быв. нач. 2 отдела Николаев поручил Жупахину... допросить Прокофьева, он по поручению Николаева без допроса Прокофьева... составил по существу сам показания Прокофьева... В моем присутствии Жупахин принес «эти показания» Николаеву в его кабинет, сказав: «посмотрите как получилось»... Николаев исправлял «показания» Прокофьева, придавая им «более» жизненный характер...
>
> При наущивании мною и Николаевым «непризнавшегося» еще Гая к даче первоначальных показаний Николаев в моем присутствии ему заявил: «Вам надо сделать, как поступил Прокофьев — зашел к нему на допрос Ежов и заявил: «Надо дать показания», на что Прокофьев ему ответил, вытянувшись перед Ежовым по-военному: «Так точно»,— и тут же начал давать показания...».
>
> «...В один из выходных дней после допроса в Лефортовской тюрьме некоторых обвиняемых... Николаев, сказав: «Что еще делать, давайте набьем Гаю морду»,— *поручил вызвать на допрос Гая и после вызова Гая Евгеньев*, не дав ему ответить по существу заданного ему вопроса... ударил его...».
>
> «При допросах Гая по делу ягодовского заговора я допрашивал Гая, иногда совместно с Николаевым, относясь в основном к делу Ягоды, как сталинскому «соцзаказу», так я понял Ежова на первом оперсовещании, на котором он инструктировал следователей... Гай начал давать показания по шпионской работе после того, когда Ежов обещал ему сохранить жизнь, заявив: «Пощажу».

Как видно из показаний Залпетера, данных им в 1939 г., он еще до ареста высказывал свое мнение о причинах создания провокационных дел органами НКВД:

> «Массовые репрессии ответственных руководителей наркоматов (в том числе наркомов) объясняются тем,— писал он,— что Сталин диктаторскими методами управляет страной, решает все единолично, не терпит возражений, не считается с мнением других и подводит под массовые операции из этих лиц тех, кто противоречит (критикует) его. Эти люди вовсе не являются контрреволюционерами. В этом отношении дана правильная характеристика Сталину в троцкистском документе, так называемом «Завещании Ленина», о его нетерпимости к инакомыслящим... Как это получается, что ответственные партийцы, будучи арестованными без вины, в конечном итоге оговаривают сами себя и других, давая липовые показания. Я объяснял это... так, что по существу судьба их предрешается еще до ареста их в ЦК, что, понимая это и считая положение их безнадежно... (раз политически

погиб, какое значение имеет для таких людей физическая жизнь), что создается абсолютная изоляция их (все зависит от следователя), и в основном применяются физические методы допроса. В таком положении эти люди дают на себя любые показания и при заявлении следователей, что их одноделыцы сознались — записывают последних в своих показаниях».

О допросе Воловича рассказывает бывший работник НКВД СССР Суровицких, который лично допрашивал Воловича в апреле-мае 1937 года.

В своих объяснениях в КПК при ЦК КПСС от 20 декабря 1961 г. Суровицких (член КПСС с 1929 г.) сообщил:

«Все, что творилось в органах НКВД в то время, было от начала до конца продуманной и подготовленной провокацией... Поведение Воловича на следствии свидетельствовало о том, что он был подготовлен к даче нужных показаний... Воловича допрашивал Ежов... абсолютное большинство фамилий подсказывались Воловичу Ярцевым или мною по его указанию... «Логичность» показаний арестованных также диктовалась следствием. Так было и с показаниями Воловича на Тухачевского, как на участника заговора, подготавливавшего войска к военному захвату власти заговорщиками... Я и Ярцев «получили» от Воловича развернутые показания на Тухачевского как участника заговора, готовившего армию для обеспечения военного переворота, т. е. добились подтверждения о наличии воинской силы и закрепили нужную Ежову «солидность и серьезность» заговора».

Несмотря на то что никаких достоверных доказательств о наличии заговорщиков среди руководящих военных кадров не было, Сталин на обеде у Ворошилова, состоявшемся после первомайского парада 1937 г., в присутствии многих военных руководителей открыто высказал свои угрозы в адрес врагов, имевшихся якобы среди военных. Об этом заявлении Сталина напомнил 27 сентября 1937 г. бывший начальник разведуправления РККА комкор Урицкий в письме к Ворошилову:

«...1 мая 1937 г. — писал Урицкий, — после парада у Вас на квартире вождь сказал, что враги будут разоблачены, партия их сотрет в порошок, и поднял тост за тех, кто, оставаясь верным, достойно займет свое место за славным столом в Октябрьскую годовщину».

Реализуя установки Сталина и Молотова о разоблачении врагов в армейской среде, Ежов возлагал большие надежды на получение показаний о преступной деятельности Тухачевского, Якира и других от примыкавших в прошлом к троцкистам и арестованных еще в августе 1936 года комкоров Примакова и Путны, а также от исключенного в 1934 году из партии за разбазаривание государственных средств бывшего начальника Управления ПВО РККА комкора Медведева. В одной записной книжке Ежова имеется такая запись: «1. Напасть: на Примакова по Якиру. 2. Медведева Якиру».

Арестованный 6 мая 1937 года Медведев на допросах признал себя участником военно-троцкистской организации, ставившей целью совершение военного переворота в стране. 10 мая 1937 г. он подписал протокол допроса, в котором сообщалось, что от комкоров Василенко и Смолина ему было известно о Тухачев-

ском, Якире, Путне, Туровском и Примакове как о руководителях военно-троцкистской организации.

Арестованные Василенко и Смолин, несмотря на избиение их, показаний Медведева не подтвердили. Сам же Медведев дал такие показания в результате применения к нему мер физического воздействия (на суде он от своих прежних показаний отказался).

Принимавший участие в допросах Медведева заместитель начальника Управления НКВД Московской области Радзивиловский, будучи арестованным, на допросе 16 апреля 1939 г. по поводу проводимой Ежовым деятельности по созданию дела о военном заговоре в РККА показал:

«Поручение, данное мне Ежовым, сводилось к тому, чтобы немедля приступить к допросу арестованного Медведева, быв. нач. ПВО РККА, и добиться от него показаний с самым широким кругом участников о существовании военного заговора в РККА. При этом Ежов дал мне прямое указание применить к Медведеву методы физического воздействия, не стесняясь в их выборе. Ежов подчеркнул особо, что в процессе допроса Медведева я должен добиться, чтобы он назвал возможно большее количество руководящих военных работников. Приступив к допросу Медведева, я из его показаний установил, что он свыше трех-четырех лет до ареста, как уволен из РККА и являлся перед арестом зам. начальника строительства какой-то больницы. Медведев отрицал какую бы то ни было антисоветскую работу и вообще связи с военными кругами в РККА, ссылаясь на то, что после демобилизации он этих связей больше не поддерживал. Однако, выполняя указания Ежова и Фриновского, я добился от него показаний о существовании военного заговора, о его активном участии в нем и в ходе последующих допросов, в особенности после избиения его Фриновским в присутствии Ежова, Медведев назвал значительное количество крупных руководящих военных работников. По ходу дела я видел и знал, что связи, которые называл Медведев, были им вымышлены и он все время заявлял мне, а затем Ежову и Фриновскому о том, что его показания ложны и не соответствуют действительности. Однако, несмотря на это, Ежов этот протокол доложил в ЦК... Медведев был арестован по распоряжению Ежова... с расчетом начать от него раздувание дела о военном заговоре в РККА».

Бывший оперуполномоченный Особого отдела соединений ПВО в Москве Салов Н. А. (член КПСС с 1931 г.) показал, что он видел, как в Лефортовской тюрьме следователь Рейтер избивал резиновым шлангом арестованного Медведева.

Арестованный 14 августа 1936 г. комкор Примаков содержался в Лефортовской тюрьме в Москве и на протяжении 9 месяцев ни в чем не признавал себя виновным. В архиве Сталина сохранилось несколько заявлений Примакова, в которых он протестовал против его незаконного ареста. Однако, не выдержав тяжелых испытаний, Примаков 8 мая 1937 г. написал в Лефортовской тюрьме следующее заявление на имя Ежова:

«В течение девяти месяцев я запирался перед следствием по делу о троцкистской контрреволюционной организации и в этом запирательстве дошел до такой наглости, что даже на Политбюро перед т. Сталиным продолжал запираться и всячески уменьшать свою вину. Тов. Сталин правильно сказал, что «Примаков — трус, запираться в таком деле — это трусость». Действительно, с моей стороны это была трусость и ложный стыд за обман. Настоящим заявляю, что, вернувшись из Японии в 1930 г., я

связался с Дрейцером и Шмидтом, а через Дрейцера и Путну с Мрачковским и начал троцкистскую работу, о которой дам следствию полное показание».

Уступая домогательствам следствия и пожеланиям Сталина, Примаков стал на путь обмана и самооговора. Уже на допросе 14 мая 1937 г. Примаков, называя своих «соучастников», сообщал о Якире:

«Троцкистская организация считала, что Якир наиболее подходит на пост Народного комиссара вместо Ворошилова... Считали, что Якир является строжайшим образом законспирированным троцкистом и допускали, что он — Якир лично связан с Троцким и возможно он выполняет совершенно секретные нам неизвестные самостоятельные задачи».

В тот же день протокол допроса Примакова был послан Ежовым Сталину, Молотову, Ворошилову и Кагановичу. В сопроводительном письме Ежов писал:

«Направляю первый протокол допроса Примакова от 14 мая с. г. Сообщаю: Гаркавый, Василенко, Туровский, Зюк, Гаврюшенко, Вележев, Савицкий, Смолин, Лапин и Ольшанский — арестованы. Прошу санкционировать арест: 1) Чаньшева (командир 1-й Татарской дивизии); 2) Кошелева (начальник штаба 13- корпуса); 3) Кельбейна (командир 75 дивизии); 4) Казанского (бывший командир 5 стрелкового корпуса); 5) Бутырского (бывший начальник штаба КВО); 6) Клышейко (командир авиабригады); 7) Клочко (бывший военный атташе в Турции); 8) Зенека (начальник Ленинградской школы танковых техников)».

Продолжая «обработку» Примакова, органы НКВД 21 мая 1937 года сумели от него получить «собственноручные показания» о том, что во главе заговора стоял Тухачевский, который был связан с Троцким. Кроме того, на этом допросе Примаков назвал 40 видных военных работников участниками военно-троцкистского заговора в армии.

Мучительному ночному допросу был подвергнут и арестованный комкор Путна. 14 мая 1937 г. он был переведен из тюремной больницы Бутырской тюрьмы в Лефортовскую тюрьму, где его допрашивали в течение всей ночи. В результате Путна дал показания на Тухачевского и на 9 других видных военных работников как на участников военной антисоветской троцкистской организации.

16 мая 1937 г. Ежов направил этот протокол допроса Сталину, Молотову, Ворошилову и Кагановичу. В сопроводительном письме Ежов написал:

«Направляю протокол допроса Путны В. К. от 15 мая с. г. Путна показывает, что в 1935 г. он вручил лично Тухачевскому письмо от Троцкого с прямым предложением принять участие в троцкистском заговоре. Тухачевский после ознакомления с этим письмом поручил Путне передать, что Троцкий может на него рассчитывать. Путна называет как участников военной антисоветской троцкистской организации Примакова, Кузьмичева, Шмидта, Лапина — арестованы; Зенека — бывшего начальника Ленинградской военной школы танковых техников; Клочко — бывшего военного атташе СССР в Турции; Городзенского — бывшего начальника хоз. снабжения Приморской группы; Корнеля — бывшего работника ИНО ОГПУ и Адамовича — бывшего председателя СНК БССР».

О том, что Примаков и Путна на допросах подвергались физическому воздействию, показал на допросе 3 июня 1955 г. бывший сотрудник Особого отдела НКВД СССР, член КПСС Бударев:

«Зам. начальника отдела Карелин и нач. отд. Авсеевич давали мне и другим работникам указания сидеть вместе с Примаковым и тогда, когда он еще не давал показаний. Делалось это для того, чтобы не давать ему спать, понудить его дать показания о своем участии в троцкистской организации. В это время ему разрешали в день спать только 2—3 часа в кабинете, где его должны были допрашивать и туда же ему приносили пищу. Таким образом, его не оставляли одного... В период расследования дел Примакова и Путны было известно, что оба эти лица дали показания об участии в заговоре после избиения их в Лефортовской тюрьме».

Бывший заместитель министра госбезопасности СССР, член КПСС с 1932 г. Селивановский 10 декабря 1962 г. сообщил в ЦК КПСС:

«В апреле 1937 года дела Путны и Примакова были переданы Авсеевичу. Зверскими, жестокими методами допроса Авсеевич принудил Примакова и Путну дать показания на Тухачевского, Якира и Фельдмана. Эти показания Путны и Примакова послужили основанием для ареста в мае 1937 г. Тухачевского, Якира, Фельдмана и др. крупных военных работников. Работа Авсеевича руководством Особого отдела ставилась в пример другим следователям. Авсеевич после этого стал эталоном в работе с арестованными. Так появился заговор в Советской Армии. После этого по указанию Сталина и Ежова начались массовые аресты крупных военных работников, членов ЦК КПСС, видных партийных и государственных деятелей».

Производивший допросы Примакова и Путны бывший работник НКВД СССР Авсеевич в своем объяснении в ЦК КПСС сообщил:

«...мне, как и многим другим сотрудникам, пришлось работать в Особом отделе НКВД в 1937—1938 гг., т. е. в период массовых арестов военных работников, и принимать участие в допросах, а также избиении арестованных... На допросе вопросы и ответы формулировал Леплевский (начальник Особого отдела НКВД СССР — примеч. наше), причем фамилии в протокол заносились те, что называл Примаков, но значение разговоров и встреч, о которых говорил Примаков, в формулировках усиливалось и возводилось в степень заговорщической деятельности.

Таким образом были сфабрикованы показания Примакова на большую группу крупных военных работников».

«Арестованные Примаков и Путна морально были сломлены... длительным содержанием в одиночных камерах, скудное тюремное питание... вместо своей одежды они были одеты в поношенное хлопчатобумажное красноармейское обмундирование, вместо сапог обуты были в лапти, длительное время их не стригли и не брили, перевод... в Лефортовскую тюрьму и, наконец, вызовы к Ежову их сломили и они начали давать показания».

В середине мая 1937 г. были проведены новые аресты видных военных работников. Среди арестованных оказались начальник Военной академии им. Фрунзе командарм 2 ранга Корк и назначенный заместителем командующего войсками Московского военного округа комкор Фельдман.

На первых допросах Корк, арестованный в ночь на 14 мая 1937 года, свое участие в антисоветской деятельности отрицал.

Однако 16 мая его сопротивление было сломлено и Корк подписал на имя Ежова два заявления. Корк сообщал, что в организацию правых он был вовлечен Енукидзе, а военная организация правых включала и троцкистскую военную группу Путны, Примакова и Туровского. С военной организацией правых был связан и Тухачевский. Далее Корк писал, что основная задача группы состояла в проведении военного переворота в Кремле. Возглавлял военную организацию правых штаб переворота в составе его — Корка, Тухачевского и Путны.

Комкор Фельдман был арестован 15 мая 1937 г. В своем заявлении он просил ознакомить его с имеющимися у следствия материалами и выразил готовность в соответствии с этими материалами давать показания. Он писал следователю Ушакову:

«Вы и н-к особого отдела т. Леплевский, который также беседовал со мною, предъявили обвинение в участии в военно-троцкистской антисоветской организации и предлагаете встать на путь чистосердечного раскаяния. Прошу ознакомить меня с фактами, изобличающими меня в участии в вышеназванной организации. После этого мне легче будет разобраться в этом вопросе».

Показания о военном заговоре, которые Фельдман стал давать, были крайне противоречивы. Так, на допросе 16 мая 1937 года он показал, что в военно-троцкистскую организацию его вовлек в 1934 году Примаков. Через три дня Фельдман, изменив свои показания, утверждал, что военно-троцкистская организация возглавлялась Тухачевским, который и вовлек в нее Фельдмана в начале 1932 г.

Представляя Сталину, Молотову, Ворошилову и Кагановичу этот протокол допроса, Ежов 20 мая 1937 г. писал:

«Направляю Вам протокол допроса Фельдмана Б. М., бывшего начальника Управления по начсоставу РККА, от 19 мая с. г.

Фельдман показал, что он является участником военно-троцкистского заговора и был завербован Тухачевским М. Н. в начале 1932 года. Названные Фельдманом участники заговора: начальник штаба Закавказского военного округа Савицкий, заместитель командующего ПриВО Кутяков, быв. начальник школы ВЦИК Егоров, начальник инженерной академии РККА Смолин, быв. пом. нач. инженерного управления Максимов и быв. зам. нач. автобронетанкового управления Ольшанский — арестованы. Прошу обсудить вопрос об аресте остальных участников заговора, названных Фельдманом».

В число «остальных участников заговора», еще не арестованных к тому времени, входили Тухачевский, Якир, Эйдеман и другие командиры. Аресты их были проведены в двадцатых числах мая 1937 года. В протоколах допросов Фельдмана от 19, 21 и 23 мая 1937 г. участниками военно-троцкистской организации называются более 40 командиров и политработников армии.

Следователь Ушаков (Ушамирский), зарекомендовавший себя большим мастером шантажа и провокаций, сумел установить с Фельдманом доверительные отношения, создал ему облегченный режим содержания в тюрьме, склонил Фельдмана к даче ложных показаний.

В этом отношении представляет интерес следующая записка Фельдмана:

«Помощнику начальника 5 отдела ГУГБ НКВД Союза ССР тов. Ушакову. Зиновий Маркович! Начало и концовку заявления я написал по собственному усмотрению. Уверен, что Вы меня вызовите к себе и лично укажете, переписать недолго... Благодарю за Ваше внимание и заботливость — я получил 29-го печенье, яблоки, папиросы и сегодня папиросы, откуда, от кого, не говорят, но я-то знаю, от кого. Фельдман. 31.V.37 г.».

В заявлении, о котором упоминал Фельдман в своей записке, он вновь подтверждает свою готовность в угоду следствию дать любые показания:

«Прошу Вас, т. Ушаков, вызвать меня лично к Вам. Я хочу через Вас или т. Леплевского передать Народному Комиссару Внутренних дел Союза ССР тов. Ежову, что я готов, если это нужно для Красной Армии, выступить перед кем угодно и где угодно и рассказать все, что знаю о военном заговоре. И это чистилище (как Вы назвали чистилищем мою очную ставку с Тухачевским) я готов пройти. Показать всем вам, которые протягивают мне руку помощи, чтобы вытянуть меня из грязного омута, что Вы не ошиблись, определив на первом же допросе, что Фельдман не закоренелый, неисправимый враг, а человек, над коим стоит поработать, потрудиться, чтобы он раскаялся и помог следствию ударить по заговору. Последнее мое обращение прошу передать и тов. Ворошилову. Б. Фельдман. 31.V.1937 г.».

В 1938 году следователь Ушаков сам был арестован. В собственноручных показаниях о допросах Фельдмана он 11—12 октября 1938 года написал:

«На Фельдмана было лишь одно косвенное показание некоего Медведева... В первый день допроса Фельдмана... он написал заявление об участии своем в военно-троцкистской организации, в которую его завербовал Примаков... Придерживаясь принципа тщательного изучения личного дела и связей арестованных, я достал из штаба дело Фельдмана и начал изучать его. В результате я пришел к выводу, что Фельдман связан интимной дружбой с Тухачевским, Якиром и рядом др. крупных командиров и имеет семью в Америке, с которой поддерживает связь. Я понял, что Фельдман связан по заговору с Тухачевским, и вызвал его 19.V. рано утром для допроса. Но в это время меня вызвали к Леплевскому на оперативное совещание, на котором присутствовало около 30 сотрудников, участвующих в следствии. Мне дали слово о результатах допроса Фельдмана, примерно, десятым по очереди. Рассказав о показании Фельдмана, я перешел к своему анализу и начал ориентировать следователей на уклон в допросах с целью вскрытия несомненно существующего в РККА военного заговора... Как только окончилось совещание, я... вызвал Фельдмана. К вечеру 19 мая было написано Фельдманом на мое имя известное показание о военном заговоре с участием Тухачевского, Якира, Эйдемана и др., на основании которого состоялось 21 или 22 мая решение ЦК ВКП(б) об аресте Тухачевского и ряда др.».

Аресту Тухачевского и Якира предшествовали «оргмероприятия» по линии Наркомата обороны.

9 мая 1937 г. Ворошилов обратился в Политбюро ЦК ВКП(б) с письмом об утверждении новых назначений. 10 мая 1937 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение:

«Утвердить: 1. Первым заместителем народного комиссара обороны — Маршала Советского Союза т. Егорова А. И., 2. Начальником Генерального штаба РККА — командующего войсками Ленинградского военного округа

командарма I ранга т. Шапошникова Б. М., 3. Командующим войсками Ленинградского военного округа — командующего войсками Киевского военного округа командарма I ранга т. Якира И. Э. ... 8. Командующим Приволжским военным округом — Маршала Советского Союза т. Тухачевского М. Н. с освобождением его от обязанностей заместителя наркома обороны».

13 мая 1937 г., как это установлено по книге регистраций, Сталин лично принял в Кремле маршала Тухачевского. Никаких материалов о существе разговора Сталина с Тухачевским обнаружить в архивах не удалось.

Вместе с тем в этом отношении представляет некоторый интерес сообщение старого товарища Тухачевского, бывшего члена ВЦИК Кулябко Н. Н., при рассмотрении его персонального дела в партийной организации в июне 1937 года. Кулябко, рекомендовавший Тухачевского в 1918 году в партию, объяснил парторганизации, что когда он узнал из газет о назначении Тухачевского командующим ПриВО, то посетил его на квартире. Тухачевский объяснил Кулябко, что причиной его перевода в Куйбышев, как об этом сообщили в ЦК партии, является то обстоятельство, что его знакомая Кузьмина и бывший порученец оказались шпионами и арестованы.

Таково начало формирования ложных обвинений против Тухачевского, Якира и других военных деятелей непосредственно перед их арестом.

И. АРЕСТ ТУХАЧЕВСКОГО, ЯКИРА, УБОРЕВИЧА. СЛЕДСТВИЕ И ПРОЦЕСС

Как указывалось выше, в архиве Ежова в ЦК партии обнаружены записные книжки, в которых он записывал различные указания по работе в НКВД. В одной из таких книжек имеется запись: «1. Тухачевский, 2. Ефимов, 3. Эйдеман, 4. Аппога». Справа от этих фамилий стоит знак «(а)», что, по всей вероятности, означает «арестовать». Против каждой фамилии сделана отметка — «галочка», означавшая выполнение этого указания. Маршал Тухачевский, комкоры Ефимов, Эйдеман и Аппога — были арестованы в один день — 22 мая 1937 года. Тухачевский, в частности, прибыв к новому месту службы, находился в этот день уже в гор. Куйбышеве, где и был арестован, а затем 25 мая доставлен в Москву во внутреннюю тюрьму НКВД СССР, в которой содержался под № 94.

Через два дня после ареста Тухачевского, 24 мая 1937 г., Политбюро ЦК ВКП(б) вынесло постановление:

«Поставить на голосование членов ЦК ВКП(б) и кандидатов в члены ЦК следующее предложение: «ЦК ВКП получил данные, изобличающие члена ЦК ВКП Рудзутака и кандидата ЦК ВКП Тухачевского в участии в антисоветском троцкистско-правом заговорщическом блоке и шпионской работе против СССР в пользу фашистской Германии. В связи с этим Политбюро ЦК ВКП ставит на голосование членов и кандидатов ЦК ВКП пред-

ложение об исключении из партии Рудзутака и Тухачевского и передаче их дела в Наркомвнудел».

25—26 мая 1937 г. опросом членов ЦК ВКП(б) и кандидатов в члены ЦК было оформлено и подписано Сталиным следующее постановление:

«На основании данных, изобличающих члена ЦК ВКП(б) Рудзутака и кандидата в члены ЦК ВКП(б) Тухачевского в участии в антисоветском троцкистско-правом заговорщическом блоке и шпионской работе против СССР в пользу фашистской Германии, исключить из партии Рудзутака и Тухачевского и передать их дела в Наркомвнудел».

О том, как вел себя Тухачевский на допросе в первый день пребывания в НКВД, достаточных данных нет. Протоколы первичных допросов Тухачевского или вовсе не составлялись, или были уничтожены следствием. Однако сохранившиеся отдельные следственные документы свидетельствуют о том, что Тухачевский в начальной стадии следствия отрицал участие в заговоре.

Подтверждением такого поведения Тухачевского в этот период может служить заявление Фельдмана:

«Я догадывался наверняка, что Тухачевский арестован, но я думал, что он, попав в руки следствия, все сам расскажет — этим хоть немного искупит свою тяжелую вину перед государством, но, увидев его на очной ставке, услышал от него, что он все отрицает и что я все выдумал...».

Имеется также заявление Тухачевского от 26 мая 1937 г. об очных ставках с Примаковым, Путной и Фельдманом:

«Мне были даны очные ставки с Примаковым, Путной и Фельдманом, которые обвиняют меня как руководителя антисоветского военно-троцкистского заговора. Прошу представить мне еще пару показаний других участников этого заговора, которые также обвиняют меня. Обязуюсь дать чистосердечные показания».

Протоколов этих очных ставок Тухачевского с Примаковым, Путной и Фельдманом в его архивно-следственном деле или в других делах не обнаружено.

Характеризуя свое поведение в начале следствия, Тухачевский в собственноручных показаниях и в протоколе допроса, датированном 1 июня 1937 г., утверждал:

«Настойчиво и неоднократно пытался я отрицать как свое участие в заговоре, так и отдельные факты моей антисоветской деятельности».

Архивные материалы следствия показывают, что такое поведение Тухачевского было крайне непродолжительным. Были приняты все меры, чтобы сломить его сопротивление. Следствием по делу Тухачевского непосредственно руководил Ежов; в качестве следователей им были использованы вышколенные фальсификаторы Леплевский, Ушаков и другие. Эти лица, потеряв понятие о человеческом облике, не считались с выбором средств для достижения цели, применяли различного рода моральные и физические пытки, чтобы сломить волю арестован-

ных и добиться ложных показаний. Попав в такую обстановку, пробыв под стражей несколько дней и поняв безвыходность своего положения, Тухачевский 26 мая 1937 года написал следующее заявление:

«...Заявляю, что признаю наличие антисоветского военно-троцкистского заговора и то, что я был во главе его. ...Основание заговора относится к 1932 году».

29 мая 1937 г. Тухачевского допросил Ежов. В результате этого допроса появились следующие показания Тухачевского:

«Еще в 1928 г. я был втянут Енукидзе в правую организацию. В 1934 г. я лично связался с Бухариным. С немцами я установил шпионскую связь с 1925 г., когда я ездил в Германию на учения и маневры... При поездке в 1936 г. в Лондон Путна устроил мне свидание с Седовым... Я был связан по заговору с Фельдманом, Каменевым С. С., Якиром, Эйдеманом, Енукидзе, Бухариным, Караханом, Пятаковым, Смирновым И. Н., Ягодой, Осепяном и рядом других».

Затем с 1 по 10 июня 1937 года Тухачевского заставили собственноручно описывать организацию заговора и план поражения Красной Армии. Эти показания были посланы Сталину. К делу они были приобщены только после судебного процесса.

Вот некоторые сведения, раскрывающие причины, в силу которых Тухачевский вынужден был дать ложные показания. Бывший сотрудник НКВД СССР, член КПСС Вул в 1956 г. сообщил:

«Лично я видел в коридоре дома 2 Тухачевского, которого вели на допрос к Леплевскому, одет он был в прекрасный серый штатский костюм, а поверх него был одет арестантский армяк из шинельного сукна, а на ногах лапти. Как я понял, такой костюм на Тухачевского был надет, чтобы унизить его. Все следствие по делу Тухачевского и других было закончено очень быстро... Помимо мер физического воздействия, определенную роль в получении показания сыграли уговоры следователей».

В процессе изучения дела Тухачевского на отдельных листах его показаний обнаружены пятна буро-коричневого цвета. В связи с этим было проведено судебно-медицинское исследование отдельных листов дела. В заключении Центральной судебно-медицинской лаборатории Военно-медицинского управления Министерства обороны СССР от 28 июня 1956 г. говорится:

«В пятнах и мазках на листах 165—166 дела № 967581 обнаружена кровь... Некоторые пятна крови имеют форму восклицательных знаков. Такая форма пятен крови наблюдается обычно при попадании крови с предмета, находящегося в движении, или при попадании крови на поверхность под углом...».

Упоминавшийся выше следователь-фальсификатор Ушаков, будучи сам арестованным в сентябре 1938 г., пытался в оправдание использовать свои «заслуги», хвастливо заявляя: «Я раскопал Тухачевского, Якира и др.». В показаниях от 23 сентября 1938 г. Ушаков писал:

«Я переехал с Леплевским в Москву, в декабре 1936 г. ...я буквально с первых дней поставил диагноз о существовании в РККА и Флоте военно-

троцкистской организации, разработал четкий план ее вскрытия и первый же получил такое показание от б[ывшего] командующего Каспийской военной флотилией Закупнева... я... шел уверенно к раскрытию антисоветского военного заговора. В то же время я также уверенно шел по другому отделению на Эйдемана и тут также не ошибся. Ну о том, что Фельдман Б. М. у меня сознался в участии в антисоветском военном заговоре (см. его протокол от 19 мая 1937 г.), на основании чего 22 числа того же месяца начались аресты Ефимова и др., говорить не приходится. 25 мая мне дали допрашивать Тухачевского, который сознался 26-го, а 30 я получил Якира. Ведя один, без помощников (или «напарников»), эту тройку и имея указание, что через несколько дней дело должно быть закончено для слушания, я, почти не ложась спать, вытаскивал от них побольше фактов, побольше заговорщиков. Даже в день процесса, рано утром, я отобрал от Тухачевского дополнительное показание об Апанасенко и некоторых др.».

Среди «других», например, был и Тимошенко.

Комкор Эйдеман, арестованный 22 мая 1937 г. одновременно с Тухачевским, был доставлен во внутреннюю тюрьму НКВД СССР, а на следующий день перемещен в Лефортовскую тюрьму. 25 мая появилось заявление Эйдемана на имя Ежова, в котором он сообщал о своем согласии «помочь следствию» в раскрытии преступления. Судя по внешнему виду (неровный почерк и пропуски букв в словах), это заявление было написано в состоянии нервного потрясения, явившегося следствием физического воздействия.

28 мая 1937 г. протокол допроса Эйдемана был направлен Ежовым Сталину, Молотову, Ворошилову и Кагановичу при следующем письме:

«Направляю протокол допроса Эйдемана Р. П., бывшего председателя Центрального Совета Осоавиахима СССР, от 27 мая с. г. Эйдеман показал, что был вовлечен в антисоветский военно-троцкистский заговор Тухачевским и проводил активную вредительскую работу. Как участников военно-троцкистского заговора Эйдеман назвал Фельдмана, Ефимова, Петерсона, Корка, Горбачева, Фишмана, Осепяна и Вольпе. Эйдеманом завербованы в военно-троцкистский заговор: ... Белицкий, ... Васканов... (далее названы фамилии еще 13 работников Осоавиахима.— Прим. наше). Прошу санкции на арест всех названных Эйдеманом участников заговора в системе «Осоавиахима».

Санкции на арест были получены, и Ежов на копии этого документа написал: «Всех названных Эйдеманом по Осоавиахиму людей (центр и периферия) немедленно арестовать. Ежов».

О незаконных методах обработки Эйдемана, которые довели его до невменяемого состояния, показал быв[ший] сотрудник НКВД Карпейский:

«Эйдеман отрицал какую-либо свою связь с заговором, заявлял, что он понятия о нем не имеет и утверждал, что такое обвинение не соответствует ни его поведению на протяжении всей жизни, ни его взглядам.

...Угрожая Эйдеману применением мер физического воздействия, если он будет продолжать упорствовать и скрывать от следствия свою заговорщическую деятельность... Агас заявил, что если Эйдеман не даст показаний сейчас, то он — Агас продолжит допрос в другом месте, но уже будет допрашивать по-иному. Эйдеман молчал. Тогда Агас прервал допрос и сказал Эйдеману, чтобы он пенял на себя: его отправят в тюрьму, где его упорство будет быстро сломлено... Дня через три в дневное время мне было предло-

жено срочно прибыть в Лефортовскую тюрьму, где меня ждет Агас. Я туда поехал. В эту тюрьму я попал впервые..., то, что я увидел и услышал в тот день в Лефортовской тюрьме, превзошло все мои представления. В тюрьме стоял невообразимый шум, из следственных кабинетов доносились крики следователей и стоны, как нетрудно было понять, избиваемых... Я нашел кабинет, где находился Агас. Против него за столом сидел Эйдеман. Рядом с Агасом сидел Леплевский..., Дергачев. На столе перед Эйдеманом лежало уже написанное им заявление на имя наркома Ежова о том, что он признает свое участие в заговоре и готов дать откровенные показания». «Через день или два я снова вызвал Эйдемана на допрос в Лефортовской тюрьме. В этот раз Эйдеман на допросе вел себя как-то странно, на вопросы отвечал вяло, невпопад, отвлекался посторонними мыслями, а услышав шум работавшего мотора, Эйдеман произносил слова: «Самолеты, самолеты». Протокола допроса я не оформлял, а затем доложил, кажется, Агасу, что Эйдеман находится в каком-то странном состоянии и что его показания надо проверить... После этого Эйдеман от меня был по существу открепленн и его впоследствии допрашивал Агас».

28 мая 1937 г. НКВД СССР был арестован командарм I ранга Якир. В записной книжке Ежова имеется такая запись: «Якира по приезде в Москву». Рядом с этой фразой стоит «галочка», что означает исполнение полученного указания. На следующий день, то есть 29 мая 1937 г., по дороге к Москве на станции Вязьма в поезде был арестован командарм I ранга Уборевич. Доставленные во внутреннюю тюрьму НКВД СССР Якир и Уборевич содержались в одиночных камерах за литерными номерами.

После ареста Якира и Уборевича 30 мая 1937 г. решением Политбюро ЦК ВКП(б), а затем 30 мая — 1 июня 1937 г. опросом членов ЦК ВКП(б) и кандидатов в члены ЦК было оформлено и подписано Сталиным постановление:

«Утвердить следующее предложение Политбюро ЦК: Ввиду поступивших в ЦК ВКП данных, изобличающих члена ПК ВКП Якира и кандидата в члены ЦК ВКП Уборевича в участии в военно-фашистском троцкистско-правом заговоре и в шпионской деятельности в пользу Германии, Японии и Польши, исключить их из рядов ВКП и передать их дела в Наркомвнудел».

Первоначально на допросах Якир и Уборевич не признавали себя виновными, но протоколами эти допросы не оформлялись.

Бывший сотрудник НКВД СССР Соловьев А. Ф. (член КПСС с 1918 г.) в своих объяснениях в ЦК КПСС от 29 ноября 1962 г. писал:

«Я лично был очевидцем, когда привели в кабинет Леплевского ком. войск УВО Якира. Якир шел в кабинет в форме, а был выведен без петлиц, без ремня, в расстегнутой гимнастерке, а вид его был плачевный, очевидно, что он был избит Леплевским и его окружением. Якир пробыл на этом допросе в кабинете Леплевского 2—3 часа».

С целью понуждения Якира к ложным показаниям ему была дана очная ставка с Корком. 30 мая 1937 г. на этой очной ставке Корк утверждал, что в 1931 г. он и Якир вошли в руководящую группу военного заговора. На это Якир ответил:

«Категорически отрицаю. Я знал всегда, что Корк очень нехороший человек, чтобы не сказать более крепко, но я никогда не мог предположить,

что он просто провокатор... На одной встрече в апреле этого года у Тухачевского на квартире мы действительно вместе были, но ни о чем не говорили».

В «обработке» Якира и получении от него ложных показаний непосредственное участие принимал Ежов. В приобщенном к делу незаконченном и неподписанном заявлении на имя Ежова Якир писал:

«Тридцатого мая Вы лично с исчерпывающей ясностью следственными материалами доказали полную безнадежность дальнейшего запирательства с моей стороны... Я в своих показаниях расскажу о всех делах и лицах правотроцкистского заговора, известных мне, с тем, чтобы помочь до конца разгромить эту подлую организацию».

В подписанном Якиром 31 мая 1937 года заявлении сообщалось:

«Я хочу... помочь ускорить следствие, рассказать все о заговоре и заслужить право на то, что советское правительство поверит в мое полное разоружение».

В последующие семь дней Ушаковым были получены от Якира шесть собственноручных показаний и оформлены два протокола его допроса.

30 мая 1937 г. была проведена очная ставка между Корком и Уборевичем, на которой Корк также утверждал, что Уборевич в 1931 г. входил в правотроцкистскую организацию. Возражая Корку, Уборевич заявил:

«Категорически отрицаю. Это все ложь от начала до конца... Никогда никаких разговоров с Корком о контрреволюционных организациях не вел».

Но ложные показания Уборевича были крайне необходимы, и эти показания были вырваны у него силой. Бывший сотрудник Особого отдела НКВД СССР Авсесвич показал:

«В мае месяце 1937 г. на одном из совещаний пом. нач. отдела Ушаков доложил Леплевскому, что Уборевич не хочет давать показаний, Леплевский приказал на совещании Ушакову применить к Уборевичу физические методы воздействия».

Вскоре после этого Уборевич подписал два заявления на имя Ежова, в которых он признавал свое участие в военном заговоре. Подписал он и протокол допроса с признанием своей вины.

Сталин повседневно лично занимался вопросами следствия по делу о военном заговоре, получал протоколы допросов арестованных и почти ежедневно принимал Ежова, а 21 и 28 мая 1937 г. и заместителя Наркомвнудела Фриновского, непосредственно участвовавшего в фальсификации обвинения.

30 мая 1937 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение:

«Отстранить тт. Гамарника и Аронштама от работы в Наркомате Обороны и исключить из состава Военного Совета, как работников, находившихся в тесной групповой связи с Якиром, исключенным ныне из партии за участие в военно-фашистском заговоре».

Гамарник в это время по болезни находился на постельном режиме у себя на квартире. По приказанию Ворошилова 31 мая 1937 г. заместитель начальника ПУ РККА Булин и начальник Управления делами НКО Смородинов выехали к Гамарнику и объявили ему приказ НКО об увольнении его из РККА. Сразу же после их ухода Гамарник застрелился. На следующий день в «Правде» и в других газетах было опубликовано:

> «Бывший член ЦК ВКП(б) Я. Б. Гамарник, запутавшись в своих связях с антисоветскими элементами и видимо боясь разоблачения, 31 мая покончил жизнь самоубийством».

С 1 по 4 июня 1937 г. в Кремле на расширенном заседании Военного Совета при Наркоме Обороны с участием членов Политбюро ЦК ВКП(б) обсуждался доклад Ворошилова «О раскрытом органами НКВД контрреволюционном заговоре в РККА». Кроме постоянных членов на Военном Совете присутствовало 116 военных работников, приглашенных с мест и из центрального аппарата НКО. Необходимо отметить, что к 1 июня 1937 г. двадцать членов Военного Совета, то есть четверть его состава, уже были арестованы как «заговорщики».

Перед началом работы Военного Совета все его участники были ознакомлены с показаниями Тухачевского, Якира и других «заговорщиков». Это создало напряженную атмосферу с самого первого дня работы Совета.

Широко использовав сфабрикованные на следствии ложные показания арестованных, Ворошилов в докладе утверждал:

> «Органами Наркомвнудела раскрыта в армии долго существовавшая и безнаказанно орудовавшая, строго законспирированная контрреволюционная фашистская организация, возглавлявшаяся людьми, которые стояли во главе армии»...
>
> «О том, что эти люди — Тухачевский, Якир, Уборевич и ряд других людей — были между собой близки, это мы знали, это не было секретом. Но от близости, даже от такой групповой близости до контрреволюции очень далеко... В прошлом году, в мае месяце, у меня на квартире Тухачевский бросил обвинение мне и Буденному, в присутствии т.т. Сталина, Молотова и многих других, в том, что я якобы группирую вокруг себя небольшую кучку людей, с ними веду, направляю всю политику и т. д. Потом на второй день Тухачевский отказался от всего сказанного... Тов. Сталин тогда же сказал, что надо перестать препираться частным образом, нужно устроить заседание П[олит] Б[юро] и на этом заседании подробно разобрать в чем тут дело. И вот на этом заседании мы разбирали все эти вопросы и опять-таки пришли к прежнему результату.
>
> Сталин: Он отказался от своих обвинений.
>
> Ворошилов: Да, отказался, хотя группа Якира и Уборевича на заседании вела себя в отношении меня довольно агрессивно. Уборевич еще молчал, а Гамарник и Якир вели себя в отношении меня очень скверно».

Ворошилов в докладе призывал «проверить и очистить армию буквально до самых последних щелочек...», заранее предупреждая, что в результате этой чистки «может быть в количественном выражении мы понесем большой урон».

Далее Ворошилов заявил:

«Я, как народный комиссар ... откровенно должен сказать, что не только не замечал подлых предателей, но даже когда некоторых из них (Горбачева, Фельдмана и др.) уже начали разоблачать, я не хотел верить, что эти люди, как казалось, безукоризненно работавшие, способны были на столь чудовищные преступления. Моя вина в этом огромна. Но я не могу отметить ни одного случая предупредительного сигнала и с вашей стороны, товарищи... Повторяю, что никто и ни разу не сигнализировал мне или ЦК партии о том, что в РККА существуют контрреволюционные конспираторы»... (Там же, л. 66).

2 июня 1937 г. на Военном Совете выступил Сталин. Сославшись на показания самих арестованных, он сделал вывод, что в стране был «военно-политический заговор против Советской власти, стимулировавшийся и финансировавшийся германскими фашистами». По его утверждению руководителями этого заговора были Троцкий, Рыков, Бухарин, Рудзутак, Карахан, Енукидзе, Ягода, а по военной линии Тухачевский, Якир, Уборевич, Корк, Эйдеман и Гамарник.

«Это — ядро военно-политического заговора,— говорил Сталин,— ядро, которое имело систематические сношения с германскими фашистами, особенно с германским рейхсвером, и которое приспосабливало всю свою работу к вкусам и заказам со стороны германских фашистов».

Сталин уверял, что из 13 названных им руководителей заговора десять человек, то есть все, кроме Рыкова, Бухарина и Гамарника, являются шпионами немецкой, а некоторые и японской разведок. Так, говоря о Тухачевском и других арестованных военных, Сталин заявил:

«Он оперативный план наш, оперативный план — наше святое-святых передал немецкому рейхсверу. Имел свидание с представителями немецкого рейхсвера. Шпион? Шпион... Якир — систематически информировал немецкий штаб... Уборевич — не только с друзьями, с товарищами, но он отдельно сам лично информировал, Карахан — немецкий шпион. Эйдеман — немецкий шпион, Корк (в стенограмме ошибочно повторно назван Карахан.— Ред.) информировал немецкий штаб, начиная с того времени, когда он был у них военным атташе в Германии».

По словам Сталина, Рудзутак, Карахан, Енукидзе были завербованы немецкой разведчицей-датчанкой, состоявшей на службе у германского рейхсвера, Жозефиной Гензи (Енсен) и она же «помогла завербовать Тухачевского». Эти утверждения Сталина, как видно сейчас из материалов проверки, основывались на ложных показаниях, не заслуживавших никакого доверия, причем в отношении Тухачевского не было вообще и таких показаний.

Используя ложные следственные материалы, Сталин в своем выступлении оклеветал многих советских военных деятелей, назвав их участниками военного заговора, созданного якобы немецким рейхсвером. Обвиняя этих лиц в шпионаже, Сталин на Военном Совете заявил:

«Это военно-политический заговор. Это собственноручное сочинение германского рейхсвера. Я думаю, эти люди являются марионетками и куклами в руках рейхсвера. Рейхсвер хочет, чтобы у нас был заговор и эти

господа взялись за заговор. Рейхсвер хочет, чтобы эти господа систематически доставляли им военные секреты и эти господа сообщали им военные секреты. Рейхсвер хочет, чтобы существующее правительство было снято, перебито, и они взялись за это дело, но не удалось. Рейхсвер хотел, чтобы в случае войны было все готово, чтобы армия перешла к вредительству с тем, чтобы армия не была готова к обороне, этого хотел рейхсвер и они это дело готовили. Это агентура, руководящее ядро военно-политического заговора в СССР, состоящее из 10 патентованных шпиков и 3 патентованных подстрекателей шпионов. Это агентура германского рейхсвера. Вот основное. Заговор этот имеет, стало быть, не столько внутреннюю почву, сколько внешние условия, не столько политику по внутренней линии в нашей стране, сколько политику германского рейхсвера. Хотели из СССР сделать вторую Испанию и нашли себе и завербовали шпиков, орудовавших в этом деле. Вот обстановка».

Сообщив, что по военной линии уже арестовано 300—400 человек, Сталин высказал обвинение, что дело о военном заговоре все-таки «прошляпили, мало кого мы сами открыли из военных». Он заявил, что наша разведка по военной линии плоха, слаба, она засорена шпионажем, что внутри чекистской разведки у нас нашлась целая группа, работавшая на Германию, на Японию, на Польшу.

Выразив недовольство отсутствием разоблачающих сигналов с мест и требуя таких сигналов, Сталин заявил: «Если будет правда хотя бы на 5%, то и это хлеб».

Поверив утверждениям Сталина и Ворошилова и приняв за достоверные показания самих арестованных, участники Военного Совета резко осуждали «заговорщиков», заверяли о своей безграничной преданности партии и правительству. Однако из 42 выступивших по докладу Ворошилова 34 были вскоре сами арестованы как заговорщики. В их числе:

Алксис Я. И., Белов И. П., Блюхер В. К., Бокис Г. Г., Викторов М. В., Гайлит Я. П., Гринберг И. М., Грязнов И. К., Дубовой И. П., Душенов К. И., Дыбенко П. Е., Егоров А. И., Жильцов А. И., Кожанов И. К., Криворучко П. П., Кулик Г. И., Кучинский Д. А., Левандовский М. К., Лудри И. М., Магер М. П., Мезис А. И., Мерецков К. М., Неронов И. Г., Окунев Г. С., Седякин А. И., Сивков А. К., Славин И. Е., Смирнов П. А., Степанов М. О., Троянкер Б. У., Урицкий С. П., Федько И. Ф., Хрипин В. В., Шестаков В. П.

5 июня 1937 г. Сталин принял Молотова, Кагановича и наркома внутренних дел СССР Ежова. В тот же день из большой группы арестованных в мае 1937 г. военнослужащих были отобраны для судебного процесса по делу «о военном заговоре» Тухачевский, Якир, Корк, Уборевич, Эйдеман и Фельдман, а для придания делу троцкистской окраски в эту же группу были включены Примаков и Путна, действительно разделявшие до 1927 г. троцкистские взгляды. Индивидуальные уголовно-следственные дела на всех этих лиц 5 июня 1937 г. были объединены в одно групповое дело.

7 июня 1937 г. Сталин, Молотов, Каганович и Ворошилов приняли Ежова и Вышинского. В этот же день был отпечатан окончательный текст обвинительного заключения по делу и в по-

рядке подготовки судебного процесса постановлением Президиума ЦИК СССР были утверждены запасными членами Верховного суда СССР Буденный, Шапошников, Белов, Каширин и Дыбенко. Вслед за этим в НКВД были приняты меры к немедленному окончанию следствия по делу о военном заговоре. 7 июня 1937 г. было предъявлено обвинение Примакову, а 8 июня — Тухачевскому, Якиру, Уборевичу, Корку, Фельдману и Путне по ст.ст. 58-1«б», 58-3, 58-4, 58-6, 58-8 и 58-9 Уголовного кодекса РСФСР (измена Родине, шпионаж, террор и т.п.).

9 июня 1937 г. Вышинский и помощник Главного военного прокурора Субоцкий провели в присутствии следователей НКВД короткие допросы арестованных, заверив прокурорскими подписями «достоверность» показаний, данных арестованными на следствии в НКВД. В архиве Сталина находятся копии этих протоколов допроса. На протоколе допроса Тухачевского имеется надпись: «Т.Сталину. Ежов. 9.VI.1937 г.».

В тот же день, 9 июня 1937 г., Субоцкий объявил обвиняемым об окончании следствия, но в нарушение требований статьи 206 УПК РСФСР не предъявил им уголовного дела и не разъяснил право на осмотр всего производства по делу и на дополнение следствия.

Перед судом обвиняемым разрешили обратиться с последними покаянными заявлениями на имя Сталина и Ежова, создавая иллюзии, что это поможет им сохранить жизнь. Арестованные использовали предоставленные им возможности написать такие заявления. Так, 9 июня 1937 г. Якир писал:

> «Родной близкий тов. Сталин. Я смею так к Вам обращаться, ибо я все сказал, все отдал и мне кажется, что я снова честный, преданный партии, государству, народу боец, каким я был многие годы. Вся моя сознательная жизнь прошла в самоотверженной честной работе на виду партии, ее руководителей — потом провал в кошмар, в непоправимый ужас предательства... Следствие закончено. Мне предъявлено обвинение в государственной измене, я признал свою вину, я полностью раскаялся. Я верю безгранично в правоту и целесообразность решения суда и правительства... Теперь я честен каждым своим словом, я умру со словами любви к Вам, партии и стране, с безграничной верой в победу коммунизма».

На заявлении Якира имеются следующие резолюции:

> «Мой архив. Ст.»; «Подлец и проститутка. И. Ст.»; «Совершенно точное определение. К. Ворошилов»; «Молотов». «Мерзавцу, сволочи и б.... одна кара — смертная казнь. Л. Каганович».

В день окончания следствия по делу о военном заговоре, 9 июня 1937 г., Вышинский два раза был принят Сталиным. Во время второго посещения, состоявшегося поздно вечером, в 22 часа 45 минут, присутствовали Молотов и Ежов. В тот же день Вышинский подписал обвинительное заключение по делу.

В обвинительном заключении утверждалось, что в апреле—мае 1937 г. органами НКВД был раскрыт и ликвидирован в г. Москве военно-троцкистский заговор, в «центр» руководства ко-

торым входили Гамарник, Тухачевский, Якир, Уборевич, Корк, Эйдеман и Фельдман. Военно-троцкистская организация, в которую вступили все обвиняемые по этому делу, образовалась в 1932—1933 гг. по прямым указаниям германского генштаба и Троцкого. Она была связана с троцкистским центром и группой правых Бухарина — Рыкова, занималась вредительством, диверсиями, террором и готовила свержение правительства и захват власти в целях реставрации в СССР капитализма. Обвинение квалифицировалось по ст.ст. 58-1б, 58-8 и 58-11 УК РСФСР. При этом государственный обвинитель Вышинский не посчитался с тем, что по ст. 58-11 УК обвинение Тухачевскому, Якиру, Уборевичу и четырем другим арестованным вообще не предъявлялось.

После приема Вышинского, в 23 часа 30 минут Сталиным, Молотовым и Ежовым был принят редактор «Правды» Мехлис. 11 июня 1937 г. в «Правде» опубликовано сообщение об окончании следствия и предстоящем судебном процессе по делу Тухачевского и других, которые, как говорилось в сообщении, обвиняются в «нарушении воинского долга (присяги), измене Родине, измене народам СССР, измене Рабоче-Крестьянской Красной Армии».

10 июня 1937 г. состоялся Чрезвычайный Пленум Верховного суда СССР, заслушавший сообщение Вышинского о деле по обвинению Тухачевского и др. Пленум постановил для рассмотрения этого дела образовать Специальное судебное присутствие Верховного суда СССР в составе Ульриха, Алексниса, Блюхера, Буденного, Шапошникова, Белова, Дыбенко, Каширина и Горячева.

Инициатива создания специального военного суда для рассмотрения дела Тухачевского и др. и привлечения в состав суда широко известных в стране военных руководителей принадлежала Сталину. Выбор их был не случаен. Все они участники Военного Совета при наркоме обороны и выступали на июньском заседании Совета в присутствии Сталина с резким осуждением Тухачевского, Якира, Уборевича, как «заговорщиков». Бывший член Военной коллегии Верхсуда СССР Зарянов, участвовавший в судебном процессе по делу Тухачевского в качестве секретаря суда, в своем объяснении написал:

> «Из разговоров с Ульрихом я понял, что Особое присутствие, членами которого являлись только маршалы и командармы, создано по инициативе Сталина. Целью создания этого специального военного суда Сталин ставил поднять этим авторитет суда и убеждения в правильности приговора».

10 июня 1937 г. состоялось подготовительное заседание Специального судебного присутствия Верхсуда СССР, вынесшего определение об утверждении обвинительного заключения, составленного Вышинским, и предании суду Тухачевского и других.

В этот же день всем обвиняемым были вручены секретарем суда копии обвинительного заключения, а начальником Особого отдела НКВД

Леплевским подписан и представлен Ежову план организации охраны и обеспечения порядка судебного заседания.

Вымогательство следствием показаний у арестованных зашло настолько далеко, что даже после передачи дела Тухачевского и других в суд от них требовали показаний на различных военачальников и, в частности, на самих судей Специального судебного присутствия Верховного суда СССР. Так, 10 июня 1937 г. от Примакова были получены показания, компрометирующие трех членов суда: командармов Каширина, Дыбенко и Шапошникова. В отношении Каширина Примаков показал:

«Осенью 1934 г. в Москве, когда через Фельдмана я связался с Алафузо, он говорил мне одновременно о Козицком и Каширине, как об участниках заговора».

Допрашивавший Примакова следователь Авсеевич в объяснении сообщил:

«На последнем этапе следствия Леплевский, вызвав к себе Примакова, дал ему целый список крупных командиров Советской Армии, которые ранее не фигурировали в показаниях Примакова, и от имени Ежова предложил по каждому из них написать... Так возникли показания Примакова на Каширина, Дыбенко, Гамарника, Куйбышева, Грязнова, Урицкого, Ковалева, Васильева и других... Все, что наговорил Примаков и другие арестованные в то время, является домыслом от начала и до конца, вызванным нарушением элементарных норм законности при ведении следствия и самого суда... Нам, работникам органов НКВД, в то время было известно, что Сталин взял в свои руки руководство органами НКВД, и Ежов, минуя ЦК ВКП(б), подчинялся только Сталину и выполнял только его волю. Такой порядок подчиненности Сталину органов НКВД оставался при Берия и Абакумове и все, что делалось в органах НКВД, все было связано с именем Сталина».

Незадолго до начала судебного процесса было проведено в Особом отделе НКВД СССР оперативное совещание, на котором Леплевский дал указание следователям еще раз убедить подследственных, чтобы в суде они подтвердили свои показания, и заверить их, что «признание» в суде облегчит их участь. Следователи, фабриковавшие дело, сопровождали своих обвиняемых в суд, находились с ними в комнатах ожидания и были в зале суда. О подготовке судебного процесса Авсеевич показал:

«Что же касается подготовки судебного процесса по делу Тухачевского, Примакова и др., то мне известно, что после того, как следствие было окончено, было созвано оперативное совещание, это было за сутки-двое перед процессом, на котором начальник отдела Леплевский дал указание всем лицам, принимавшим участие в следствии, еще раз побеседовать с подследственными и убедить их, чтобы они в суде подтвердили показания, данные на следствии. Накануне суда я беседовал с Примаковым, он обещал подтвердить в суде свои показания. С другими подследственными беседовали другие работники отдела. Кроме того, было дано указание сопровождать своих подследственных в суд, быть вместе с ними в комнате ожидания... Далее я хочу сообщить, что перед самым судебным заседанием по указанию Леплевского я знакомил Примакова с копиями его же показаний».

В своих последующих объяснениях Авсеевич писал:

«...Накануне процесса арестованные вызывались к Леплевскому, кото-

рый объявил, что завтра начнется суд и что судьба их зависит от их поведения на суде».

«Перед процессом Примаков вызывался к Ежову, там его, видимо, прощупывали, как он будет себя вести на суде и, как он потом рассказывал, что его уговаривали, что на суде он должен вести так же, как на следствии. Он обещал Ежову на суде разоблачать заговорщиков до конца».

О такой подготовке процесса показания дал также бывший работник НКВД Карпейский.

11 июня 1937 г. Специальное судебное присутствие Верховного суда СССР рассмотрело в закрытом судебном заседании в Москве дело по обвинению Тухачевского и других. После зачтения обвинительного заключения все подсудимые, отвечая на вопросы председателя суда, заявили, что они признают себя виновными. В дальнейшем они, выполняя требования работников НКВД, подтвердили в суде в основном те показания, которые дали на следствии.

Вот некоторые моменты, характеризующие ход судебного процесса.

Выступление Якира на судебном процессе в соответствии с замыслами организаторов давало линию и для других подсудимых на разоблачение происков Троцкого и фашистских государств против СССР, причем всячески подчеркивалась роль Тухачевского в заговоре.

Однако, когда Блюхер, пытаясь конкретизировать подготовку поражения авиации Красной Армии в будущей войне, задал об этом вопрос, то Якир ответил: «Я вам толком не сумею сказать ничего, кроме того, что написал следствию».

На вопрос председателя суда о том, в чем выразилось вредительство по боевой подготовке, Якир уклончиво заявил: «Я об этом вопросе говорил в особом письме».

Допрос Тухачевского и Уборевича велся в суде в форме вопросов и ответов, при этом Ульрих неоднократно прерывал их своими замечаниями. Тухачевский в суде некоторые обвинения не подтвердил. Когда же Уборевич стал отрицать обвинения во вредительстве, шпионаже, тогда суд прервал его допрос, а после перерыва, продолжавшегося один час, перешел к допросу других подсудимых.

Следствие большие надежды возлагало на показание Корка. Его особенно тщательно подготовили к процессу и предоставили возможность произнести «разоблачительную» речь, занявшую 20 листов стенограммы суда. Последующие допросы Эйдемана, Путны и Примакова снова велись в вопросно-ответной форме. При допросе в суде Эйдемана ему были заданы всего три вопроса.

Фельдман так же, как и Корк, был «надеждой» органов следствия. Перед допросом он обратился к суду со следующей просьбой:

«Я просил бы, гр-н председатель, позволить мне вкратце (я долго не буду задерживать Вашего внимания) рассказать то, что мне известно как

члену центра, то, что я делал. Я думаю, это будет полезно не только суду, но и всем тем командирам, которые здесь присутствуют».

Разрешение, конечно, последовало. Выступление Фельдмана заняло 12 листов стенограммы.

В суде обстоятельства дела были исследованы крайне поверхностно и неполно. Вопросы, задававшиеся подсудимым, носили тенденциозный, наводящий характер. Суд не только не устранил наличие существенных противоречий в показаниях подсудимых о времени образования заговора, об их вступлении в него, о составе «центра» заговора, о практическом участии в заговорщической деятельности, но даже фактически замаскировал эти противоречия, что освещено в следующем разделе справки.

Суд не истребовал никаких объективных документальных доказательств и свидетельств, необходимых для оценки правильности тех или иных обвинений, не вызвал никаких свидетелей и не привлек к рассмотрению дела авторитетных экспертов.

Весь судебный процесс по делу Тухачевского и других стенографировался. Однако правкой и корректировкой стенограммы суда занимались те же работники НКВД, которые вели следствие, и, в частности, фальсификатор дела Ушаков-Ушамирский. Этим и объясняются многочисленные случаи искажения показаний, встречающиеся в стенограмме. Одна из стенографисток процесса Тимофеева, член КПСС с 1938 г., сравнив свою подлинную стенографическую запись с расшифровкой, в объяснениях в Парткомиссию при ЦК КПСС в 1962 году написала:

«Я работала стенографисткой на процессе по делу Тухачевского и других... В предъявленной мне правленной официальной стенограмме судебного заседания по делу Тухачевского и других, том № 15, лист дела 154, неизвестно кем, с прямой целью фальсификации того, что говорил Тухачевский, было вставлено слово «японским» генеральным штабом, и получилось, что Тухачевский признал в последнем слове на суде, что он был связан с японским генеральным штабом. На самом деле в стенограмме суда, которую я вела, об этой связи Тухачевский не говорил, и этих слов в стенографической записи нет...

На листе 144 официальной стенограммы суда (том 15) указывается, что Фельдман показал суду: «Разумеется, что хотя мои данные по сравнению с теми, какие передавали немцам, японцам и полякам Тухачевский и другие, являются не особенно ценными, тем не менее я должен признать, что занимался шпионажем, ибо эти сведения были секретными». Здесь тоже допущена фальсификация, т. к. на самом деле в стенографической записи суда, которую я вела на листе № 133, мною было записано: «Разумеется, если меня спросят, да, преступления государственные, преступление, хотя это пустяковые сведения, но все-таки это есть преступление, государственная измена, так и надо назвать это дело».

Произнося последнее слово в суде, все подсудимые продолжали клеветать на себя. Вместе с тем клялись в любви и преданности Родине, партии и Сталину.

Судьба же их была предрешена заранее. Бывший секретарь суда Зарянов сообщил:

«О ходе судебного процесса Ульрих информировал И. В. Сталина. Об этом мне говорил Ульрих. Он говорил, что имеются указания Ста-

липа о применении ко всем подсудимым высшей меры наказания — расстрела».

Объяснение Зарянова о встрече Сталина с Ульрихом подтверждается регистрацией приема Сталиным Ульриха 11 июня 1937 г. Из записи видно, что при приеме Ульриха Сталиным были Молотов, Каганович и Ежов.

В день суда в республики, края и области Сталиным было направлено следующее указание:

«Нац. ЦК, крайкомам, обкомам. В связи с происходящим судом над шпионами и вредителями Тухачевским, Якиром, Уборевичем и другими, ЦК предлагает вам организовать митинги рабочих, а где возможно и крестьян, а также митинги красноармейских частей и выносить резолюцию о необходимости применения высшей меры репрессии. Суд должно быть будет окончен сегодня ночью. Сообщение о приговоре будет опубликовано завтра, т. е. двенадцатого июня. 11.VI.1937 г. Секретарь ЦК Сталин».

В 23 часа 35 минут 11 июня 1937 г. председательствующим Ульрихом был оглашен приговор о расстреле всех восьми осужденных с конфискацией всего лично им принадлежавшего имущества и лишением присвоенных им воинских званий.

В ночь на 12 июня Ульрих подписал предписание коменданту Военной коллегии Верхсуда СССР Игнатьеву — немедленно привести в исполнение приговор о расстреле Тухачевского и других осужденных. Акт о расстреле был подписан присутствовавшими при исполнении приговора Вышинским, Ульрихом, Цесарским, а также Игнатьевым и комендантом НКВД Блохиным.

После суда Буденный представил Сталину 26 июня 1937 г. докладную записку о своих впечатлениях от этого процесса. Он писал:

«Тухачевский с самого начала процесса суда при чтении обвинительного заключения и при показании всех других подсудимых качал головой, подчеркивая тем самым, что, дескать, и суд, и следствие, и все, что записано в обвинительном заключении,— все это не совсем правда, не соответствует действительности. Иными словами, становился в позу непонятого и незаслуженно обиженного человека, хотя внешне производил впечатление человека очень растерянного и испуганного. Видимо, он не ожидал столь быстрого разоблачения организации, изъятия ее и такого быстрого следствия и суда... на заседании суда Якир остановился на сущности заговора, перед которым стояли задачи реставрации капитализма в нашей стране на основе фашистской диктатуры...

В последующих выступлениях подсудимых, по сути дела, все они держались в этих же рамках выступления Якира.

Тухачевский в своем выступлении вначале пытался опровергнуть свои показания, которые он давал на предварительном следствии. Тухачевский начал с того, что Красная Армия до фашистского переворота Гитлера в Германии готовилась против поляков и была способна разгромить польское государство. Однако при приходе Гитлера к власти в Германии, который сблокировался с поляками и развернул из 32 германских дивизий 108 дивизий, Красная Армия, по сравнению с германской и польской армиями, по своей численности была на 60—62 дивизии меньше... Тухачевский пытался популяризировать перед присутствующей аудиторией на суде как бы свои деловые соображения в том отношении, что он все предвидел, пытался доказывать правительству, что создавшееся положение влечет страну к поражению и что его якобы никто не слушал. Но тов. Ульрих, по совету не-

которых членов Специального присутствия, оборвал Тухачевского и задал вопрос: Как же Тухачевский увязывает эту мотивировку с тем, что он показал на предварительном следствии, а именно, что он был связан с германским генеральным штабом и работал в качестве агента германской разведки еще с 1925 г. Тогда Тухачевский заявил, что его, конечно, могут считать и шпионом, но что он фактически никаких сведений германской разведке не давал...

Уборевич в своем выступлении держался той же схемы выступления, что и Якир...

Корк показал, что ему все же было известно, что руководители военно-фашистской контрреволюционной организации смотрят на связь с Троцким и правыми, как на временное явление... Эйдеман на суде ничего не мог сказать... Путна — этот патентованный шпик, убежденный троцкист... показал, что, состоя в этой организации, он всегда держался принципов честно работать на заговорщиков и в то же самое время сам якобы не верил в правильность своих действий... Примаков держался на суде с точки зрения мужества, пожалуй, лучше всех... Примаков очень упорно отрицал то обстоятельство, что он руководил террористической группой против тов. Ворошилова в лице Шмидта, Кузьмичева и других... Фельдман показал то же самое, что и Корк».

Описывая последнее слово подсудимых, Буденный отмечал, что Якир, Уборевич, Путна, Фельдман говорили, что признались и раскаялись они «в стенах НКВД».

В конце докладной записки Сталину Буденный сообщает:

«1. ...для того, чтобы скрыть свою шпионскую и контрреволюционную деятельность до 1934 года, подсудимые, разоблаченные в этом Корком, пытались выставить Корка как вруна и путаника. 2. Участие Гамарника в заговоре все подсудимые безусловно пытались скрыть... 3. ...Подсудимые, хотя и заявили о том, что они пораженческого плана германскому генштабу не успели передать, я же считаю, что план поражения красных армий, может быть не столь подробный, все же германской разведке был передан».

Другой член военного суда Белов 14 июля 1937 г. писал Ворошилову:

«Буржуазная мораль трактует на все лады — «глаза человека — зеркало его души». На этом процессе за один день, больше чем за всю свою жизнь, я убедился в лживости этой трактовки. Глаза всей этой банды ничего не выражали такого, чтобы по ним можно было судить о бездонной подлости сидящих на скамьях подсудимых. Облик в целом у каждого из них... был неестественный. Печать смерти уже лежала на всех лицах. В основном цвет лиц был так называемый землистый... Тухачевский старался хранить свой «аристократизм» и свое превосходство над другими... Пытался он демонстрировать и свой широкий оперативно-тактический кругозор. Он пытался бить на чувства судей некоторыми напоминаниями о прошлой совместной работе и хороших отношениях с большинством из состава суда. Он пытался и процесс завести на путь его роли, как положительной, и свою предательскую роль свести к пустячкам...

Уборевич растерялся больше первых двух. Он выглядел в своем штатском костюмчике, без воротничка и галстука, босяком...

Корк, хотя и был в штатском костюме, но выглядел как всегда по-солдатски... Фельдман старался бить на полную откровенность. Упрекнул своих собратьев по процессу, что они как институтки боятся называть вещи своими именами, занимались шпионажем самым обыкновенным, а здесь хотят превратить это в легальное общение с иностранными офицерами. Эйдеман. Этот тип выглядел более жалко, чем все. Фигура смякла до отказа, он с трудом держался на ногах, он не говорил, а лепетал прерывистым глухим спазматическим голосом. Примаков — выглядел сильно похудевшим,

показывал глухоту, которой раньше у него не было. Держался на ногах вполне уверенно... Путна только немного похудел, да не было обычной самоуверенности в голосе...

Последние слова все говорили коротко. Дольше тянули Корк и Фельдман. Пощады просили Фельдман и Корк. Фельдман даже договорился до следующего: «Где же забота о живом человеке, если нас не помилуют». Остальные все говорили, что смерти мало за такие тяжкие преступления... Клялись в любви к Родине, к партии, к вождю народов т. Сталину...

Общие замечания в отношении всех осужденных: 1. Говорили они все не всю правду, многое унесли в могилу. 2. У всех них теплилась надежда на помилование; отсюда и любовь словесная к Родине, к партии и к т. Сталину».

О поведении Тухачевского, Якира и других при их расстреле член КПСС с 1918 г. Тодорский А. И. сообщил:

«Через несколько дней после расстрела Парком Обороны К. Е. Ворошилов рассказывал нам..., что во время казни обреченные на смерть товарищи выкрикивали: «Да здравствует Сталин», «Да здравствует коммунизм!». Сейчас, когда эти неподкупные люди полностью реабилитированы и в советском, и в партийном порядке, мы видим, что даже перед лицом неотвратимой незаслуженной смерти они нашли в себе силу духа гордо заявить, что они умирают коммунистами».

После казни Тухачевского и других по указанию Сталина повсеместно были проведены собрания и митинги, на которых создавалось против них общественное мнение. Сообщения о приговоре и приведении его в исполнение были опубликованы во всех газетах и объявлены в приказе Ворошилова по армии. Все это вело к дезинформации партийных органов, военных организаций и советской общественности о положении дел в Красной Армии и превозносило значение и роль НКВД в жизни нашей страны. Вскоре после процесса над Тухачевским большая группа работников НКВД во главе с Ежовым была награждена орденами.

III. АНАЛИЗ МАТЕРИАЛОВ СЛЕДСТВИЯ И СУДА

Изучение уголовного дела показало, что никаких законных оснований к аресту Тухачевского, Якира, Уборевича и других военных деятелей не было. Органы НКВД арестовали их в нарушение Конституции СССР, вопреки требованиям уголовных и уголовно-процессуальных законов, без санкции прокурора или постановления суда, по прямому произволу Сталина и Ежова. В деле нет объективных доказательств, подтверждающих совершение кем-либо из обвиняемых государственных преступлений. Обвинения в этих преступлениях являются ложными и базируются лишь на противоречивых «признательных» показаниях арестованных, навязанных им работниками НКВД преступными методами проведения следствия по делу.

а) Ложные обвинения в «военном заговоре»

Следствие не располагало никакими объективными доказа-

тельствами о заговоре в Красной Армии. Однако пытаясь обосновать наличие военного заговора, следствие сфабриковало пять противоречащих друг другу предположений об обстоятельствах возникновения заговора. По делу получается, что заговор возник: 1) по инициативе Тухачевского, в его бонапартистских целях; 2) по директиве Троцкого; 3) по указанию центра правых; 4) по решению блока троцкистско-зиновьевской и правой организации; 5) по установкам, исходившим от генштаба Германии.

Вот как выглядят некоторые стороны этих вымышленных обстоятельств возникновения заговора:

1. О бонапартистских целях Тухачевского вымышленные показания были получены от Корка. По утверждению Корка, Тухачевский в 1934 г. в присутствии Путны якобы высказался за установление в стране военной диктатуры. Эти показания Корка Тухачевский не подтвердил. Не нашли они подтверждения и в показаниях Путны.

Знавшие же хорошо Тухачевского по совместной работе полковник Иссерсон (член КПСС с 1919 г), генерал-лейтенант Тодорский (член КПСС с 1918 г.) и другие охарактеризовали его как человека глубоко партийного, которому были чужды идеи бонапартизма. В частности, по поводу обвинений Тухачевского в бонапартизме бывший заместитель начальника оперативного отдела Генштаба Иссерсон написал в Парткомиссию при ЦК КПСС следующее:

> «Все это, конечно, грубая фальсификация, которая характеризует всю версию об «антисоветском военном заговоре». «Военные работники ценили и уважали Тухачевского за его незаурядные военные способности... Тухачевский однако не имел никакого своего окружения и не группировал вокруг себя так называемых «любимчиков». Кстати, Тухачевский не имел никакого влияния на назначения командного состава и эти назначения производились помимо него и часто вопреки ему. Поэтому Тухачевский не имел среды, на которую мог бы опираться... Тухачевский несомненно понимал это свое положение и мне представляется совершенно невероятным, чтобы в этих условиях у него могли зародиться какие-либо «бонапартистские» тенденции и замыслы. Тухачевский был слишком умным человеком, чтобы не понимать, что при первой же попытке в этом направлении он при наличии сильной, монолитной коммунистической партии повиснет в воздухе и сломает себе шею... Тухачевский достиг высшего положения в армии и все имел».

Прав Тодорский, показывая в своей работе «Маршал Тухачевский», что клеветническое приписывание бонапартистских замыслов по отношению к пролетарской революции представляло собой «черное дело политической дискредитации Тухачевского». «Культ личности,— пишет далее Тодорский,— не только уничтожил Тухачевского. На протяжении многих лет он подрывал его высокий авторитет и порочил доброе имя».

2. Утверждение о возникновении заговора по директиве Троцкого следствие пыталось обосновать вымышленными показаниями о наличии у Тухачевского связей с Троцким через Ромма, Пут-

ну, Пятакова и Примакова. Например, о связи Тухачевского с Троцким через корреспондента ТАСС в Женеве Владимира Ромма арестованный Фельдман 23 мая 1937 г. писал:

> «Предполагаю, что Тухачевский сносился с Троцким через Ромма. В 1932 г., когда я ехал в Германию вместе с Тухачевским, последний познакомил меня с Роммом в вагоне. Перед отходом поезда из Москвы Тухачевский и Ромм о чем-то таинственно разговаривали на платформе станции. Судя по тому, как Тухачевский уединялся с Роммом, встречался в Берлине, я заключаю, что Ромм являлся связующим звеном между Тухачевским и Троцким».

Располагая этими предположениями Фельдмана, следствие 27 мая 1937 г. добилось от Тухачевского признания, что связь с Троцким он установил через Ромма в 1932 году. Этот вымысел Тухачевский вынужден был подтвердить и на суде:

> «Когда в 1932 г. Ромм привез мне предложение Троцкого собирать троцкистские кадры, я согласился на это. Таким образом, я считаю начало организации нашего военного заговора с 1932 г.».

Наличие у Ромма преступных связей и встреч с Троцким и Седовым ничем не доказано. Показаний Ромма, арестованного в 1936 г. и осужденного в марте 1937 г., в деле Тухачевского нет, а из дела Ромма видно, что он в своих показаниях имя Тухачевского вообще не упоминал. В феврале 1958 г. Ромм (член партии с 1918 г.) посмертно реабилитирован.

О связях Тухачевского с Седовым и Троцким показал Путна. В частности, на следствии он заявил, что, находясь в сентябре 1935 г. в Лондоне и узнав о вызове в Москву, он сообщил об этом в Париж сыну Троцкого — Седову. От последнего с нарочным был доставлен пакет, в котором находились записка Седова к Путне и «доверительное письмо, написанное и подписанное лично Троцким» для Тухачевского. Выполняя задание Седова, он — Путна в первых числах октября 1935 г. якобы вручил Тухачевскому письмо Троцкого. Ознакомившись с письмом, Тухачевский просил Путну «передать устно, что Троцкий может на него рассчитывать».

Тухачевский на следствии и в суде упоминал только о письме Седова, якобы доставленном ему Путной, и ни разу не говорил о письме Троцкого, о чем показал Путна. Несмотря на это, следствие и суд предпочли замолчать это противоречие, вскрывающее ложность показаний, чтобы не лишиться столь важного «обвинения».

Вымогая показания от Тухачевского и Путны, следствие добилось «признания» ими факта личной встречи с Седовым, якобы устроенной Тухачевскому Путной в 1936 г. в кафе в Париже. Между тем, о пребывании Тухачевского в Париже с 10 по 16 февраля 1936 г. поступала подробная информация как от советского военного атташе во Франции Венцова, так и по линии органов НКВД, но сведений о его встрече с Седовым она не содержала. В ходе настоящей проверки быв[ший] ра-

ботник ИНО НКВД член КПСС с 1923 г. Афанасьев по этому вопросу объяснил:

«С 1932 по 1938 г. я находился непрерывно на нелегальной разведывательной работе за рубежом. Я возглавлял нелегальную резидентуру в Париже, которая занималась, главным образом, разработкой деятельности сына Троцкого — Седова и его окружения... мы были в курсе дела самой засекреченной конспиративной деятельности Троцкого и Седова. Поэтому, когда ставится вопрос, могли ли иметь место встречи Седова с Тухачевским, Путной и другими военными деятелями Советского Союза, о чем говорилось на процессах, имевших место в Москве с 1936 по 1938 г., то можно утверждать, что это не соответствует действительности... те агентурные и документальные материалы, которые мы получали в процессе разработки Троцкого, Седова, Клемана и частично РОВСа в Париже, ни прямо, ни косвенно не подтверждали те обвинения, которые выдвигались против обвиняемых на процессах... и в особенности обвинения, которые выдвигались против военных деятелей Красной Армии в связи с делом Тухачевского, Корка, Гамарника, Путны и др.».

В материалах дела фигурируют еще два фиктивных канала связи Тухачевского с Троцким — через Примакова и Пятакова. Однако о встречах и разговорах с Тухачевским Пятаков никаких показаний на следствии и в суде, который проходил до суда над Тухачевским, не давал, а Радек на вопросы Вышинского в суде о причастности Тухачевского к троцкистской организации ответил отрицательно.

Что же касается Примакова, то он утверждал, что личных связей за границей с Троцким ему завязать не удалось.

3. После получения от Тухачевского показаний о том, что еще в 1928 г. Енукидзе втянул его в организацию правых, были получены у него же показания и о возникновении в 1932 г. военного заговора «на платформе правых взглядов».

Показаний Енукидзе в деле Тухачевского и других нет, но изучение дела Енукидзе показало, что он и не давал показаний о вербовке им Тухачевского в организацию правых и о встречах с ним в 1928—1930 гг.

Вымогая ложные показания у арестованных о возникновении военного заговора по решениям центра правых и правотроцкистского блока, следствие широко использовало ссылку арестованных на то, что об этом они слышали от Томского, покончившего к этому времени жизнь самоубийством. Так, на допросе 30 мая 1937 г. Енукидзе показал:

«...центром правых было принято решение о создании военной организации...». «На мой вопрос, кем же привлечен в организацию Тухачевский, Томский ответил, что А. И. Рыковым».

На следствии по делу Тухачевского это показание Енукидзе предпочли замолчать. На вопросы же суда о взаимоотношениях с правыми Тухачевский ответил, что «с Рыковым у меня разговоров никаких не было».

Проверка показала, что Рыков о вербовке им Тухачевского показаний вообще не давал, но в «личных» показаниях от 6 июня 1937 г. упоминал, что он якобы слышал от Томского,

что Тухачевский, Корк, Путна и Уборевич «примкнули» к правым.

4. О наличии связи у военных заговорщиков с «правотроцкистским блоком» Енукидзе под воздействием следствия показал:

«В конце 1932 г. ...Томский мне сообщил следующее: по решению блока троцкистско-зиновьевской и правой организации создан единый центр военных организаций. В этот центр входят Корк, Путна и Примаков. Центром руководит Тухачевский».

2 июня 1937 г., то есть через три месяца после ареста, следствие получило от Бухарина «личные показания», в которых он писал:

«Следует остановиться на создании общего центра, куда входили правые Томский и Рыков, зиновьевцы — Каменев, Сокольников, троцкисты — Пятаков, военные — Тухачевский, Корк и Ягода. Об образовании такого центра мне сообщил в свое время Томский... Не могу сказать, собирался ли когда-либо этот объединенный центр».

На допросе 14 июня 1937 г. Бухарин изменил показание о составе центра, исключив из него военных Тухачевского и Корка.

Необходимо отметить, что о каких-либо переговорах с Томским Тухачевский, Якир, Уборевич и другие обвиняемые по этому делу на следствии и в суде показаний не давали. На следствии Тухачевский показал:

«Связь между военным центром и правыми поддерживалась мной через Горбачева и Петерсона, которые были связаны с Енукидзе, Ягодой, Бухариным и Рыковым».

Из дела комкора Горбачева, члена ВКП(б) с 1917 г., видно, что он в суде виновным себя не признал и от показаний на следствии отказался, как данных под принуждением следователей Ушакова и Стромина. Горбачев заявил суду, что показания Тухачевского, Корка, Енукидзе и других ему известны, но что они являются ложными.

Бухарин и Рыков о связях с Тухачевским через Горабачева и Петерсона показаний также не давали. В 1956 г. Горбачев и Петерсон посмертно реабилитированы.

Проверкой личных партийных дел и других данных в партийных архивах установлено, что Тухачевский, Якир, Уборевич, Эйдеман, Корк и Фельдман в оппозициях не участвовали и к антипартийным группировкам не принадлежали. В суде Тухачевский заявлял:

«Я всегда во всех случаях выступал против Троцкого, когда бывала дискуссия, точно так же выступал против правых... Так что я на правых позициях не стоял... Что касается моего выступления против Троцкого в 1923 году, то мною лично был написан доклад по этому поводу и послан в ЦК».

В собственноручных показаниях на следствии Якир упоминал:

«Я, стоя на ленинских позициях, вел с троцкизмом в Киеве борьбу... я

всегда держался правильной партийной позиции... Мне предложил нарком пойти вместо Бубнова начальником ПУРа. Это было после большой борьбы в армии с так называемой белорусско-толмачевской оппозицией, в вопросе о которой я держался совершенно правильной позиции и был одним из командиров, приложивших много труда к ее ликвидации».

В суде Якир утверждал:

«В течение многих лет я был честным, преданным и самоотверженным солдатом страны, армии, партии... в 1923, 1927 г. ...я стоял на правильных ленинских позициях... боролся с оппозицией».

В заявлении на имя Ежова от 9 июня 1937 г. Уборевич писал:

«Я пришел в революцию из среды простого трудового народа и не колебался в самые трудные годы борьбы за Советскую власть как в гражданскую войну, так и в последующие годы... Я имел таких замечательных политических воспитателей, как Орджоникидзе, некоторые годы Микоян и другие. Я не был никогда троцкистом, зиновьевцем или ... правым».

Таким образом, все эти четыре утверждения об истоках возникновения военного заговора так же, как и пятое утверждение о деятельности заговорщиков по установкам германского генштаба, о чем будет изложено ниже, материалами дела не подтверждаются, они крайне противоречивы, построены на запутанных показаниях, полученных следствием от арестованных преступным путем.

Крайне противоречивы показания арестованных и о наличии «центра» заговора, «запасного» и «параллельного» центров и о террористических намерениях заговорщиков.

По выводам обвинительного заключения и по приговору суда, военно-фашистская организация действовала под руководством «центра» в составе Гамарника, Тухачевского, Якира, Уборевича, Корка, Эйдемана, Фельдмана. Проверка материалов дела и анализ «доказательств обвинения» показывают, что никакого антисоветского военного «центра» в РККА в тридцатых годах не существовало. Наличие «центра», руководившего якобы военным заговором, было сфабриковано в процессе следствия на основе «признательных» показаний арестованных, полученных в результате применения к ним незаконных методов следствия.

Прямых показаний о вхождении в центр военного заговора начальника Политического управления РККА Гамарника следователи Ушаков, Карелин и Литвин добились от Тухачевского и Уборевича только за два дня до судебного процесса. Отвечая на вопросы суда, Тухачевский, характеризуя взаимоотношения с Гамарником, заявил: «Я был по западным делам, Гамарник — по восточным... я бы сказал, что здесь было как бы двоецентрие».

Наряду с фальсификацией следственных материалов об «основном центре» военного заговора следователь Ушаков пытался доказать наличие в организации «запасного центра», возглавляемого Якиром.

В дальнейшем не обошлось и без фабрикации тем же Ушако-

вым еще одного центра военного заговора — «параллельного», возглавлявшегося якобы командармом 2 ранга Халепским. Однако Тухачевский никаких показаний о наличии «параллельного центра» не давал и Халепского среди лиц, «завербованных» им в заговор, не называл. В 1956 г. Халепский был посмертно реабилитирован.

Для придания видимости наличия военного заговора и его «центра» следствие широко освещало в протоколах допроса арестованных вербовку новых членов для антисоветской деятельности. Почти все лица, которые назывались Тухачевским и другими, тогда же незаконно были арестованы и неосновательно осуждены (в настоящее время после проведенной проверки их дел, подтвердившей фальсификацию обвинения, они посмертно реабилитированы).

О времени, месте и обстоятельствах так называемых вербовок в военный заговор Тухачевский и другие арестованные давали на следствии неправдоподобные и противоречивые описания. Так, по показаниям Тухачевского, он завербовал в заговор Эйдемана и Аппогу во время пленума Реввоенсовета СССР, Горбачева во время сессии ЦИК СССР в Кремле, начальника отдела внешних сношений Наркомата обороны Геккера — на одном из дипломатических приемов.

Обвинение в терроре также основывалось на противоречивых показаниях, «добытых» следствием у Тухачевского, Фельдмана и Путны. Показания Тухачевского оказались «косвенными»: он их давал якобы «со слов» Примакова. Но на следствии и в суде Примаков отрицал подготовку им терактов и утверждал, что ему вообще не было известно, чтобы и Шмидт с Кузьмичевым готовили их.

Также полностью опровергается и другая линия ложных обвинений в терроре, которая следствием навязана была арестованному Путне и в соответствии с которой Дрейцер, а не Тухачевский и Примаков, поручал Шмидту и Кузьмичеву совершить теракт над Ворошиловым.

Лживый характер обвинений в подготовке теракта над Ворошиловым вскрыла проверка дела Кузьмичева и Шмидта, расстрелянных в июне 1937 г. и реабилитированных в 1957 г. В заявлении Сталину комдив Шмидт (член ВКП(б) с 1915 г.) писал:

> «Все обвинения — миф, показания мои — ложь 100%. Почему я давал показания, к этому мало ли причин... Я у Вас прошу не милости. После моего разговора с Вами совершить какое-нибудь преступление перед партией, это было бы в меньшей мере вероломство. Да, этому названия нет. Пишу я Вам, зная, что Вы можете все проверить... Дорогой т. Сталин! Самое основное, что я ни в чем не виновен... Честному человеку, бойцу и революционеру не место в тюрьме...».

В основе обвинения во вредительстве были бездоказательные «признания» Тухачевского, Якира, Уборевича и других арестованных, находившиеся в полном противоречии с действительно-

стью, с активной и плодотворной работой всех этих лиц по укреплению обороны Советского государства и боеготовности наших Вооруженных Сил. Никаких объективных доказательств совершения вредительских актов обвиняемыми в материалах дела нет. Исследование вопроса о военной деятельности Тухачевского, Уборевича, Якира и других, проведенное в ходе настоящей проверки Военно-научным управлением Генштаба, полностью опровергает обвинение их во вредительстве.

б) Ложные обвинения в измене Родине

Одним из обстоятельств возникновения заговора является, по утверждению следствия, связь заговорщиков с генеральным штабом Германии. При фабрикации такого обвинения в измене Родине следствием были использованы прежде всего официальные встречи советских военных руководителей с представителями немецкой армии.

Известно, что в 1922 г. РСФСР был заключен с Германией Рапалльский договор, установивший нормальные дипломатические отношения между обоими государствами. Развитие мирных отношений между Советским государством и Германией привело в 1922 — 1923 гг. к переговорам и заключению соглашения исключительно оборонительного характера о сотрудничестве между Красной Армией и германским рейхсвером. Сотрудничество это было обусловлено взаимными интересами обеих сторон. Советское командование стремилось использовать главным образом технический опыт немцев в целях укрепления боеспособности Красной Армии. Руководство рейхсвера со своей стороны добивалось получить возможность проводить обучение на нашей территории военных летчиков и танкистов, что осуществлять в самой Германии было затруднено по условиям Версальского договора.

Вот что говорится по этому вопросу в заключении советского Генштаба:

> «Наибольшие результаты давали нам командировки командного состава Красной Армии в Германию на маневры, полевые поездки и академические курсы... общее количество ездивших в Германию по линии военведа только за 1925—1931 гг. составило 156 человек, из которых около 50% было командировано для изучения общевойсковых вопросов и вопросов штабной службы, остальные же для изучения различных специальных вопросов и по особым заданиям РВС СССР».

В 1927—1928 гг. в германской военной академии учились Якир, Уборевич, Эйдеман, в 1930—1931 гг.— Егоров, Белов, Дыбенко. Организацию штабной службы в германском рейхсвере изучали Путна, Фельдман, Мерецков, Штерн и другие; методику полевой подготовки немецких войск — Тимошенко, Горбачев; организацию авиации — Алкснис, Меженинов и т. д. Для ознакомления с германскими военными заводами выезжали Уборе-

вич, Триандафиллов, Берзин (1930), Ефимов (1931). Для той же цели и для присутствия на маневрах в Германию ездили Тухачевский, Фельдман (1932). Кроме того, советскими военными атташе в Берлине были Корк с 1928 по 1929 г. и Путна с 1929 по 1931 г.

С приходом в 1933 г. Гитлера к власти сотрудничество с рейхсвером прекратилось, а немецкие генералы Гаммерштейн, Адам, Боккельберг и другие «восточные ориентанты», с которыми ранее встречались наши представители, были заменены.

Между тем в обвинительном заключении по делу Тухачевского и других о возникновении заговора утверждалось:

> «В 1932—1933 гг. по прямым указаниям германского генерального штаба и его агента врага народа Л. Троцкого образовалась военно-троцкистская организация».

Все подсудимые в приговоре объявлялись руководителями военно-фашистской организации, деятельность которой «проводилась под непосредственным руководством германского генерального штаба и его агента — врага народа Л. Троцкого».

Суд признал также, что Тухачевский, Якир, Уборевич, Путна, Эйдеман и Корк, войдя в преступную связь с военными кругами Германии, систематически передавали германскому генштабу совершенно секретные сведения, представляющие важнейшую государственную тайну об организации, вооружении и снабжении Красной Армии, а польской разведке передали планы Летичевского укрепленного района.

При допросе в суде Якир и Уборевич отрицали обвинение в шпионаже. Так, на вопрос Дыбенко, обращенный к Якиру: «Вы лично, когда конкретно начали проводить шпионскую работу в пользу германского генерального штаба?» — подсудимый Якир ответил: «Этой работы лично непосредственно я не начинал».

Когда Дыбенко спросил Уборевича: «Непосредственно шпионскую работу вы вели с немецким генеральным штабом?» — Уборевич ответил суду: «Не вел никогда».

На вопрос Ульриха, адресованный Тухачевскому: «Вы утверждаете, что к антисоветской деятельности примкнули с 1932 года. А Ваша шпионская деятельность — ее вы считаете антисоветской? Она началась гораздо раньше», — последовал ответ Тухачевского: «Я не знаю, можно ли было считать ее шпионской...».

В материалах следствия и суда нет ни слова о вербовке немецкой, польской или иной иностранной разведкой кого-либо из обвиняемых. При этом за шпионаж в деле выдавались любые разговоры по военным вопросам с иностранцами при официальных встречах с ними. Признания подсудимых в шпионаже носили явно вымышленный характер, навязанный следствием. Даже при обосновании обвинения в шпионаже в обвинительном заключении и в приговоре приводилось лишь несколько фактов, да и то все они относились к Тухачевскому и в одном случае к Путне.

Конкретных же фактов передачи Якиром, Уборевичем, Корком и Эйдеманом шпионских сведений в этих документах не приводится.

В приговоре без обоснования указано, что Тухачевский передал в 1932 году начальнику штаба рейхсвера генералу Адаму сведения о вооружениях Красной Армии. Действительно, в показаниях Тухачевского в мае 1937 г. указывалось, что при встрече с Адамом во время германских маневров в 1932 г. он передал ему сведения о размере вооружений Красной Армии. Однако же в показаниях на следствии в июне 1937 г. и в суде о передаче Адаму таких сведений Тухачевский уже не упоминает. Следствие и суд не интересовались конкретным содержанием этих сведений и сам он по этому вопросу показаний не давал. Что же касается показания Тухачевского на следствии о том, что он будто бы выдал Адаму на банкете тайну о 150 дивизиях, которые в войне против Польши будут развернуты Советским Союзом, то в суде он пояснил, что Адаму он сказал иное, а именно, что Красной Армией к тому времени уже было развернуто 150 дивизий. Сомнительно, чтобы Тухачевский мог вообще говорить о таких сведениях на официальном банкете. Но если предположить, что это количество дивизий было Тухачевским все же названо Адаму, как об этом сказано в показаниях на следствии от 1 июня и в суде, то такое сообщение Тухачевского надо считать прямой дезинформацией с его стороны, так как в действительности в тот период Красная Армия имела не 150, а значительно меньше дивизий, и в войне против Польши по оперативному плану 1931—1932 гг. предполагалось использовать лишь 94 стрелковых и 12 кавалерийских дивизий.

Следствие и суд обязаны были провести квалифицированную экспертизу по вопросу о том, соответствовали ли действительности эти сведения и представляли ли они, как и иные «разглашенные» Тухачевским данные, о которых будет сказано ниже, государственную и военную тайну, но этого сделано не было.

Далее суд признал Тухачевского виновным в том, что он передал немецкому генералу Боккельбергу, приезжавшему в Москву в мае 1933 г., сведения о мощности ряда военных заводов. Показания, навязанные Тухачевскому следствием, не содержат никаких конкретных данных об этих военных заводах, а поэтому на основании их нельзя было вообще судить о том, содержали ли они военную и государственную тайну.

Присутствовавший при приеме Тухачевским Боккельберга и при посещении немецкими представителями военных заводов полковник Сухоруков (член КПСС с 1917 г.) объяснил:

«В мае 1933 г. в СССР приезжала группа офицеров рейхсвера для ознакомления с некоторыми заводами военной промышленности. Во главе этой группы стоял генерал Боккельберг — начальник вооружения рейхсвера. Это был ответный визит на осмотр военных предприятий военной промышленности Германии М. Н. Тухачевским. Как обычно, программа показа

была согласована с правительством, утверждена Наркомвоенмором. В числе объектов показа предусматривалось посещение 1[-го] авиазавода, 8[-го] артиллерийского завода и Тульского оружейного завода. Сопровождали группу Боккельберга представители Главного артиллерийского управления РККА и работники отдела внешних сношений... Во время осмотра... «гости» задавали вопросы о производительности станков и цехов. Как правило, ответы давались в духе дезинформации. Но если допустить, что в некоторых случаях сообщались сведения, близкие к действительности, то они не могли раскрывать общей производственной мощи авиазаводов и артиллерийских заводов Советского Союза, т. к. даже такой завод, как 1[-й] авиационный, составлял малую частицу того, что авиапромышленность Союза создавала... По окончании осмотра завода Боккельберг был на приеме у К. Е. Ворошилова и у М. Н. Тухачевского. Визит и беседа с М. Н. Тухачевским происходили при сопровождении Боккельберга работниками отдела внешних сношений и никакой беседы ни один офицер рейхсвера, равно как и Боккельберг, с глазу на глаз с М. Н. Тухачевским не имел... По окончании визита Боккельберга был составлен отчет».

В своем докладе о поездке в СССР Боккельберг указывал:

«Вновь построенные промышленные предприятия всюду оставляют исключительно хорошее впечатление... Совместная работа с Красной Армией и советской военной промышленностью, учитывая грандиозность советских планов, крайне желательна не только по военно-политическим соображениям, но и по военно-техническим».

В ходе настоящей проверки нами были ознакомлены с данными о некоторых советских военно-промышленных объектах, приведенными в докладе генерала Боккельберга, и с отчетами работников отдела внешних сношений НКО СССР специалисты — офицеры 8[-го] управления Генштаба Советской Армии. Они не отнесли эти данные о советских предприятиях к разряду совершенно секретных и содержащих государственную тайну Советского Союза, а определили, что они в условиях того периода носили лишь секретный характер.

Грубо сфабриковано было на следствии обвинение о передаче немцам военных сведений Тухачевским в 1935 г. устно через Путну. О содержании этих сведений Тухачевский и Путна дали исключительно противоречивые показания. Так, если в показаниях Тухачевского упоминалось о передаче через Путну сведений о состоянии авиации ПВО и мехвойск в Белорусском и Киевском военных округах и о графиках сосредоточения войск на западных границах, то в показаниях Путны утверждалось, что от Тухачевского он получил сведения «о состоянии и перспективах вооружения РККА», а также «о состоянии военной промышленности СССР». В суде же на вопрос председателя о том, откуда к нему поступили сведения об авиации, Тухачевский ответил: «От Алафузо». Между тем, арестованный Алафузо не давал показаний о передаче Тухачевскому каких-либо сведений об авиации или о мехвойсках по Белорусскому и Киевскому военным округам.

В показаниях Якира, Уборевича, Фельдмана, Корка, Эйдемана содержатся утверждения о шпионских связях некоторых из обвиняемых с германским военным атташе в Москве Кестрингом,

для встреч с которым использовались якобы официальные дипломатические приемы. Между тем, в обвинительном заключении и в приговоре суда никаких конкретных обвинений по этому поводу нет. Для проверки этих показаний имеют значение материалы следствия по делу быв. генерал-майора немецкой армии Шпальке, арестованного МГБ СССР в 1947 г. Установлено, что Шпальке с 1925 г. по 1937 г. служил в разведотделе генштаба Германии и специально занимался разведкой по Советскому Союзу. На следствии Шпальке показал, что с 1926 г. он, как представитель генштаба, прикомандировывался к командирам Советской Армии, приезжавшим в Германию для участия в маневрах и для учебы в военной академии. В числе этих лиц Шпальке назвал Якира, Примакова, Путну, Егорова, Орлова, Белова, Дыбенко, Тимошенко и других. Шпальке утверждал, что, общаясь с ними в Германии, он никогда от них не получал никаких данных разведывательного характера, хотя один раз и пытался это сделать. Являясь в последующее время руководителем отдела генштаба, ведавшего разведкой, Шпальке был близко связан с военным атташе Германии в Москве Кестрингом. По утверждению Шпальке, от Кестринга агентурных материалов не поступало и вся его информация основывалась на официальных источниках и сообщениях немецких офицеров, приезжавших в СССР на маневры. По показаниям Шпальке, Кестринг после процесса по делу Тухачевского возмущался и утверждал, что никаких связей агентурного характера среди командиров Советской Армии у него не было.

В процессе следствия делались попытки придать компрометирующий характер официальным встречам Тухачевского и других арестованных с полковником Нидермайером, находившимся в СССР до 1931 г. в роли представителя рейхсвера по наблюдению за тремя совместными предприятиями, но в приговоре о нем не упоминается.

Выяснено, что в мае 1945 г. Нидермайер в чине генерал-майора был задержан на фронте органами контрразведки и в 1948 г. осужден постановлением Особого совещания МГБ СССР за шпионаж против СССР на 25 лет лишения свободы. В том же году, отбывая наказание, Нидермайер умер. На следствии Нидермайер показывал:

> «На банкетах и приемах я познакомился и имел беседы со следующими лицами: Тухачевским, Уборевичем, Якиром, Корком, Блюхером, Радеком и др. ...Все эти связи имели только служебный характер... Признаю, что, находясь в Советском Союзе, я с 1924 по 1927 г. занимался разведывательной деятельностью в пользу Германии... Однако я утверждаю, что кроме Готфрида я других агентов не имел... В 1927 г. я получил приказ... о прекращении разведывательной работы в СССР по линии «Ц-МР».

Установлено, что Готфрид являлся секретным сотрудником ОГПУ и использовался для передачи Нидермайеру дезинформационных сведений о Красной Армии. В 1927 г. Готфрид был осужден коллегией ОГПУ к расстрелу за то, что под видом вы-

полнения заданий ОГПУ якобы передавал Нидермайеру шпионские сведения.

В обвинительном заключении утверждалось также, что в 1936 г. Тухачевский использовал свое официальное пребывание в Лондоне для передачи германскому генералу Рунштедту материалов о дислокации войск Белорусского и Киевского военных округов.

Это обвинение основывалось на противоречивых показаниях Якира о встрече Тухачевского с Рунштедтом, состоявшейся якобы в Берлине, а не в Лондоне. В суде Якир вообще не показывал об этом. Что же касается Тухачевского, то он ни на следствии, ни в суде не давал показаний о передаче им Рунштедту в Лондоне, Берлине или в ином месте сведений о дислокации войск округов. В результате суд не упомянул в приговоре об этом факте обвинения.

Вместе с тем, суд, не располагая какими-либо показаниями, записал в приговоре, что «в 1936 г. подсудимый Тухачевский, используя свое официальное пребывание в Лондоне, передал генералу германского генерального штаба Рунштедту план поражения Красной Армии». Эта запись в оригинале приговора сделана в виде вставки, но исправление никак не оговорено. Кем и на основании чего сделана вставка — установить не представляется возможным. К тому же этого обвинения не предъявлялось даже следствием, сфабриковавшим ложные обвинения по делу. В обвинительном заключении сообщалось иное, а именно: «Тухачевский разработал план поражения Красной Армии и согласовал этот план с представителем германского генерального штаба». Сам Тухачевский вообще утверждал, что плана поражения Красной Армии немцам он не передавал.

Описание Тухачевским на следствии и в суде своей встречи в Лондоне в 1936 г. с Рунштедтом и переговоров с ним по сугубо конспиративным вопросам во время похорон английского короля является вымыслом и никакими данными и материалами не доказывается. К тому же необходимо отметить, что находившиеся тогда в Лондоне Литвинов, Майский и Путна не были допрошены на следствии и в суде для проверки показаний Тухачевского о его пребывании в столице Англии.

Бывший советский посол в Лондоне Майский в своих объяснениях в КПК при ЦК КПСС в 1961 г. писал:

> «Общее впечатление, произведенное на меня Тухачевским, было очень благоприятно... Тухачевский обнаруживал редкое умение держать себя с иностранцами. Он был тверд, но тактичен, остроумно и интересно защищал свои позиции и атаковал позиции противника... Нередко при различных официальных оказиях я просто любовался тем, с каким достоинством и искусством Тухачевский представляет советскую страну при общении с правящими кругами капиталистического мира (ведь на похороны Георга V съехался целый капиталистический интернационал). Ничего сомнительного или подозрительного в поведении Тухачевского за время его пребывания в Лондоне не было, да и позднее до меня не доходило никаких сведений о его якобы преступных связях с германскими фашистами».

На следствии и в суде Якир, Уборевич и Корк дали противоречивые показания и о том, что совместно с Тухачевским ими якобы разрабатывался план поражения Красной Армии. Чтобы придать правдоподобность этим показаниям, следствием были использованы тактические игры, проводившиеся Генеральным штабом Красной Армии в 1935—1936 гг. с участием высшего командного состава. Ложность показаний Корка видна из самих протоколов допроса. Так, Корк на допросе 26 мая 1937 г. показал:

> «Встал вопрос о том, как практически возможно применение меня — Корка в осуществлении пораженческих планов военной организации... Но тут, помню, вмешался Уборевич и, обращаясь ко мне, сказал: «Будешь у меня на правом фланге Западного фронта. Задачу тебе надо поставить: наступать вдоль Западной Двины на Ригу. Следовательно, со стороны Вильно ты получишь удар в левый фланг и в тыл, что и приведет к срыву всей твоей операции».

На очной ставке с Уборевичем 30 мая 1937 г. Корк повторил это, на что Уборевич заявил:

> «Корк говорит совершенную неправду. Я пока хочу заметить одну только его фальшь. Он говорит, что я ему говорил, что он будет командовать армией на правом фланге, что эта армия пойдет на Ригу и будет разбита. Можно просмотреть оперативный план 1935 г. Белорусского округа, там вы не найдете положения, чтобы хотя одна армия правого фланга шла на Ригу».

Так как проверка этого обстоятельства могла поколебать обвинение арестованных в пораженчестве и, следовательно, не отвечала «интересам» следствия и суда, то такую проверку тогда и не проводили. В 1962 г. этот вопрос был изучен в оперативном управлении Генштаба; проверка показала, что в своих показаниях на очной ставке был прав Уборевич, а не Корк.

Фантастический план поражения Красной Армии, приписываемый Тухачевскому, а в самом деле сфабрикованный следствием, полностью опровергается документальными материалами о тех предложениях, которые на протяжении 1931—1937 гг. разрабатывались и вносились Тухачевским и Уборевичем Сталину и Ворошилову. Это были реально обоснованные предложения по повышению боевой мощи Красной Армии с учетом возрастающей опасности германской и японской агрессии против Советского Союза.

В 1961 году Генштаб Советской Армии и Военно-Морского Флота в своем заключении о военной деятельности Тухачевского и других указывает:

> «Внимательно следя за подготовкой и развитием армий капиталистических государств, Тухачевский вносил немало разумных предложений по планированию войны, по улучшению нашего стратегического развертывания... Вопросам стратегического развертывания и планам войны М. Н. Тухачевский придавал большое значение. Он в основном правильно оценивал силы и средства вероятных противников и возможности наших вооруженных сил... И. П. Уборевич как командующий приграничным округом непрерывно следил за изменением политической обстановки в соседних госу-

дарствах, проявляя неустанную заботу о разработке наиболее целесообразных планов вооруженной защиты советского государства... Он правильно оценивал возможные силы противника, особенности театра военных действий, роль новых родов войск и значение первоначального мощного удара наших войск».

31 марта 1935 г. в «Правде» была опубликована статья Тухачевского «Военные планы нынешней Германии». В этой статье автор разоблачал военную программу национал-социалистов — четырехлетний план создания ими мощных вооруженных сил. Статья вызвала резкое недовольство со стороны правительственных и военных кругов гитлеровской Германии. В своем дневнике Литвинов записал, что немецкий посол Шуленбург 4 апреля 1935 года выразил недовольство по поводу статьи Тухачевского о германских вооружениях. В тот же день германский военный атташе в Москве полковник Гартман заявил начальнику отдела внешних сношений Генштаба Красной Армии Геккеру, что «он имеет указание сообщить об отрицательном эффекте, который произвела статья т. Тухачевского на командование рейхсвера». Копии записей Литвинова и Геккера были посланы Сталину, Молотову и Ворошилову.

Необходимо также отметить, что Рудзутак, исключенный из состава ЦК ВКП(б) тем же постановлением, что и Тухачевский, был арестован как участник правотроцкистского блока и как немецкий шпион. В суде Рудзутак виновным себя не признал и заявил:

«Единственная просьба к суду довести до сведения ЦК ВКП(б) о том, что в органах НКВД имеется еще не выкорчеванный гнойник, который искусственно создает дела, принуждая ни в чем не повинных людей признавать себя виновными... Методы следствия таковы, что заставляют выдумывать и оговаривать ни в чем не повинных людей, не говоря уже о самом подследственном».

Просьба Рудзутака дать ему возможность все это описать для ЦК ВКП(б) судом удовлетворена не была, а он был расстрелян. Реабилитирован Рудзутак в 1956 году.

Кроме немецкого шпионажа следствие и суд только на основе «признательных» показаний обвинили Тухачевского в шпионаже в пользу Польши. В заявлении 29 мая 1937 г. Тухачевский писал:

«Примерно с 1925 года я был связан с Домбалем, как польским шпионом».

В суде же Тухачевский утверждал:

«Я не знал, что Домбаль — польский шпион. Домбаль был принят в Советский Союз — как член парламента, который выступал за поражение польской армии и за призыв в Красную Армию при вступлении ее в Варшаву. Под этим углом зрения было и мое знакомство с ним и встречи. Я знал его как члена ЦК польской компартии. О шпионской деятельности его я не знал, но так или иначе, я не имел никакого права ему сообщать эти секретные данные. Так как он оказался польским шпионом, то я несу полную ответственность как за участие в шпионаже в пользу Польши».

Проверкой установлено, что член КП Польши и член ВКП(б) с 1920 г. академик Домбаль Т. Ф.— один из лидеров компартии Польши был незаконно арестован органами НКВД СССР в декабре 1936 г., а в августе 1937 г. осужден к расстрелу. В суде он виновным себя не признал и показаний на Тухачевского не давал. В декабре 1955 г. Домбаль посмертно реабилитирован.

Столь же несостоятельно обвинение Тухачевского и Якира в том, что с их ведома в 1935 г. Туровским и Саблиным были переданы польской разведке секретные планы Летичевского укрепленного района. Проверкой установлено, что комкор Туровский и комдив Саблин не давали показаний о передаче полякам сведений о Летичевском укрепленном районе и о том, что они сообщали об этом Тухачевскому и Якиру.

Комдив Саблин (член партии с 1919 г.) показал в суде, что «показания Якира о том, что он, Саблин, информировал его о передаче в польскую разведку планов Летичевского укрепленного района, являются ложными, так как подобных вещей он, Саблин, говорить не мог, поскольку никаких планов в польскую разведку он не передавал».

Суд не признал Саблина виновным в польском шпионаже, но осудил его тоже по ложному обвинению в терроре и вредительстве. Невинно осужденные Туровский и Саблин в 1956 г. посмертно реабилитированы.

Несмотря на то, что в материалах следствия никаких доказательств о принадлежности Тухачевского к японской разведке не было, следователь Ушаков в постановлении о предъявлении обвинения Тухачевскому утверждал, что Тухачевский изобличается и в том, что он состоял тайным агентом японского генштаба. В обвинительном же заключении и в приговоре суда по делу Тухачевского нет никаких упоминаний о его шпионских связях с Японией.

В показаниях, полученных от Тухачевского на следствии и в суде, упоминалось о том, что «участник заговора» Аппога был связан якобы с японской и немецкой разведками и что Аппога ему сообщил, что он по заданию «центра» совместно с работниками НКПС передал японской и немецкой разведкам данные о железнодорожных перевозках на Дальний Восток.

Начальник военных сообщений РККА комкор Аппога (член ВКП(б) с 1917 г.) был арестован одновременно с Тухачевским. В июне 1937 года Сталин, ознакомившись с протоколом допроса арестованного Карахана от 2 июня 1937 г., написал на нем: «Допросить Аппогу (крепко)». В результате от Аппоги были получены показания о вредительстве, диверсиях и по связям с немцами. В заявлении в ЦК ВКП(б) от 1 сентября 1937 г. Аппога от прежних показаний отказался и утверждал, что они являются ложными и были даны им в результате репрессивных мер со стороны следователя. О шпионаже в пользу Японии Аппога никаких показаний не давал. В ноябре 1937 года по приговору Военной кол-

легии Верховного суда СССР Аппога был расстрелян. В 1956 году он реабилитирован в связи с отсутствием в его действиях состава преступления.

Таким образом, обвинения Тухачевского в немецком, польском и японском шпионаже являются ложными, созданными путем незаконных методов следствия, обмана, шантажа и запугивания. Подписанное Сталиным постановление ЦК ВКП(б) от 1 июня 1937 г., в котором упоминалось о данных, якобы изобличающих Якира и Уборевича в шпионаже в пользу Германии, Японии и Польши, также не основано на фактических данных.

Изучение материалов следствия, суда и документов партийных и государственных архивов показывает, что компрометация Тухачевского и многих других военачальников началась еще задолго до 1937 года. Для правильного понимания причин, приведших к расправе над Тухачевским и другими, крайне важно показать каково было отношение Сталина к некоторым деятелям Красной Армии, начиная с периода гражданской войны.

IV. О КУЛЬТЕ ЛИЧНОСТИ СТАЛИНА В ВОЕННЫХ ВОПРОСАХ

а) Отношение Сталина к освещению некоторых вопросов истории гражданской войны

После гражданской войны в двадцатые годы в нашей стране развернулась работа по изучению и обобщению опыта партии по руководству вооруженными силами и обороной страны. В партийных и армейских кругах обсуждались важнейшие проблемы истории гражданской войны и руководства Красной Армией, обобщался положительный опыт, вскрывались и ошибки, допущенные в период гражданской войны.

Особенно острый характер приобрела дискуссия по вопросам советско-польской войны. В этой дискуссии приняли участие многие видные военные деятели.

В 1923 году были изданы лекции Тухачевского «Поход на Вислу», которые им были прочитаны в Академии им. Фрунзе. В этих лекциях Тухачевский прямо высказывал мысль об ответственности руководящих лиц Юго-Западного фронта за поражение в 1920 году наших войск под Варшавой. В лекциях не были названы конкретные лица, виновные в этом, однако было ясно, что ими были командующий Юго-Западным фронтом Егоров, член РВС фронта Сталин, командарм 1-й Конной армии Буденный и член РВС армии Ворошилов.

Имеющиеся по этому вопросу архивные документы свидетельствуют о следующем.

2 августа 1920 года Политбюро ЦК РКП(б) приняло постановление о создании самостоятельного фронта по борьбе с Вран-

гелем (Южного фронта). Ответственность за формирование реввоенсовета этого фронта была возложена на Сталина. Этим постановлением было также предусмотрено объединение Юго-Западного фронта (командующий Егоров) с Западным (командующий Тухачевский), с оставлением реввоенсовета Западного фронта в качестве реввоенсовета объединенного фронта, а т. Тухачевского — в качестве командующего этим фронтом.

В этот же день В. И. Ленин информировал Сталина о решении Политбюро ЦК РКП(б) об объединении фронтов. 3 августа Сталин в телеграмме В. И. Ленину высказал свое несогласие с этим решением и в грубой форме заявил, что «не следовало бы Политбюро заниматься пустяками». В. И. Ленин разъяснил Сталину политическую и стратегическую необходимость принятого ЦК партии решения.

5 августа 1920 года решение Политбюро ЦК было одобрено Пленумом ЦК РКП(б). На основе указаний ЦК РКП(б) и Правительства главком С. С. Каменев 6 августа отдал командованию еще действовавшего Юго-Западного фронта (Егоров, Сталин) директиву о подготовке 12-й, 1-й Конной и 14-й армий для передачи Западному фронту. В этот же день главком приказал вывести 1-ю Конную армию «...в резерв для отдыха и подготовки к решительному новому удару». Однако эта директива по существу не была выполнена. С 12 августа 1-я Конная армия без санкции главкома снова была брошена командованием Юго-Западного фронта в наступление на Львов. Между тем еще 11 августа главком подписал приказ о передаче 12-й и 1-й Конной армий Западному фронту, который предпринимал решающее наступление на Варшаву. Сталин категорически отказался выполнить этот приказ. 13 августа 1920 г. он направил главкому следующую телеграмму:

«Ваша последняя директива 4774 оп/1052/ш без нужды опрокидывает сложившуюся группировку сил в районе этих армий, уже перешедших в наступление; директиву эту следовало бы дать либо три дня назад, когда конармия стояла в резерве, либо позднее, по взятии конармией района Львов, в настоящее время она только запутывает дело и неизбежно вызывает ненужную вредную заминку в делах в интересах новой перегруппировки. Ввиду этого я отказываюсь подписать соответствующее распоряжение Югозапа в развитие Вашей директивы. Пр. 38/20».

Действия Сталина означали по существу отказ от выполнения решений Политбюро и Пленума ЦК РКП(б) от 2 и 5 августа 1920 года. ЦК партии не мог пройти мимо этого факта и 14 августа Сталину была направлена телеграмма:

«Трения между Вами и Главкомом дошли до того, что (не расшифровано) необходимым выяснения путем совместного обсуждения при личном свидании, поэтому просим возможно скорее приехать в Москву. 14/8 248/ш. Секретарь Ц. К. Крестинский».

После отъезда Сталина в Москву командование 1-й Конной армии (Буденный и Ворошилов) под всякими предлогами отказывалось выполнять приказы Тухачевского о переброске армии

на помощь Западному фронту. Только 20 августа 1920 г., после приказа Реввоенсовета республики, 1-я Конная армия начала выход из боев под Львовом и двинулась на Западный фронт. Но было уже поздно: противник, воспользовавшись слабостью сил на левом фланге Западного фронта, перешел в контрнаступление и вынудил советские войска к отступлению. Задержка 1-й Конной армии под Львовом явилась одной из причин неудачи наступления Западного фронта в августе 1920 г.

Несмотря на такой ход советско-польской кампании, Сталин еще тогда всячески стремился доказать правоту своих позиций. Так, 30 августа 1920 г. он направил заявление в Политбюро ЦК партии, в котором писал:

> «Предлагаю ЦК образовать комиссию из трех (через Совоборопы) по обследованию условий нашего июльского наступления и августовского отступления на Западном фронте. Комиссии дать срок двухнедельный. Председателем комиссии (если нет у ЦК лучшего кандидата) предлагаю т. Серебрякова».

Политбюро ЦК партии не рассматривало этого заявления Сталина. 20 сентября 1920 г., когда на Пленуме ЦК РКП(б) решался вопрос о направлении Сталина на Кавказ для выяснения там обстановки, на польском и врангелевском фронтах шли ожесточенные бои. На очереди дня стоял вопрос о разгроме Врангеля, с чем связывалось окончание военной интервенции и гражданской войны. В этот ответственный момент, будучи несогласным с оценкой причин отступления на Западном фронте, Сталин на Пленуме ЦК РКП(б) 20 сентября 1920 г. заявил об отставке с поста члена Реввоенсовета Республики. Пленум ЦК РКП(б) постановил: отставки Сталина не принимать.

Через несколько дней, 23 сентября 1920 г., на IX Всероссийской конференции РКП(б) Сталин снова пытался возложить всю ответственность за неудачу под Варшавой на главкома Каменева и комфронта Тухачевского. Однако В. И. Ленин, не согласившись с этим, в заключительном слове на конференции упрекнул Сталина в пристрастном отношении к командованию Западного фронта. Сталин и после этого не признал своего неправильного отношения к Тухачевскому и другим руководителям Западного фронта. Он выступил на конференции с заявлением «по личному вопросу» и, пытаясь отвести от себя упреки, высказанные Лениным, утверждал: «...заявление тов. Ленина, что я пристрастен к командованию Западного фронта... не соответствует действительности».

Таким образом, лекции Тухачевского «Поход на Вислу» (1923 год) положили начало послевоенной дискуссии о советско-польской кампании.

В последующие годы обсуждение вопросов, связанных с советско-польской войной, продолжалось.

В 1925 г. была издана книга профессоров Военной академии Какурина и Меликова «Война с белополяками 1920 г.». Авторы,

анализируя боевые действия этой кампании, также отметили ответственность командования Юго-Западного фронта за поражение наших войск под Варшавой.

В 1929 г. вышла книга бывшего командующего Юго-Западным фронтом Егорова «Львов — Варшава», в которой он оправдывает действия этого фронта и вину за поражение наших войск под Варшавой перекладывает на Главкома Каменева и командующего Западным фронтом Тухачевского. Правда, в процессе работы над этой книгой Егоров, стремясь придать объективность своим рассуждениям, пытался осветить события, связанные с отказом Сталина выполнить постановление Пленума ЦК РКП(б) и директиву главкома о передаче 12-й и 1-й Конной армии Западному фронту. Но эта попытка Егорова встретила возражение со стороны Сталина. В письме к Егорову от 3 декабря 1928 г. Сталин вновь расценивал правильными свои действия в ходе советско-польской кампании. Впоследствии же он предложил вообще этот вопрос не затрагивать в исторических работах.

Книга Егорова «Львов — Варшава», в которой он оправдывал действия Юго-Западного фронта и пытался снять с себя и Сталина ответственность за поражение наших войск под Варшавой, вызвала недовольство со стороны многих военных деятелей и историков. Об этом Егорову стало известно, и он 20 декабря 1929 г. написал Сталину письмо, в котором информировал его о создавшемся положении.

> «Обстоятельства, связанные с критикой моей книги «Львов — Варшава»,— писал Егоров,— вынуждают меня беспокоить Вас и просить личного свидания для установления особо важных моментов, без чего я абсолютно не могу и просто не имею права дать необходимый ответ в печати, так как задетые вопросы носят глубоко принципиальный характер и имеют непосредственное отношение к работе и ответственности РВС Юго-Западного фронта, как такового».

В архивных материалах нет данных, показывающих реакцию Сталина на это письмо Егорова. Однако уже в то время изложенные в книге «Львов — Варшава» положения о якобы правильной позиции командования Юго-Западным фронтом в советско-польской войне стали как бы официально признанными, что давало возможность возвеличить заслуги Сталина и в этот период гражданской войны. Кроме того, используя свое руководящее положение в партии, Сталин и сам уже не стеснялся возвеличивать свою роль в гражданской войне. Так, выступая 8 сентября 1927 г. на объединенном заседании Политбюро ЦК и Президиума ЦКК, Сталин заявил: «Имеется ряд документов и это известно всей партии, что Сталина перебрасывал ЦК с фронта на фронт в продолжение трех лет на юг и восток, на север и запад, когда на фронтах становилось туго».

Отмечавшееся 21 декабря 1929 года 50-летие со дня рождения Сталина было широко использовано для непомерного возвеличивания его заслуг перед партией и государством. Опубликованная в это время в газете «Правда» статья наркома Ворошилова «Ста-

лин и Красная Армия» способствовала этому возвеличиванию Сталина и в военных вопросах. Основная цель этой статьи, как ее формулировал сам автор, состояла в том, чтобы восполнить «пробел» в исследовании военной деятельности Сталина, «как одного из самых выдающихся организаторов побед гражданской войны». В этой статье Ворошилов утверждал, что все основные победы, одержанные в гражданской войне (под Царицыном, под Пермью, над Деникиным, Врангелем, Юденичем и т. д.), были достигнуты ввиду исключительной роли Сталина.

Еще в рукописи Сталин был ознакомлен со статьей и сделал некоторые замечания. По утверждению Хмельницкого, бывшего адъютанта Ворошилова, в этой рукописи, которую он читал в архиве Ворошилова, написано, что в период гражданской войны «имелись успехи и недочеты, у И. В. Сталина ошибок было меньше, чем у других». Эта фраза, как сообщает Хмельницкий, зачеркнута красным карандашом и рукою Сталина написано: «Клим! Ошибок не было, надо выбросить этот абзац. Ст.».

К началу 30-х годов в связи с разгромом партией троцкистов, зиновьевцев и правых оппортунистов, а также с успехами в развитии экономики страны авторитет Сталина, как Генерального секретаря ЦК партии и руководителя государства, значительно возрос. Сталин воспринял оказанное ему доверие неправильно, стал злоупотреблять властью, создавая культ своей личности.

Непомерно возвеличивая свои заслуги в гражданской войне, Сталин, вместе с тем, принижал руководящую деятельность ЦК РКП(б) в организации обороны социалистического государства и роль В. И. Ленина, как руководителя этой обороны, создателя Красной Армии и основоположника советской военной науки. Чуждое марксизму-ленинизму возвеличивание роли Сталина в гражданской войне и извращение военной истории вызывали недовольство со стороны многих партийных и военных деятелей и вели их к столкновению со Сталиным.

В 1930 г. вышел в свет третий том «Гражданской войны» под редакцией Бубнова, Каменева С. С., Тухачевского и Эйдемана. Составителями этого тома являлись профессор Военной академии Какурин и бывший главком Вацетис. В период подготовки тома к печати Ворошилов и Егоров пытались оказать воздействие на редколлегию с целью вынудить ее внести коррективы в рукопись тома, подчеркивающие особую роль Сталина в гражданской войне. Сделав некоторые уступки в этом отношении, редколлегия не изменила своей оценки советско-польской войны, отметив ошибки командования Юго-Западного фронта (Егоров, Сталин). Следует сказать, что впоследствии весь состав редколлегии и авторы третьего тома были объявлены врагами народа и репрессированы.

После гражданской войны Тухачевский нередко подвергался нападкам со стороны Сталина, Ворошилова, Буденного и Егоро-

ва. Находясь на посту начальника штаба РККА, Тухачевский постоянно проявлял инициативу в улучшении организации работы штаба и вносил предложения по этим вопросам на имя Ворошилова. Однако эти предложения не получали поддержки. Ворошилов занял неправильную позицию по отношению к Тухачевскому, дискредитировал его, что сказывалось на работе всего штаба. Об их взаимоотношениях можно судить, например, по письму Тухачевского к Ворошилову от 5 апреля 1928 г.:

«В дополнение к тем соображениям, которые я высказывал Вам после заседания РВС,— писал Тухачевский,— считаю необходимым доложить два основных момента, делающих работу штаба РККА совершенно ненормальной... Прежде всего и в текущей и в плановой работе создается такое положение, что зачастую может казаться, будто Вы, как нарком, работаете сами по себе, а штаб РККА сам по себе, что совершенно противоестественно, так как по существу штаб должен быть рабочим аппаратом в Ваших руках по объединению всех сторон и работ по подготовке войны. Если он таким аппаратом не является, то значит дело не в порядке».

Буденный, Егоров и Дыбенко направили 16 апреля 1928 г. письмо Ворошилову, в котором допускали нападки на Тухачевского. В этом письме ими принижались заслуги и боевой опыт Тухачевского, умалялась его роль в руководстве деятельностью штаба РККА и ставился вопрос о замене его на этом посту. В сложившейся обстановке Тухачевский вынужден был поставить вопрос об освобождении его с поста начальника штаба РККА. В мае 1928 г. Тухачевский был освобожден от этого поста, отстранен от научной работы в Военной академии им. Фрунзе, где он руководил кафедрой стратегии, и был назначен командующим Ленинградским военным округом.

Работая в округе, Тухачевский проявлял озабоченность об улучшении организации РККА в целом, ее росте и технической реконструкции. По этим вопросам он представлял Ворошилову свои конкретные предложения. Тухачевский, имея в виду приближение военной опасности, предлагал увеличить армию и на основе развития нашей экономики поднять боевую мощь РККА путем оснащения ее танками, артиллерией и авиацией. Ворошилов не только не поддержал этих предложений, но и высказал к ним отрицательное отношение. В письме Сталину от 5 марта 1930 г. он писал:

«...Направляю для ознакомления копию письма Тухачевского и справку штаба по этому поводу. Тухачевский хочет быть оригинальным и... «радикальным». Плохо, что в КА есть порода людей, которая этот «радикализм» принимает за чистую монету. Очень прошу прочесть оба документа и сказать мне свое мнение».

Сталин также отрицательно отнесся к предложениям Тухачевского и в ответном письме к Ворошилову 23 марта 1930 г. сообщал:

«...Я думаю, что «план» т. Тухачевского является результатом модного увлечения «левой» фразой, результатом увлечения бумажным, канцелярским максимализмом. Поэтому-то анализ заменен в нем «игрой в цифири»,

а марксистская перспектива роста Красной Армии — фантастикой. «Осуществить» такой «план» — значит наверняка загубить и хозяйство страны, и армию. Это было бы хуже всякой контрреволюции... Твой И. Сталин».

Используя этот ответ Сталина, Ворошилов заготовил в адрес Тухачевского письмо следующего содержания:

«...Посылаю Вам его (т. е. Сталина) оценку Вашего «плана». Она не очень лестна... но, по моему глубокому убеждению, совершенно правильна и Вами заслужена. Я полностью присоединяюсь к мнению т. Сталина, что принятие и выполнение Вашей программы было бы хуже всякой контрреволюции, потому что оно неминуемо повело бы к полной ликвидации социалистического строительства и к замене его какой-то своеобразной и, во всяком случае, враждебной пролетариату системой «красного милитаризма».

Это письмо Ворошилов не послал Тухачевскому, однако с целью дальнейшего подрыва его авторитета Ворошилов обнародовал письмо Сталина на расширенном заседании Реввоенсовета СССР.

Интриги, которые плелись вокруг Тухачевского, поставили его в невыносимые условия, о чем он 30 декабря 1930 г. Сталину писал:

«...Формулировка Вашего письма, оглашенного т. Ворошиловым на расширенном заседании РВС СССР, совершенно исключает для меня возможность вынесения на широкое обсуждение ряда вопросов, касающихся проблем развития нашей обороноспособности, например я исключен как руководитель по стратегии из Военной Академии РККА, где вел этот предмет в течение шести лет. И вообще положение мое в этих вопросах стало крайне ложным».

Происходившие изменения в международной обстановке и сдвиги в экономике страны подтвердили правильность предвидения Тухачевского и своевременность его предложений по укреплению обороноспособности нашей страны. Сталин и Ворошилов были вынуждены в конце концов посчитаться с опытом и знаниями Тухачевского в области военного строительства: в июне 1931 года Тухачевский был назначен заместителем наркома обороны и начальником вооружения РККА. Несмотря на это, травля и компрометация Тухачевского не прекращались.

В сентябре 1931 г. Академией им. Фрунзе было издано учебное пособие по итогам советско-польской войны, в котором вновь и в более резкой форме выдвигались обвинения против Тухачевского, якобы ответственного за неблагоприятный исход Варшавской операции. В этом пособии действия Тухачевского во время его командования Западным фронтом расценивались уже как авантюристические. Основные положения и выводы учебного пособия были одобрены Ворошиловым.

Ввиду этого Тухачевский в январе 1932 г. обратился к Сталину с письмом, в котором ставил вопрос о прекращении травли в отношении его, однако в то время ответа от Сталина не последовало. Позже, в мае 1932 г., Сталин направил письмо Тухачевскому, в котором признал ошибочность своей оценки его

прежних предложений и просил извинения за нанесенную ему незаслуженную обиду. Сталин писал:

> «В своем письме на имя т. Ворошилова (речь идет о письме от 23 марта 1930 г.— Прим. наше), как известно, я присоединился в основном к выводам нашего штаба и высказался о Вашей «записке» резко отрицательно, признав ее плодом «канцелярского максимализма», результатом «игры в цифры» и т. п. Так было дело два года назад. Ныне, спустя два года, когда некоторые неясные вопросы стали для меня более ясными, я должен признать, что моя оценка была слишком резкой, а выводы моего письма — не во всем правильными... Мне кажется, что мое письмо на имя т. Ворошилова не было бы столь резким по тону и оно было бы свободно от некоторых неправильных выводов в отношении Вас, если бы я перенес тогда спор на эту новую базу. Но я не сделал этого, так как, очевидно, проблема не была еще достаточно ясна для меня. Не ругайте меня, что я взялся исправить недочеты своего письма с некоторым опозданием. С ком. прив. И. Сталин».

Доверие Сталина к Тухачевскому внешне было несколько восстановлено и это облегчало деятельность Тухачевского. Находясь на посту зам. наркома обороны, он честно и добросовестно относился к своему служебному долгу, разрабатывал и представлял Сталину и Ворошилову предложения по различным вопросам военного строительства. Предложения Тухачевского, в частности, по вопросам стратегического развертывания, развитию родов войск и вооружению, по повышению мобилизационной готовности армии и страны в основном были правильными и не расходились с теми планами, которые утверждались впоследствии. Однако инициатива Тухачевского не получала должной поддержки со стороны Сталина и Ворошилова, их отношения оставались все-таки неприязненными.

б) Возвеличивание роли Сталина в победах Красной Армии на фронтах гражданской войны

В создании культа личности Сталина немалую роль сыграла военно-историческая наука. Сталин и его ближайшие соратники, в частности, Ворошилов, используя власть и высокое положение в партии, уже с 1929 года оказывали прямое давление на авторов исторических трудов с тем, чтобы всемерно возвысить роль Сталина в гражданской войне и в строительстве советских вооруженных сил в ущерб исторической действительности. Наиболее безудержные похвалы в адрес Сталина сосредоточены в «Кратком курсе истории ВКП(б)», выпущенном в 1938 г. в качестве официального учебника. В этом учебнике Сталину приписывались все важнейшие победы Красной Армии в гражданской войне. Его изображали единственным человеком, которого партия посылала на самые опасные и решающие для революции фронты, где якобы он обеспечивал победы.

В действительности же роль Сталина в период гражданской войны была иной. Вот краткая хронологическая справка о пребывании Сталина на фронтах гражданской войны.

Летом 1918 г., когда главным фронтом республики был объявлен Восточный фронт против белочехов, Сталин принимал участие в обороне Царицына.

В начале 1919 г., когда главные усилия партии были сосредоточены на Южном фронте, Сталин выезжал на Восточный фронт для выяснения причин поражения 3-й армии под Пермью.

С апреля по июнь 1919 г. главным фронтом в обороне страны являлся Восточный фронт против Колчака. В это время Сталин в качестве уполномоченного Совета Обороны находился под Петроградом. С июля и до конца 1919 г. главным фронтом республики стал Южный фронт против Деникина. Сталин же с июля по сентябрь 1919 г. выполнял обязанности члена РВС Западного фронта и лишь 26 сентября того же года был назначен членом РВС Южного фронта. На этом главном фронте республики он находился в течение трех месяцев.

С 9 января и до апреля 1920 г. Сталин находился на Юго-Западном фронте. Главные же события в начале 1920 г. развернулись на Кавказском фронте, где под командованием Тухачевского и члена РВС фронта Орджоникидзе завершался разгром армии Деникина.

Во время войны с буржуазной Польшей главным фронтом являлся Западный фронт (командующий Тухачевский, член РВС фронта Уншлихт), Сталин же был членом Реввоенсовета Юго-Западного фронта. Когда Южный фронт под командованием Фрунзе осуществлял разгром Врангеля, Сталин находился в командировке на Кавказе.

Таким образом, в годы гражданской войны ЦК партии и В. И. Ленин всего один раз направляли Сталина на главный фронт борьбы — на Южный фронт против Деникина (октябрь—декабрь 1919 года), причем к моменту прибытия Сталина на Южный фронт план разгрома Деникина был уже разработан ЦК партии и созданы необходимые условия для его реализации. Существовавшее в период культа личности положение об исключительной роли Сталина в создании этого плана и в разгроме Деникина является несостоятельным.

В своей работе на фронтах Сталин допускал серьезные ошибки, вплоть до прямого неподчинения решениям ЦК РКП(б).

В период пребывания в Царицыне (1918 г.) Сталин вместе с Ворошиловым насаждал партизанщину, не подчинялся приказам Реввоенсовета Республики, занимал неправильную линию в использовании старых военных специалистов. Царицынская губернская ЧК по указанию РВС фронта проводила массовые аресты среди военных специалистов.

Член РВС Республики Окулов, выезжавший в 1918 г. в Царицын по заданию ЦК партии, в своем выступлении на VIII съезде РКП(б) 21 марта 1919 г. заявил:

«Бывали случаи поголовного ареста офицерских кадров... причем эти аресты ничем не мотивировались... Я бы указал на знаменитую баржу в

Царицыне, которая много послужила для того, чтобы сделать невозможным ассимиляцию военных специалистов».

Сталин, Ворошилов и Минин, назначенные в сентябре 1918 г. членами Реввоенсовета Южного фронта, отказались признать приказ Реввоенсовета республики о назначении бывшего царского генерала Сытина командующим Южным фронтом, хотя это назначение было сделано по решению ЦК партии. Вопрос о таком поведении Сталина рассматривался 2 октября 1918 г. на заседании Бюро ЦК РКП(б) с участием В. И. Ленина. В принятом постановлении указывалось:

«Принять предложение т. Свердлова — вызвать т. Сталина к прямому проводу и указать ему, что подчинение Реввоенсовету абсолютно необходимо».

В этот же день Свердлов передал Сталину по телеграфу решение Бюро ЦК РКП(б), но 3 октября 1918 г. Сталин и Ворошилов направили на имя В. И. Ленина письмо, в котором настаивали на снятии Сытина с должности командующего Южным фронтом, необоснованно характеризуя его как человека, не заслуживающего доверия. Более того, они потребовали вообще «пересмотреть вопрос о военных специалистах из лагеря беспартийных контрреволюционеров» («Документы по истории гражданской войны в СССР». Т. I. М., 1940. С. 383—390).

Сталин не хотел считаться с тем, что Сытин к тому времени был известен как крупный военный специалист, пользовавшийся доверием ЦК партии и В. И. Ленина. После Октябрьской революции Сытин, являясь выборным командиром корпуса, перешел на сторону революции и впоследствии имел большие заслуги.

Конфликт в Реввоенсовете Южного фронта достиг такого размера, что ЦК партии признал необходимым образовать новый Реввоенсовет фронта без Сталина и Ворошилова, в составе командующего фронтом Сытина, Мехоношина и Леграна. Но и после этого Сталин продолжает нападки на Сытина и членов РВС Южного фронта. Он направляет в ЦК РКП(б) письмо с требованием привлечь к судебной ответственности командующего Южным фронтом и членов Военного Совета Южного фронта за то, что они якобы саботируют снабжение 10-й армии. Сталин не желал признавать, что заявки командования 10-й армии намного превышали потребности армии, а также возможности, которыми располагало командование фронта. Вопрос о требовании Сталина в отношении командования Южного фронта обсуждался на заседании ЦК РКП(б) 25 октября 1918 г. ЦК в связи с этим постановил: «Никого к судебной ответственности не привлекать и поручить т. Аванесову произвести расследование и результаты этого расследования сообщить в ЦК, после чего только и принять какое-либо определенное решение».

Дело кончилось тем, что Сталин и Ворошилов были отозваны из Царицына. Сытин впоследствии разделил судьбу многих вое-

начальников: в 1937 году, находясь уже на пенсии, он был арестован и расстрелян.

В 1919 году на VIII съезде РКП(б) при обсуждении вопросов военного строительства против линии партии выступила «военная оппозиция». Она возражала против создания регулярной армии, отстаивая партизанщину, а также требовала отказа от использования старых военных специалистов. Активными участниками «военной оппозиции» были Ворошилов и Минин. Сталин, хотя и выступил на съезде в защиту тезисов ЦК РКП(б) по военному вопросу, однако не осудил неправильное отношение оппозиции к старым военным специалистам, не отмежевался от Ворошилова и других оппозиционеров, не дал партийной оценки их деятельности и своим ошибкам.

Позже, в 1927 г., Сталин пытался оправдать свое примиренческое отношение к «военной оппозиции». Он заявлял:

> «Я не выступал так враждебно против «военной оппозиции»... потому, что я считал, что среди военных оппозиционеров имеются великолепные работники, без которых нельзя обойтись на фронте» (И. Сталин. Соч. Т. 10. С. 41—42).

Теоретическую несостоятельность и практический вред платформы «военной оппозиции» раскрыл В. И. Ленин в своем выступлении на закрытом заседании VIII съезда РКП(б) 21 марта 1919 г. На примере руководства военными действиями 10-й армии, оборонявшей Царицын, В. И. Ленин убедительно показал, к каким пагубным результатам ведет на практике пренебрежение к старым военным специалистам и их знаниям. В. И. Ленин отметил, что героизм советских воинов, проявленный в обороне Царицына в 1918 г., является одной из славных страниц в истории Красной Армии. Вместе с тем он считал недопустимым, что 10-я армия потеряла в этих боях 60 тысяч человек. Ленин на съезде указал: «Тов. Ворошилов говорит: у нас не было никаких военных специалистов и у нас 60.000 потерь. Это ужасно». В. И. Ленин подчеркнул, что таких огромных потерь могло бы и не быть, если бы в Царицыне были «специалисты, если бы была регулярная армия».

Это указание В. И. Ленина не было воспринято Сталиным, и он на протяжении всего периода гражданской войны проявлял резко отрицательное отношение к старым военным специалистам. Он огульно причислял их к лагерю контрреволюции и настойчиво добивался проведения к ним политики недоверия.

Являясь членом РВС Южного фронта (против Деникина), Сталин в своих требованиях к ЦК РКП(б) неоднократно прибегал к ультиматумам. Эти действия, недопустимые в практике партийной работы, были осуждены решением Политбюро ЦК РКП(б) 14 ноября 1919 г., в котором говорилось:

> «Сообщить т. Сталину, что Политбюро считает абсолютно недопустимым подкреплять свои деловые требования ультиматумами и заявлениями об отставках».

Как отмечалось выше, в 1920 г. на Юго-Западном фронте Сталин отказался выполнить директиву главкома, изданную на основе решения Пленума ЦК от 5 августа 1920 г. о переброске 1-й Конной и 12-й армий на помощь Западному фронту. Политбюро ЦК РКП(б) с участием В. И. Ленина 1 сентября 1920 г. освободило Сталина от обязанностей члена Реввоенсовета Юго-Западного фронта.

Неприглядная роль Сталина и его неправильное поведение в ряде важных вопросов были известны многим товарищам — участникам гражданской войны, впоследствии занимавшим видные руководящие посты в партии и Красной Армии. Многие из них открыто высказывали свое несогласие с непомерным возвеличиванием роли Сталина, отстаивали роль партии и народных масс в достижении победы над врагом.

Так, активный участник гражданской войны, командовавший после гибели Чапаева 25-й дивизией Кутяков, впоследствии заместитель командующего войсками Приволжского военного округа, в 1935 году написал книгу под названием «Киевские Канны». Автор, освещая операции Юго-Западного фронта против белополяков, вскрыл недостатки в управлении войсками со стороны командования фронта и 1-й Конной армии (Сталин, Ворошилов, Егоров и Буденный). Кутяковым дана объективная оценка боевых действий Юго-Западного фронта, за что он подвергся травле.

Обращает на себя внимание оценка этой книги Сталиным. На заседании Военного Совета при Наркомате Обороны в июне 1937 г. (после ареста Тухачевского и других) Сталин рассказал о мнении военных об этой работе.

> «Говорят, дрянная,— сообщил Сталин. Клима спросил — дрянная штука. Прочитал все-таки. Действительно дрянная штука».

Начавшиеся в 1935—1936 гг. репрессии вызвали у автора книги «Киевские Канны» Кутякова предчувствие надвигающейся над ним расправы. В своем личном дневнике, изъятом при аресте, он писал:

> «26 октября 1936 г. Самара. Мои «Канны 1920 г.» есть петля на моей шее, они загубят при первом удобном случае. Значит к этому нужно быть готовым...
>
> 15 марта 1937 г. Куйбышев. Пока «железный» будет стоять во главе, до тех пор будет бестолковщина, подхалимство и все тупое будет в почете, все умное будет унижаться. «Канны» написаны моей кровью, потом и всем сердцем, несмотря на это, они мне как в прошлом, так и теперь, кроме страшного несчастья, ничего не дали и не дают. Одно меня успокаивает, это то, что в будущем, может быть даже далеком, они увековечат мое доброе имя».

Предчувствия Кутякова сбылись: в 1937 году он был объявлен врагом народа, арестован и уничтожен.

За «Киевские Канны» также пострадал видный военный деятель, командарм 2 ранга Седякин. В предисловии, которое он написал к книге Кутякова «Киевские Канны», была им дана положительная оценка книги, как правдивой и поучительной. Седя-

кин в 1937 г. был арестован и расстрелян. Такая же участь постигла и всех других, кто критически отзывался о действиях Сталина на фронтах гражданской войны или был хорошо осведомлен о его действительной роли.

Таким образом, Сталин наряду с другими партийными и советскими руководящими работниками в годы гражданской войны выполнял ряд заданий ЦК партии. Однако его деятельность не была особо выдающейся, решающей. Впоследствии же, когда Сталин сделался генеральным секретарем ЦК партии и сосредоточил в своих руках огромную власть, он после смерти В. И. Ленина принял все меры для возвеличивания своих заслуг в гражданской войне, явился ярым противником правдивого изображения истории борьбы советского народа против белогвардейцев и интервентов. Все те, кто попытался восстановить истинную картину событий на фронтах, где был Сталин, попадали к нему в немилость, объявлялись врагами народа и присущими Сталину методами компрометировались и уничтожались.

V. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОРГАНОВ ОГПУ-НКВД ДЛЯ КОМПРОМЕТАЦИИ ТУХАЧЕВСКОГО И ДРУГИХ ВОЕНАЧАЛЬНИКОВ

Неприязненные отношения Сталина и Ворошилова к Тухачевскому не только лишили его поддержки в выдвигаемых им вопросах военного строительства, но и явились основанием для создания вокруг него отрицательного общественного мнения. Это сказалось и на отношении к Тухачевскому со стороны органов ОГПУ-НКВД, которые на протяжении ряда лет крайне необъективно оценивали поступавшие к ним материалы о Тухачевском.

Агентура ОГПУ-НКВД распространяла внутри страны и за рубежом слухи о якобы несоветских, бонапартистских настроениях Тухачевского, о группировании вокруг него различных антисоветски настроенных элементов из числа бывших царских офицеров и генералов. Распространялись также за границей и в СССР ложные слухи о существовании в РККА антисоветской организации и принадлежности к ней Тухачевского.

Создание версии о политической неблагонадежности Тухачевского М. Н., Каменева С. С. и других военачальников и использование этой версии для дезинформации иностранных разведок и белоэмигрантских центров

С ноября 1921 года по апрель 1927 года органами ОГПУ велось агентурное дело под названием «Трест», основным назначе-

нием которого являлась разработка зарубежной белоэмигрантской военной организации, носившей название «Российский общевоинский Союз» (РОВС). В целях обеспечения агентурного проникновения в монархические эмигрантские круги за границей и в разведки буржуазных государств органами ОГПУ было легендировано существование на территории СССР нелегальной контрреволюционной организации под названием «Монархическое объединение Центральной России» (МОЦР).

Советской разведкой принимались меры к тому, чтобы представить МОЦР за границей как мощную заговорщическую шпионскую организацию, охватывающую значительную часть командного состава РККА и способную возглавить контрреволюционные силы и свергнуть Советскую власть. В самом же деле «создание» такой организации имело целью способствовать получению данных о белоэмигрантских воинских формированиях, их планах, а также для дезинформации иностранных разведок и пресечения деятельности их агентуры на территории СССР.

Представителями мнимой монархической организации выступали различные агенты ОГПУ, которые еще в 1922 году завязали контакты с разведорганами Эстонии и Польши, а позднее — с разведкой Латвии, Финляндии и Англии. С 1922 г. МОЦР установила регулярную связь с руководителями белоэмигрантских воинских формирований «великим князем» Николаем Николаевичем, царскими генералами Врангелем, Кутеповым и Миллером, а также с Марковым, Тальбергом, Араповым, Артамоновым, Лампе и многими другими ярыми контрреволюционерами, проживавшими во Франции, Германии и других буржуазных государствах.

В феврале 1922 года сотруднику эстонской миссии в Москве Бирку была передана дезинформация о наличии МОЦР на территории Советского Союза с тем, чтобы он, не подразумевая о фиктивном ее существовании, мог сообщить о ней белоэмигрантам и разведке буржуазной Эстонии. Позднее, 18 апреля 1922 г., Бирк был завербован советскими органами госбезопасности, после чего стал принимать активное участие в разработке легенды, которая и получила условное наименование «Трест».

Помимо Бирка с эстонской разведкой и штабом поддерживали связь под видом шпионской деятельности и другие агенты ОГПУ. Так, в мае 1922 г. в Эстонию от имени МОЦР был направлен для установки «шпионской связи» агент Флейшер — быв. полковник царской армии. Для передачи белоэмигрантам и разведке Эстонии Флейшеру был вручен ряд документов, в том числе «наказ», в котором говорилось:

> «...МОЦР может взять на себя обязательство информировать эти государства о положении в России и предоставить в их распоряжение разведывательные материалы своего Военного штаба в пределах потребности именно тех государств, с которыми настоящие условия будут заключены».

Сообщая о беседе с начальником контрразведки эстонского штаба Лаурицем, состоявшейся 11 мая 1922 г., Флейшер донес:

«В 4 часа мы были у Лаурица, не вдаваясь в подробности относительно оружия и связи, я обещал давать ему сведения о русской Красной Армии, взамен чего он выразил согласие нам содействовать. Сведения, данные мною, составляли организацию штаба РККА к новому году. Организация штаба округов, форма одежды и РУВУЗ и протокол характеристики некоторых деятелей Троцкого, Каменева, Склянского. Очень интересуются они и Ткачевым, Каменевым, Слащевым и Лебедевым».

В октябре 1923 года агенты ОГПУ Якушев и Потапов также от имени МОЦР установили связь с польским генштабом и передали ему меморандум, в котором было указано:

«Организация существует уже почти три года, причем в стройной форме пребывает свыше полутора лет и имеет распространение по всей России.

Связь центра с местами поддерживается через местных уполномоченных по числу военных округов... Характер организации преимущественно военный и членами ее состоят в большинстве военные, благодаря чему организация может проникать во все воинские части, из коих некоторые целиком принадлежат к ней. Кроме того, организация имеет своих людей почти во всех центральных правительственных учреждениях и в большинстве местных, чем объясняется ее большая осведомленность.

Целью организации является свержение большевиков путем производства военного переворота в России и восстановление в ней законности и порядка».

К этому же времени МОЦР под видом шпионских сведений направляла дезинформационные данные о Советской Армии и другим буржуазным разведкам.

Примерно в июне 1923 г. агент ОГПУ Бирк с ведома ОГПУ установил связь с английским разведчиком в Ревеле Миклиджоном и его помощником — работником английского паспортного бюро эмигрантом Жидковым, который от имени английской разведки стал вести нелегальную переписку с «Трестом».

По этому вопросу сотрудник ОГПУ Стырне 9 декабря 1924 года писал:

«Проводилась в этом отношении следующая дезин. работа: на средства от передачи сведений при Развед. отделе штаба РККА создано специальное отделение по работе Д. и по директивам Военного ведомства мы снабдили все штабы государств Центральной Европы (ибо хотя материалы фактически передавались только полякам, эстонцам, финнам и англичанам на основе взаимного обмена военными сведениями, документально установлено, что наши материалы имеются в латышском, французском, японском и немецком штабах); при этом мощь Красной Армии была показана значительно сильней фактической».

Из имеющихся в агентурном деле «Трест» документов видно, что органы ОГПУ с самого начала легендирования этой и других подобных организаций распространяли за границей и в СССР ложные мнения о том, что большинство бывших царских офицеров, служивших в то время в РККА, значительное число советских военнослужащих и даже воинских частей враждебно относится к Советской власти и ждут момента, чтобы принять

участие в совершении контрреволюционного переворота в СССР.

Агенты с ведома ответственных сотрудников ОГПУ сообщали белоэмигрантам и иноразведкам заведомо ложные, порочащие сведения о Тухачевском, Каменеве С. С., Лебедеве и других видных военных деятелях, как о лицах, якобы враждебно относящихся к Советской власти.

Будучи в командировке, агент Якушев в декабре 1922 года имел встречи в Берлине с рядом белоэмигрантов, в том числе с председателем так называемого «Высшего Монархического Совета» (ВМС) Марковым. Во время этих встреч были выработаны для МОЦР «программа» и «тактика» борьбы с Советской властью.

Так, в документе, озаглавленном «Тактика русской монархической партии», сказано, что ближайшей целью МОЦР является:

> «...ниспровержение правительства коммунистической партии и захват от нее власти организованной силой, способной сразу установить порядок и приступить к государственному строительству... Все партии и группы, стоящие на антисоветской платформе, должны быть использованы для достижения ближайшей цели — ниспровержения большевиков... Очередной задачей в России является подготовка рабочих и армии...».

Информируя Маркова о проделанной уже работе в СССР, Якушев заявил, что на их стороне в западных районах СССР стоит до 25 проц. военнослужащих, в Москве и Ленинграде — от 15 до 18 проц., на Украине и в других районах СССР также много поддерживающих их лиц.

На вопрос Маркова, есть ли на Западном фронте старые генералы, Якушев ответил:

> «...прежних генералов на Западном фронте почти нет вовсе, но на высших командных постах много бывших младших кадровых офицеров, которых и выдвигаем на ответственные посты по своей организации».

Далее Якушев сообщил Маркову:

> «Вообще во всех крупных частях имеем своих людей или среди командного состава, или в штабах... Имеем очень сильные связи в центре. Можно сказать, что почти во всех центральных учреждениях, особенно в военных, имеются наши люди, вследствие чего всегда можно влиять на назначение и на отвод нежелательных лиц».

Из отчета Якушева видно, что из числа «руководителей» МОЦР он назвал Маркову служивших в РККА Зайончковского, Потапова и Саблера, которые в царской армии были крупными военачальниками.

Маркова, как ярого контрреволюционера, естественно, интересовало, не принадлежит ли к МОЦР кто-либо из видных советских военнослужащих, занимающих высокое положение в РККА. Поэтому он спросил у Якушева: «...как Тухачевский, Каменев, Лебедев, Брусилов?».

На это Якушев ответил:

> «Они не входят официально в организацию, но первые трое безусловно наши, а четвертый слишком состарился и не представляет ничего интересного».

Из этого донесения Якушева видно, что им уже в 1922 году было создано за границей мнение о нелояльном отношении Тухачевского, Каменева С. С., Лебедева и других крупных военачальников к Советской власти, чего так желали и ждали белоэмигранты и буржуазия.

Естественно, что после этого белоэмигранты и представители зарубежной разведки, связанные с МОЦР, стали особенно пристально интересоваться Тухачевским, Каменевым С. С. и другими.

Так, в 1923 г. польская разведка ставила перед мнимыми участниками МОЦР следующие вопросы:

«1) Сведения Высшей Аттестационной Комиссии.
2) Круг знакомых Троцкого, Склянского, Каменева, Лебедева, Шапошникова и др.
3) Штаты Разведупра.
4) Сведения по Западному округу...».

«Точный маршрут поездки Главкома Каменева. 30 мая он выехал в Туркестан... Из Варшавы получены сведения, что Фрунзе и Тухачевский находятся в данное время в Штеттине. Просит срочно проверить...».

Эстонская разведка требует от МОЦР:

«Владимирову. Тульский просит сообщить:
1. Верно ли, что Лебедев получил или получает новое назначение куда-то на Восток.
2. Верно ли, что уходит со своего поста Якир.
3. Какую должность сейчас занимает Левичев».

На этом документе кем-то от руки написано: «Ввиду отъезда Тульского ответить прошу сегодня».

По мере разрастания сведений о «деятельности» так называемого «Монархического Объединения Центральной России» из-за границы все чаще и чаще стали поступать требования к «руководителям» МОЦР о вовлечении Тухачевского в эту организацию. Желая придать МОЦР более «авторитетный» и «могущественный» характер, органы ОГПУ «выполнили» это требование белоэмигрантских кругов и, пойдя фактически на дальнейшую компрометацию Тухачевского, сообщили за границу о «вовлечении» его в МОЦР.

В обзоре «Трест», составленном 15 сентября 1931 года сотрудником особого отдела ОГПУ Стырне, по этому вопросу сказано:

«Затем на некоторое время Трест занял зарубежных монархистов якобы происходящими внутри самого Треста недоразумениями на почве привлечения к работе М. Н. Тухачевского. Дело в том, что неоднократно нам из-за рубежа рекомендовали вовлечь в Трест Тухачевского. Особенно монархическая молодежь хотела видеть в нем русского Бонапарта, предполагали, что он только прикидывается коммунистом, в действительности же монархист. «Поддавшись» этим настроениям, за границу было написано, что Тухачевского удалось привлечь в Трест. Там это сообщение произвело эффект...».

Из этого же обзора видно, что нелегально прибывшие осенью 1923 г. в Советский Союз из Франции от генерала Кутепова его

агенты Захарченко и Радкович, введенные в заблуждение агентами и сотрудниками ОГПУ, выдававшими себя за участников МОЦР, в письмах из СССР к Кутепову подтверждали участие Тухачевского в этой антисоветской организации.

В заграничных белоэмигрантских кругах на основе дезинформации из ОГПУ создалось твердое убеждение о заговорщической деятельности Тухачевского. Правда, при написании в 1931 г. обзора «Трест» Стырне, как лицо непосредственно ответственное за распространение компрометирующих данных в отношении Тухачевского, представляет дело таким образом, что будто бы инициатива «вовлечения» Тухачевского в МОЦР исходила из-за границы, ибо там предполагали о его нелояльности к Советской власти. Однако Стырне умалчивает, что об этой «нелояльности» Тухачевского сообщил еще ранее за границу агент ОГПУ Якушев, что в распространении этой версии участвовали и другие агенты ОГПУ.

В середине 1923 года Якушев снова выехал в командировку в Берлин и Париж, где встречался с белоэмигрантами Лампе, Климовичем, Миллером, Кольмсеном, «великим князем» Николаем Николаевичем и др., с которыми обсуждал вопросы подготовки переворота в СССР, говорил с ними о Советской Армии и личном составе МОЦР.

Перед отъездом Якушева в эту командировку 26 июня 1923 года были подготовлены вопросы, которые он должен осветить при встречах с белоэмигрантами. В вопроснике сказано:

«Требуется:

1. Список генералов, находящихся в контакте с МОЦР и готовых выступить.

2. Список прежних крупных сановников, примыкающих к МОЦР.

3. Список воинских частей, в которых имеется организация, с указанием местонахождения части и по возможности разделение частей по степени готовности на несколько разрядов. (Указать %-ное отношение)...

5. Указать, не следует ли требовать скорейшего выступления.

6. Разрешить проводить мысль, что активная молодежь, томясь бездействием, все более начинает увлекаться фашизмом, почему, если пройдет еще некоторое время до решительных действий, все движение может принять иную форму и вылиться в фашизм...

8. Указать, на чье имя адресовать корреспонденцию.

9. Предупредить о приезде в Берлин и предложить ему принимать корреспонденцию для отправки по адресу».

Для информации (вернее — дезинформации) белоэмигрантских кругов Якушеву также были вручены «Резолюция по военному вопросу» и резолюция якобы собиравшегося съезда МОЦР.

В «Резолюции по военному вопросу», в частности, говорится:

«3. Считать, что основной задачей штаба и военной группы является упрочение монархических и национальных идей в Красной Армии, что должно привести к превращению последней в национальную Русскую армию.

4. Основными моментами работы признаются:

а) Завоевание кадровым офицерством командных постов.

б) Борьба за единоначалие в Красной Армии с упразднением комиссар-

ского состава, причем в частях, где он упраздняется, кадровому офицерству предлагается для сохранения командных постов записываться в коммунистическую партию...

8. Направить все усилия к вхождению во все без исключения штабы и к созданию агитационных ячеек в частях.

9. Обратить самое серьезное внимание на насаждение наших людей во все арсеналы и склады боевых припасов и снаряжения...

13. Предложить штабу заняться изучением фашизма».

В этой резолюции указано также, что с ведома Совета и штаба МОЦР можно передавать шпионские материалы о Красной Армии разведкам иностранных государств.

Для придания за границей большей уверенности в «могуществе» МОЦР и в ее «прямых связях» с крупными должностными лицами Красной Армии органы ОГПУ и Разведупр РККА передавали агентам иностранных разведок различные «документы» о боевой и мобилизационной готовности Красной Армии, дислокации, численности, штатах и боевой оснащенности частей и соединений, фамилии командиров и начальников штабов корпусов и дивизий, провозной способности железных дорог, мощности военной промышленности и ряд других военных сведений, интересовавших разведки буржуазных государств, в частности, Польши, Эстонии и др.

Однако, боясь, что передача заведомо ложных данных может расшифровать легенду «Трест», руководство ОГПУ, наряду с дезинформационными материалами по этим вопросам, передавало через своих агентов и действительные сведения о Красной Армии, причем был передан ряд документов за подлинными подписями ответственных военных работников.

В обзоре «Трест» Стырне указал, что иноразведкам направлялись:

«1) агентурные донесения по заданиям иноразведок;

2) донесения, составляемые по собственной инициативе источника;

3) подлинные приказы или копии с них, поскольку таковые уже имелись у противников, или подлинные, передача которых вызывалась «тактическими» соображениями;

4) «подлинные», но переработанные приказы, документы или копии с них;

5) совершенно ложные приказы и другие равноценные документы;

6) официальные, неофициальные и секретные (устаревшие или потерявшие актуальное значение) военные издания;

7) инспирированные статьи и хроникерские заметки в печати».

Получение белоэмигрантами и иноразведками сведений за подлинными подписями должностных лиц РККА бесспорно убеждало их в том, что они имеют дело с антисоветской организацией, в состав которой входят видные военные руководители.

Так, в 1923 году польской разведке был передан для фотографирования «доклад с подробными цифрами обеспечения техническим снабжением Красной Армии военного времени» от 15.X.1923 г. за № 2143/сс за подлинными подписями Каменева С. С., Уншлихта и Шапошникова.

По поводу передачи этого документа Стырне указал:

«Наши агентурные донесения по разным источникам в общем носили успокоительный характер, но в целом на этот вопрос был дан ответ польской разведке путем передачи на фотографирование «подлинного» документа за подлинными подписями Главнокомандующего всеми вооруженными силами тов. С. С. Каменева, члена РВС СССР тов. Уншлихта и за нач. штаба тов. Б. М. Шапошникова... Этот исключительно важный документ, содержащий цифровой материал технического снабжения Красной Армии военного времени и его заключительная военно-политическая часть... имел не только в данный тревожный политический момент весьма большое значение, но и во всей нашей дальнейшей работе, поскольку эти цифровые данные нашей материальной обеспеченности легли в основу последующих работ польского и французского генеральных штабов и специального совещания представителей французского и польского генеральных штабов осенью 1924 года».

29 января 1925 г. польской разведке были переданы списки командиров и начальников штабов корпусов и дивизий РККА, а также другие сведения о Советской Армии. В списках командиров и начальников штабов соединений значатся: «Дыбенко, Федько, Фельдман, Каширин, Кутяков и многие другие».

В конце 1923 г.— начале 1924 года, когда выяснилось, что органы ОГПУ «переиграли» с именем Тухачевского, было дано указание (кем не установлено) о «выводе» Тухачевского из разработки «Трест». По этому поводу Стырне писал:

«...так как было признано неудобным «числить» Тухачевского в составе Треста и было получено распоряжение прекратить игру с его фамилией,— пришлось для заграницы вывести его из состава Треста. Но это нужно было сделать постепенно. Мы писали, что руководитель «Треста» Заянчковский* (который в то время еще и не знал о том, что он состоит в какой-то к.-р. организации), вопреки постановлению политического совета, не допускает к практической деятельности Тухачевского и что на этой почве возник серьезный конфликт между Заянчковским и другими руководителями «Треста», дело якобы дошло до того, что крупнейшие руководители «Треста» вынуждены уйти в отставку и ждут замены. Этот маневр давал некоторую передышку, т. к. в роли ушедших, но еще не сдавших должности, трестовские деятели могли некоторое время не проявлять особой деятельности. Работа организации якобы временно заглохла.

Кроме того, происшедший «конфликт» должен был поднять авторитет Заянчковского в глазах Парижа — ибо там его считали недостаточно авторитетным, недостаточно сильным для руководства монархической организацией, а на этом эпизоде, в результате которого по нашим письмам и по разговорам с «племянниками» (то есть с Захарченко и Радковичем — агентами Кутепова, нелегально проживавшими в это время в СССР и связанными с «Трестом» — прим. наше), он должен был остаться победителем, Заянчковский выигрывал в смысле и своего авторитета и проявленной твердости и силы воли.

Написав по этому поводу с десяток писем и продержав «племянников» несколько недель в состоянии волнения за судьбы организации, было решено сообщить, что «конфликт» улажен и Тухачевского оставили в покое. Париж разразился рядом писем, в которых излагал свое удовольствие по поводу ликвидации всех недоразумений. «Племянники» тоже были довольны и тоже подробно писали за границу все те перипетии внутри трестовской склоки.

Надо сказать, что этот эпизод потребовал к себе большего внимания, приходилось совершенно точно распределять роли в разговорах с «племянниками». Оперпут излагал свою точку зрения по поводу этих склок. Якушев

---

* Так в документе. Имеется в виду Зайончковский.

по-своему оттенял и расценивал якобы происходящие отдельные эпизоды, наконец, Потапов, встречаясь с «племянниками», иногда «считал» нужным бросить то или иное замечание, которое должно было характеризовать и его тревогу за судьбу «Треста» и его взгляды на происходящее».

Однако, как это видно из архивных материалов, органы ОГПУ при «выводе» Тухачевского из МОЦР не преследовали цели рассеять сложившееся за границей по их вине ложное представление о нем как о человеке, враждебно настроенном к Советской власти.

Вместо того, чтобы, например, сообщить за границу, что Тухачевский отказался проводить какую-либо антисоветскую работу и порвал связь с МОЦР, органы ОГПУ представили дело так, будто Тухачевский готов и дальше проводить «практическую деятельность» в заговорщической и шпионской организации, но его не допускает к этой «деятельности» руководитель МОЦР — Зайончковский. Больше того, ОГПУ сообщало, что ряд руководящих работников МОЦР, солидаризируясь с Тухачевским, ушли из этой организации. Таким образом, «выход» Тухачевского и его сторонников из МОЦР в том виде, как он был представлен органами ОГПУ, фактически предполагал, что все эти лица будут продолжать антисоветскую работу, но вне МОЦР. Органы ОГПУ и дальше продолжали компрометацию Тухачевского, создавали за границей еще большую уверенность о его враждебном отношении к Советской власти.

Компрометирующие сведения о Тухачевском и других советских военных деятелях не оставались достоянием лишь белоэмигрантских организаций. Эти сведения от белоэмигрантов попадали иностранным разведкам разных стран, раздувались, искажались и распространялись ими в выгодных для разведок направлениях. Изобретенная ОГПУ легенда о Тухачевском, как об антисоветском человеке, в устах иноразведок приобретала уже характер «секретных сведений», которые подхватывались нашей агентурой за границей и возвращались в адрес авторов этой легенды. Так, проживавший в Эстонии английский разведчик Жидков в письме, адресованном МОЦР, 12 января 1925 года сообщил:

«По имеющимся у меня сведениям из солидного источника — вполне пригодны для обработки в желательном для Вас духе (партийном) Тухачевский и Вацетис. Особенно последний, к нему имеются даже ходы».

На этом письме имеется резолюция: «т. Артузову. Стырне. 24.1.25 г.».

Направлялись ли за границу от имени МОЦР какие-либо компрометирующие Вацетиса данные, пока не установлено, но они могли исходить и по собственной инициативе от агента ОГПУ Бирка — сотрудника эстонской миссии в Москве, который был знаком с Вацетисом.

После вербовки Бирка с ним состоялась беседа, которая была

оформлена документом, озаглавленным: «Разговор с Бирком 7 мая 1922 г.». В нем о Вацетисе сказано:

«Вацетиса Бирк знает еще с империалистической войны, когда он служил в латышском полку, командиром которого и был Вацетис. Связь между ними почти никогда не прекращалась. В 1921 году Вацетис заходил к Бирку довольно часто. Материалов в письменном виде разведывательного характера Бирк от Вацетиса не получал, кроме военных журналов и советской военной литературы. Связь с Вацетисом после переезда последнего на новую квартиру в конце 1921 года прекратилась и в этом году уже не возобновлялась».

Это признали достаточным «основанием» для органов ОГПУ, чтобы взять под подозрение Вацетиса и организовать за ним агентурное наблюдение с помощью Бирка.

В докладной записке от 2 мая 1922 г. на имя начальника ИНО ОГПУ Артузова сотрудник ОГПУ Кияковский писал:

«Относительно Академии Генштаба «Груша» (т. е. Бирк Р.— Прим. наше) дал следующие данные. До марта месяца он встречался с проф. Свечиным и Незнамовым, а раньше и со скрывшимся теперь в Эстонию б. генер. Лебедевым, через которого он с нами и познакомился. Фактически документальных данных он от них не получал и агентами их назвать не может, но из их разговоров по военным вопросам он часто узнавал весьма ценные для Эстштаба сведения. В дальнейшем решено, что Груша вновь свяжется со Свечиным и сведет его с нашим № 202. Этим мы надеемся осветить Свечина и выяснить его поведение. Тем более, что ближайший друг Свечина Лебедев давал материалы Груше. То же самое Груша говорит и относительно Генштаба Вацетиса. К нему тоже решено снова направить Грушу».

Лишь имея прямое указание Менжинского не связывать «Трест» с английской разведкой из-за боязни расконспирации, органы ОГПУ не сообщили представителю английской разведки Жидкову о «причастности» Тухачевского и Вацетиса к антисоветской организации, а написали 29 января 1925 г. уклончивый, двусмысленный ответ:

«Мы не сомневаемся в солидности источника, из которого Вы почерпнули данные относительно пригодности для обработки Т. и В. (Тухачевского и Вацетиса.— Прим. наше), но оба эти лица — герои не нашего романа. Они достаточно обнюханы и обследованы нами и мы не видим никакой пользы от того, чтобы привлекать их к себе».

Несмотря на то, что Тухачевский был «отстранен» от участия в «деятельности» МОЦР, однако им усиленно продолжали интересоваться белоэмигранты. Они жаждали того, чтобы он и другие видные военачальники были на их стороне.

Об этом свидетельствует, например, донесение агента ОГПУ Власова, выезжавшего в октябре 1926 года в Париж для встречи с Кутеповым и другими белоэмигрантами:

«В отношении Красной Армии Кутепов интерес проявлял только в области настроений — преимущественно у командного состава и взаимоотношений военнослужащих в служебное и внеслужебное время; отчасти также интересовался бытом армии.

Из отдельных лиц интересовался т. Ворошиловым, Тухачевским и крупными военспецами, из числа бывших полковников, генералов. Особенный

интерес проявлял почему-то к т. Тухачевскому, спрашивал, не может ли быть он привлечен в ряды сторонников национального движения».

К 1927 году работники ОГПУ, занимавшиеся разработкой «Трест», пришли к убеждению о необходимости свертывания этого дела. По их мнению, широкие связи, завязанные «участниками игры», все больше и больше вели к расшифровке «Треста». Предложение о ликвидации «Треста» было поддержано руководством ОГПУ. В связи с этим началась подготовка к «ликвидации» МОЦР.

Однако события развернулись по-другому. В апреле 1927 года один из главных агентов «Треста» работник ОГПУ Оперпут вместе с агентом ген. Кутепова Марией Захарченко бежали за границу, и там Оперпут расшифровал легендированную организацию МОЦР. Оперпут, бывший сподвижник террориста Савинкова, был в 1921 г. арестован органами ВЧК и, находясь в заключении, в январе 1922 г. был привлечен к работе в качестве секретного сотрудника органов госбезопасности. В деле «Треста» он принимал очень активное участие. Оперпут — политически неустойчивая личность, карьерист и авантюрист, затаивший на время свою злобу к Советской власти. Вскоре после бегства из СССР в Финляндию он вместе с Захарченко нелегально возвратился в Москву для проведения диверсионной и террористической деятельности. Серьезного акта им осуществить не удалось. Однако Оперпут и Захарченко сумели в июне 1927 года совершить поджог общежития работников ОГПУ на Малой Лубянке. После этого они пытались бежать за границу, но, будучи обнаруженными работниками ОГПУ в Смоленской области и находясь в безвыходном положении, застрелились.

В агентурном деле «Трест» имеется переведенный с польского языка документ, озаглавленный «Оценка доклада начальника штаба Красной Армии за время с 9.XII.25 г.—19.III.27 г. на имя Председателя Ревсовета».

Из содержания этого документа видно, что польская разведка получила доклад начальника штаба РККА Тухачевского от «монархической организации». Доклад, как это видно из архивных материалов, содержал ряд дезинформационных сведений. Однако с точки зрения военных данных он раскрывал важные вопросы, касающиеся мобилизационной и боевой готовности РККА, железнодорожного транспорта и т. п. Был ли доклад передан полякам за подписью Тухачевского или в виде копии или фотокопии — неизвестно, но польская разведка отметила, что «в отношении формы подлинность документа не вызывает сомнения».

После измены Оперпута, расшифровавшего легендированную организацию МОЦР, польская разведка в конце 1928 года провела обстоятельный анализ «доклада» Тухачевского путем сопоставления его содержания с различными данными, в том числе с официальными выступлениями в печати Ворошилова,

Тухачевского, Каменева С. С., Пугачева и др. В этом анализе говорится:

«...Из вышеизложенного сопоставления вытекает совершенно ясно, что оперативная мысль, представленная в рапорте якобы Тухачевского, не имеет ничего общего с наблюдениями И отдела Генштаба».

В разделе «Общий итог анализа доклада Тухачевского» польская разведка указала:

«Таким образом, мы имеем дело с типичным фактом инспирации. Принимая во внимание сам характер инспирации, ранее уже сделанные наблюдения в отношении работы источника (монархическая организация) и в отношении метода ведения инспирации со стороны Советского штаба (преувеличенно представляет в хорошем освещении ценность Советской Армии) можно утверждать с полной уверенностью, что, несмотря на монархическое происхождение источника, откуда был получен документ, документ этот сфабрикован и доставлен Советским штабом и что весь источник является просто его органом... Монархическая организация в Москве, имеющая представителей у нас в Варшаве и в других заграничных центрах, является просто организацией советского шпионажа как по отношению к нам, так и в отношении ко всей русской эмиграции».

Еще до провала «Треста» органы ОГПУ слегендировали ряд других, подобных МОЦР, фиктивных антисоветских организаций, через агентуру которых направляли за границу дезинформационные материалы, а также компрометирующие Тухачевского сведения.

По этому поводу сотрудники ОГПУ в документе, озаглавленном «Цели легенды «Трест», писали:

«Посредством проработанных материалов о Красной Армии (специально организованным для этой цели при Разведупре РВС отделением) дезориентировать разведку противника в желательном для Рев. Воен. Совета направлении. Эти материалы сперва распространялись нами через «Трест», а затем стали передаваться по другим линиям».

Создание параллельных «нелегальных антисоветских организаций» необходимо было ОГПУ для того, чтобы, во-первых, организовать передачу иноразведкам и белоэмигрантам сведений и документов якобы из различных источников, что должно полнее убедить их в «доброкачественности» получаемых материалов и, во-вторых, в случае провала «Трест» органы ОГПУ могли использовать для связи с иноразведками и белоэмигрантами эти параллельно «существующие» каналы.

Одним из таких каналов, например, являлась агентурная разработка, именовавшаяся «Синдикат-4», которая велась с 1924 по 1930 г.

По этой разработке органы ОГПУ легендировали перед белоэмигрантами и иностранными разведками существование на территории СССР нелегальной «Внутренней российской национальной организации» («ВРНО») с центром в Москве, которая ставит целью свержение Советской власти.

В период 1925 года ОГПУ вело переписку через своего агента Ларсен-Пфейль с представителями берлинского объединения мо-

нархистов-кирилловцев («великий князь» Кирилл Владимирович претендовал на царский престол и даже объявил себя за границей русским императором). В ноябре 1925 г. под видом представителя штаба «ВРНО» в Берлин был направлен Попов — агент ОГПУ, который там встретился с представителями кирилловцев Бельгардом и генералом Бискупским. В состоявшихся беседах Попов проинформировал их о состоянии «ВРНО» и договорился о проведении совместной антисоветской работы. Он также сообщал Бискупскому ложные компрометирующие данные на Тухачевского, якобы имеющего бонапартистские намерения.

По этому поводу Попов 24 декабря 1925 г. в своем докладе в ОГПУ писал:

> «Бискупский очень интересовался, что из себя представляют Раттель, Савватеев, Тухачевский и новые командующие округами. А когда я ему несколькими мазками нарисовал Тухачевского как чистейшего бонапартиста, то он сказал, чтобы мы обещали ему, что государь (имеется в виду «великий» князь Кирилл Владимирович — примечание наше) его назначит флигель-адъютантом, если он перейдет на нашу сторону в нужный момент и вообще бы не скупились всяких наград лицам, нам нужным, если этим можно перетянуть их на свою сторону».

При содействии Бельгарда Попов установил связь с членом межсоюзной контрольной комиссии в Германии флигель-адъютантом английского короля полковником Раддеем, которому нарисовал общую схему и цель организации «ВРНО», и договорился с ним о дальнейшей связи. Эта связь развития не получила, так как Раддей с указанной должности был отозван.

В дальнейшем выяснилась слабость кирилловского движения, в связи с чем усилия ОГПУ были направлены на установление связей «ВРНО» с английской и немецкой разведками.

Так, в июне 1926 года агент ОГПУ Ларсен-Пфейль через немецкого барона Клейста вел переговоры о контакте с разведкой немецкого рейхсвера, но чины рейхсвера от прямой связи с «ВРНО» уклонились, а подставили для этой цели некоего Рау, являвшегося агентом немецкой полиции и разведки генштаба Германии.

В феврале 1927 года агент Попов при содействии Бискупского связался с представителем немецкой фашистской организации «Стальной шлем» Энкелем и с некоей Ваттер, являвшейся уполномоченным лидера германской национальной партии, члена рейхстага графа Вестарпа. Однако Энкель и Ваттер отказались содействовать «ВРНО».

В августе 1926 года была развернута и английская линия в разработке «Синдикат-4» через агента ОГПУ бывшего генерал-лейтенанта царской армии Дьяконова, имевшего обширные связи с русской белоэмиграцией. В 1926—1927 гг. Дьяконов провел переговоры о поддержке «антисоветской» деятельности «ВРНО» с английскими правыми консерваторами Локар-Лемпсоном, Бирченхедом, Детердингом и др. После этого ОГПУ направило за границу агента Попова, который встретился с англичанами Де-

тердингом, Биркенхедом и др., а также вел переговоры от имени «ВРНО» с уполномоченным начальника русского отдела английского МИДа Моором в присутствии бывшего начальника английской разведки в России Торнхилла и руководителя английской разведки в Прибалтике Мак-Ферзона.

В своем докладе агент Попов 16 мая 1927 года писал в ОГПУ:

«Интересуясь вопросом будущего переворота в России, Детердинг добивался от меня, чтобы я сказал ему, кто из лиц, пользующихся особой симпатией, будет во главе движения. Этот вопрос он задал мне три раза, добиваясь определенного ответа. Я ответил, что такого человека у нас нет и его невозможно отыскать в России, но есть человек, который очень популярен в армии, который и будет выдвинут у нас на роль высшего руководителя в нашем движении. Детердинг очень обрадовался этому и говорил, что вот о таком-то человеке он и спрашивал».

Из архивных материалов «Синдикат-4» нельзя установить, называлось ли в 1927 году имя Тухачевского как возможного руководителя антисоветского движения. Однако его имя, как предполагаемого военного диктатора после свержения Советской власти, уже упоминается в подписанном Поповым 17 апреля 1928 года плане командировки агентов ОГПУ Попова и Де-Роберти в Париж, Берлин и Лондон. В этом плане подробно изложена линия поведения агентов при переговорах по делу «ВРНО» с представителями различных белоэмигрантских центров, а также с руководителем английской парламентской фракции консерваторов Локар-Лемпсоном, его секретарем Смисом, Мак-Ферзоном, Детердингом и др.

На вопрос, кто будет в случае благоприятного переворота в России поставлен во главе движения, агенты должны были ответить:

«Вероятнейшим спасителем России от возвращения комвласти и способом удержания благоприятных результатов предполагаемого переворота является диктатура лица, которое в момент переворота будет избрано поднявшими меч. На это лицо и будет возложено вывести Россию из хаоса, т. к., совершив переворот, невозможно удерживать до бесконечности достигнутое только штыками. Конечно, нельзя вперед назначать такого диктатора, но подготовить обстановку к избранию именно данного лица, пользующегося популярностью, особенно в армии, которая будет играть в этом перевороте не последнюю роль, мы должны. Считаясь со свойствами характера, с популярностью как в обществе, так особенно в армии, и с жизненной подготовкой, организация наметила на эту роль Тухачевского, который, конечно, об этом не знает, но окружение его в этом случае настолько подготовлено в нужном направлении, что у нас нет никаких сомнений, что в решительную минуту он будет с нами и во главе нас».

О том, что указанный план с компрометацией Тухачевского был выполнен органами ОГПУ, видно из доклада агента Попова от 27 июля 1928 года о поездке его в Париж, где он встречался с белоэмигрантами Мельгуновым, Кутеповым, Зайцевым и др.

«Во время второго свидания Кутепов поднял вопрос о переходном времени и необходимости на этот период установления твердой и сильной диктатуры. «Фотограф» (псевдоним Попова.— Прим. наше) ответил, что этот

вопрос у нас разбирался и что мы именно решили, что первые 1 1/2—2 года... мы предполагали установить на этот срок диктатуру. Тогда Кутепов задал сразу вопрос, как мы в этом случае смотрим на Тухачевского. Таким образом, очевидно Мельгунов передал Кутепову разговор с ним на эту тему, во время которого «фотограф» указывал ему на Тухачевского, как на предполагаемого нами в будущем диктатора. К этому времени Кутепов уже достаточно выпил, и «фотограф», отвечая ему, заявил, что нами был намечен этот кандидат только потому, что в своих рядах мы не находили человека, пользующегося в армии и у населения такой популярностью и симпатией, как Тухачевский».

В ноябре 1928 года для перепроверки деятельности «ВРНО» в Москву нелегально прибыл представитель Кутепова — белоэмигрант Огарев, с которым имел неоднократные встречи агент ОГПУ Серебренников, представившийся как участник «ВРНО».

В своей сводке от 1 декабря 1928 года Серебренников со слов Огарева сообщил, что руководитель белогвардейского эмигрантского «Народно-революционного союза» в Париже Алексинский в 1928 году в присутствии Огарева обращался к представителю французского генерального штаба с просьбой оказать финансовую помощь для развития антибольшевистского движения среди эмиграции. Как подчеркивает Серебренников, этот представитель генштаба указал:

«...денег дадут немедленно, если Алексинский будет доставлять материалы о вооруженных силах СССР. В частности, ему было указано, что генштаб интересуют сведения... о возможностях пропаганды в войсках идей бонапартизма путем выдвижения Тухачевского... О возможностях осуществления бонапартизма Огарев спрашивал М. (т. е. Серебренникова.— Прим. наше), который и указал, что касается Тухачевского, то последний имеет все данные для такой роли и пользуется большой популярностью среди комсостава, особенно из числа быв. офицеров».

В январе 1930 года агенты ОГПУ Попов и Де-Роберти были направлены в Берлин, где встречались с Кутеповым и др. белоэмигрантами, а также членом германского рейхстага Бангом и берлинским уполномоченным «Стального шлема» майором Вагнером. Все эти лица обещали оказывать помощь мнимой «ВРНО».

Агентурная разработка «Синдикат-4» прекратила свое существование в 1930 году, так как агенты ОГПУ были заподозрены в причастности к исчезновению белого генерала Кутепова, являвшегося в то время председателем РОВС.

В архивах КГБ при Совете Министров СССР имеются и некоторые другие данные, говорящие о том, что органы ОГПУ, легендируя существование антисоветских организаций с различными наименованиями, вводили в игру имя Тухачевского и других руководящих работников Красной Армии и советских государственных учреждений, сообщали на них иноразведкам различные ложные компрометирующие сведения.

Агентурная разработка органами ОГПУ-НКВД Тухачевского, Каменева С. С. и других советских военачальников

Имеется немало данных о том, что Тухачевский, Каменев С. С., Шапошников, Якир, Корк, Буденный и многие другие известные советские военачальники длительное время находились под агентурным наблюдением органов НКВД. В отношении их с помощью специально подосланной агентуры распространялись всяческие слухи, сплетни, дезинформационные материалы и другие компрометирующие данные.

Ознакомление с этими агентурными материалами свидетельствует о том, что органы НКВД, наряду с искусственной компрометацией Тухачевского, старались держать его в поле своего зрения и предпринимали меры по освещению его взглядов и настроений. Тухачевский, как и другие военные специалисты, разрабатывались органами НКВД, причем в их разработке принимали участие сотрудники НКВД, которые участвовали и в легендированной разработке «Трест».

Выше подчеркивалось, что провокационные методы работы органов ОГПУ-НКВД приводили к тому, что распространяемые агентами «компрометирующие» сведения о Тухачевском становились достоянием третьих лиц и возвращались назад в эти органы уже по другим каналам, как агентурные данные. Получаемые таким путем материалы, как правило, не проверялись, а до определенного времени накапливались в архивах НКВД СССР.

Деятельное участие в провокационной затее по компрометации Тухачевского и его окружения принимали агенты НКВД Зуев, Зайончковская, Овсянников и другие.

Основным агентурным делом, по которому органы ОГПУ-НКВД вели разработку Тухачевского и других видных военных специалистов, является дело «Генштабисты». В нем сосредоточены материалы о военачальниках, начиная с 1924 года. По делу проходило свыше 350 человек. На оперативный учет органов НКВД как «неблагонадежные» были взяты Тухачевский, Каменев С. С., бывший главком Вацетис, Бонч-Бруевич, генералы Снесарев, Свечин и многие другие.

Впервые агентурные донесения о якобы имевшихся у Тухачевского бонапартистских настроениях стали поступать в органы НКВД в декабре 1925 года от агента Овсянникова:

> «В настоящее время,— сообщал он,— среди кадрового офицерства и генералитета наиболее выявилось 2 течения: монархическое... и бонапартистское, концентрация которого происходит вокруг М. Н. Тухачевского».

В связи с тем, что в последующих сообщениях Овсянников называл ряд военнослужащих Красной Армии из бывших офицеров царской армии, которые якобы входили в кружок Тухачев-

ского, то органы НКВД привлекли к негласному сотрудничеству и некоторых сослуживцев Тухачевского и направили их на разработку этого кружка, называя его «бонапартистским».

Однако никто из них, в том числе и Овсянников, не сообщали о какой-либо антисоветской деятельности Тухачевского. Будучи арестованным в 1938 году, Овсянников показал, что органы ОГПУ давали ему задание по разработке Тухачевского, но никаких компрометирующих его материалов установить ему, Овсянникову, не удалось.

Среди агентов НКВД, разрабатывавших Тухачевского, были и такие, как Зуев и Зайончковская, которые действовали активно, проявляли инициативу в добывании любых слухов и сплетен о Тухачевском, обрабатывали эти сплетни, дополняли их своими домыслами и предположениями. Эти агенты, наряду с выполнением задания ОГПУ-НКВД по разработке и компрометации Тухачевского, участвовали в агентурных мероприятиях по упоминаемому выше делу «Трест». Будучи знакомыми между собой и не зная вначале о связи каждого из них с органами госбезопасности, агенты Зайончковская и Зуев передавали один другому различные слухи, порочащие Тухачевского. Впоследствии эти компрометирующие сведения стекались в НКВД СССР и становились достоянием многих работников НКВД.

Лица, использовавшиеся органами ОГПУ-НКВД в разработке Тухачевского и других, не внушают доверия. Так, Зайончковская — дочь бывшего генерала царской армии, работавшего в 1922—[19]26 гг. преподавателем военной академии. Сам Зайончковский с 1921 г. был агентом ВЧК-ОГПУ. Его дочь Зайончковская, не занимаясь общественно полезным трудом, снискала себе «славу» распространителя разного рода провокационных слухов. Агентом НКВД СССР она была с 1922 г. по 1937 г., затем некоторое время находилась под следствием по обвинению в шпионаже. После освобождения вплоть до 1954 года продолжала быть агентом органов НКВД. Стараясь обратить на себя внимание сотрудников органов НКВД, Зайончковская длительное время плела свои интриги вокруг имени Тухачевского и других видных военачальников, передавая в НКВД СССР много различных донесений о Тухачевском и других, всячески компрометировала их, что было выгодно карьеристским элементам из НКВД СССР.

Весной 1928 года, например, Зайончковская по заданию органов НКВД установила связь с немецким журналистом Гербингом, проживавшим до 1937 г. в Москве. Гербинг подозревался в связи с германскими разведывательными органами и характеризовался как лицо, враждебно настроенное к Советскому Союзу. Ссылаясь на сообщения Гербинга, Зайончковская поставляла в НКВД различные компрометирующие видных советских военачальников сведения. Она явилась автором измышлений о существовании в Красной Армии военного заговора.

Германской разведке было известно о связи Зайончковской с органами НКВД. Бежавший в 1927 году за границу Оперпут, раскрывая агентуру, участвовавшую в разработке «Трест», в числе агентов ОГПУ-НКВД назвал и Зайончковскую. Не исключена поэтому и та возможность, что компрометирующие Тухачевского и других советских военачальников сведения передавались в НКВД через Гербинга по заданию германской разведки.

Вот одно из донесений Зайончковской о сведениях, полученных ею в июне 1929 года от Гербинга:

> «В 1929 году германский корреспондент Гербинг говорил нам, что Каменев С. С. и Тухачевский отдельно друг от друга работают в пользу Германии по заданиям германского генштаба. Гербинг говорил, что Каменев работает давно и активно, а Тухачевский очень вяло».

Зайончковская в настоящее время проживает в Москве. В своих объяснениях от 9 мая 1962 года она по этому поводу отметила, что Гербингу не было известно о связи Тухачевского с германской разведкой, однако, со слов самого Гербинга, сведения, компрометирующие Тухачевского, он распространял по заданию «своих хозяев».

Несмотря на то, что имевшиеся в органах НКВД «компрометирующие материалы» в отношении Тухачевского и других военнослужащих являлись, с одной стороны, следствием провокационных методов работы самих органов НКВД, а с другой стороны, представляли собой дезинформационный материал иностранных разведок или различного рода клеветнические измышления и домыслы, эти материалы систематически обобщались в НКВД и были затем положены в основу выводов о том, что все военные специалисты дореволюционного периода, находившиеся на службе в Красной Армии, в том числе Тухачевский и его окружение, были враждебно настроены по отношению к Советской власти.

В одном из таких обобщающих документов НКВД СССР указывалось:

> «В РККА преимущественно в высших учреждениях на службе состоит значительное количество б. кадрового офицерства. Эта категория военспецов является по своему бывшему и социальному положению наиболее чуждой Советской власти... Все они ждут падения Советской власти».

Названные выше материалы явились в 1930—32 гг. поводом для проведения массовых репрессий в отношении военачальников и, прежде всего, бывших военных специалистов. Лишь по одному очень большому делу, получившему условное наименование «Весна», было арестовано более 3000 офицеров и генералов бывшей царской армии, служивших на различных должностях в Красной Армии в Москве, Ленинграде, на Украине, в Белоруссии. Все они голословно обвинялись в принадлежности к различного рода антисоветским офицерским организациям, в проведении вражеской деятельности. Колебания и неустойчивость некоторых из них по отдельным вопросам политики нашей партии

квалифицировались как организованная деятельность против Советской власти.

Среди арестованных находились преподаватели Военной академии Какурин и Троицкий. Арестом этих лиц, как наиболее близко стоявших по совместной работе в Академии к Тухачевскому и поддерживавших его в военных взглядах, преследовалась цель получения компрометирующих показаний на Тухачевского.

Троицкий и Какурин дали много таких показаний, из которых при желании можно было сделать, например, вывод о симпатиях Тухачевского к правому уклону. Вначале эти показания были очень общими и расплывчатыми. В них высказывались лишь различные предположения и сомнения.

Однако на допросе 26 августа 1930 года от Какурина были уже получены показания, которые прямо компрометировали Тухачевского:

> «В Москве временами собирались у Тухачевского, временами у Гая, временами у цыганки. В Ленинграде собирались у Тухачевского. Лидером всех этих собраний являлся Тухачевский, участники: я, Колесинский, Эстрейхер, Егоров, Гай, Никонов, Чусов, Ветлин, Кауфельдт. В момент и после XVI съезда было уточнено решение сидеть и выжидать, организуясь в кадрах в течение времени наивысшего напряжения борьбы между правыми и ЦК. Но тогда же Тухачевский выдвинул вопрос о политической акции, как цели развязывания правого уклона и перехода на новую высшую ступень, каковая мыслилась как военная диктатура, приходящая к власти через правый уклон. В дни 7—8 июля у Тухачевского последовали встречи и беседы вышеупомянутых лиц и сделаны были последние решающие установки, то есть ждать, организуясь».

На последующих допросах Какурин пошел еще дальше и сообщил, что заговорщическая организация Тухачевского якобы зародилась еще до 1930 года. Какурин много рассказывал на допросах о взглядах Тухачевского, его окружения, методах привлечения людей на свою сторону, о популярности Тухачевского. Всему этому он придавал окраску тайного сговора об антиправительственных действиях, хотя каких-либо конкретных фактов такой деятельности Тухачевского в показаниях Какурина и Троицкого не содержится.

Всем этим показаниям против Тухачевского было придано исключительно важное значение. Они были доложены Менжинскому, который 10 сентября 1930 года письменно сообщил Сталину следующее:

> «Я доложил это дело т. Молотову и просил разрешения до получения ваших указаний держаться версии, что Какурин и Троицкий арестованы по шпионскому делу. Арестовывать участников группировки поодиночке — рискованно. Выходов может быть два: или немедленно арестовать наиболее активных участников группировки, или дождаться вашего приезда, принимая пока агентурные меры, чтобы не быть застигнутым врасплох.
>
> Считаю нужным отметить, что сейчас все повстанческие группировки созревают очень быстро и последнее решение представляет известный риск».

К своему письму Менжинский приложил протоколы допросов Какурина и Троицкого. Получив эти документы, Сталин воспринял их без должной критической оценки и 24.IX.1930 года в письме к Орджоникидзе высказал мысль о политической нелояльности Тухачевского. Он писал:

«Прочти-ка поскорее показания Какурина—Троицкого и подумай о мерах ликвидации этого неприятного дела. Материал этот, как видишь, сугубо секретный: о нем знает Молотов, я, а теперь будешь знать и ты. Не знаю, известно ли Климу об этом. Стало быть, Тух[ачев]ский оказался в плену у антисоветских элементов и был сугубо обработан тоже антисоветскими элементами из рядов правых. Так выходит по материалам. Возможно ли это? Конечно, возможно, раз оно не исключено. Видимо, правые готовы идти даже на военную диктатуру, лишь бы избавиться от ЦК, от колхозов и совхозов, от большевистских темпов развития индустрии. Как видишь, показания Орлова и Смирнова (об аресте П. Б.) и показания Какурина и Троицкого (о планах и «концепциях» Т[роцко]го) имеют своим источником одну и ту же питательную среду — лагерь правых. Эти господа хотели, очевидно, поставить военных людей Кондратьевым — Громенам — Сухановым. Кондратьевско-сухановско-бухаринская партия,— таков баланс. Ну и дела...

Покончить с этим делом обычным порядком (немедленный арест и пр.) нельзя. Нужно хорошенько обдумать это дело. Лучше было бы отложить решение вопроса, поставленного в записке Менжинского, до середины октября, когда мы все будем в сборе.

Поговори обо всем этом с Молотовым, когда будешь в Москве».

В дальнейшем от Какурина были получены показания сначала о заговорщических, а затем и о террористических настроениях Тухачевского. Так, 5 октября 1930 года Какурин заявил на следствии:

«Далее Михаил Николаевич говорил, что, наоборот, можно рассчитывать на дальнейшее обострение внутрипартийной борьбы. Я не исключаю возможности, сказал он, в качестве одной из перспектив, что в пылу и ожесточении этой борьбы страсти и политические и личные разгораются настолько, что будут забыты и перейдены все рамки и границы. Возможна и такая перспектива, что рука фанатика для развязывания правого уклона не остановится и перед покушением на жизнь самого тов. Сталина... у Мих. Ник. возможно есть какие-то связи с Углановым и возможно с целым рядом других партийных или околопартийных лиц, которые рассматривают Тухачевского, как возможного военного вождя на случай борьбы с анархией и агрессией. Сейчас, когда я имел время глубоко продумать все случившееся, я не исключу и того, что, говоря в качестве прогноза о фанатике, стреляющем в Сталина, Тухачевский просто вуалировал ту перспективу, над которой он сам размышлял в действительности».

Аналогичные показания были получены и от арестованного Троицкого.

Сталин совместно с Орджоникидзе и Ворошиловым решили проверить показания Какурина и Троицкого в отношении Тухачевского. В этих целях Какурину и Троицкому была дана с Тухачевским очная ставка, на которой они подтвердили свои показания. Опрошены были также видные военные деятели Гамарник, Якир и Дубовой, хорошо знавшие Тухачевского по совместной работе в РККА. Решение об аресте Тухачевского тогда принято не было.

Протоколов очных ставок Тухачевского с Какуриным и Троицким не сохранилось, не обнаружено также каких-либо других документов, характеризующих эти очные ставки. Нет в архивах и записей бесед Сталина, Орджоникидзе и Ворошилова с Гамарником, Якиром и Дубовым. Однако обо всем этом можно судить по заявлениям Сталина и Ворошилова на заседании Военного Совета при НКО в июне 1937 года. Во время выступления на этом заседании Щаденко Сталин и Ворошилов прервали его следующими репликами:

«Сталин: Мы обратились к т.т. Дубовому, Якиру и Гамарнику. Правильно ли, что надо арестовать Тухачевского как врага. Все трое сказали нет, это должно быть какое-нибудь недоразумение, неправильно.

Ворошилов: Мы очную ставку сделали.

Сталин: Мы очную ставку сделали и решили это дело зачеркнуть. Теперь оказывается, что двое военных, показавших на Тухачевского, показывали правильно...».

Однако утверждение Сталина о правильности показаний Какурина и Троицкого никакими другими данными не подтверждается.

Какурин, участник гражданской войны, во внесудебном порядке в 1932 году был осужден к расстрелу, с заменой в последующем 10 годами лишения свободы; содержался в строгой изоляции и умер в 1936 году. В настоящее время он реабилитирован.

Троицкий в 1930 году был осужден к 3 годам ссылки и с того времени негласно сотрудничал с органами НКВД. В 1938 году по вновь сфальсифицированным материалам он был арестован как участник военного заговора, возглавляемого якобы Тухачевским. На следствии Троицкий подтвердил показания, данные им в 1930 году, об антисоветских настроениях Тухачевского и заявил:

«...Вернувшись из Турции (примерно в 1925 году.— Прим. наше), я восстановил связи с Тухачевским и Какуриным. У Тухачевского я сделался частым гостем. У него собирались почти каждый день и хотя о какой-либо политической группировке не было и речи, но все члены компании молча соглашались друг с другом, что центром объединения является Тухачевский и его политическое будущее. За период 1926—30 гг. я являлся агитатором достоинств Тухачевского. Восхвалял при всех удобных случаях его таланты, хотя и чувствовал его контрреволюционную сущность, говорю «чувствовал», потому что он был слишком осторожен, да и нас считал, вероятно, недостаточно крупными величинами, чтобы высказываться о своих дальнейших планах. В 1930 году я был арестован. Длинные и тяжелые переживания и размышления привели меня к тому, что я решил раз навсегда отмежеваться от всякой контрреволюции и разоружиться перед Соввластью. Я дал показания о Тухачевском и его окружении и подтвердил их на очной ставке с Тухачевским в присутствии тт. Сталина, Ворошилова, Орджоникидзе и др. членов Политбюро...».

В судебном заседании Военной Коллегии Верховного суда СССР 11 мая 1939 года Троицкий виновным себя не признал, от прежних показаний отказался, заявив, что вынужден был говорить неправду по принуждению. Будучи осужденным к расстре-

лу, Троицкий в кассационной жалобе от 12.V.1939 года по этому поводу писал:

«Мои показания давались в суровой обстановке 5-месячного пребывания моего в Лефортовской тюрьме, которая ослабила во мне способность бороться за правду даваемых мною показаний и заставила во многих случаях подписывать в протоколах не те формулировки своих ответов, которые отвечали действительности, а те, которые предлагало следствие».

Как было отмечено выше, много видных военных специалистов в 1930 году было арестовано по делу, именуемому «Весна». Обвинения, выдвинутые против этих лиц в антисоветской деятельности, были ложными, сфабрикованными. Это установлено в настоящее время по большому количеству дел, все осужденные по которым реабилитированы. Однако несостоятельность обвинений лиц, осужденных по делу «Весна», была известна и в 1930—1931 годах. Так, например, от арестованного по делу «Весна» преподавателя Военной академии Бежанова-Сакворелидзе в ОГПУ были получены показания, что в состав Московского контрреволюционного центра входили Пугачев С. А. и Шапошников Б. М. На очной ставке, проведенной 13 марта 1931 года в присутствии Сталина, Молотова, Ворошилова и Орджоникидзе, Шапошников и Пугачев изобличили Бежанова в клевете. В связи с этим Пугачев в тот же день был освобожден из-под стражи. Ряд других военачальников, в том числе Шапошников, Каменев С. С. и некоторые другие бывшие офицеры старой армии, вообще не арестовывались, хотя на них тоже имелись показания арестованных.

Отдельные руководящие работники ОГПУ, в их числе Мессинг, Бельский и Евдокимов, еще в 1931 г. считали дела на военных специалистов «дутыми», искусственно созданными и выражали недоверие к показаниям арестованных. Однако эти сигналы не получили правильной оценки. Более того, в этом усматривали «групповую борьбу против руководства ОГПУ». В связи с такой обстановкой указанные лица были освобождены от занимаемых должностей. 6 августа 1931 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление об изменениях в составе ОГПУ и перемещениях некоторых членов коллегии ОГПУ на другую работу.

В тот же день Сталиным было подписано директивное письмо, адресованное секретарям ЦК нацкомпартий, крайкомов и обкомов партии, в котором указывалось:

«Поручить секретарям национальных ЦК, крайкомов и обкомов дать разъяснение узкому активу работников ОГПУ о причинах последних перемен в руководящем составе ОГПУ на следующих основаниях:

1. Тт. Мессинг и Бельский отстранены от работы ОГПУ, тов. Ольский снят с работы в Особом отделе, а т. Евдокимов снят с должности начальника секретно-оперативного управления... на том основании, что...

б) они распространяли среди работников ОГПУ совершенно не соответствующие действительности разлагающие слухи о том, что дело о вредительстве в военном ведомстве является «дутым» делом;

в) они расшатывали тем самым железную дисциплину среди работников

ОГПУ... ЦК отметает разговоры и шушуканья о «внутренней слабости» органов ОГПУ и «неправильности» линии их практической работы, как слухи, идущие без сомнения из враждебного лагеря и подхваченные по глупости некоторыми горе-«коммунистами».

Характерно, что тогда же решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 августа 1931 г. Реввоенсовет СССР лишался права давать Особому отделу задания и осуществлять контроль за их выполнением, «с тем, чтобы Особый отдел был непосредственно подчинен ОГПУ».

Один из руководящих советских военных работников, в прошлом офицер царской армии Верховский, арестованный еще в 1931 году, в письме на имя Ворошилова, пересланном 5 января 1935 г. Сталину, описывал факты нарушения законности, которыми сопровождались следствие и судебный процесс по его делу. Верховский указывал, что ему прямо было заявлено, что если не даст показаний о своей антисоветской деятельности и преступлениях его знакомых из числа военнослужащих, то его ждет неминуемый расстрел. Верховский в течение 11 месяцев подвергался изнурительным допросам, содержался в невыносимых тюремных условиях. В своем письме Верховский писал также:

«В камере три раза посещали представители прокуратуры, которым я делал заявление о том, что следствие ведется так, что правду выяснить оно не может. Прокуратура не находила нужным даже выслушать меня.

По всему ходу следствия становилось ясно, что никто совершенно не интересуется правдой, что меня хотят насильно заставить дать ложные показания.

Если к этому прибавить сознание полной беззащитности и внушаемое следствием убеждение, что партия требует от меня дачи этих ложных показаний, во имя каких-то неведомых целей, то станет ясно, что заставило целый ряд лиц, которых следствие связало в одно со мной дело, дать ложные показания и оговорить меня».

Таким образом, имевшиеся в отношении Тухачевского и других военачальников агентурные и следственные материалы об их якобы антисоветской деятельности в процессе следствия по делу ряда арестованных в 1930—31 гг. бывших военных специалистов подтверждения не нашли. Тем не менее органы НКВД продолжали заниматься сбором различного рода агентурных и других материалов, компрометирующих Тухачевского. Его разработкой продолжала упорно заниматься платный агент НКВД СССР Зайончковская, которая умышленно распространяла клеветнические измышления. Руководствуясь низменными соображениями, Зайончковская, начиная с 1931 года, вновь начала поставлять в органы НКВД различные клеветнические сведения, порочащие не только Тухачевского, но и многих других руководящих военных работников — Шапошникова, Якира, Путны, Уборевича, Ворошилова и Буденного.

По заданию НКВД СССР Зайончковская продолжает поддерживать связь с названным выше Гербингом. В марте 1934 года она, например, доносила:

«Гербинг говорит, что ему известно, что существует заговор в армии, точнее среди высш. комсостава в Москве и еще точнее среди коммунистов

высш. комсостава. Заговор имеет пока целью убийство Сталина, уничтожение существующего сейчас Политбюро и введение воен. диктатуры. Конкретная работа заговорщиков должна начаться в недалеком будущем. Происходящие в данное время аресты — последние конвульсии ГПУ не могут беспокоить армию, т. к. в ее среде безусловно не могут теперь иметь место аресты».

2 мая 1934 года Зайончковская донесла, что 30 апреля 1934 г. она посетила Гербинга, который снова заявил ей о существовании заговора в РККА:

«В командном составе Красной Армии по словам Гербинга в самых верхах имеется уже реальная измена соввласти с смягчающими ее конкретность видоизменениями по нисходящей линии. Помимо этого в командном составе Красной Армии идет совершенно самостоятельное, самобытное, так сказать, явление в виде скрытого кинения».

В этой же беседе Гербинг якобы еще сказал:

«Что такое большевики для русской армии? Это не враги, а тот, кто не враг, тот уже по существу и не большевик. Тухачевский — не большевик, им никогда и не был, Уборсвич — тоже, Каменев тоже. Не большевик и Буденный. Но их выбор, ск[азал] как бы про себя Герб[инг], пал на Тухачевского».

Донесения о Тухачевском и др. видных военных деятелях Зайончковская поставляла не только со слов иностранцев. Как отмечалось, она с 1933 года активно собирала различные слухи о них от своих знакомых, писала в сводках свои личные домыслы, порочащие не только отдельных военных командиров, но и некоторые советские организации и учреждения.

Дело с подлинными донесениями Зайончковской в связи с истечением срока хранения уничтожено, но и из сохранившихся копий этих донесений установлено, что она на протяжении более чем 10 лет представила в ОГПУ-НКВД значительное количество сообщений, компрометировавших Тухачевского, Якира, Уборевича, Каменева С. С., Путну, Шапошникова, Буденного и многих других специалистов Советской Армии.

Будучи арестованной в 1937 г., она на допросах и в своих собственноручных показаниях выдавала в качестве своих заслуг тот факт, что систематически доносила в ОГПУ-НКВД о якобы имевшемся в РККА военном заговоре и сообщала порочащие сведения о Тухачевском и других. По этим вопросам Зайончковская, в частности, показывала:

«Приблизительно с 1933 г. я сообщала о предательской работе Шапошникова (быв. нач. Академии им. Фрунзе в Москве, потом ком. войск Ленинграда)...

С 1932 г. со времени моей поездки с Гаем в Ленинград я по ленинградским материалам обращала внимание Гая на Корка, Путну, Криворучко и др. менее видных военных».

«В 1933 году меня посылал Сосновский в Ленинград под именем «Веры Павловны Николаевой» для того, чтобы я выяснила настроения среди командного состава РККА, а также и среди бывших офицеров царской армии... В Ленинграде я пробыла дней десять. О настроениях командного состава мною была написана сводка, принятая Гаем, где освещались разговоры о создавшейся организации, захватившей руководство в свои руки. Тогда

же мне было известно, что в эту организацию входят ответственные работники парторганов — Шарангович, а из военных Путна, Корк, Эйдеман, Сергеев Е., Фельдман и др. Я Гаю писала, что проскальзывают слухи о якобы готовящемся террористическом акте. Тогда я не могла точно знать, над кем готовится теракт. Впоследствии мне из газет стало известно, что убит был Киров.

Для полного освещения этой группировки я Гая просила, чтобы еще побыть некоторое время в Ленинграде, но он не разрешил.

Тогда я там же связалась с женой Шаранговича, с которой встретилась я в Москве во время ее приезда из Ленинграда в Москву. Шарангович должна была меня связать с Корком, Путной, но связь не состоялась, так как Сосновский Шаранговича арестовал. После этого все нити к разработке Корка, Путны и др. порвались».

«С Сосновским я разрабатывала Халепского — начальника мотомех. частей.

Сосновскому в своих сводках о Халепском я писала, что он создает группировку в частях Красной Армии, которая принадлежала к линии Тухачевского и была сторонниками немцев.

Сведения о такой группировке мною были получены от Готовского Александра Николаевича — полковника, преподавателя Военно-инженерной академии, от Матуля М. А. — помощника Халепского и от его жены».

Изучение в настоящее время донесений Зайончковской показывает их провокационный характер. Многие ее донесения были фантастическими, надуманными, совершенно неправдоподобными. Такого мнения об агентурных сообщениях Зайончковской придерживались многие работники НКВД СССР даже в те годы. Например, в одном из донесений от 9.XII.1934 года Зайончковская сообщала, что контрреволюция внутри страны в армии опирается на бывших офицеров и что

«из среды военной должен раздаться выстрел в Сталина... выстрел этот должен быть сделан в Москве и лицом, имеющим возможность близко подойти к т. Сталину или находиться вблизи его по роду своих служебных обязанностей».

Прочитав это донесение, бывший начальник Особого отдела ГУГБ НКВД СССР Гай 13 декабря 1934 года написал:

«Это сплошной бред глупой старухи, выжившей из ума. Вызвать ее ко мне».

Однако этот заведомо ложный агентурный материал продолжал концентрироваться в НКВД, а с агентами-провокаторами типа Зайончковской поддерживалась постоянная связь.

По своему содержанию сводки Зайончковской неконкретны и противоречивы. Сведения, сообщенные ею в этих донесениях, исходят не со слов Тухачевского, с которым она не встречалась с 1923—1924 гг., а со слов третьих лиц. Об этом Зайончковская писала еще в декабре 1929 года:

«Лично я, кроме самого Мих. Ник. Тухачевского, который был у нас лет пять тому назад, из его семьи никого не знаю».

Это она подтвердила и в своих объяснениях в ЦК КПСС от 27 апреля 1962 года.

«Фактически я лично ни одного раза с Тухачевским на политические темы не говорила и не сообщила ни одного слова, сказанного мне лично Тухачевским, так как такого случая не было.

Я сообщала о Тухачевском со слов моего отца, моего двоюродного брата Какурина Н. Е., матери и сестры Ивана Александровича Троицкого, Де-Лазари, Александра Николаевича, братьев Готовских... (далее называется еще 20 фамилий.— Прим. наше). Возможно, что были еще другие, которых я сейчас вспомнить не могу.

Поскольку я помню, я обычно приводила подробно и точно слова того лица, которое высказывало свое мнение о Тухачевском. У меня с ним, за исключением одного Какурина, не было даже общих знакомых, то есть таких, у которых на дому бывал бы и Тухачевский и я».

Что касается содержания агентурных донесений, то по этому поводу Зайончковская в своих объяснениях от 10 мая 1962 года написала:

«Как видно из предъявленных мне показаний и сводок, данных в 1937—1939 гг., я в период с 1923—24 гг. по 1937 г. систематически собирала и передавала в ОГПУ-НКВД различные голословные противоречивые мнения, суждения, высказывания и разговоры, не подтвержденные фактами, а по некоторым вопросам и свои собственные выводы, обобщения и домыслы в отношении Тухачевского, Каменева С. С., Шапошникова, Путны, Якира, Примакова и других командиров Красной Армии. Все эти сведения я получала от Де-Лазари, Какурина, Зуева, Соллогуба, матери Троицкого, Малевского, Гербинга, Репетто и некоторых других, большинство из которых у меня вызывали сомнения и в тот период. Никакими конкретными фактами, подтверждающими преступную работу Тухачевского, Каменева С. С., Шапошникова, Путны, Примакова и других и тем более об их организованной антисоветской работе, я не располагала. С Корком, Якиром, Шапошниковым, Каменевым С. С., Путной, Примаковым, Уборевичем я вообще знакома не была, а Тухачевского видела несколько раз до 1924 года, с семьей его знакома вообще не была».

Бывшая сотрудница ОГПУ-НКВД Тарловская на допросах в 1937 году указывала, что она, работая с 1933 г. сначала секретарем начальника отдела НКВД СССР Сосновского, а затем оперуполномоченным, встречалась с агентом Зайончковской до декабря 1936 года. Давая оценку работы Зайончковской как агенту ОГПУ-НКВД, Тарловская на допросе 29.VIII.1937 г. показала:

«Она являлась агентом Сосновского. Он встречался с ней, принимал сводки, платил ей деньги. Еще до меня с ней встречался и относил ей деньги секретарь, который работал до меня, Феропонтов... Она имела кооперативную книжку и билет в санчасть. После отъезда Сосновского в Ленинград, я по поручению Сосновского стала встречаться с нею, получала сводки и передавала их Гаю. По указанию Гая я передавала сводки по назначению, так, по военным вопросам — Добродицкому и Гарту, по немцам — Волынскому и Кононовичу. Все от ее сводок открещивались и не хотели их брать, считая их лживыми... Она много писала на руководящий армейский состав, на Якира, Тухачевского, Корка и др. Об этом же писал и ее муж, что мне известно со слов Гарта...

Над этими сводками смеялись, когда я приносила их Добродицкому и Гарту, и говорили, что она выдумывает...

Она особенно хорошо относилась к Сосновскому и Гаю. Однажды ей Гай дал 1.000 рублей на дачу и, с ее слов, мне известно, что ей раньше Гай подарил золотые часы. Внешне к ней относились хорошо, рассказыва-

ли, что она в прошлом давала очень ценный материал, но в последнее время якобы «исписалась», часто ее сводки называли бредом сумасшедшей и держали ее за прежние заслуги».

К 1937 году, когда репрессии против партийных, советских и других руководящих кадров стали принимать широкий размах, органы НКВД с большой активностью начали фабриковать компрометирующие материалы и в отношении военных, прежде всего против Тухачевского, Якира, Уборевича и других. Из архивов НКВД СССР был поднят имевшийся там лживый агентурный и следственный материал, вокруг имени Тухачевского стали быстро распространяться различного рода небылицы.

В январе 1937 года на имя Ежова поступило письмо бывшего руководителя иностранного отдела НКВД СССР Артузова, в котором он, ссылаясь на имевшиеся в архивах сведения закордонных агентов о якобы вредительской деятельности Тухачевского, высказывал свое мнение о существовании в Красной Армии троцкистской организации.

Тогда же в плане работы по материалу иностранного отдела НКВД, составленном начальником Особого отдела Леплевским, предусматривались многочисленные мероприятия оперативного характера по активной разработке военных работников. В плане, в частности, намечалось:

«6. Собрать все имеющиеся материалы на Роговского, Орлова, Шапошникова и других крупных военных работников, проверить материалы, наметить конкретный план их разработки и взять эти разработки под повседневный непосредственный контроль начальника 5[-го] отдела...

8. Особое внимание обратить как в Москве, так и на периферии на выявление фашистских группировок среди военнослужащих».

13 мая 1937 года работниками НКВД СССР была представлена Ежову справка по материалам, имеющимся в отношении Тухачевского. В справке вновь приводятся показания Какурина и Троицкого о заговорщической деятельности Тухачевского, ложность которых была установлена еще в 1930 году. В ней используются агентурные сообщения агента-провокатора Зайончковской от 28.1.1937 года о том, что Тухачевский еще в 1931 году «...больше мечтал быть маршалом по воле Германии, чем советского правительства...».

Все эти заведомо ложные агентурные и следственные материалы способствовали созданию мнения о политической неблагонадежности Тухачевского, Якира, Уборевича и других военачальников и послужили основанием, на котором были нагромождены в их адрес обвинения в тяжких государственных преступлениях.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Алкснис Яков Иванович (14(26).1.1897—29.7.1938), командарм 2 ранга, с 1937 г. заместитель наркома обороны по авиации, член военного совета Наркомата обороны.

Апанасенко Иосиф Родионович (3(15).4.1890—5.8.1943), в 1935—1937 гг. заместитель командующего войсками Белорусского военного округа.

Белов Иван Панфилович (15(27).6.1893—27.7.1938), командарм 1 ранга, командующий войсками Белорусского военного округа.

Берзин (Кюзис Петерис) Ян Карлович (1889—1938), армейский комиссар 2 ранга, в 1936—1937 гг. главный военный советник республиканской армии в Испании.

Блюхер Василий Константинович (19.11(1.12).1890—9.11.1938), Маршал Советского Союза, в 1929—1938 гг. командовал Особой Краснознаменной Дальневосточной армией.

Бубнов Андрей Сергеевич (1884—1940), в 1924—1929 гг. начальник Политуправления РККА, член РВС СССР, с 1929 г. нарком просвещения РСФСР.

Буденный Семен Михайлович (13(25).4.1883—1973), Маршал Советского Союза, в 1924—1937 гг. инспектор кавалерии РККА, с 1937 г. командующий войсками Московского военного округа и член военного совета Наркомата обороны СССР.

Василенко Матвей Иванович (13(25).11.1888—1.7.1937), комкор, с 1935 г. заместитель командующего войсками Уральского военного округа.

Ворошилов Климент Ефремович (23.1(4.2).1881—2.12.1969), Маршал Советского Союза, в 1934—1940 гг. нарком обороны СССР.

Вышинский Андрей Януарьевич (28.11(10.12).1883—22.11.1954), в 1935—1939 гг. прокурор СССР, в 1953—1954 гг. постоянный представитель СССР в ООН.

Гамарник Ян Борисович (2.6.1894—31.5.1937), армейский комиссар 1 ранга, с 1930 г. заместитель наркома обороны и заместитель председателя РВС СССР.

Гарькавый Илья Иванович (19(31).7.1883—1.7.1937), комкор, с 1935 г. командующий войсками Уральского военного округа.

Геккер Анатолий Ильич (1882—1938), военный атташе СССР в Китае.

Грязнов Иван Кенсоринович (Кенсарионович) (11(23).1.1897—29.7.1938), комкор, в 1933-1938 гг. командовал войсками Забайкальского и Среднеазиатского военных округов.

Дыбенко Павел Ефимович (16(28).2.1889—29.7.1938), командарм 2 ранга, в 1928—1938 гг. командовал войсками Среднеазиатского, Приволжского, Сибирского и Ленинградского военных округов.

Енукидзе Авель Сафронович (7(19).5.1877—30.10.1937), с 1934 г. член ЦК ВКП(б).

Каганович Лазарь Моисеевич (22.11.1893—1991), в 1935—1944 гг. нарком путей сообщения.

Каменев Сергей Сергеевич (4(16).4.1881—25.8.1936), командарм 1 ранга, с 1934 г. начальник управления ПВО и член военного совета НКО.

Карахан (Караханян) Лев Михайлович (20.1(1.2).1889—20.9.1937), в 1927—1934 гг. заместитель наркома иностранных дел, затем до 1937 г. посол в Турции.

Каширин Николай Дмитриевич (4(16).2.1888—14.6.1938), командарм 2 ранга, в 1931—1937 гг. командующий войсками Северо-Кавказского военного округа, член военного совета НКО.

Ковалев Михаил Прокофьевич (25.6(7.7).1897—31.8.1967), генерал-полковник, с 1949 г. пом. командующего войсками Ленинградского военного округа.

Корк Август Иванович (22.7(3.8).1887—12.6.1937), командарм 2 ранга, в 1935—1937 гг. начальник Военной академии им. М. В. Фрунзе.

Куйбышев Валериан Владимирович (25.5(6.6).1888—25.1.1935), с 1934 г. первый заместитель Председателя СНК и СТО.

Литвинов Максим Максимович (Валлах Макс) (5.7.1876—31.12.1951), в 1930—1939 гг. нарком иностранных дел СССР.

Мехлис Лев Захарович (13.1.1889—13.2.1953), в 1937—1940 гг. начальник Политического управления РККА.

Микоян Анастас Иванович (1895—1978), с 1937 г. заместитель Председателя СНК СССР.

Молотов (настоящая фамилия Скрябин) Вячеслав Михайлович (25.2(9.3).1890—1986), в 1930—1941 гг. Председатель СНК СССР.

Орджоникидзе Григорий Константинович (Серго) (24.10.1886—18.2.1937), с 1932 г. нарком тяжелой промышленности.

Примаков Виталий Маркович (18(30).12.1897—12.6.1937), комкор, с 1935 г. заместитель командующего войсками Ленинградского военного округа.

Путна Витовт Казимирович (31.3(12.4).1893—12.6.1937), комкор, в 1934—1936 гг. военный атташе в Великобритании.

Рудзутак Ян Эрнестович (3(15).8.1887—29.7.1938), в 1926—1937 гг. заместитель Председателя СНК и СТО СССР.

Саблин Юрий Владимирович (12(24).11.1897—20.6.1937), комдив, с 1931 г. начальник управления военно-строительных работ на Украине.

Тимошенко Семен Константинович (6(18).2.1895—31.3.1970), Маршал Советского Союза в 1940 г., в 1935—1937 гг. заместитель командующего войсками Киевского военного округа.

Тодорский Александр Иванович (1894—1965), генерал-лейтенант, начальник Военно-воздушной академии им. Н. Е. Жуковского.

Троцкий (Бронштейн) Лев Давидович (1879—1940), советский государственный и партийный деятель.

Тухачевский Михаил Николаевич (4(16).2.1893—12.6.1937), Маршал Советского Союза, с 1936 г. первый заместитель наркома обороны и начальник управления боевой подготовки.

Уборевич Иероним Петрович (2(14).1.1896—12.6.1937), командарм 1 ранга, командующий войсками Белорусского военного округа, с 1934 г. член военного совета НКО.

Фельдман Борис Миронович (5.1.1890—12.6.1937), комкор, начальник управления по командному составу РККА.

Шапошников Борис Михайлович (20.9(2.10).1882—26.3.1945), Маршал Советского Союза, в 1935—1937 гг. командующий войсками Ленинградского военного округа, в 1943—1945 гг. начальник Высшей военной академии им. К. Е. Ворошилова.

Эйдеман (Эйдеманис) Роберт Петрович (27.4(9.5).1895—12.6.1937), комкор, с 1934 г. член военного совета НКО, с 1932 г. председатель Центрального совета Осоавиахима СССР.

Якир Иона Эммануилович (3(15).8.1896—12.6.1937), командующий войсками Киевского военного округа, с 1936 г. член военного совета НКО СССР, член ЦИК СССР.

(Окончание следует)

СЕКРЕТНЫЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ПРОТОКОЛЫ К ДОГОВОРУ О НЕНАПАДЕНИИ МЕЖДУ ГЕРМАНИЕЙ И СССР ОТ 23 АВГУСТА 1939 ГОДА

23 августа 1939 года между СССР и Германией был заключен договор о ненападении. Однако до настоящего времени не публиковались секретные дополнительные протоколы к этому договору. Более того, их существование отрицалось.

Правда о советско-германских отношениях накануне Великой Отечественной войны с большим трудом, но неотвратимо пробивает себе дорогу.

ПОДЛИННИК

СЕКРЕТНЫЙ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОТОКОЛ

При подписании договора о ненападении между Германией и Союзом Советских Социалистических Республик нижеподписавшиеся уполномоченные обеих сторон обсудили в строго конфиденциальном порядке вопрос о разграничении сфер обоюдных интересов в Восточной Европе. Это обсуждение привело к нижеследующему результату:

1. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Прибалтийских государств (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва), северная граница Литвы одновременно является границей сфер интересов Германии и СССР. При этом интересы Литвы по отношению Виленской области признаются обеими сторонами.

2. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского Государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рек Нарева, Вислы и Сана.

Вопрос, является ли в обоюдных интересах желательным сохранение независимого Польского Государства и каковы будут границы этого государства, может быть окончательно выяснен только в течение дальнейшего политического развития.

Во всяком случае, оба Правительства будут решать этот вопрос в порядке дружественного обоюдного согласия.

3. Касательно юго-востока Европы с советской стороны подчеркивается интерес СССР к Бессарабии. С германской стороны заявляется о ее полной политической незаинтересованности в этих областях.

4. Этот протокол будет сохраняться обеими сторонами в строгом секрете.

Москва, 23 августа 1939 года.

По уполномочию Правительства СССР
В. Молотов

За Правительство Германии:
Риббентроп

[Молотов] [Риббенроп]

КОПИЯ

Т-ву Сталину

СЕКРЕТНЫЙ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОТОКОЛ

При подписании договора о ненападении между Германией и Союзом Советских Социалистических Республик нижеподписавшиеся уполномоченные обеих сторон обсудили в строго конфиденциальном порядке вопрос о разграничении сфер обоюдных интересов в Восточной Европе. Это обсуждение привело к нижеследующему результату:

1. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Прибалтийских государств (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва), северная граница Литвы одновременно является границей сфер интересов Германии и СССР. При этом интересы Литвы по отношению Виленской области признаются обеими сторонами.

2. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского Государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рек Нарева, Вислы и Сана.

Вопрос, является ли в обоюдных интересах желательным сохранение независимого Польского Государства и каковы будут границы этого государства, может быть окончательно выяснен только в течение дальнейшего политического развития.

Во всяком случае, оба Правительства будут решать этот вопрос в порядке дружественного обоюдного согласия.

3. Касательно юго-востока Европы с советской стороны подчеркивается интерес СССР к Бессарабии. С германской стороны заявляется о ее полной политической незаинтересованности в этих областях.

4. Этот протокол будет сохраняться обеими сторонами в строгом секрете.

Москва, 23 августа 1939 года.

По уполномочию Правительства СССР:
В. МОЛОТОВ.

За Правительство Германии:
РИББЕНТРОП.

РАЗЪЯСНЕНИЕ
К «СЕКРЕТНОМУ ДОПОЛНИТЕЛЬНОМУ ПРОТОКОЛУ»
от 23 августа 1939 года

В целях уточнения первого абзаца п. 2 «Секретного Дополнительного Протокола» от 23 августа 1939 года настоящим разъясняется, что этот абзац следует читать в следующей окончательной редакции, а именно:

«2. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского Государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рек Писса, Нарева, Вислы и Сана».

Москва, 28 августа 1939 года.

По уполномочию Правительства СССР	**За Правительство Германии**
[Молотов]	**[Шуленбург]**

ДОВЕРИТЕЛЬНЫЙ ПРОТОКОЛ

Правительство СССР не будет препятствовать немецким гражданам и другим лицам германского происхождения, проживающим в сферах его интересов, если они будут иметь желание переселиться в Германию или в сферы германских интересов. Оно согласно, что это переселение будет проводиться уполномоченными Германского Правительства в согласии с компетентными местными властями и что при этом не будут затронуты имущественные права переселенцев.

Соответствующее обязательство принимает на себя Германское Правительство относительно лиц украинского или белорусского происхождения, проживающих в сферах его интересов.

Москва, 28 сентября 1939 года.

По уполномочию
Правительства СССР
В. МОЛОТОВ.

За Германское
Правительство
РИББЕНТРОП.

СЕКРЕТНЫЙ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОТОКОЛ

Нижеподписавшиеся уполномоченные констатируют согласие Германского Правительства и Правительства СССР в следующем:

Подписанный 23 августа 1939 г. секретный дополнительный протокол изменяется в п. 1 таким образом, что территория литовского государства включается в сферу интересов СССР, так как с другой стороны Люблинское воеводство и части Варшавского воеводства включаются в сферу интересов Германии (см. карту к подписанному сегодня Договору о дружбе и границе между СССР и Германией). Как только Правительство СССР предпримет на литовской территории особые меры для охраны своих интересов, то с целью естественного и простого проведения границы настоящая германо-литовская граница исправляется так, что литовская территория, которая лежит к юго-западу от линии, указанной на карте, отходит к Германии.

Далее констатируется, что находящиеся в силе хозяйственные соглашения между Германией и Литвой не должны быть нарушены вышеуказанными мероприятиями Советского Союза.

По уполномочию Правительства СССР
И. Сталин
В. Молотов

Für die deutsche Reichsregierung
Ribbentrop

28 сентября 1939 года.

28.IX.39

СЕКРЕТНЫЙ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОТОКОЛ

Нижеподписавшиеся Уполномоченные при заключении советско-германского договора о границе и дружбе констатировали свое согласие в следующем:

Обе стороны не допустят на своих территориях никакой польской агитации, которая действует на территорию другой страны. Они ликвидируют зародыши подобной агитации на своих территориях и будут информировать друг друга о целесообразных для этого мероприятиях.

Москва, 28 сентября 1939 года.

По уполномочию
Правительства СССР
В. МОЛОТОВ.

За Правительство
Германии
РИББЕНТРОП.

СЕКРЕТНЫЙ ПРОТОКОЛ

По уполномочию Правительства Союза ССР Председатель СНК СССР В. М. Молотов, с одной стороны, и по уполномочию Правительства Германии Германский Посол граф фон-дер Шуленбург, с другой стороны, согласились о нижеследующем:

1. Правительство Германии отказывается от своих притязаний на часть территории Литвы, указанную в Секретном Дополнительном Протоколе от 28 сентября 1939 года и обозначенную на приложенной к этому Протоколу карте;

2. Правительство Союза ССР соглашается компенсировать Правительство Германии за территорию, указанную в пункте 1 настоящего Протокола, уплатой Германии суммы 7.500.000 золотых долларов, равной 31 миллиону 500 тысяч германских марок.

Выплата суммы в 31,5 миллионов германских марок будет произведена нижеследующим образом: одна восьмая, а именно: 3.937.500 германских марок, поставками цветных металлов в течение трех месяцев со дня подписания настоящего Протокола, а остальные семь восьмых, а именно 27.562.500 германских марок, золотом, путем вычета из германских платежей золота, которые германская сторона имеет произвести до 11 февраля 1941 года на основании обмена писем, состоявшегося между Народным Комиссаром Внешней Торговли Союза ССР А. И. Микояном и Председателем Германской Экономической Делегации г. Шнурре в связи с подписанием «Соглашения от 10 января 1941 года о взаимных товарных поставках на второй договорный период по Хозяйственному Соглашению от 11 февраля 1940 года между Союзом ССР и Германией».

3. Настоящий Протокол составлен в двух оригиналах на русском и в двух оригиналах на немецком языках и вступает в силу немедленно по его подписании.

Москва, 10 января 1941 года.

По уполномочию Правительства СССР	За Правительство Германии
В. Молотов	Шуленбург

[Шуленбург]

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Микоян Анастас Иванович (1895—1978), советский государственный и партийный деятель. В 1937—1946 гг. заместитель председателя Совета Народных Комиссаров СССР. Одновременно в 1938—1946 гг. нарком внешней торговли.

Молотов (настоящая фамилия Скрябин) Вячеслав Михайлович (1890—1986), политический деятель СССР. С мая 1939 г. нарком иностранных дел СССР.

Риббентроп Иоахим (1893—1946), с февраля 1938—1945 гг. министр иностранных дел Германии.

Шнурре Юлиус, руководитель экономического отдела германского МИД.

Граф фон-дер Шуленбург Фридрих, посол Германии в СССР.

КАТЫНСКОЕ ДЕЛО.
Можно ли поставить точку?

13 апреля 1943 года Германия объявила, что в местечке Катынь близ Смоленска ее солдатами обнаружены захоронения польских офицеров в количестве 10 тыс. человек.

Через два дня Московское радио сообщило, что заявление Берлина представляет собой фальшивку, а польские офицеры, участвовавшие в строительных работах под Смоленском во время наступления немцев в 1941 году, попали к ним в плен и были уничтожены по приказу германских властей.

Страсти вокруг катынского захоронения разгорались неоднократно: в 1952 году катынская тема обсуждается конгрессом США, в 1962-м Я. Заводский издает книгу «Смерть в лесу», в 1971-м А. Фитцгиббон (английский историк) издает книгу о Катыни, в 1976 году С. Свяневич, проведший несколько месяцев в Козельске в лагере для военнопленных поляков, в Париже издает книгу «В тени Катыни».

В середине 80-х годов в свет выходит книга известного польского историка Ч. Мадайчика «Катынская драма».

В апреле 1991 года в редакцию «Военно-исторического журнала» обратился польский исследователь Р. Святек, издавший в 1988 году в Лондоне книгу под названием «Катынский лес», в которой он утверждал, что в Катыни убийцами были гитлеровцы.

Так кто же прав? Авторы, поддерживающие советскую версию, или ее противники? А может быть, и те и другие? Документы, полученные из «Особой папки» бывшего архива ЦК КПСС, подтверждают, что в Катынском лесу (Смоленская область) по решениям специальной тройки расстрелян 4421 человек.

Почему же 13 апреля 1943 года фашисты объявили о 10 тыс. расстрелянных польских офицеров?

Предложенные нашим читателям документы, к сожалению, не ставят точку в этой запутанной и кровавой истории, однако они помогут устранить негативные последствия этой исторической раны.

СОВ. СЕКРЕТНО

ЦК ВКП (б)

товарищу СТАЛИНУ

В лагерях для военнопленных НКВД СССР и в тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии в настоящее время содержится большое количество бывших офицеров польской армии, бывших работников польской полиции и разведывательных органов, членов польских националистических к-р партий, участников вскрытых к-р повстанческих организаций, перебежчиков и др. Все они являются заклятыми врагами советской власти, преисполненными ненависти к советскому строю.

Военнопленные офицеры и полицейские, находясь в лагерях, пытаются продолжать к-р работу, ведут антисоветскую агитацию. Каждый из них только и ждет освобождения, чтобы иметь возможность активно включиться в борьбу против советской власти.

Органами НКВД в западных областях Украины и Белоруссии вскрыт ряд к-р повстанческих организаций. Во всех этих к-р организациях активную руководящую роль играли бывшие офицеры бывшей польской армии, бывшие полицейские и жандармы.

Среди задержанных перебежчиков и нарушителей госграницы также выявлено значительное количество лиц, которые являются участниками к-р шпионских и повстанческих организаций.

В лагерях для военнопленных содержится всего (не считая солдат и унтерофицерского состава) — 14.736 бывших офицеров, чиновников, помещиков, полицейских, жандармов, тюремщиков, осадников и разведчиков — по национальности свыше 97 проц. поляки.

Из них:

Генералов, полковников и подполковников	— 295
Майоров и капитанов	— 2.080
Поручиков, подпоручиков и хорунжих	— 6.049
Офицеров и младших командиров полиции, пограничной охраны и жандармерии	— 1.030
Рядовых полицейских, жандармов, тюремщиков и разведчиков	— 5.138
Чиновников, помещиков, ксендзов и осадников	— 144

В тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии всего содержится 18.632 арестованных (из них 10.685 поляки), в том числе:

Бывших офицеров	— 1.207
Бывших полицейских разведчиков и жандармов	— 5.141
Шпионов и диверсантов	— 347
Бывших помещиков, фабрикантов и чиновников	— 465
Членов различных к-р и повстанческих организаций и разного к-р элемента	— 5.345
Перебежчиков	— 6.127

Исходя из того, что все они являются закоренелыми, неисправимыми врагами советской власти, НКВД СССР считает необходимым:

I. Предложить НКВД СССР:

1) Дела о находящихся в лагерях для военнопленных 14.700 человек бывших польских офицеров, чиновников, помещиков, полицейских, разведчиков, жандармов, осадников и тюремщиков,

2) а также дела об арестованных и находящихся в тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии в количестве 11.000 человек членов различных к-р шпионских и диверсионных организаций, бывших помещиков, фабрикантов, бывших польских офицеров, чиновников и перебежчиков

— рассмотреть в особом порядке, с применением к ним высшей меры наказания — расстрела.

II. Рассмотрение дел провести без вызова арестованных и без предъявления обвинения, постановления об окончании следствия и обвинительного заключения — в следующем порядке:

а) на лиц, находящихся в лагерях военнопленных — по справкам, представляемым Управлением по делам военнопленных НКВД СССР,

б) на лиц, арестованных — по справкам из дел, представляемым НКВД УССР и НКВД БССР.

III. Рассмотрение дел и вынесение решения возложить на тройку, в составе тт. МЕРКУЛОВА, КОБУЛОВА, БАШТАКОВА (начальник 1-го спецотдела НКВД СССР).

Народный Комиссар Внутренних Дел
Союза ССР

Л. Берия

(Л. БЕРИЯ)

На первой странице документа подписи И. В. Сталина, К. Е. Ворошилова, В. М. Молотова, А. И. Микояна. М. И. Калинин и Л. М. Каганович на заседании отсутствовали, но высказались «за».

В пункте III фамилия Берия вычеркнута, вписана чернилами фамилия Кобулова.

Подлежит возврату в течение 24 часов во 2-ю часть Особого Сектора ЦК

(Пост. ПБ ЦК от 5.У.27 г., пр. № 100, п. 5)

СТРОГО СЕКРЕТНО

(Из О. П.)

Всесоюзная Коммунистическая Партия (большевиков). ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

№ П13/144. Тов. Берия.

5 марта 1930 г.

Выписка из протокола № 13 заседания Политбюро ЦК

от _____ 193____ г.

Решение от 5.III.40 г.

144.— Вопрос НКВД СССР.

1. Предложить НКВД СССР:

1) Дела о находящихся в лагерях для военнопленных 14.700 человек бывших польских офицеров, чиновников, помещиков, полицейских, разведчиков, жандармов, осадников и тюремщиков,

2) а также дела об арестованных и находящихся в тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии в количестве 11.000 человек членов различных к-р шпионских и диверсионных организаций, бывших помещиков, фабрикантов, бывших польских офицеров, чиновников и перебежчиков — рассмотреть в особом порядке, с применением к ним высшей меры наказания — расстрела.

II. Рассмотрение дел провести без вызова арестованных и без предъявления обвинения, постановления об окончании следствия и обвинительного заключения — в следующем порядке:

а) на лиц, находящихся в лагерях военнопленных — по справкам, представляемым Управлением по делам военнопленных НКВД СССР,

б) на лиц, арестованных — по справкам из дел, представляемым НКВД УССР и НКВД БССР.

III. Рассмотрение дел и вынесение решения возложить на тройку, в составе тт. Меркулова, Кобулова и Баштакова (начальник 1-го Спецотдела НКВД СССР).

СЕКРЕТАРЬ ЦК

На выписке из протокола стоит резолюция: «Изъято из протокола «ОП» 4.III.1970 года М. закрытый пакет. Согласовано с т. Черненко К. У.» Подпись неразборчива.

ОСОБАЯ ПАПКА
Совершенно секретно

Товарищу **ХРУЩЕВУ Н. С.**

В Комитете государственной безопасности при Совете Министров СССР с 1940 года хранятся учетные дела и другие материалы на расстрелянных в том же году пленных и интернированных офицеров, жандармов, полицейских, осадников, помещиков и т. п. лиц бывшей буржуазной Польши. Всего по решениям специальной тройки НКВД СССР было расстреляно 21.857 человек, из них: в Катынском лесу (Смоленская область) 4.421 человек, в Старобельском лагере близ Харькова 3.820 человек, в Осташковском лагере (Калининская область) 6.311 человек и 7.305 человек были расстреляны в других лагерях и тюрьмах Западной Украины и Западной Белоруссии.

Вся операция по ликвидации указанных лиц проводилась на основании Постановления ЦК КПСС от 5-го марта 1940 года. Все они были осуждены к высшей мере наказания по учетным делам, заведенным на них как на военнопленных и интернированных в 1939 году.

С момента проведения названной операции, т. е. с 1940 года никаких справок по этим делам никому не выдавалось и все дела в количестве 21.957 хранятся в опечатанном помещении.

Для Советских органов все эти дела не представляют ни оперативного интереса, ни исторической ценности. Вряд ли они могут представлять действительный интерес для наших польских друзей. Наоборот, какая-либо непредвиденная случайность может привести к расконспирации проведенной операции, со всеми нежелательными для нашего государства последствиями. Тем более, что в отношении расстрелянных в Катынском лесу существует официальная версия, подтвержденная произведенным по инициативе Советских органов власти в 1944 году расследованием Комиссии, именовавшейся: «Специальная комиссия по установлению и расследованию расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу военнопленных польских офицеров».

Согласно выводам этой комиссии все ликвидированные там поляки считаются уничтоженными немецкими оккупантами. Материалы расследования в тот период широко освещались в Советской и зарубежной печати. Выводы комиссии прочно укрепились в международном общественном мнении.

Исходя из изложенного представляется целесообразным уничтожить все учетные дела на лиц, расстрелянных в 1940 году по названной выше операции.

Для исполнения могущих быть запросов по линии ЦК КПСС или Советского правительства можно оставить протоколы заседаний тройки НКВД СССР, которая осудила указанных лиц к расстрелу и акты о приведении в исполнение решений троек. По объему эти документы незначительны и хранить их можно в особой папке.

Проект постановления ЦК КПСС прилагается.

Председатель Комитета
Государственной Безопасности
при Совете Министров СССР
А. ШЕЛЕПИН

3 марта 1959 года

Проект
Совершенно секретно

Постановление Президиума ЦК КПСС

от_____ 1959 года

Разрешить Комитету Государственной Безопасности при Совете Министров СССР ликвидировать все дела по операции, проведенной в соответствии с Постановлением ЦК КПСС от 5 марта 1940 года, кроме протоколов заседаний тройки НКВД СССР.

Постановления Президиума ЦК КПСС по этому вопросу в «Особой папке» не обнаружено.

Разослано членам Политбюро
ЦК КПСС на голосование

Секретно

ЦК КПСС

В последнее время в Англии имеют место попытки раздуть антисоветскую пропагандистскую кампанию вокруг так называемого «Катынского дела». В прессе, в частности, публикуются различного рода «воспоминания очевидцев». На 19 апреля с. г. намечен выпуск в свет книги под заглавием «Катынь — беспрецедентное преступление». Телевизионная компания Би-Би-Си намеревается в тот же день показать подготовленный ею «документальный» фильм.

МИД СССР полагает целесообразным поручить совпосольству в Лондоне сделать представление МИД Англии в связи с этой враждебной Советскому Союзу кампанией.

О нашем шаге следовало бы информировать польских друзей, которые также рассматривают вопрос о представлении англичанам.

Проект постановления прилагается.

Прошу рассмотреть.

А. ГРОМЫКО

12 апреля 1971 года
№ 585/ГС

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Коммунистическая Партия Советского Союза.
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

СОВ. СЕКРЕТНО

№ П1/35

Тт. БРЕЖНЕВУ, КОСЫГИНУ, СУСЛОВУ, АНДРОПОВУ, КАТУШЕВУ, ПОНОМАРЕВУ, ГРОМЫКО, РУСАКОВУ.

Выписка из протокола № 1 заседания Политбюро ЦК КПСС

от 15 апреля 1971 года

О представлении МИД Англии в связи с антисоветской кампанией вокруг так наз. «Катынского дела».

Утвердить проект указаний совпослам в Лондоне и Варшаве (прилагается).

СЕКРЕТАРЬ ЦК

К пункту 35 прот. № 1

Секретно

ЛОНДОН — СОВПОСОЛ

Копия: ВАРШАВА — СОВПОСОЛ

Посетите МИД Англии и заявите следующее:

«По имеющимся у посольства сведениям, телевизионная компания Би-Би-Си намеревается показать подготовленный ею враждебный Советскому Союзу фильм о так называемом «Катынском деле». К этому же времени приурочено опубликование в Англии клеветнической книги о Катынской трагедии.

Английской стороне хорошо известно, что виновность гитлеровцев за это преступление неопровержимо доказана авторитетной Специальной комиссией, которая провела на месте расследование этого преступления тотчас же после изгнания из района Смоленска немецких оккупантов. В 1945—46 гг. Международный военный трибунал в Нюрнберге признал главных немецких военных преступников виновными в проведении политики истребления польского народа и, в частности, в расстреле польских военнопленных в Катынском лесу.

В этой связи не может не вызвать удивления и возмущения стремление некоторых кругов в Англии вновь вытащить на свет инсинуации геббельсовской пропаганды с тем, чтобы очернить Советский Союз, народ которого своей пролитой кровью спас Европу от фашистского порабощения.

Посольство ожидает, что Министерство иностранных дел и по делам Содружества примет надлежащие меры к недопущению распространения в Англии упомянутых выше клеветнических материалов, рассчитанных, по замыслу их авторов, на то, чтобы вызвать ухудшение отношений между нашими странами».

Текст представления можете оставить собеседнику.

Исполнение телеграфируйте.

(Только для Варшавы: Информируйте МИД ПНР о данных указаниях совпослу в Лондоне).

Разослано членам Политбюро
ЦК КПСС на голосование

Секретно

ЦК КПСС

Реакционные круги в Англии вновь предпринимают попытки в антисоветских целях раздуть так называемое «Катынское дело». Для этого используется кампания по сбору средств на строительство в Лондоне «памятника жертвам Катыни».

МИД СССР считал бы целесообразным обратить внимание английского правительства на эту враждебную Советскому Союзу кампанию в Англии, сделав соответствующее устное представление английскому посольству в Москве.

Одновременно информировать польских друзей о нашем представлении.

Проект постановления прилагается.

Прошу рассмотреть.

В. Кузнецов

7 сентября 1972 года
№ 1780/ГС

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Коммунистическая Партия Советского Союза.
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

№ П60/46

Тт. БРЕЖНЕВУ, КОСЫГИНУ, СУСЛОВУ, АНДРОПОВУ, ПОНОМАРЕВУ, КАТУШЕВУ, ГРОМЫКО, СМИРТЮКОВУ.

Выписка из протокола № 60 заседания Политбюро ЦК КПСС

от 8 сентября 1972 года

О представлении английскому посольству в Москве в связи с антисоветской кампанией в Англии вокруг предполагаемого строительства в Лондоне «памятника жертвам Катыни».

1. Утвердить проект устного представления английскому посольству в Москве по этому вопросу (прилагается).
2. Поручить МИД СССР информировать польских друзей о нашем представлении англичанам, а также поинтересоваться их намерениями в этой связи.

СЕКРЕТАРЬ ЦК

К пункту 46 прот. № 60

Текст устного заявления английскому посольству в Москве

В последнее время в Англии вновь предпринимаются попытки во враждебных Советскому Союзу целях раздуть клеветническую выдумку геббельсовской пропаганды о так называемом катынском деле. Для этого определенными реакционными кругами инсценирована кампания по сбору средств на строительство в Лондоне «памятника жертвам Катыни». По данным английской прессы, инициаторы кампании уже получили согласие местных властей установить такой «памятник-обелиск» в лондонском районе Кенсингтон-Челси.

Как хорошо известно английскому правительству, ответственность гитлеровцев за преступление, совершенное ими в Катынском лесу в отношении польских военнопленных, была неопровержимо доказана авторитетной Специальной комиссией, которая на месте расследовала это преступление сразу после изгнания немецких захватчиков из района Смоленска. Это нашло свое отражение и в соответствующих материалах Международного военного трибунала в Нюрнберге, который признал главных немецких военных преступников виновными в проведении политики планомерного истребления польского народа в годы второй мировой войны.

В свете этого упомянутая выше антисоветская кампания вокруг затеи с «памятником» не может не вызвать законных чувств глубокого возмущения в Советском Союзе, народы которого принесли огромные жертвы ради спасения Европы от фашистского порабощения.

Министерство выражает надежду, что английское правительство примет все надлежащие меры со своей стороны для противодействия этой провокационной акции, которая может лишь причинить ущерб советско-английским отношениям.

Разослано членам Политбюро
ЦК КПСС на голосование

Секретно

ЦК КПСС

В соответствии с постановлением ЦК КПСС № П60/46 от 8.IX.1972 г. МИД СССР сделал представление английскому посольству в Москве в связи с попытками определенных кругов в Англии раздуть в антисоветских целях т. н. «катынское дело». Однако, по сообщению совпосольства в Лондоне, возня вокруг возведения «памятника жертвам Катыни» продолжается. Одобрен проект такого памятника с враждебно клеветнической в отношении СССР надписью, возлагающей на Советский Союз ответственность за гибель 14.500 польских военнопленных в Катыни и в других местах.

МИД СССР считал бы целесообразным сделать представление английскому правительству через совпосла в Лондоне в связи с продолжением этой враждебной Советскому Союзу кампании.

О нашем демарше информировать польских друзей.

Проект постановления прилагается.

Прошу рассмотреть.

В. Кузнецов

27 февраля 1973 года
№ 434/ГС

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Коммунистическая Партия Советского Союза.
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

№ П80/12

Тт. БРЕЖНЕВУ, КОСЫГИНУ, КИРИЛЕНКО, АНДРОПОВУ, ПОНОМАРЕВУ, КАТУШЕВУ, ГРОМЫКО.

Выписка из протокола № 80 заседания Политбюро ЦК КПСС

от 2 марта 1973 года

О представлении английскому правительству в связи с антисоветской кампанией вокруг сооружения в Лондоне так называемого «памятника жертвам Катыни».

1. Утвердить проект указаний совпослу в Лондоне по этому вопросу (прилагается).
2. Поручить МИД СССР информировать о нашем представлении английскому правительству польских друзей.

СЕКРЕТАРЬ ЦК

К пункту 12 прот. № 80

Секретно

ЛОНДОН
СОВПОСОЛ

Посетите министра иностранных дел и, сославшись на поручение, заявите следующее.

Внимание правительства Великобритании уже обращалось на то, что в Англии имеют место попытки раздуть во враждебных Советскому Союзу целях кампанию вокруг давно разоблаченных выдумок геббельсовской пропаганды о так называемом «катынском деле». В представлении, сделанном МИД СССР 13 сентября 1972 г. посольству Великобритании в Москве для передачи английскому правительству, подчеркивалось, что инспирированная определенными кругами затея с сооружением в Лондоне «памятника» жертвам Катыни не может не вызвать законного возмущения в Советском Союзе.

Судя, однако, по материалам, публикуемым в английской прессе, эта провокация с «памятником» отнюдь не прекращена. Сообщается, в частности, будто власти лондонского района Кенсингтон-Челси дали согласие установить такой «памятник» на территории своего района у церкви Св. Луки и уже одобрили его проект. Особо возмутительным является характер надписей, которые, согласно сообщениям, санкционированы на указанном «памятнике». В них грубейшим образом извращаются исторические факты об истинных виновниках Катынской трагедии и по сути дела воспроизводятся гнусные измышления, пущенные в ход нацистами еще во время второй мировой войны, чтобы скрыть известные всему миру кровавые злодеяния гестаповских палачей.

Занятая английским правительством позиция в этом вопросе находится в явном противоречии с его заверениями о стремлении улучшать отношения с Советским Союзом. В Москве ожидают, что со стороны английского правительства будут приняты надлежащие меры, чтобы положить конец этой враждебной Советскому Союзу кампании, развернутой вокруг сооружения в Лондоне так называемого «памятника» жертвам Катыни.

Исполнение телеграфируйте.

Разослано членам Политбюро
ЦК КПСС на голосование

Секретно

ЦК КПСС

В последнее время империалистические центры идеологической диверсии, особенно крупные западные радиостанции весьма часто начали возвращаться к так называемому «Катынскому делу» в известной геббельсовской интерпретации. Не прекращаются попытки сооружения «памятников жертвам Катыни» с надписями антисоветского содержания. (Краткая справка прилагается). В связи с приближающейся 35-й годовщиной преступления немецких фашистов в Катынском лесу (осень 1976 г.) эта провокационная антисоветская кампания может усилиться.

Понимая опасность и вред такой пропаганды, польские друзья обратились через Посольство СССР в ПНР с предложением о проведении советско-польских консультаций в целях выработки возможных совместных контрмер.

Отдел ЦК КПСС, МИД СССР и Комитет госбезопасности при Совете Министров СССР полагают целесообразным положительно отнестись к пожеланию польских друзей, а также предпринять соответствующие меры с советской стороны.

Проект постановления прилагается.

Просим рассмотреть.

Ю. Андропов В. Кузнецов К. Катушев

30 марта 1976 года
№ 861/ГС

«КАТЫНСКОЕ ДЕЛО»

(Краткая справка)

В сентябре 1943 г. после освобождения Смоленска и его окрестностей от гитлеровских войск в 15 километрах от города, в районе Катынского леса, были обнаружены могилы с останками польских военнопленных.

Постановлением Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников была создана Специальная Комиссия по установлению и расследованию обстоятельств расстрела польских военнопленных в Катыни. Эта Комиссия констатировала, что до захвата гитлеровцами Смоленска в западных районах области на дорожно-строительных работах были заняты польские военнопленные офицеры и солдаты, которые размещались в трех лагерях особого назначения в 25—45 км западнее Смоленска. После начала Великой Отечественной войны, в силу сложившейся обстановки, лагери не могли быть своевременно эвакуированы, и около 11 тысяч военнопленных поляков попали в плен к немцам, а затем осенью 1941 года были расстреляны в Катынском лесу.

Зимой 1942—43 гг., когда общая военная обстановка резко изменилась не в пользу фашистской Германии, гитлеровцы предприняли меры к тому, чтобы скрыть свои злодеяния. Этим самым они рассчитывали оклеветать Советский Союз и ухудшить советско-польские отношения. В этих целях в апреле—июне 1943 г. созданная гитлеровцами «Международная медицинская комиссия» из представителей стран-сателлитов провела «расследование» обстоятельств расстрела польских военнопленных в Катыни. Затем германская информационная служба издала книгу о результатах «деятельности» этой комиссии под названием «Официальный материал о массовом убийстве в Катыни», в которой гитлеровская пропаганда приписывала свои преступления Советскому Союзу.

Выводы Специальной Комиссии по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу польских военнопленных нашли свое отражение в соответствующих материалах Международного военного трибунала в Нюрнберге, который признал виновными фашистских главарей в этом преступлении.

На месте захоронения польских военнопленных сооружена

площадка, на которой установлен памятник с надписью: «Здесь захоронены военнопленные польские офицеры, зверски замученные немецко-фашистскими оккупантами осенью 1941 г.»

Могила и памятник доступны для посещения советскими гражданами. Периодически сюда прибывают польские делегации и возлагают венки. Посещение памятника иностранными туристами не отмечалось, поскольку этот район у Катынского леса ими в туристических целях не используется.

Несмотря на то, что указанная провокация гитлеровцев была разоблачена и неопровержимо доказана, реакционные круги на Западе периодически поднимают антисоветскую кампанию вокруг так называемого «Катынского дела».

Так, в 1951 г. была создана специальная комиссия конгресса США по вопросам Катыни, в 1952 г. Госдепартамент США направил советскому послу письмо председателя этой комиссии и резолюцию с выражением пожелания получить от Советского правительства какие-то «доказательства» относительно убийства польских офицеров в Катынском лесу.

Советское правительство 29 февраля 1952 г. в ноте правительству США по этому поводу квалифицировало эти действия как нарушение общепринятых норм международных отношений и оскорбительные для Советского Союза. В ноте было заявлено, что возбуждение вопроса о катынском преступлении гитлеровцев через восемь лет после заключения официальной Комиссии «может преследовать лишь цель оклеветать Советский Союз и реабилитировать таким образом общепризнанных гитлеровских преступников», было приложено вышеуказанное сообщение Специальной Комиссии от января 1944 г. Эти документы опубликованы в «Правде» и других центральных газетах 3 марта 1952 г.

Правительство ПНР в связи с развернутой вокруг заседаний этой комиссии антисоветской шумихой в феврале 1952 г. опубликовало заявление, решительно осуждающее эту провокационную кампанию.

В последнее время империалистические центры идеологической диверсии снова активизируют антисоветскую пропаганду вокруг так называемого «Катынского дела». В июле 1972 г. радиостанция «Би-Би-Си» сообщила, что правительство Великобритании якобы располагает документами, свидетельствующими-де о том, что «вина за преступление в Катынском лесу лежит не на фашистской Германии, а на Советском Союзе». В июне 1975 г. в здании английского парламента была организована пресс-конференция, организаторы которой призвали Международный суд в Гааге «разобраться в этом деле». Как следует из сообщения газеты «Дейли телеграф», на Западе появился «документ, проливающий новый свет на судьбу более 10 тысяч поляков, которые, как полагают, были казнены русской тайной полицией». Радиостанция «Свободная Европа» в передачах на Польшу немедленно подхватила эту провокационную шумиху. Като-

лические проповедники в обращениях к верующим полякам нередко упоминают с антисоветским подтекстом о «десяти тысячах безвинно уничтоженных лучших представителях (элиты) польского общества». В ПНР, как сообщает совпосольство, имеется немало людей, склонных верить подобным антисоветским измышлениям.

Целям поддержания антисоветской шумихи вокруг катынского дела служат такие провокационные акции, как открытие в ноябре 1975 г. в Стокгольме на территории частного владения по инициативе реакционных польских эмигрантских кругов памятника «жертвам Катыни» с антисоветскими надписями. В настоящее время ведется кампания за сооружение такого рода памятника на одном из кладбищ Лондона. Эти и подобные факты широко используются во враждебной, антисоветской пропаганде на Польшу.

Все это тревожит польских друзей, которые, по информации совпосла, думают о мерах противодействия пропагандистскому нажиму враждебных центров и высказываются за проведение консультаций с советской стороной по этому вопросу.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Коммунистическая Партия Советского Союза.
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

№ ПЗ/75

Смоленскому обкому КПСС;
тт. БРЕЖНЕВУ, КОСЫГИНУ, АНДРОПОВУ, ГРОМЫКО, КИРИЛЕНКО, ПОНОМАРЕВУ, КАТУШЕВУ, СМИРТЮКОВУ.

Выписка из протокола № 3 заседания Политбюро ЦК КПСС

от 5 апреля 1976 года

О мерах противодействия западной пропаганде по так называемому «Катынскому делу».

1. Дать согласие польским друзьям на консультации с целью обсуждения возможных совместных мер противодействия западной пропаганде по так называемому «Катынскому делу», поручив проведение консультаций Отделу ЦК КПСС и МИД СССР.

При этом исходить из необходимости тесной координации шагов СССР и ПНР по противодействию и нейтрализации антисоциалистических и антисоветских акций и кампаний на Западе в связи с «Катынским делом».

Считать нецелесообразным выступления с какими-либо официальными заявлениями с нашей стороны, чтобы не дать повода враждебным силам воспользоваться полемикой по этому вопросу в антисоветских целях.

2. Поручить Отделу ЦК КПСС и МИД СССР изучить соображения польских друзей, высказанные в ходе консультаций, и в случае необходимости внести соответствующие предложения в ЦК КПСС.

3. МИД СССР в тесном контакте с дипломатическими представителями ПНР давать решительный отпор провокационным

попыткам использовать так называемое «Катынское дело» для нанесения ущерба советско-польской дружбе, руководствуясь при этом постановлением ЦК КПСС от 2 марта 1973 г. (№ П80/12).

4. КГБ СССР по неофициальным каналам дать понять лицам из правительственных кругов соответствующих западных стран, что новое использование различного рода антисоветских фальшивок рассматривается Советским правительством как специально задуманная провокация, направленная на ухудшение международной обстановки.

5. Поручить Смоленскому обкому КПСС и облисполкому принять дополнительные меры по обеспечению содержания в надлежащем порядке памятника польским офицерам и территории вокруг него.

СЕКРЕТАРЬ ЦК

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Коммунистическая Партия Советского Союза.
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

№ П119/УШ

Смоленскому обкому КПСС;
тт. ГОРБАЧЕВУ, ГРОМЫКО, РЫЖКОВУ, ВОРОТНИКОВУ, ЛИГАЧЕВУ, ЧЕБРИКОВУ, ШЕВАРДНАДЗЕ, ЯКОВЛЕВУ, РАЗУМОВСКОМУ, ЯЗОВУ, ДОБРЫНИНУ, ЛУКЬЯНОВУ, МЕДВЕДЕВУ, ВЛАСОВУ, ЗАХАРОВУ, ПАВЛОВУ, МЕЛЕНТЬЕВУ, ВЕНЕДИКТОВУ, ТЕРЕШКОВОЙ, ВОРОНОВУ, СКЛЯРОВУ, СМИРТЮКОВУ.

Выписка из протокола № 119 заседания Политбюро ЦК КПСС

от 5 мая 1988 года

О мерах по обустройству места захоронения польских офицеров в Катыни (Смоленская область) и расширению доступа граждан ПНР и других стран.

1. Согласиться с соображениями, изложенными в записке тт. Шеварднадзе Э. А., Чебрикова В. М., Яковлева А. Н., Медведева В. А. от 26 апреля 1988 г. (прилагается).

2. Поручить Министерству культуры СССР и Министерству культуры РСФСР внести предложения о сооружении в следующей пятилетке мемориального комплекса польским офицерам в Катыни с участием Польской Стороны (в случае ее согласия), а также памятника советским военнопленным, уничтоженным гитлеровцами в Катыни.

3. МВД СССР, МИД СССР, Госкоминтуристу СССР, Смоленскому обкому КПСС, Исполкому Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР и Союзу советских обществ

дружбы и культурной связи с зарубежными странами к 1 июля 1988 г. внести предложения об упрощении порядка посещения памятника в Катыни родственниками погибших польских офицеров.

4. Смоленскому обкому КПСС разработать меры по приведению в порядок территории леса-заказника, согласовав их при необходимости с соответствующими органами Министерства обороны СССР и КГБ СССР.

5. Отделу пропаганды ЦК КПСС, Отделу ЦК КПСС и МИД СССР предусмотреть пропагандистское обеспечение комплекса мероприятий, проводимых в рамках данного постановления.

СЕКРЕТАРЬ ЦК

ЦК КПСС

О мерах по обустройству места захоронения польских офицеров в Катыни (Смоленская область) и расширению доступа к нему граждан ПНР и других стран

В соответствии с постановлением ЦК КПСС от 11 февраля 1988 г. (П103/X1) представляем соображения об обустройстве места захоронения польских офицеров в Катыни (Смоленская область) и открытии широкого доступа к нему граждан ПНР и других стран.

16—18 марта 1988 г. в Катынь выезжала группа сотрудников аппарата ЦК КПСС и МИД СССР для ознакомления с местом захоронения. Полагали бы возможным согласиться с предложенными Смоленским обкомом КПСС первоочередными мерами по обустройству места захоронения польских офицеров и расширению доступа к нему граждан ПНР и других стран.

Вместе с тем, учитывая неоднократно высказываемые В. Ярузельским и другими членами польского руководства (Ю. Барыла, М. Ожеховский, М. Раковский и др.) пожелания о создании на месте захоронения польских офицеров в Катыни мемориального комплекса, полагали бы целесообразным поручить Министерству культуры СССР внести предложения по этому вопросу и провести в 1988 году консультации с Польской Стороной о ее возможном участии в сооружении мемориала.

Представляется также оправданным установить на общей площадке с мемориалом погибшим польским офицерам памятник советским военнопленным, участвовавшим в работах по эксгумации, которые затем были уничтожены гитлеровцами и похоронены на этой же территории (около 500 человек).

Дополнительной проработки требует вопрос об упрощении порядка посещения памятника в Катыни родственниками погибших польских офицеров.

Э. Шеварднадзе В. Чебриков А. Яковлев В. Медведев

26 апреля 1988 г.

№ 434/ос

Секретно
экз. №

МИНИСТЕРСТВО
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР

гор. Москва

23.06.88 № 1/2920
на № П 119/УШ от 5.05.88

ЦК КПСС

Об упрощении порядка посещения памятника в Катыни

Поручением от 5 мая с. г. МВД СССР, МИД СССР, Госкоминтуристу СССР, Смоленскому обкому КПСС, СОКК и КП СССР, ССОДу предложено упростить порядок посещения памятника в Катыни родственниками погибших польских офицеров.

Докладываем, что МВД СССР по согласованию с заинтересованными советскими министерствами и ведомствами проделана следующая работа.

Поскольку мы не располагаем списком лиц, расстрелянных в Катынском лесу, признано целесообразным посещение этого памятника организовывать, в основном, по каналам туризма. Госкоминтуристом СССР решен вопрос о посещении Катыни, начиная с июля с. г., группами польских туристов из числа родственников погибших офицеров. Разработаны маршруты их следования по железной дороге и на автобусах, включающие также посещение мемориалов в Брестской крепости, Ленино и Хатыни. Проведены необходимые переговоры с турфирмами ПНР «Калинка» и «Орбис».

Наряду с этим, Совпосольству и Генконсульствам СССР в ПНР будет, в порядке исключения, предоставлено право самостоятельно выдавать по индивидуальным просьбам польских граждан разрешения на поездки в СССР для посещения памятника по въездным-выездным визам.

В дальнейшем, по мере установления Исполкомом Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР фамилий погребенных в Катынском лесу польских офицеров, въезд их родственников для посещения Катыни будет осуществляться также в упрощенном безвизовом порядке на основании национальных заграничных паспортов и справок польского Красного Креста. В этих целях МИД СССР совместно с МВД СССР проведут переговоры с польской стороной о внесении соответствующих изменений в межправительственное Соглашение о взаимных безвизовых поездках граждан СССР и ПНР.

Просим согласия.

Приложение: на 1 листе (несекретно).

Министр А. ВЛАСОВ

Секретно
экз. № 1

ЦК КПСС

На № П-119/УШ от 5 мая 1988 г.

В связи с поставленным вопросом об организации поездок польских туристов в г. Смоленск с целью посещения мемориала Катынь, Государственным комитетом СССР по иностранному туризму проделана следующая работа.

Проведен осмотр мемориала и решен вопрос его посещения польскими туристами, разработаны конкретные маршруты специальных поездок поездом и на автобусах, в том числе и с посещением подобного мемориала в г. Ленино, установлены цены и сделаны расчеты, соответствующая информация направлена польским турорганизациям «Орбис» и «Калинка». Об этом информировано Посольство ПНР в СССР.

Для оперативного решения вопроса организации таких поездок предоставлено право отделению Интуриста в г. Минске, которое осуществляет прямые связи с польскими турорганизациями.

Одновременно согласованы с ОВИРом МВД и МИД СССР вопросы, входящие в их компетенцию.

Председатель
Государственного комитета СССР
по иностранному туризму

В. Я. ПАВЛОВ

5 июля 1988 года

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Коммунистическая Партия Советского Союза.
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

№ П130/1

ЦК Компартии Украины, ЦК Компартии Белоруссии,
ЦК Компартии Литвы;

тт. ГОРБАЧЕВУ, ГРОМЫКО, РЫЖКОВУ, ВОРОТНИКОВУ, ЗАЙКОВУ, ЛИГАЧЕВУ, СОЛОМЕНЦЕВУ, ЧЕБРИКОВУ, ШЕВАРДНАДЗЕ, ЯКОВЛЕВУ, РАЗУМОВСКОМУ, ЯЗОВУ, ДОБРЫНИНУ, ЛУКЬЯНОВУ, МЕДВЕДЕВУ, КАПИТОНОВУ, ВОЛЬМЕРУ, ЗАХАРОВУ, МИРОНЕНКО, ТЕРЕШКОВОЙ, ВОРОНОВУ, СКЛЯРОВУ, ЧЕРВОНЕНКО.

Выписка из протокола № 130 заседания

Политбюро ЦК КПСС от 1 сентября 1988 года

О плане реализации предложений, выдвинутых в ходе официального дружественного визита Генерального секретаря ЦК КПСС т. Горбачева М. С. в Польскую Народную Республику (11—14 июля 1988 г.).

Одобрить с учетом замечаний, высказанных на заседании Политбюро ЦК, план реализации предложений, выдвинутых в ходе официального дружественного визита Генерального секретаря ЦК КПСС т. Горбачева М. С. в Польскую Народную Республику (прилагается).

ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС

Из Плана реализации предложений, выдвинутых в ходе официального дружественного визита Генерального секретаря ЦК КПСС т. Горбачева М. С. в Польскую Народную Республику

19. Совместно с Польской Стороной объявить конкурс на лучший проект памятника польским офицерам, погибшим в Катыни.

(Из беседы т. Медведева В. А. с т. Ю. Чиреком)

Минкультуры СССР внести в ЦК КПСС предложения по этому вопросу (до 1 октября 1988 г.).

Секретно

ЦК КПСС

О намерении Польской Стороны перенести в Варшаву символический прах из захоронения польских офицеров в Катыни (Смоленская обл.)

В центральных газетах ПНР опубликовано сообщение о намерении перенести в Варшаву символический прах (урну с землей) с места захоронения польских офицеров в Катыни. Объявлено, что с этой целью в конце марта с. г. планируется выезд делегации Совета по охране памятников борьбы и мученичества во главе с его председателем генералом Р. Пашковским.

В апреле, который по традиции считается в Польше «Месяцем национальной памяти», предполагается захоронение этого символического праха на центральном варшавском кладбище. При этом надпись — «Польским воинам, жертвам гитлеровского фашизма, покоящимся в катынской земле» — на памятнике, который был в 1983 г. установлен на кладбище, будет соответственно изменена.

В связи с приближением 50-летия начала войны в Европе некоторые сложные вопросы ее истории оказались в центре внимания польской общественности. Дополнительную остроту приобрела проблема Катыни. Преобладающая часть поляков уверена, что гибель польских офицеров есть дело рук Сталина и Берии, а само преступление совершено весной 1940 г. Согласно нашей официальной версии событий, обнародованной в 1944 г., эти офицеры были расстреляны гитлеровцами в 1941 г.

Катынское дело будоражит польскую общественность. На нем активно играет оппозиция в целях подрыва доверия к курсу Ярузельского на тесные связи с СССР.

Имелось в виду, что Комиссия ученых СССР и ПНР по вопросам отношений между двумя странами, созданная в результате договоренности на высшем уровне для развязки такого рода болезненных узлов, выработает согласованную позицию по Катыни. Около полутора лет, однако, Комиссия не в состоянии приступить даже к обсуждению этой темы, поскольку советская часть Комиссии не имеет ни полномочий ставить под сомнение нашу официальную версию, ни новых материалов, подкрепляющих ее состоятельность. Между тем польская часть Комиссии представила свидетельства необоснованности аргументации, ис-

пользованной Чрезвычайной комиссией Н. Бурденко в опубликованном в 1944 г. докладе.

Год назад советской части Комиссии был передан «Секретный доклад об участии польского Красного Креста в работах по эксгумации захоронений в Катыни под Смоленском, произведенной в период апреля-июня 1943 г.», который подводит к выводу о виновности НКВД в уничтожении польских офицеров. Сейчас, не дождавшись нашей официальной реакции, польские товарищи опубликовали этот доклад в своей печати.

Руководство ПНР маневрирует, чтобы дать какое-то удовлетворение собственной общественности и вместе с тем избежать упреков в нелояльности с советской стороны. Идея перенесения праха из Катыни сообразуется с таким подходом.

В случае обращения польских товарищей по вопросу о перенесении символического праха из Катыни в Варшаву полагали бы целесообразным поручить Смоленскому обкому КПСС обеспечить прием делегации из ПНР и оказать ей необходимое содействие.

В целом проблема не снимается. В случае дальнейшего осложнения внутриполитической ситуации в Польше из катынской проблемы может быть сделан предлог для сведения счетов. В этом контексте обращает на себя внимание тот факт, что польская пресса все настойчивее поднимает тему прояснения судьбы еще примерно 8000 польских офицеров, интернированных в лагерях Козельска, Старобельска и Осташкова, следы которых, по данным поляков, теряются в районах Дергача (близ Харькова) и Бологое.

Просим согласия.

Зав. Международным отделом
ЦК КПСС

В. ФАЛИН

6 марта 1989 года

ЦК КПСС

К вопросу о Катыни

По мере приближения критических дат 1939 года все большую остроту принимают в Польше дискуссии вокруг так называемых «белых пятен» отношений с СССР (и Россией). В последние недели центр внимания приковывается к Катыни. В серии публикаций, авторами которых выступают как деятели, известные своими оппозиционными взглядами, так и ученые и публицисты, близкие к польскому руководству, открыто утверждается, что в гибели польских офицеров повинен Советский Союз, а сам расстрел имел место весной 1940 года.

В заявлении уполномоченного польского правительства по печати Е. Урбана эта точка зрения де-факто легализована как официальная позиция властей. Правда, вина за катынское преступление возложена на «сталинское НКВД», а не на Советское государство.

Тактика правительства объяснима — оно пытается как-то ослабить давление, которое создалось из-за невыполненного обещания внести ясность в катынский вопрос. В определенной мере это нажим также на нас, поскольку данная тема уже два года как не двигается с места в Комиссии советских и польских ученых, созданной для нахождения развязок по «белым пятнам».

Советская часть Комиссии не располагает никакими дополнительными материалами в доказательство «версии Бурденко», выдвинутой в 1944 году. Вместе с тем нашим представителям не дано полномочий рассматривать по существу веские аргументы польской стороны.

Помимо заявления Е. Урбана в Варшаве взвешиваются некоторые другие шаги, призванные дать какое-то удовлетворение собственной общественности. В частности, есть намерение перенести символический прах (урна с землей) из Катыни на центральное кладбище в Варшаве и изменить одновременно соответствующим образом надпись на установленном там памятнике.

Анализ ситуации показывает, что чем дальше затягивается это дело, тем явственнее катынский вопрос превращается в камень преткновения уже не для прошлых, а для нынешних советско-польских отношений. В брошюре «Катынь», выпущенной в 1988 году под эгидой костела, заявляется, что Катынь — одно

из самых жестоких преступлений в истории человечества. В других публикациях проводится мысль, что пока трагедия Катыни не будет до конца освещена, не может быть нормальных отношений между Польшей и СССР.

Темой Катыни сейчас искусственно отодвигаются на второй план даже вопросы, связанные с возникновением второй мировой войны и нападением Германии на Польшу. Подтекст кампании очевиден — поляку внушают, что Советский Союз ничем не лучше, а, может быть, и хуже тогдашней Германии, что он несет не меньшую ответственность за возникновение войны и даже за военный разгром тогдашнего Польского государства.

Катынское дело может — и чем дальше, тем опасность актуальней — резко обострить интерес в ПНР к прояснению судьбы еще тысяч интернированных польских офицеров, следы которых теряются в районе Харькова и Бологое. Пока на обращения польской стороны по этим дополнительным вопросам мы вразумительных ответов не давали.

Видимо, нам не избежать объяснения с руководством ПНР и польской общественностью по трагическим делам прошлого. Время в данном случае не выступает нашим союзником. Возможно, целесообразнее сказать, как реально было и кто конкретно виновен в случившемся, и на этом закрыть вопрос. Издержки такого образа действий в конечном счете были бы меньшими в сравнении с ущербом от нынешнего бездействия.

Проект постановления ЦК КПСС прилагается.

Э. ШЕВАРДНАДЗЕ В. ФАЛИН В. КРЮЧКОВ

22 марта 1989 г.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Коммунистическая Партия Советского Союза.
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

№ П152/15

Смоленскому обкому КПСС;
тт. ГОРБАЧЕВУ, РЫЖКОВУ, МЕДВЕДЕВУ, ЧЕБРИКОВУ, ШЕВАРДНАДЗЕ, ЯКОВЛЕВУ, КРЮЧКОВУ, СУХАРЕВУ, КАПТО, ПАВЛОВУ А., ФАЛИНУ.

Выписка из протокола № 152 заседания

Политбюро ЦК КПСС от 31 марта 1989 года

К вопросу о Катыни.

1. Поручить Прокуратуре СССР, Комитету государственной безопасности СССР, Министерству иностранных дел СССР, Государственно-правовому, Международному и Идеологическому отделам ЦК КПСС в месячный срок представить на рассмотрение ЦК КПСС предложения о дальнейшей советской линии по катынскому делу.

2. В связи с обращением Польской Стороны с просьбой перенести в Варшаву символический прах с места захоронения польских офицеров в Катыни дать на это согласие.

СЕКРЕТАРЬ ЦК

Секретно

ЦК КПСС

К вопросу о Катыни

В соответствии с поручением (П 152/15 от 31 марта 1989 г.) докладываем.

Ознакомление с имеющимися материалами о гибели интернированных в 1939 году в Советском Союзе примерно 12 тысяч польских офицеров дает основание полагать, что в Катыни погибла лишь часть из них. Судьба остальных пока неизвестна. В польских и западных публикациях приводятся сведения, что польские офицеры погибли в районах Бологое (Калининская обл.) и Дергачей (Харьковская обл.).

Для выяснения всех обстоятельств случившегося представляется необходимым поручить Прокуратуре СССР совместно с КГБ СССР провести тщательную проверку.

Поскольку в Польше данный вопрос приобрел чрезвычайную остроту и используется в ущерб советско-польским отношениям, целесообразно перед приездом В. Ярузельского в СССР с рабочим визитом (27—28 апреля 1989 г.) дать публикацию о проводимой советскими компетентными органами тщательной проверке.

Проект постановления ЦК КПСС прилагается.

А. Сухарев

В. Крючков

И. Абоимов

А. Павлов

В. Фалин

А. Капто

22 апреля 1989 года

Совершенно секретно

Проект

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦК КПСС

К вопросу о Катыни

1. Согласиться с соображениями, изложенными в записке по данному вопросу.

2. Прокуратуре СССР совместно с КГБ СССР провести тщательную проверку по факту массового расстрела польских офицеров в районе Катыни (Смоленская обл.) и информировать ЦК КПСС о ее результатах к 1 августа 1989 г.

3. Главному архивному управлению при Совете Министров СССР, МВД СССР, Минобороны СССР, МИД СССР оказать содействие Прокуратуре СССР и КГБ СССР в поиске сохранившихся документальных материалов по этому вопросу.

4. Гостелерадио СССР, газетам «Правда» и «Известия» дать публикацию о проводимой советскими компетентными органами проверке обстоятельств гибели польских офицеров.

СЕКРЕТАРЬ ЦК

№ ПС—304
25.1.91 г.

Членам Политбюро, секретарям ЦК КПСС

тт. ПАВЛОВУ, БЕССМЕРТНЫХ, КРЮЧКОВУ, ЯЗОВУ

Информация т. Трубина от 22.1.91 г. № 1—5—11—91 о ходе расследования уголовного дела о судьбе 15 тысяч польских военнопленных, содержавшихся в 1939—1940 годах в лагерях НКВД.

Отп. 45 экз.

Аппарат Президента СССР

ПРОКУРАТУРА СОЮЗА ССР

103793, ГСП, Москва, К-9, Пушкинская, 15-а

22.01.91 № 1—5—11—91

Информация по факту гибели польских военнопленных

Прокуратура Союза ССР информирует о следующем.

Главной военной прокуратурой по указанию Генерального прокурора СССР и в соответствии с распоряжением Президента СССР расследуется уголовное дело о судьбе 15 тысяч польских военнопленных из числа высшего командного состава, офицеров и других лиц, содержавшихся в 1939—1940 гг. в Козельском, Старобельском и Осташковском лагерях НКВД и в течение апреля-мая 1940 года отправленных в УНКВД соответственно Смоленской, Харьковской и Калининской областей. Каких-либо официальных сведений до начала расследования данного дела о дальнейшей судьбе этих поляков на протяжении длительного времени не имелось.

В ходе следствия проверены все архивные учреждения Главного архивного управления СССР, запрошены соответствующие архивные подразделения КГБ и МВД СССР. Установлены и допрошены бывшие работники НКВД СССР, в том числе и начальник Управления по делам о военнопленных Сопруненко П. К., разысканы и дали показания очевидцы трагической судьбы польских военнопленных.

Установлено, что в соответствии с директивным письмом Наркома внутренних дел СССР Берия № 5866/5 от 31 декабря 1939 года в адрес начальника Управления по делам военнопленных НКВД СССР и соответствующим начальникам УНКВД Калининской, Смоленской и Харьковской областей было предписано обеспечить работу следственной группы НКВД СССР, возглавляемую лейтенантом госбезопасности Белолипецким, с тем, чтобы подготовить следственные дела на военнопленных для доклада на Особом совещании НКВД СССР.

В исследованных архивных документах обнаружены списки военнопленных, которых партиями в течение апреля-мая 1940 года отправляли одновременно из Козельского, Старобел ского и Осташковского лагерей в распоряжение УНКВД соответственно Смоленской, Харьковской и Калининской областей.

Собранные материалы свидетельствуют, что военнопленные отправлялись конвойными подразделениями Главного конвойного управления НКВД СССР железнодорожным транспортом по 90—

100—125 человек соответственно по 2—3 вагона с 3 апреля по 16 мая 1940 года.

Следствие по делу продолжается.

Прокуратура Союза ССР, учитывая важность данной проблемы, по мере установления новых фактов относительно указанных событий, периодически информирует польскую сторону. В ноябре с. г. в Главной военной прокуратуре состоялась встреча с послом Польши в СССР.

В связи с действующим соглашением о правовой помощи и обоюдной договоренности Прокуратуры СССР с Генеральной прокуратурой Республики Польша, в Главной военной прокуратуре с 18 по 20 декабря 1990 года находились представители польских правоохранительных органов в составе заместителя Генерального прокурора С. Снежко, прокурора Министерства юстиции Г. Ставрилло и начальника отдела Главной военной прокуратуры полковника юстиции С. Пшиемского, которые ознакомились с ходом расследования настоящего уголовного дела и одновременно вместе с ними были намечены дальнейшие совместные действия по выяснению обстоятельств исчезновения польских военнопленных в 1940 г. По данному вопросу информирован совпосол в Польше.

По результатам совместной работы под руководством Главного военного прокурора проведено совещание с представителями правоохранительных органов Республики Польша, намечена встреча в конце февраля — начале марта 1991 года с передачей польской стороной для приобщения к делу необходимых материалов.

Генеральный прокурор СССР Н. С. ТРУБИН

СЕКРЕТНО

Дополнительные сведения
о трагедии в Катыни

Уважаемый Михаил Сергеевич!

Рядом советских историков (Зоря Ю. Н., Парсаданова В. С., Лебедева Н. С.), допущенных к фондам Особого архива и Центрального Государственного архива Главного архивного управления при Совете Министров СССР, а также Центрального Государственного архива Октябрьской революции, выявлены ранее неизвестные материалы Главного управления НКВД СССР по делам военнопленных и интернированных и Управления конвойных войск НКВД за 1939—1940 годы, имеющих отношение к т. н. катынскому делу.

Согласно этим материалам, на начало января 1940 года в лагерях Главного управления НКВД по делам военнопленных и интернированных в Осташкове Калининской области, Козельске Смоленской области, Старобельске Ворошиловградской области находились около 14 тыс. бывших польских граждан из числа офицеров армии и флота, сотрудников полиции и жандармерии, военных и гражданских чиновников, различного вида агентуры, а также военного духовенства.

Все эти лица (приказ НКВД № 00117 от 1939 года) не подлежали освобождению и отправке на родину. Вопрос об их судьбе рассматривался в несколько приемов. Имеются документы с резолюциями Берии и Меркулова ускорить следствие, подготовить материалы на бывших работников карательных органов и разведки к рассмотрению на Особом совещании при НКВД СССР.

В апреле-мае 1940 года содержавшиеся во всех трех лагерях лица были этапированы в распоряжение различных областных управлений НКВД. Списки составлялись централизованно и имели общую систему нумерации, каждый из них включал в среднем 100 человек, поступали регулярно, иногда по 4—5 списка в день. Об отправке ежедневно докладывалось в Москву. Из числа этапируемых предписывалось исключать агентов-осведомителей и лиц, представляющих оперативный интерес. В отличие от практики обычного перемещения заключенных начальникам лагерей давалось указание в карточках на убывающих делать отметки лишь в лагерной картотеке («убыл по списку №... такого-то числа и месяца») без высылки учетных карточек в центр.

Перед началом акции было дано распоряжение о введении почтового контроля и об изъятии всей входящей и исходящей корреспонденции. Запрещалось давать какие-либо ответы на запросы о содержащихся в лагерях. Все лагерные сотрудники были предупреждены о «хранении в строгом секрете места отправки» контингента.

После завершения акции все «дела» на выбывших из лагерей интернированных были «закончены, надлежаще оформлены и сданы в архив 1-го спецотдела НКВД». На новые контингенты, прибывающие в лагеря, предписывалось завести «по линии учета и режима абсолютно новые дела». Позднее материалы Козельского и Осташковского лагерей были высланы для хранения в Главное управление, а материалы Старобельского лагеря уничтожены. Лица, содержавшиеся во всех трех лагерях до апреля-мая 1940 года, в статистических отчетах в дальнейшем не фигурировали.

Козельский и Старобельский лагеря впоследствии использовались для содержания лиц польской национальности, вывезенных из западных областей Украины, Белоруссии и Прибалтики. Причем сведения о прежнем контингенте этих лагерей от них тщательно скрывались. Здания Осташковского лагеря в августе 1940 года были переданы краеведческому музею.

Таким образом, документы из советских архивов позволяют даже в отсутствие приказов об их расстреле и захоронении проследить судьбу интернированных польских офицеров, содержавшихся в лагерях НКВД в Козельске, Старобельске и Осташкове. Выборочное пофамильное сопоставление списков на отправку из Козельского лагеря и списков опознания, составленных немцами весной 1943 года во время эксгумации, показало наличие прямых совпадений, что является доказательством взаимосвязи наступивших событий.

На базе новых документальных фактов советскими историками подготовлены материалы для публикации. Некоторые из них уже утверждены редколлегиями и приняты в производство. Выход в свет планируется на июнь-июль.

Появление таких публикаций создавало бы в известном смысле новую ситуацию. Наш аргумент — в госархивах СССР не обнаружено материалов, раскрывающих истинную подоплеку катынской трагедии, стал бы недостоверным. Выявленные учеными материалы, а ими, несомненно, вскрыта лишь часть тайников, в сочетании с данными, на которые опирается в своих оценках польская сторона, вряд ли позволит нам дальше придерживаться прежних версий и уклоняться от подведения черты. С учетом предстоящего 50-летия Катыни надо было бы так или иначе определяться в нашей позиции.

Видимо, с наименьшими издержками сопряжен следующий вариант:

Сообщить В. Ярузельскому, что в результате тщательной проверки соответствующих архивохранилищ нами не найдено пря-

мых свидетельств (приказов, распоряжений и т. д.), позволяющих назвать точное время и конкретных виновников катынской трагедии. Вместе с тем в архивном наследии Главного управления НКВД по делам военнопленных и интернированных, а также Управления конвойных войск НКВД за 1940 год обнаружены индиции, которые подвергают сомнению достоверность «доклада Н. Бурденко». На основании означенных индиций можно сделать вывод о том, что гибель польских офицеров в районе Катыни дело рук НКВД и персонально Берия и Меркулова.

Встает вопрос, в какой форме и когда довести до сведения польской и советской общественности этот вывод. Здесь нужен совет президента РП, имея в виду необходимость политически закрыть проблему и одновременно избежать взрыва эмоций.

Прошу рассмотреть.

Ваш Фалин

На документе резолюция Горбачева: «Тт. Яковлеву, Шеварднадзе, Крючкову, Болдину. Прошу доложить свои соображения».

АП—1430
22.V.91 г.

Членам Совета безопасности СССР
Секретарям ЦК КПСС

тт. ИВАШКО, ПОЛОЗКОВУ, КУЗЬМИНУ, ЛАПТЕВУ.

Информация т. Трубина от 17.V.91 г. № 1—5—63—91 о результатах расследования уголовного дела о судьбе 15 тысяч польских военнопленных, содержавшихся в 1939—1940 гг. в Козельском, Старобельском и Осташковском лагерях бывшего НКВД.

Отп. 35-экз.

Президенту СССР
т. Горбачеву М. С.

ПРОКУРАТУРА СОЮЗА ССР

103793, ГСП, Москва, К-9, Пушкинская, 15-а

17.05.91 № 1—5—63—91

Уважаемый Михаил Сергеевич!

В соответствии с Вашим распоряжением № РП-979 от 3 ноября 1990 года Главной военной прокуратурой проводится расследование уголовного дела о судьбе 15 тысяч польских военнопленных из числа высшего командного состава, офицеров и других лиц, содержавшихся в 1939—1940 гг. в Козельском, Старобельском и Осташковском лагерях бывшего НКВД.

К настоящему времени проверены все архивные учреждения Главархива СССР, запрошены и получены ответы из соответствующих архивов КГБ СССР и МВД СССР, установлены и допрошены оставшиеся в живых бывшие работники Наркомата внутренних дел СССР, в том числе начальник Управления по делам военнопленных Сопруненко, начальник УНКВД по Калининской области Токарев, отдельные следователи, принимавшие участие в допросах как польских военнопленных, так и советских граждан. В различных регионах страны разысканы и дали показания очевидцы трагической судьбы польских военнослужащих.

Собранные материалы позволяют сделать предварительный вывод о том, что польские военнопленные могли быть расстреляны на основании решения Особого совещания при НКВД СССР в течение апреля — мая 1940 года в УНКВД Смоленской, Харьковской и Калининской областей и захоронены соответственно в Катынском лесу под Смоленском, в районе п. Медное в 32 км от г. Твери и в 6-м квартале лесопарковой зоны г. Харькова.

Однако пока не удалось отыскать следственные дела на расстрелянных военнопленных и протоколы Особого совещания при НКВД СССР, хотя на их наличие в то время (апрель — май 1940 г.) указывают многочисленные косвенные доказательства.

Кроме того, из показаний свидетелей — бывших ответственных работников НКВД СССР усматривается, что имелось постановление ЦК партии за подписью Сталина о ликвидации через УНКВД польских военнопленных, содержавшихся в Козельском, Осташковском и Старобельском лагерях.

В связи с этим прошу Вашего поручения общему отделу ЦК КПСС проверить наличие архивных материалов (возможно со-

вместных решений ЦК ВКП(б) и СНК СССР) по указанному вопросу и копии их передать в Прокуратуру СССР.

Одновременно информирую о том, что 19 апреля 1991 года в Прокуратуре СССР состоялась встреча с делегацией правоохранительных органов Республики Польша, возглавляемой заместителем Генерального прокурора С. Снежко, по его просьбе.

Польская сторона настаивает на проведении эксгумации в местах вышеназванных захоронений с участием польских экспертов и отдельных представителей общественности этой страны. В соответствии с имеющимся договором о правовой помощи между нашими государствами, предварительно нами дано согласие на совместное проведение указанного следственного мероприятия в августе текущего года.

Польская прокуратура высказала просьбу по окончании следствия, так называемого «катынского дела», полностью скопировать и передать им копии его материалов, на что мною также дано согласие.

Судя по поведению польской стороны, не исключено, что по окончании следствия правительством Польши будет поставлен вопрос о возмещении материального ущерба по каждому погибшему польскому военнослужащему.

Об изложенном сообщается в порядке информации.

Генеральный прокурор СССР
Н. С. ТРУБИН

СЕКРЕТНО

РАСПОРЯЖЕНИЕ

ПРЕЗИДЕНТА СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

Об итогах визита в Советский Союз Министра иностранных дел Республики Польша К. Скубишевского

1. Для проведения работы по обновлению договорно-правовой базы советско-польских двусторонних отношений и выработке проекта нового межгосударственного договора создать из представителей Министерства иностранных дел СССР, Министерства обороны СССР, Министерства внешних экономических связей СССР, Министерства культуры СССР специальную комиссию во главе с заместителем Министра иностранных дел СССР. Вести дело к тому, чтобы завершить эту работу не позднее первой половины 1991 года.

2. Министерству иностранных дел СССР, Министерству обороны СССР, Министерству финансов СССР, Министерству внешних экономических связей СССР приступить в ноябре 1990 года к переговорам с Польской Стороной по вопросам, связанным с условиями пребывания и вывода советских войск из Польши. В ходе их вести линию на достижение договоренностей в увязке со сроками вывода наших войск из объединенной Германии. Обратить особое внимание на защиту имущественных, финансовых и экономических интересов СССР, связанных с выводом советских войск. Совету Министров СССР создать по этим вопросам соответствующие комиссии из числа специалистов заинтересованных министерств и ведомств.

3. Государственной внешнеэкономической комиссии Совета Министров СССР, Государственному плановому комитету СССР, Министерству внешних экономических связей СССР, Министерству финансов СССР, Государственному банку СССР, Банку внешнеэкономической деятельности СССР ускорить выработку взаимоприемлемых развязок по вопросам, связанным с

переходом в торговле с Республикой Польша с 1 января 1991 г. на новую расчетную базу, с целью подписания в ближайшее время соответствующего межправительственного соглашения. До 1 декабря 1990 г. рассмотреть и согласовать принципиальные вопросы, касающиеся условий и порядка погашения задолженности Польши Советскому Союзу в переводных рублях. Достигнутую договоренность оформить соответствующим документом.

4. Рекомендовать Совету Министров СССР и Совету Министров РСФСР при разработке программы экономического подъема Калининградской области учесть заинтересованность Польской Стороны принять участие в ее реализации. Не допускать ее односторонней ориентации на привлечение лишь немецких капиталов.

5. Совету Министров СССР сформировать специальную Комиссию из представителей Министерства иностранных дел СССР, Государственного комитета СССР по народному образованию, Министерства культуры СССР, Комитета молодежных организаций СССР для подготовки проекта нового договора о сотрудничестве между молодежью СССР и Республики Польша.

6. Министерству иностранных дел СССР, Министерству культуры СССР, Государственному комитету СССР по народному образованию совместно с другими заинтересованными советскими организациями подготовить и внести в 1 квартале 1991 года предложения по развитию культурного и научного сотрудничества между СССР и Республикой Польша и его материальном обеспечении.

7. Рекомендовать Советам Министров РСФСР, Украинской ССР, Белорусской ССР, Казахской ССР разработать в трехмесячный срок мероприятия по улучшению работы с польскими этническими группами, созданию им необходимых условий для сохранения национальной самобытности, изучения польского языка, деятельности культурно-просветительных обществ.

8. Прокуратуре СССР ускорить следствие по делу о судьбе польских офицеров, содержавшихся в Козельском, Старобельском и Осташковском лагерях. Совместно с Комитетом государственной безопасности СССР и Министерством внутренних дел СССР обеспечить поиск и изучение архивных материалов, связанных с репрессиями в отношении польского населения, оказавшегося на территории СССР в 1939 году, и представить соответствующее заключение.

9. Академии наук СССР, Прокуратуре СССР, Министерству обороны СССР, Комитету государственной безопасности СССР совместно с другими ведомствами и организациями провести до 1 апреля 1991 г. исследовательскую работу по выявлению архивных материалов, касающихся событий и фактов из истории советско-польских двусторонних отношений, в результате которых был причинен ущерб Советской Стороне. Полученные данные ис-

пользовались в необходимых случаях в переговорах с Польской Стороной по проблематике «белых пятен».

Президент Союза Советских
Социалистических Республик
М. ГОРБАЧЕВ

Москва, Кремль
3 ноября 1990 г.

Разослано: тт. Горбачеву, Рыжкову, Крючкову, Маслюкову, Медведеву, Шеварднадзе, Язову, Ситаряну, Силаеву, Кебичу, Караманову, Губенко, Катушеву, Павлову В., Ягодину, Марчуку, Геращенко, Московскому, Шкабардне.

ПРОКУРАТУРА
Союза Советских
Социалистических Республик

ГЛАВНАЯ
ВОЕННАЯ ПРОКУРАТУРА

3 сентября 1991 г.
№ 3—6818—90

103160, Москва, К-160

ПРЕЗИДЕНТУ СОЮЗА ССР
товарищу ГОРБАЧЕВУ М. С.

г. Москва, Кремль

Уважаемый Михаил Сергеевич!

В соответствии с Вашим распоряжением РП-979 от 3 ноября 1990 года на нас, нижеподписавшихся прокурорских работников Главной военной прокуратуры, возложено расследование уголовного дела о судьбе 15 тысяч польских военнопленных, содержавшихся в 1939—1940 годах в Козельском, Старобельском и Осташковском лагерях НКВД.

Надзор за следствием, которое длится уже около года и за это время добыты значительные данные об уничтожении органами НКВД СССР польских военнопленных, осуществлялся непосредственно Главным военным прокурором т. Катусевым А. Ф., его первым заместителем т. Заикой Л. М. и заместителем Главного военного прокурора т. Фроловым В. С., приложивших, невзирая на определенные сложности и препятствия, значительные усилия для установления истины о судьбе поляков.

Работа по этому актуальному для оздоровления советско-польских отношений делу проводится совместно с Генеральной прокуратурой Республики Польша, представители которой во главе с заместителем Генерального прокурора страны С. Снежко непосредственно участвуют в проведении необходимых следственных действий как на территории нашей страны, так и в Польше.

Совместно с указанными правоохранительными органами Республики Польша, ее экспертами и историками проведены ответственные мероприятия — эксгумация останков погибших польских граждан. С 25 июля по 9 августа 1991 года эксгумационные работы произведены в лесопарковой зоне г. Харькова, а с 15 по 31 августа с. г. — в районе населенного пункта Медное Тверской области, где обнаружены массовые захоронения польских воен-

нослужащих, которые находились в так называемых дачных поселках УКГБ по Харьковской и Тверской областям.

Практическую помощь в проведении крупномасштабных следственных действий оказал Генеральный штаб Вооруженных Сил СССР, обеспечив силами войсковых подразделений Киевского и Московского военных округов четкое выполнение поставленной задачи в производстве вскрышных работ и массовых извлечений останков.

В то же время мы должны заявить, что руководство ГВП, в частности первый заместитель Главного военного прокурора генерал-лейтенант юстиции Заика Л. М. и заместитель Главного военного прокурора генерал-майор юстиции Фролов В. С., в особо тяжелое время, когда 19 августа с. г. соответствующие должностные лица УКГБ СССР по Тверской области оказали определенное негативное воздействие и давление на совместную советско-польскую следственную и экспертную группу о немедленном прекращении начавшихся эксгумационных работ, убытии воинского подразделения с территории, — проявили решительность, верность долгу и закону, нацелили всех прокурорских работников на обязательное выполнение распоряжения Президента СССР, неукоснительное выполнение процессуальных действий, продолжение запланированного на высоком уровне (между Прокуратурой СССР и Прокуратурой Республики Польша) ответственного следственного действия.

Направленный товарищем Заикой Л. М. на место производства эксгумационных работ в н. п. Медное Тверской области генерал-майор юстиции Фролов В. С., непосредственно руководил обеспечением слаженности в работе правоохранительных органов двух стран, координировал деятельность командования МВО и следственной группы по обеспечению выполнения поставленной задачи.

Проделанная работа, обеспечение безопасности пребывания всей польской прокурорско-экспертной группы в г. Твери и н. п. Медное, когда от таковой отказалось руководство Тверского УКГБ, получила высокую оценку присутствовавших на месте эксгумационных работ Чрезвычайного и Полномочного посла Республики Польша в СССР С. Чоска, Генерального консула Польши в СССР М. Журавского, других высокопоставленных должностных лиц этой страны, в том числе Полевого бискупа Войска Польского генерала бригады С. Лешека Глудзя, а также представителей Катынских семей, находившихся 31 августа с. г. в Медном на торжественном перезахоронении останков погибших польских военнопленных. Свое особое удовлетворение проделанной работой через вышеназванных лиц передал глава Ватикана римский Папа Иоанн Павел II.

Вместе с тем, поскольку даже отдельные депутаты Верховного Совета СССР негативно отзываются о работе правоохранительных органов, хотя не указывают непосредственно на Главную во-

енную прокуратуру, мы просим Вас, уважаемый Михаил Сергеевич, с пониманием и взвешенностью отнестись к выполнению своих функциональных обязанностей руководством Главной военной прокуратурой и недопустить неправильной оценки деятельности тт. Заики Л. М. и Фролова В. С. на занимаемых должностях.

С уважением,

осуществляющий прокурорский надзор
за следствием
помощник Главного военного прокурора
начальник 1 отдела Управления надзора ГВП
полковник юстиции
Н. Л. Анисимов

Руководитель следственной группы
Старший военный прокурор отдела
Управления надзора ГВП
полковник юстиции
А. В. Третецкий

Военные прокуроры следственной группы:

Старший военный прокурор оргинспекторского
отдела ГВП
полковник юстиции
С. С. Радевич

Военный прокурор 2 отдела Управления
надзора ГВП
подполковник юстиции
А. Ю. Яблоков

Военный прокурор 2 отдела Управления
надзора ГВП
подполковник юстиции
В. М. Граненов

Военный прокурор 3 отдела Управления
надзора ГВП
майор юстиции
С. В. Шаламаев

Аппарат Президента СССР
Общий отдел

ПРОКУРАТУРА СОЮЗА ССР

103793, ГСП, Москва, К-9, Пушкинская, 15-а

28.11.91 № 6/205—91

Па № 743-а

В Прокуратуре Союза ССР рассмотрено обращение Н. Л. Анисимова, А. В. Третецкого и других сотрудников Главной военной прокуратуры в связи с уголовным делом о судьбе польских военнопленных, содержавшихся в лагерях НКВД в 1939—1940 годах.

В обращении военных прокуроров объективно отражаются обстоятельства, связанные с организацией расследования дела и ролью в нем руководителей Главной военной прокуратуры тт. Заики, Фролова.

Действительно, возможная реорганизация органов военной прокуратуры может потребовать решения некоторых кадровых вопросов, в том числе и в отношении руководителей Главной военной прокуратуры. В этом случае указанные заявителем доводы будут, безусловно, учтены при оценке деятельности тт. Заики и Фролова на занимаемых ими должностях.

Приложение: на 4 л.

Старший помощник
Генерального прокурора СССР
А. К. Розанов

Г. К. ЖУКОВ: НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ

Читателю будет интересно ознакомиться с документами, освещающими некоторые неизвестные страницы жизни и деятельности прославленного полководца Великой Отечественной войны Маршала Советского Союза Г. К. Жукова. Эти документы охватывают двадцатилетний период. Отдельные материалы сенсационны, в частности записка министра безопасности В. Абакумова И. В. Сталину о негласном обыске на квартире Г. К. Жукова. Создается впечатление, что кто-то оказал Г. К. Жукову медвежью услугу с трофейными ценностями. Более того, возникает чувство, что против Г. К. Жукова осуществлялась грандиозная провокация с целью его полной дискредитации. Мы надеемся в будущем получить соответствующие доказательства этого. Но не могут не вызвать отвращения методы следовавших за Г. К. Жуковым и искавших любую возможность его скомпрометировать спецслужб.

Редакционный совет журнала взял на себя ответственность за публикацию документов о Г. К. Жукове, ведь рано или поздно они станут известны широкому читателю.

копия

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

экз. №

« » апреля 1946 г.

№_____

СОВЕТ МИНИСТРОВ СССР

товарищу С Т А Л И Н У

При этом представляю заявление на Ваше имя арестованного бывшего главнокомандующего ВВС — главного маршала авиации НОВИКОВА А. А.

АБАКУМОВ.

Отпечатано 3 экз.

1 — т. Сталину
2 — Секр. Гл. Упр. «СМЕРШ»
3 —

исполнитель АБАКУМОВ
печатала Никитина

МИНИСТРУ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ СССР
И. В. СТАЛИНУ

от бывшего главнокомандующего ВВС,
ныне арестованного НОВИКОВА

Заявление

Я лично перед Вами виновен в преступлениях, которые совершались в Военно-Воздушных Силах, больше чем кто-либо другой.

Помимо того, что я являюсь непосредственным виновником приема на вооружение авиационных частей недоброкачественных самолетов и моторов, выпускавшихся авиационной промышленностью, я как командующий Военно-Воздушных Сил, должен был обо всем этом доложить Вам, но этого я не делал, скрывая от Вас антигосударственную практику в работе ВВС и НКАП.

Я скрывал также от Вас безделие и разболтанность ряда ответственных работников ВВС, что многие занимались своим личным благополучием больше, чем государственным делом, что некоторые руководящие работники безответственно относились к работе. Я покрывал такого проходимца, как ЖАРОВ, который, пользуясь моей опекой, тащил направо и налево. Я сам культивировал угодничество и подхалимство в аппарате ВВС.

Все это происходило потому, что я сам попал в болото преступлений, связанных с приемом на вооружение ВВС бракованной авиационной техники. Мне стыдно говорить, но я также чересчур много занимался приобретением различного имущества с фронта и устройством своего личного благополучия. У меня вскружилась голова, я возомнил себя большим человеком, считал, что я известен не только в СССР, но и за его пределами и договорился до того, что в разговоре со своей бывшей женой ВЕЛЕДЕЕВОЙ, желая себя показать крупной личностью, заявлял, что меня знают ЧЕРЧИЛЛЬ, ЦИЕН и другие.

Только теперь, находясь в тюрьме, я опомнился и призадумался над тем, что я натворил.

Вместо того, чтобы с благодарностью отнестись к Верховному Главнокомандующему, который для меня за время войны сделал все, чтобы я хорошо и достойно работал, который буквально тянул меня за уши,— я вместо этого поступил как подлец, всячески ворчал, проявлял недовольство, а своим близким даже высказывал вражеские выпады против Министра Вооруженных Сил.

Настоящим заявлением я хочу Вам честно и до конца рассказать, что кроме нанесенного мною большого вреда в бытность

мою командующим ВВС, о чем я уже дал показания, я также виновен в еще более важных преступлениях.

Я счел теперь необходимым в своем заявлении на Ваше имя рассказать о своей связи с *Жуковым*, взаимоотношениях и политически вредных разговорах с ним, которые мы вели в период войны и до последнего времени.

Хотя я теперь арестован и не мое дело давать какие-либо советы в чем и как поступить, но все же, обращаясь к Вам, я хочу рассказать о своих связях с *Жуковым* потому, что мне кажется пора положить конец такому вредному поведению *Жукова*, ибо если дело так далее пойдет, то это может привести к пагубным последствиям.

За время войны, бывая на фронтах вместе с *Жуковым*, между нами установились близкие отношения, которые продолжались до дня моего ареста.

Касаясь *Жукова*, я прежде всего хочу сказать, что он человек исключительно властолюбивый и самовлюбленный, очень любит славу, почет и угодничество перед ним и не может терпеть возражений.

Зная *Жукова*, я понимал, что он не столько в интересах государства, а больше в своих личных целях стремится чаще бывать в войсках, чтобы, таким образом, завоевать себе еще больший авторитет.

Вместо того, чтобы мы, как высшие командиры сплачивали командный состав вокруг Верховного Главнокомандующего, *Жуков* ведет вредную, обособленную линию, т. е. сколачивает людей вокруг себя, приближает их к себе и делает вид, что для них он является «добрым дядей». Таким человеком у *Жукова* был и я, а также *Серов*.

Жуков был ко мне очень хорошо расположен и я в свою очередь угодничал перед ним.

Жуков очень любит знать все новости, что делается в верхах, и по его просьбе, когда *Жуков* находился на фронте, я по мере того, что мне удавалось узнать — снабжал его соответствующей информацией о том, что *делалось в Ставке*. В этой подлости перед Вами я признаю свою тяжелую вину.

Так, были случаи, когда после *посещения Ставки* я рассказывал *Жукову* о *настроениях Сталина*, когда и за что *Сталин ругал меня и других*, какие я слышал там разговоры и т. д.

Жуков очень хитро, тонко и в осторожной форме в беседе со мной, а также и среди других лиц пытается умалить руководящую роль в войне Верховного Главнокомандования и в то же время *Жуков* не стесняясь выпячивает свою роль в войне как полководца и даже заявляет, что все основные планы военных операций разработаны им.

Так, во многих беседах, имевших место на протяжении последних полутора лет, *Жуков* заявлял мне, что операции по разгрому немцев под Ленинградом, Сталинградом и на Курской дуге

разработаны по его идее и им *Жуковым* подготовлены и проведены. То же самое говорил мне *Жуков* по разгрому немцев под Москвой.

Как-то в феврале 1946 года, находясь у *Жукова* в кабинете или на даче, точно не помню, *Жуков* рассказал мне, что ему в Берлин звонил *Сталин* и спрашивал какое бы он хотел получить назначение. На это, по словам *Жукова*, он, якобы ответил, что хочет пойти *Главнокомандующим Сухопутными Силами*.

Это свое мнение *Жуков* мне мотивировал, как я его понял, не государственными интересами, а тем, что, находясь в этой должности он, по существу, будет руководить почти всем *Наркоматом Обороны*, всегда будет поддерживать связь с войсками и тем самым не потеряет свою известность. Все, как сказал *Жуков*, будут знать обо мне.

Если же, говорил *Жуков*, пойти *заместителем Министра Вооруженных Сил по общим вопросам*, то придется отвечать за все, а авторитета в войсках будет меньше.

Тогда же *Жуков* мне еще рассказывал о том, что в разговоре по «ВЧ» в связи с реорганизацией *Наркомата Обороны, Сталин* спрашивал его, кого и на какие должности он считает лучше назначить.

Жуков, как он мне об этом говорил, высказал *Сталину* свои соображения и он с ними согласился, но тем не менее, якобы сказал: «Я подожду Вашего *приезда в Москву* и тогда вопрос о *назначениях решим вместе*».

Я этот разговор привожу потому, что, рассказывая мне об этом, *Жуков* дал понять, что как он предлагал *Сталину*, так *Сталин* и сделал.

Ко всему этому надо еще сказать, что *Жуков* хитрит и лукавит душой. Внешне это, конечно, незаметно, но мне, находившемуся с ним в близкой связи, было хорошо видно.

Говоря об этом, я должен привести Вам в качестве примера такой факт: *Жуков* на глазах всячески приближает *Василия Сталина*, якобы, по-отечески относится к нему и заботится.

Но дело обстоит иначе. Когда недавно уже перед моим арестом я был у *Жукова* в кабинете на службе и в беседе он мне сказал, что, по-видимому, *Василий Сталин* будет *инспектором ВВС*, я выразил при этом свое неудовлетворение таким назначением и всячески оскорблял *Василия*. Тут же *Жуков* в беседе со мной один на один высказался по адресу *Василия Сталина* еще резче, чем я и в похабной и омерзительной форме наносил ему оскорбления.

В начале 1943 года я находился на Северо-Западном фронте, где в то время подготавливалась операция по ликвидации так называемого «Демянского котла» и встречался там с *Жуковым*.

Как-то во время обеда я спросил *Жукова*, кому я должен писать донесения о боевых действиях авиации. *Жуков* ответил, что нужно писать на имя *Сталина* и тогда же рассказал мне, что

перед выездом из Москвы он, якобы, поссорился с *Верховным Главнокомандующим* из-за разработки какой-то операции и поэтому, как заявил *Жуков*, решил не звонить ему, несмотря на то, что обязан делать это. Если, говорил *Жуков*, *Сталин* позвонит ему сам, то тогда и он будет звонить ему.

Рассказывал этот факт мне *Жуков* в таком высокомерном тоне, что я сам был удивлен, как можно так говорить о *Сталине*.

В моем присутствии *Жуков* критиковал некоторые мероприятия Верховного Главнокомандующего и Советского правительства. В беседах на эти темы я, в ряде случаев, поддерживал *Жукова*.

После снятия меня с должности главнокомандующего ВВС, я, будучи в кабинете у *Жукова* высказал ему свои обиды, что *Сталин* неправильно поступил, сняв меня с работы и начав аресты людей из ВВС.

Жуков поддержал мои высказывания и сказал: «Надо же на кого-то свалить».

Больше того, *Жуков* мне говорил: «Смотри, никто за тебя и слова не промолвил, да и как замолвить, когда такое решение принято *Сталиным*». Хотя *Жуков* прямо и не говорил, но из разговора я понял, что он не согласен с решением правительства о снятии меня с должности командующего ВВС.

Должен также заявить, что когда *Сталин* вызвал меня и объявил, что снимает с должности командующего ВВС и крепко поругал меня за серьезные недочеты в работе, я в душе возмутился поведением *Маленкова*, который при этом разговоре присутствовал, но ничего не сказал, в то время, как *Маленкову* было хорошо известно о всех недочетах в приемке на вооружение ВВС бракованной материальной части от Наркомата авиационной промышленности. Когда я об этом поделился с *Жуковым*, то он ответил мне, что «теперь уже тебя никто не поддержит, все как в рот воды набрали».

Я хоть усмехнулся, говорил мне *Жуков*, когда *Сталин* делал тебе замечания по работе и сказал два слова — «ничего исправится».

Припоминаю и другие факты недовольства *Жукова* решениями правительства.

После окончания Корсуньско-Шевченковской операции командующий бывшим 2-м Украинским фронтом КОНЕВ получил звание маршала.

Этим решением правительства *Жуков* был очень недоволен и в беседе со мной говорил, что эта операция была разработана лично им — *Жуковым*, а награды и звания за нее даются другим людям.

Тогда же *Жуков* отрицательно отзывался о ВАТУТИНЕ. Он говорил, что ВАТУТИН неспособный человек, как командующий

войсками, что он штабист и если бы не он *Жуков*, то ВАТУТИН не провел бы ни одной операции.

В связи с этим *Жуков* высказывал мне обиды, что он, *являясь представителем Ставки*, провел большинство операций, а награды и похвалы получают командующие фронтами. Для подтверждения этого *Жуков* сослался на то, что приказы за проведение тех или иных операций адресуются командующим фронтов, а он — *Жуков* остается в тени несмотря на то, что операции проводились и разрабатывались им. Во время этой беседы *Жуков* дал мне понять, чтобы я по приезде в Москву, где следует, замолвил об этом словечко.

В тот же период времени *Жуков* в ряде бесед со мной говорил и о том, что правительство его не награждает за разработку и проведение операций под Сталинградом, Ленинградом и на Курской дуге.

Жуков заявил, что несмотря на блестящий успех этих операций его до сих пор не наградили в то время, как командующие фронтов получили уже по нескольку наград. В этой связи *Жуков* высказался, что лучше пойти командующим фронтом нежели быть *представителем Ставки*.

Жуков везде стремился протаскивать свое мнение. Когда то или иное предложение *Жукова* в правительстве не проходило, он всегда в таких случаях очень обижался.

Как-то в 1944 году, находясь вместе с *Жуковым* на 1-м Украинском фронте, он рассказал мне о том, что в 1943 году он и *Конев* докладывали *Сталину* план какой-то операции, с которым *Сталин* не согласился. *Жуков*, по его словам, настоятельно пытался доказать *Сталину* правильность этого плана, но *Сталин*, дав соответствующее указание, предложил план переделать. Этим *Жуков* был очень недоволен, обижался на *Сталина* и говорил, что такое отношение к нему очень ему не нравится.

Наряду с этим *Жуков* высказывал мне недовольство решением правительства о присвоении генеральских званий руководящим работникам оборонной промышленности. *Жуков* говорил, что это решение является неправильным, что, присвоив звание генералов наркомам и их заместителям, правительство само обесценивает генеральские звания. Этот разговор происходил между нами в конце 1944 года, когда я и *Жуков* находились на 1-м Белорусском фронте.

Осенью 1944 года под Варшавой *Жуков* также рассказал мне, что он возбудил ходатайство перед *Сталиным* о том, чтобы КУЛИКА наградили орденом Суворова, но *Сталин* не согласился с этим, то он — *Жуков* стал просить о возвращении КУЛИКУ орденов, которых он был лишен по суду, с чем *Сталин* также не согласился. И в этом случае *Жуков* высказал мне свою обиду на это, что его, мол, не поддержали и что *Сталин* неправильно поступил, не согласившись с его мнением.

Хочу также сказать Вам и о том, что еще в более близкой

связи с *Жуковым*, чем я, находится *Серов*, который также угодничает, преклоняется и лебезит перед ним. Их близость тянется еще по совместной работе в Киеве. Обычно они бывали вместе, а также посещали друг друга.

На какой почве установилась между ними такая близость, *Жуков* мне не говорил, но мне кажется, что *Жукову* выгодно иметь у себя такого человека, как *Серов*, который занимает большое положение в *Министерстве Внутренних Дел*.

Я тоже находился в дружеских отношениях с *Серовым* и мы навещали друг друга.

Когда я был снят *Сталиным* с должности командующего ВВС, *Серов* говорил мне о том, чтобы я пошел к *Маленкову* и просил у него защиты.

Во время моего пребывания в Германии *Серов* содействовал мне в приобретении вещей.

Касаясь своих преступлений, я вынужден признать, что после отстранения меня от работы в ВВС, я был очень обижен и высказывал в кругу своих близких несогласие с таким решением *Сталина*, хотя внешне при людях я лукавил душой и говорил, что со мной поступили правильно, что я это заслужил.

Так, вскоре после состоявшегося обо мне решения, я в беседе со своей женой и ее братом Владимиром говорил, что причина моего снятия заключается не в плохой моей работе, а в том, что на меня наговорили. При этом я всячески поносил и клеветал на *Верховного Главнокомандующего* и его семью. Я также заявлял, что *Сталин* несправедливо отнесся ко мне.

Когда мне стало известно об аресте ШАХУРИНА, РЕПИНА и других я был возмущен этим и заявлял в кругу своих родственников, что поскольку аресты этих лиц произведены с ведома *Сталина*, то просить защиты не у кого.

Вражеские разговоры я в апреле 1946 года вел со своей бывшей женой ВЕЛЕДЕЕВОЙ М. М., которая проездом останавливалась в Москве.

В беседе с ВЕЛЕДЕЕВОЙ я говорил, что *Сталин* необъективно подошел ко мне и возводил на него злобную клевету.

В разговорах с моей теперешней женой Елизаветой Федоровной и с ВЕЛЕДЕЕВОЙ я обвинял правительство и лично *Сталина* в том, что они не оценивают заслуг людей и, несмотря ни на что, изгоняют их и даже сажают в тюрьму.

Повторяю, что несмотря на высокое положение, которое я занимал и авторитет, созданный мне Верховным Главнокомандующим, я все же всегда чувствовал себя пришибленным. Это длится у меня еще с давних времен.

Я являюсь сыном полицейского, что всегда довлело надо мной и до 1932 года я все это скрывал от партии и командования.

Когда же я столкнулся с *Жуковым* и он умело привязал меня к себе, то это мне понравилось и я увидел в нем опору.

Такая связь с *Жуковым* сблизила нас настолько, что в беседах

с ним один на один мы вели политически вредные разговоры, о чем я и раскаиваюсь теперь перед Вами.

Признаюсь Вам, что я оказался в полном смысле трусом, хотя и занимал большое положение и был главным маршалом.

У меня никогда не хватало мужества рассказать Вам о всех безобразиях, которые по моей вине творились в ВВС и о всем том, что я изложил в настоящем заявлении.

Новиков.

30 апреля 1946 года.

Товарищу СТАЛИНУ

В Ягодинской таможне (вблизи г. Ковеля) задержано 7 вагонов, в которых находилось 85 ящиков с мебелью.

При проверке документации выяснилось, что мебель принадлежит Маршалу Жукову.

Установлено, что И. О. Начальника Тыла Группы Советских Оккупационных Войск в Германии для провоза мебели была выдана такая справка: «Выдана Маршалу Советского Союза тов. ЖУКОВУ Г. К. в том, что нижепоименованная мебель им лично заказанная на мебельной фабрике в Германии «Альбин Май» приобретена за наличный расчет и Военным Советом Группы СОВ в Германии разрешен вывоз в Советский Союз. Указанная мебель направлена в Одесский Военный Округ с сопровождающим капитаном тов. ЯГЕЛЬСКИМ. Транспорт № 152/8431».

Вагоны с мебелью 19 августа из Ягодино отправлены в Одессу.

Одесской таможне дано указание этой мебели не выдавать до получения специального указания.

Опись мебели, находящейся в осмотренных вагонах, прилагается.

Булганин

23 августа 1946 года.

Копия.
Форма № 70.

10 июля 1946 г. Воинская часть п.п. 48317.

Командир В/ч п.п. 48317. Древаль — 10 июля 1946 г. Комиссия в составе председателя ст. лейтенанта — САФОНОВ — членов зав. хранилищем СТАРОДУБОВ, МАЗУР, КОРШЕВ — произвели осмотр и прием имущества, прибывшего из гор. Хемниц — при акте от 19 июня 1946 года.

№№ п/п	Наименование имущества	Един. учета	Значится по документу	Оказалось налицо	Для отметок
	I. ГОСТИНАЯ ДЛЯ ГОРОДСКОЙ КВАРТИРЫ				
	Светлое и красное дерево, обивка золотистым плюшем с голубыми цветами обр. № 1.				
1.	Стеклянный шкаф — витрина (одна)	шт.	1	1	101
2.	Зеркало — верхняя часть (одно)	шт.	1	1	101
3.	Столы «Брукнер»	шт.	2	2	102
4.	Радиостол (один)	шт.	1	1	103
5.	Зеркало нижн. часть (одно)	шт.	1	1	103
6.	Клубные кресла (два)	шт.	2	2	104
7.	Клубные кресла (четыре)	шт.	4	4	105—106
8.	Полукресла (двенадцать)	шт.	12	12	107—108
9.	Диван (один)	шт.	1	1	109
	ИТОГО:	шт.	25	25	9 ящиков
	II. СТОЛОВАЯ ДЛЯ ГОРОДСКОЙ КВАРТИРЫ, МОДЕЛЬ ШЛИБРУНИ				
	Светло полированный орех мозур. обивка малиновым плюшем обр. № 6				
1.	Сервант	шт.	1	1	251
2.	Буфет витрина (один)	шт.	1	1	255
3.	Диван мягкий	шт.	1	1	252
4.	Кресла клубные (два)	шт.	2	2	253
5.	Шкафчик для ликеров (один)	шт.	1	1	254
6.	Чайный столик (один)	шт.	1	1	256
7.	Радиостол (один)	шт.	1	1	256
8.	Столик для воды (один)	шт.	1	1	256
9.	Подставки для цветов (две)	шт.	2	2	256
10.	Мраморная доска для ликерного шкафчика (одна)	шт.	1	1	257
11.	Раздвижной стол (три)	шт.	3	3	258—259—260
12.	Стулья полумягкие (двадцать четыре)	шт.	24	24	261—262 263—264
	ИТОГО:	шт.	39	39	

№№ п/п	Наименование имущества	Един. учета	Значится по документу	Оказалось налицо	Для отметок
	III. ГОСТИНАЯ ДЛЯ ДАЧИ				
	Светлое и красное дерево, обивка золотистым плюшем с голубыми цветами обр. № 1				
1.	Стеклянный шкаф-витрина (одна)	шт.	1	1	201
2.	Зеркало верхн. часть (одно)	шт.	1	1	201
3.	Столы «Брукнер» (два)	шт.	2	2	202
4.	Радиостол (один)	шт.	1	1	203
5.	Зеркало трюмо — нижняя часть (одно)	шт.	1	1	203
6.	Клубные кресла (шесть)	шт.	6	6	204—205—206
7.	Диван (один)	шт.	1	1	207
8.	Полукресла (двенадцать)	шт.	12	12	208—209
	ИТОГО:	шт.	25	25	9 ящиков
	IV. СТОЛОВАЯ ДЛЯ ДАЧИ, ШЛИБРУНО				
	Светлый полированный орех мазур. обивка малиновым плюшем обр. № 6				
1.	Раздвижные столы (три)	шт.	3	3	151—152—153
2.	Чайный стол (один)	шт.	1	1	154
3.	Радиостол (один)	шт.	1	1	154
4.	Столик для воды (один)	шт.	1	1	154
5.	Стеклянный шкаф-витрина (один)	шт.	1	1	155
6.	Сервант (один)	шт.	1	1	156
7.	Стулья полумягкие (двадцать четыре)	шт.	24	24	157—158—159—160
8.	Диван мягкий (один)	шт.	1	1	161
9.	Клубные кресла (два)	шт.	2	2	162
	ИТОГО:	шт.	35	35	12 ящиков
	V. КАБИНЕТ МОДЕЛЬ «РАФАЭЛЬ» И «ГРЮНВАЛЬД»				
	Полированный орех Мозер с матовой инкрустацией под кожу				
1.	Стол круглый «Рафаэль» (один)	шт.	1	1	301
2.	Кресла клубные типа кожаные (шесть)	шт.	6	6	303—304—305
3.	Столы круглые (три)	шт.	3	3	306
4.	Книжный шкаф «Рафаэль» (один)	шт.	1	1	307
5.	Столик для телефона (один)	шт.	1	1	309
6.	Стол для воды (один)	шт.	1	1	309
7.	Радиостолик (один)	шт.	1	1	309
8.	Диван кожаный (один)	шт.	1	1	310
9.	Стулья мягкие кожаные (шесть)	шт.	6	6	311
10.	Рабочие кресла кожаные вертящиеся (одно)	шт.	1	1	312
11.	Письменный стол «Рафаэль»	шт.	1	1	313
	ИТОГО:	шт.	23	23	11 ящиков

№№ п/п	Наименование имущества	Един. учета	Значится по документу	Оказалось налицо	Для отметок
	VI. СПАЛЬНЯ ДЛЯ ДАЧИ, МОДЕЛЬ «ЭЛЕОНОРА»				
	Золотисто-желтая карельская береза, обивка голубым шелком с цветами				
1.	Гардероб 4-х створный (один)	шт.	1	1	351—356—357
2.	Мужской комод-гардероб (один)	шт.	1	1	335
3.	Трельяж (один)	шт.	1	1	351—353—356
4.	Кровати (две)	шт.	2	2	351—352
5.	Прикроватная тумбочка (две)	шт.	2	2	351
6.	Круглый стол (один)	шт.	1	1	354
7.	Стулья мягкие (четыре)	шт.	4	4	351—358
8.	Банкетка (одна)	шт.	1	1	351
9.	Кушетка (одна)	шт.	1	1	360
10.	Матрацы пружинные (два)	шт.	2	2	361
11.	Матрацы волосяные (два)	шт.	2	2	359
	ИТОГО:	шт.	18	18	11 ящиков
	VII. ДЕВИЧЬЯ КОМНАТА				
	Береза светло-полированная, обивка зеленый шелк с мелкими цветами				
1.	Гардероб (один)	шт.	1	1	401
2.	Тумбочка прикроватная (одна)	шт.	1	1	402
3.	Дамский письменный стол (один)	шт.	1	1	402
4.	Туалет-трельяж (один)	шт.	1	1	403
5.	Книжный шкаф (один)	шт.	1	1	405
6.	Пружинный матрац (один)	шт.	1	1	406
7.	Стулья полумягкие (два)	шт.	2	2	407
8.	Кресла мягкие (два)	шт.	2	2	408
9.	Кровать (одна)	шт.	1	1	409—401
10.	Круглый столик (один)	шт.	1	1	410
11.	Банкетка (одна)	шт.	1	1	407
12.	Мягкие матрацы из 4-х частей (один)	шт.	1	1	401
	ИТОГО:	шт.	14	14	10 ящиков
	VIII. ДЕТСКАЯ КОМНАТА				
	Светлая вишня — обивка голубым материалом с цветами				
1.	Шкаф-гардероб (один)	шт.	1	1	451
2.	Стулья жесткие (шесть)	шт.	6	6	452—451
3.	Кровать (две)	шт.	2	2	453—454
4.	Матрацы пружинные (два)	шт.	2	2	455
5.	Кресла мягкие (два)	шт.	2	2	456
6.	Прикроватные тумбочки (две)	шт.	2	2	451
7.	Матрацы волосяные (два)	шт.	2	2	451
8.	Стол по рисунку 2010 (один)	шт.	1	1	457
	ИТОГО:	шт.	18	18	7 ящиков

Всего предметов 194, разобранные два <?> на четыре части составляют два предмета, а также мраморная доска является составной частью ликерного шкафчика. Вся мебель упакована в 8 ящиках.

Пред. Комиссии — ст. лейтенант	(САФОНОВ)
Зав. хранилищем в/н	(СТАРОДУБОВА)
Члены Комиссии — Нач. трансп. лейтенант	(МАЗУР)
Рабочий	(КОРШЕВ)
На хранение имущество приняла Зав. хранилищем в/н	(СТАРОДУБОВА)

В Е Р Н О: (подпись)

Совершенно секретно

СОВЕТ МИНИСТРОВ СССР

товарищу СТАЛИНУ И. В.

В соответствии с Вашим указанием, 5 января с. г. на квартире *Жукова* в Москве был произведен негласный обыск.

Задача заключалась в том, чтобы разыскать и изъять на квартире *Жукова* чемодан и шкатулку с золотом, бриллиантами и другими ценностями.

В процессе обыска чемодан обнаружен не был, а шкатулка находилась в сейфе, стоящем в спальной комнате.

В шкатулке оказалось:

часов — 24 шт., в том числе: золотых — 17 и с драгоценными камнями — 3;

золотых кулонов и колец — 15 шт., из них 8 с драгоценными камнями;

золотой брелок с большим количеством драгоценных камней;

другие золотые изделия (портсигар, цепочки и браслеты, серьги с драгоценными камнями и пр.).

В связи с тем, что чемодана в квартире не оказалось, было решено все ценности, находящиеся в сейфе, сфотографировать, уложить обратно так, как было раньше, и произведенному обыску на квартире не придавать гласности.

По заключению работников, проводивших обыск, квартира *Жукова* производит впечатление, что оттуда изъято все то, что может его скомпрометировать. Нет не только чемодана с ценностями, но отсутствуют даже какие-бы то ни было письма, записи и т. д. По-видимому квартира приведена в такой порядок, чтобы ничего лишнего в ней не было.

В ночь с 8 на 9 января с. г. был произведен негласный обыск на даче *Жукова*, находящейся в поселке Рублево, под Москвой.

В результате обыска обнаружено, что две комнаты дачи превращены в склад, где хранится огромное количество различного рода товаров и ценностей.

Например:

шерстяных тканей, шелка, парчи, пан-бархата и других материалов — всего свыше 4.000 метров;

мехов — собольих, обезьяньих, лисьих, котиковых, каракульчевых, каракулевых — всего 323 шкуры;

шевро высшего качества — 35 кож;

дорогостоящих ковров и гобеленов больших размеров, вывезенных из Потсдамского и др. дворцов и домов Герма-

нии — всего 44 штуки, часть которых разложена и развешена по комнатам, а остальные лежат на складе.

Особенно обращает на себя внимание больших размеров ковер, разложенный в одной из комнат дачи;

ценных картин классической живописи больших размеров в художественных рамках — всего 55 штук, развешенных по комнатам дачи и частично хранящихся на складе;

дорогостоящих сервизов столовой и чайной посуды (фарфор с художественной отделкой, хрусталь) — 7 больших ящиков;

серебряных гарнитуров столовых и чайных приборов — 2 ящика;

аккордеонов с богатой художественной отделкой — 8 штук;

уникальных охотничьих ружей фирмы Голанд-Голанд и других — всего 20 штук.

Это имущество хранится в 51 сундуке и чемодане, а также лежит навалом.

Кроме того, во всех комнатах дачи, на окнах, этажерках, столиках и тумбочках расставлены в большом количестве бронзовые и фарфоровые вазы и статуэтки художественной работы, а также всякого рода безделушки иностранного происхождения.

Заслуживает внимание заявление работников, проводивших обыск, о том, что дача *Жукова* представляет собой, по существу, антикварный магазин или музей, обвешанный внутри различными дорогостоящими художественными картинами, причем их так много, что 4 картины висят даже на кухне. Дело дошло до того, что в спальне *Жукова* над кроватью висит огромная картина с изображением двух обнаженных женщин.

Есть настолько ценные картины, которые никак не подходят к квартире, а должны быть переданы в государственный фонд и находиться в музее.

Свыше двух десятков больших ковров покрывают полы почти всех комнат.

Вся обстановка, начиная от мебели, ковров, посуды, украшений и кончая занавесками на окнах — заграничная, главным образом немецкая. На даче буквально нет ни одной вещи советского происхождения, за исключением дорожек, лежащих при входе в дачу.

На даче нет ни одной советской книги, но зато в книжных шкафах стоит большое количество книг в прекрасных переплетах с золотым тиснением, исключительно на немецком языке.

Зайдя в дом трудно себе представить, что находишься под Москвой, а не в Германии.

По окончании обыска обнаруженные меха, ткани, ковры, гобелены, кожи и остальные вещи сложены в одной комнате, закрыты на ключ и у двери выставлена стража.

В *Одессу* направлена группа оперативных работников МГБ СССР для производства негласного обыска в квартире *Жукова*. О результатах этой операции доложу Вам дополнительно.

Что касается не обнаруженного на московской квартире *Жукова* чемодана с драгоценностями, о чем показал арестованный СЕМОЧКИН, то проверкой выяснилось, что этот чемодан все время держит при себе жена *Жукова* и при поездках берет его с собой.

Сегодня, когда *Жуков* вместе с женой прибыл из *Одессы* в Москву, указанный чемодан вновь появился у него в квартире, где и находится в настоящее время.

Видимо, следует напрямик потребовать у *Жукова* сдачи этого чемодана с драгоценностями.

При этом представляю фотоснимки некоторых обнаруженных на квартире и даче *Жукова* ценностей, материалов и вещей*.

АБАКУМОВ.

10 января 1948 года.

---

* На последней странице документа написано: «В архив не поступали».

СОВ. СЕКРЕТНО

экз. № 1.

СССР

МИНИСТЕРСТВО ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

«3» февраля 1948 г.

№ 3726/А

гор. МОСКВА

СОВЕТ МИНИСТРОВ СССР

товарищу СТАЛИНУ И. В.

Докладываю, что МГБ СССР взято обратно с базы госфондов все имущество, изъятое у маршала ЖУКОВА.

Это имущество, а также хранившиеся в МГБ СССР ценности, изъятые у ЖУКОВА, в соответствии с Вашим указанием, 3 февраля с. г. переданы по акту и подробным поштучным описям Управляющему Делами Совета Министров СССР тов. ЧАДАЕВУ.

От МГБ СССР имущество и ценности передали:

Заместитель Министра генерал-лейтенант БЛИНОВ

Начальник отдела «А» генерал-майор ГЕРЦОВСКИЙ

Управляющий Делами полковник КОЧЕГАРОВ

Зам. начальника Финотдела подполковник БОРОВКОВ

Сотрудники отдела «А» — подполковник ВОРОБЬЕВ, подполковник БАЛИШАНСКИЙ, майор БАРИНОВ и капитан ГУСЕВ.

От Управления Делами Совета Министров СССР имущество и ценности приняли:

Управляющий делами ЧАДАЕВ

Зам. Управляющего Делами ОПАРИН

Зам. начальника Хозуправления МАКАРОВ

Начальник хозяйственной группы КИРИЛЛИН.

При этом представляю акт и описи на переданное имущество и ценности.

АБАКУМОВ.

АКТ

О передаче Управлению Делами Совета Министров Союза ССР изъятого Министерством Государственной Безопасности СССР у Маршала Советского Союза Г. К. ЖУКОВА незаконно приобретенного и присвоенного им трофейного имущества, ценностей и других предметов.

I.

Кулоны и броши золотые (в том числе один платиновый) с драгоценными камнями . . . . . — 13 штук
Часы золотые . . . . . — 9 штук
Кольца золотые с драгоценными камнями . . . — 16 штук
Серьги золотые с бриллиантами . . . . . — 2 пары
Другие золотые изделия (браслеты, цепочки и др.) . . . . . — 9 штук
Украшения из серебра, в том числе под золото — 5 штук
Металлические украшения (имитация под золото и серебро) с драгоценными камнями (кулоны, цепочки, кольца) . . . . . — 14 штук
Столовое серебро (ножи, вилки, ложки и другие предметы) . . . . . — 713 штук
Серебряная посуда (вазы, кувшины, сахарницы, подносы и др.) . . . . . — 14 штук
Металлические столовые изделия под серебро (ножи, вилки, ложки и др.) . . . . . — 71 штука

II.

Шерстяные ткани, шелка, парча, бархат, фланель и другие ткани . . . . . — 3.420 метров
М е х а — скунса, норка, выдра, нутрии, черно-бурые лисы, каракульча и другие . . . . . — 323 штуки
Шевро и хром . . . . . — 32 кожи
Дорогостоящие ковры и дорожки больших размеров . . . . . — 31 штука
Гобелены больших размеров художественной выделки . . . . . — 5 штук

Художественные картины в золоченых рамах, часть из них представляет музейную ценность . . . . . — 60 штук

Дворцовый золоченый художественно выполненный гарнитур гостиной мебели . . . . . — 10 предметов

Художественно выполненные антикварные вазы с инкрустациями . . . . . — 22 штуки

Бронзовые статуи и статуэтки художественной работы . . . . . — 29 штук

Часы каминные антикварные и напольные . . . — 9 штук

Дорогостоящие сервизы столовой и чайной посуды (частью некомплектные) . . . . . — 820 предметов

Хрусталь в изделиях (вазы, подносы, бокалы, кувшины и другие) . . . . . — 45 предметов

Охотничьи ружья заграничных фирм . . . . . — 15 штук

Баяны и аккордеоны художественной выделки — 7 штук

Пианино, рояль, радиоприемники, фарфоровая и глиняная посуда и другие предметы, согласно прилагаемых поштучных описей.

Всего прилагается 14 описей.

Сдали: Заместитель Министра Госбезопасности СССР
Генерал-лейтенант

БЛИНОВ А. С.

Начальник отдела «А» МГБ СССР
Генерал-майор

ГЕРЦОВСКИЙ А. Я.

Приняли: Управляющий делами Совета Министров СССР

ЧАДАЕВ Я. Е.

Зам. Управделами Совета Министров Союза ССР

ОПАРИН И. Е.

3 февраля 1948 года,
город Москва.

ПЕРЕЧЕНЬ

описей, приложенных к акту о передаче имущества, изъятого МГБ СССР у Маршала Советского Союза Г. К. ЖУКОВА.

Опись № 1 — Драгоценности и другие изделия из золота, серебра, платины
Опись № 2 — Художественные картины музейной ценности
Опись № 3 — Гобелены и ковры
Опись № 4 — Меха
Опись № 5 — Шерстяные ткани, сукно, шелка, бархат, кожа и другие предметы
Опись № 6 — Шерстяные ткани, шелка, бархат
Опись № 7 — Ткани хлопчатобумажные и шелковые
Опись № 8 — Ткани хлопчатобумажные и шелковые
Опись № 9 — Стильная мебель
Опись № 10 — Радиола
Опись № 11 — Музыкальные инструменты
Опись № 12 — Охотничьи ружья
Опись № 13 — Антикварные вазы, статуэтки, часы и другие предметы
Опись № 14 — Антикварные вазы, фигуры, часы, столовая и чайная посуда.

СОВ. СЕКРЕТНО

экз. № 1.

СССР

МИНИСТЕРСТВО ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

«6» февраля 1948 г.

№ 3738/А

гор. МОСКВА

СОВЕТ МИНИСТРОВ СССР

товарищу СТАЛИНУ И. В.

При этом представляю протокол допроса арестованного генерал-майора СИДНЕВА А. М., бывш. начальника оперативного сектора МВД в Берлине о мародерстве и грабежах в Германии.

Бывш. начальник финансового отдела аппарата СЕРОВА в Германии САЧКОВ и бывш. начальник финотдела берлинского оперативного сектора МВД НОЧВИН, которые для того, чтобы замести следы преступлений, участвовали в сожжении документов о количестве наворованных СИДНЕВЫМ и другими ценностей и германских марок — нами арестованы.

По показаниям СИДНЕВА и БЕЖАНОВА, как активный жулик, проходит ТУЖЛОВ — бывш. секретарь СЕРОВА, ныне слушатель Военного института Министерства Внутренних Дел СССР.

Прошу Вашего разрешения арестовать ТУЖЛОВА.

АБАКУМОВ

Разослано:
т. Сталину
т. Кузнецову.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

арестованного С И Д Н Е В А Алексея Матвеевича

от 6 февраля 1948 года.

СИДНЕВ А. М., 1907 года рождения, уроженец гор. Саратова, с незаконченным высшим образованием, член ВКП(б) с 1931 года.

Бывший начальник оперативного сектора МВД в Берлине. Последнее время работал Министром государственной безопасности Татарской АССР, генерал-майор.

ВОПРОС: — Какой период времени вы работали в Германии?
ОТВЕТ: — С 1945 по 1947 год я работал начальником оперативного сектора МВД гор. Берлина. В ноябре 1947 года я получил новое назначение и из Германии уехал в Казань.
ВОПРОС: — После вашего отъезда из Берлина были вскрыты крупные хищения ценных вещей и золота, в которых вы принимали непосредственное участие. Показывайте об этом.
ОТВЕТ: — Говоря откровенно, я давно беспокоился, ожидая, что будут вскрыты преступления, совершенные мною в Германии, и мне придется за них отвечать.

Как известно, частями Советской Армии, овладевшими Берлином, были захвачены большие трофеи. В разных частях города то и дело обнаруживались хранилища золотых вещей, серебра, бриллиантов и других ценностей. Одновременно было найдено несколько огромных хранилищ, в которых находились дорогостоящие меха, шубы, разные сорта материи, лучшее белье и много другого имущества. О таких вещах, как столовые приборы и сервизы, я уже не говорю, их было бесчисленное множество. Эти ценности и товары различными лицами разворовывались.

Должен прямо сказать, что я принадлежал к тем немногим руководящим работникам, в руках которых находились все возможности к тому, чтобы немедленно организовать охрану и учет всего ценного, что было захвачено советскими войсками на территории Германии. Однако никаких мер к предотвращению грабежей я не предпринял и считаю себя в этом виновным.
ВОПРОС: — Вы и сами занимались грабежом?
ОТВЕТ: — Я это признаю. Не считаясь с высоким званием советского генерала и занимаемой мною ответственной должностью

в МВД, я, находясь в Германии, набросился на легкую добычу и, позабыв об интересах государства, которые мне надлежало охранять, стал обогащаться.

Как не стыдно теперь об этом рассказывать, но мне ничего не остается, как признать, что я занимался в Германии воровством и присвоением того, что должно было поступить в собственность государства.

При этом я должен сказать, что, отправляя на свою квартиру в Ленинград это незаконно приобретенное имущество, я, конечно, прихватил немного лишнего.

ВОПРОС: — Обыском на вашей квартире в Ленинграде обнаружено около сотни золотых и платиновых изделий, тысячи метров шерстяной и шелковой ткани, около 50 дорогостоящих ковров, большое количество хрусталя, фарфора и другого добра.

Это по вашему «немного лишнего»?

ОТВЕТ: — Я не отрицаю, что привез из Германии много ценностей и вещей.

ВОПРОС: — Вам предъявляются фотоснимки изъятых у вас при обыске 5 уникальных большой ценности гобеленов работы фламандских и французских мастеров XVII и XVIII веков.

Где вы утащили эти гобелены?

ОТВЕТ: — Гобелены были обнаружены в подвалах германского Рейхсбанка, куда их сдали во время войны на хранение какие-то немецкие богачи.

Увидев их, я приказал своему коменданту АКСЕНОВУ отправить их ко мне на ленинградскую квартиру.

ВОПРОС: — Но этим гобеленам место только в музее. Зачем же они вам понадобились?

ОТВЕТ: — По совести сказать, я даже не задумывался над тем, что я ворую. Подвернулись эти гобелены мне под руку, я их и забрал.

ВОПРОС: — Однако, вы воровали не все подряд, а лишь наиболее ценные вещи. Следовательно, вы не обычный вор?

ОТВЕТ: — Конечно, я брал себе наиболее ценное, но что еще было мною присвоено, я сейчас не помню.

ВОПРОС: — Мы вам напомним. Дамскую сумочку, сделанную из чистого золота, вы где взяли?

ОТВЕТ: — Точно не помню, где я прихватил эту сумку. Думаю, что она была взята мною или женой в подвале Рейхсбанка.

ВОПРОС: — А три золотых браслета с бриллиантами вы где «прихватили»?

ОТВЕТ: — Эти браслеты были мною взяты в одном из обнаруженных немецких хранилищ, где именно — не помню. Если не ошибаюсь, один из золотых браслетов мне принес бухгалтер берлинского оперсектора НОЧВИН.

ВОПРОС: — 15 золотых часов, 42 золотых кулона, колье, брошей, серег и цепочек, 15 золотых колец и другие золотые вещи, изъятые у вас при обыске, где вы украли?

ОТВЕТ: — Так же, как и золотые браслеты, я похитил эти ценности в немецких хранилищах.
ВОПРОС: — Вы очищали не только немецкие хранилища, но и грабили арестованных, как разбойник с большой дороги.
ОТВЕТ: — Ценностей арестованных я не присваивал.
ВОПРОС: — Врете. Ваш бывший адъютант АЛЕКСЕЕВ П. В. изобличает вас именно в том, что вы грабили арестованных.

АЛЕКСЕЕВ показал:

«Летом 1945 года СИДНЕВ приказал мне выехать к майору ЗАХАРОВУ, взять там у арестованного немца ценности и доставить к нему — СИДНЕВУ, а арестованного немца также забрать с собой, но по пути высадить из машины и отпустить на все четыре стороны.

Это приказание мною было выполнено. Я доставил СИДНЕВУ изъятые у этого немца золотые часы, отделанный золотом автоматический карандаш, 4 отреза шерсти высокого качества и меховые шкурки на два котиковых пальто.

Тогда же я доложил СИДНЕВУ, что, согласно его приказанию, я забрал с собой у ЗАХАРОВА арестованного немца и по дороге отпустил его. Фамилия этого немца, насколько помню, ЗАЛЬБЕР».

Вы признаете это?
ОТВЕТ: — Возможно такой случай и имел место, но я его не помню.
ВОПРОС: — Шестьсот серебряных ложек, вилок и других столовых предметов вы также украли?
ОТВЕТ: — Да, украл.
ВОПРОС: — Можно подумать, что к вам ходили сотни гостей. Зачем вы наворовали столько столовых приборов?
ОТВЕТ: — На этот вопрос я затрудняюсь ответить.
ВОПРОС: — 32 дорогостоящих меховых изделия, 178 меховых шкурок, 1500 метров высококачественных шестяных, шелковых, бархатных тканей и других материалов, 405 пар дамских чулок, 78 пар обуви, 296 предметов одежды — все это лишь часть изъятых у вас вещей.

Вы что собирались торговать всей этой добычей?
ОТВЕТ: — Торговать, конечно, я не собирался. Все это наворовал частично сам, при активном участии жены, а большинство имущества для меня доставали комендант оперсектора АКСЕНОВ и мой родственник КУЗНЕЦОВ, выписанный мною в Берлин из СССР и назначенный оперуполномоченным по учету в оперативный сектор.
ВОПРОС: — Теперь может быть вы сами скажете, что еще вы награбили в Германии?
ОТВЕТ: — Мне сейчас трудно перечислить все то, что я в течение длительного времени разными путями направил на свою ленинградскую квартиру. Могу лишь ориентировочно сказать, что из Германии я вывез для себя более 40 битком набитых че-

моданов, ящиков и тюков, в которых было много различного белья, высших сортов материи, мужские и дамские костюмы, меховые женские шубы, черно-бурые лисы, женская и мужская обувь, фотоаппараты, радиолы, хрустальные вазы, антикварные вещи и другое имущество.

Часть этого имущества я месяц тому назад переправил к своему новому месту жительства в гор. Казань.

Кроме того, из Берлина в начале декабря 1947 года мною отправлены в Казань мебель из красного дерева для спальни и столовой, рояль, киноустановка и другие вещи.

ВОПРОС: — Как получилось, что вы стали мародером?

ОТВЕТ: — Сидя в тюрьме, я и сам неоднократно задавал себе этот вопрос. Ведь я с 1928 года находился в Советской Армии, был хорошим командиром и честным коммунистом и когда в 1939 году заканчивал Военно-инженерную академию им. Куйбышева, то по партийной линии был мобилизован в органы НКВД и направлен на руководящую работу. На этой работе я был всем обеспечен, честно и с любовью относился к труду. Отечественная война застала меня на работе в Особом отделе НКВД и с армией я переносил все тяготы. В 1944 году, являясь заместителем начальника Управления «СМЕРШ» 1-го Украинского фронта, я на территории Польши встретился с СЕРОВЫМ, являвшимся в то время Уполномоченным НКВД по указанному фронту. Под его руководством я проводил работу в Польше, а затем, когда советские войска захватили Берлин, СЕРОВ добился моего перевода на работу в НКВД и назначил начальником берлинского оперсектора.

На этой работе СЕРОВ приблизил меня к себе, я стал часто бывать у него и с этого времени началось мое грехопадение.

Полностью сознавая свою вину перед партией и государством за преступления, которые я совершил в Германии, я просил бы только учесть, что надо мной стоял СЕРОВ, который, являясь моим начальником, не только не одернул меня, а, наоборот, поощрял этот грабеж и наживался в значительно большей степени, чем я.

Вряд ли найдется такой человек, который был в Германии и не знал бы, что СЕРОВ являлся, по сути дела, главным воротилой по части присвоения награбленного.

Самолет СЕРОВА постоянно курсировал между Берлином и Москвой, доставляя без досмотра на границе всякое ценное имущество, меха, ковры, картины и драгоценности для СЕРОВА. С таким же грузом в Москву СЕРОВ отправлял вагоны и автомашины.

Надо сказать, что СЕРОВ свои жульнические операции проводил очень искусно. Направляя трофейное имущество из Германии в Советский Союз для сдачи в фонд государства, СЕРОВ под прикрытием этого большое количество ценностей и вещей брал себе.

Следуя примеру СЕРОВА, я также занимался хищениями ценностей и вещей, правда, за часть из них я расплачивался деньгами.

ВОПРОС: — Но ведь и деньги вами тоже были украдены?

ОТВЕТ: — Я денег не крал.

ВОПРОС: — Неправда. Арестованный бывш. начальник оперативного сектора МВД Тюрингии БЕЖАНОВ Г. А. на допросе показал, что вы присвоили большие суммы немецких денег, которые использовали для личного обогащения.

Правильно показывает БЕЖАНОВ?

ОТВЕТ: — Правильно. При занятии Берлина одной из моих оперативных групп в рейхсбанке было обнаружено более 40 миллионов немецких марок.

Примерно столько же миллионов марок было изъято нами и в других хранилищах в районе Митте (Берлин).

Все эти деньги были перевезены в подвал здания, в котором размещался берлинский оперативный сектор МВД.

ВОПРОС: — Но этот подвал с деньгами находился в вашем ведении?

ОТВЕТ: — Да, в моем.

ВОПРОС: — Сколько же всего там находилось денег?

ОТВЕТ: — В подвале находилось около 100 мешков, в которых было более 80 миллионов марок.

ВОПРОС: — Какое вы имели право держать у себя такое количество денег, не сдавая их в советский государственный банк?

ОТВЕТ: — Хранение такого количества денег, конечно, было незаконным, но сделано это было по указанию СЕРОВА.

Когда я ему доложил об обнаружении в Берлине мешков с немецкими марками, СЕРОВ сказал, что эти деньги будут для нас очень кстати и приказал их в банк не сдавать, а держать у себя.

ВОПРОС: — За счет этих денег вы и обогащались?

ОТВЕТ: — Да. Значительная часть захваченных денег пошла на личное обогащение.

ВОПРОС: — Кого?

ОТВЕТ: — Больше всего поживились за счет этих денег СЕРОВ и я. Попользовались этими деньгами также КЛЕПОВ и БЕЖАНОВ, работавшие начальниками оперативных секторов МВД в Германии.

ВОПРОС: — Как вы разворовывали миллионы, находившихся у вас немецких денег?

ОТВЕТ: — Это делалось очень просто. СЕРОВ присылал мне, так называемые, заявки начальников оперативных секторов со своими резолюциями о выдаче им денег.

Эти заявки, как правило, мотивировались необходимостью расходов по строительству и хозяйственным нуждам оперативных секторов. За счет этих сумм действительно покрывались расходы по оперативным секторам, а часть денег разворовывалась.

Наряду с этим СЕРОВ раздавал ежеквартально каждому начальнику оперативного сектора, так называемые, безотчетные суммы, определяемые в несколько десятков тысяч марок, которые в большей части использовались ими на личные нужды.

Все выдачи денег производились в моем оперативном секторе бухгалтером НОЧВИНЫМ.

Таким путем каждый из начальников секторов получил из моего подвала по нескольку миллионов рейхсмарок, а я лично, с разрешения СЕРОВА, взял для расходов по берлинскому сектору более 8 миллионов марок, часть которых использовал на личные нужды, но сколько именно, я сейчас указать не могу.

Около ста тысяч германских марок были мною присвоены еще в 1945 году, при обнаружении их в подвалах Рейхсбанка.

О том, что значительная часть средств, отпускаемых как бы для служебных целей, разворовывалась, можно судить хотя бы потому, что СЕРОВ, имея в своем аппарате всего лишь 20 сотрудников, систематически присылал ко мне своего секретаря ТУЖЛОВА с записочками, содержавшими указания выдать ту или иную сумму денег. В таком незаконном порядке СЕРОВ только от меня получил около миллиона немецких марок.

Помимо этого, ТУЖЛОВ брал у бухгалтера НОЧВИНА деньги и без моего ведома, поскольку НОЧВИН имел от меня указание для СЕРОВА выдавать деньги беспрепятственно.

ВОПРОС: — Вы умышленно преуменьшаете количество денег, украденных вами и вашими сообщниками. С какой целью вы это делаете?

ОТВЕТ: — Я ничего не скрываю, но не могу назвать более точных сумм, взятых СЕРОВЫМ, КЛЕПОВЫМ, БЕЖАНОВЫМ и другими лицами потому, что если даже они и отчитывались за взятые деньги, то такие записочки они направляли непосредственно в бухгалтерию аппарата СЕРОВА, где работали САЧКОВ и КРУПЕНИН.

У моего бухгалтера НОЧВИНА хранились лишь записи на выданные деньги, но и их впоследствии забрал к себе СЕРОВ.

ВОПРОС: — В связи с чем?

ОТВЕТ: — В связи с передачей оперативной работы в Германии в ведение МГБ СССР, в октябре 1946 года меня вызвал СЕРОВ и предложил отправить ему все имеющиеся записи о расходовании немецких марок, а также сдать остаток имеющихся немецких денег.

Из этого я понял, что СЕРОВ серьезно обеспокоен возможностью вскрытия всех преступлений, которые СЕРОВЫМ, мною, КЛЕПОВЫМ и БЕЖАНОВЫМ были совершены.

Поэтому, возвратившись от СЕРОВА, я предложил бухгалтеру НОЧВИНУ отвезти в аппарат СЕРОВА все записи на выданные деньги и находившиеся у меня 3 миллиона немецких марок. Это указание НОЧВИН выполнил.

Необходимо указать, что в переданных СЕРОВУ записях на выданные деньги, значилось несколько десятков миллионов немецких марок, сколько именно не помню, которые в течение 1945—1946 гг. по моему указанию были сданы НОЧВИНЫМ в Государственный банк.

ВОПРОС: — Вам известно, где находятся сейчас все записи по расходованию немецких марок?

ОТВЕТ: — Как мне рассказывал НОЧВИН, папки с отчетными материалами об израсходованных немецких марках, собранные со всех секторов, в том числе и записи на выданные мною деньги, были по указанию СЕРОВА сожжены.

Остался лишь перечень наименований сожженных материалов, составленный работниками финансовой группы аппарата СЕРОВА.

ВОПРОС: — Кто именно сжигал эти отчетные материалы и записи?

ОТВЕТ: — Я этого не знаю, но вероятнее всего в сожжении участвовали финансовые работники аппарата СЕРОВА или его секретарь ТУЖЛОВ, а может быть и все вместе.

ВОПРОС: — Но ведь эти материалы небходимо было передать вновь назначенному Уполномоченному МГБ СССР в Германии?

ОТВЕТ: — Правильно, но это было не в наших интересах.

Я считаю, что СЕРОВ дал указание сжечь все эти материалы для того, чтобы замести следы, так как, если бы они сохранились, то все преступления, совершенные СЕРОВЫМ, мною, КЛЕПОВЫМ, БЕЖАНОВЫМ и другими приближенными к нему лицами, были бы вскрыты гораздо раньше и, видимо, мы бы давно сидели в тюрьме.

ВОПРОС: — А куда вы девали отчетность об изъятом золоте и других ценностях, находившихся у вас?

ОТВЕТ: — Эта отчетность так же, как и отчетность по немецким маркам, была передана в аппарат СЕРОВА и там сожжена.

ВОПРОС: — Вы это сделали для того, чтобы скрыть хищение золота и других ценностей?

ОТВЕТ: — Я сдал эти документы СЕРОВУ потому, что он их у меня потребовал.

О расхищении ценностей с моей стороны я уже дал показания. Присваивал ценности также и СЕРОВ, поэтому, очевидно, была необходимость уничтожить эти документы, чтобы спрятать концы в воду.

ВОПРОС: — Не отделывайтесь общими фразами, а говорите, что вам известно о расхищении СЕРОВЫМ золота?

ОТВЕТ: — Наряду с тем, что основная часть изъятого золота, бриллиантов и других ценностей сдавалась в Государственный банк, СЕРОВ приказал мне все лучшие золотые вещи передавать ему непосредственно.

Выполняя это указание, я разновременно передал в аппарат

СЕРОВА в изделиях, примерно, 30 килограммов золота и других ценностей.

СЕРОВ мне говорил, что все эти ценности он отправляет в Москву, однако, я знаю, что свыше десяти наиболее дорогостоящих золотых изделий СЕРОВ взял себе.

ВОПРОС: — Откуда вы это знаете?

ОТВЕТ: — Я это лично видел. Являясь к СЕРОВУ с докладом об изъятых ценностях, я приносил ему для просмотра наиболее дорогие образцы золотых изделий и бриллиантов. СЕРОВ в таких случаях долго вертел эти ценности в руках, любовался ими, а затем часть из них оставлял у себя.

Помимо меня, много золотых вещей давали СЕРОВУ и другие начальники секторов.

Кроме присвоения ценностей и немецких марок СЕРОВ, как я уже показывал ранее, занимался грабежом ценного имущества.

Жена СЕРОВА и его секретарь ТУЖЛОВ неоднократно приезжали на склад берлинского оперативного сектора, где отбирали в большом количестве ковры, гобелены, лучшее белье, серебряную посуду и столовые приборы, а также другие вещи и увозили с собой.

ТУЖЛОВ и адъютант СЕРОВА — ХРЕНКОВ разъезжали по Германии и отбирали для СЕРОВА ценные вещи.

Все указанное, а также и другое награбленное СЕРОВЫМ имущество отправлялось из Германии к нему в Москву.

Неоднократно провожая СЕРОВА с аэродрома в Берлине, я сам видел, как его самолет загружался сундуками, чемоданами, тюками и узлами.

СЕРОВ вывез из Германии много добра и я даже не могу себе представить, где он мог его разместить.

Следуя примеру СЕРОВА, я и сам рассылал своих людей — АЛЕКСЕЕВА, КУЗНЕЦОВА и АКСЕНОВА по разным районам Берлина, где они добывали для меня лучшую одежду, материалы и ценности.

Много ценных вещей я так же, как и СЕРОВ, забрал со склада берлинского оперативного сектора.

Пользуясь самолетами Советской военной администрации в Германии и самолетом СЕРОВА, я сам, а иногда с АЛЕКСЕЕВЫМ переотправлял все это в Ленинград.

Мародерством и грабежом вещей и ценностей занимались также КЛЕПОВ и БЕЖАНОВ.

БЕЖАНОВ, как мне известно, работая начальником оперативного сектора МВД в Тюрингии, жил как помещик, свез к себе в дом большое количество ценного имущества, принадлежавшего богачам Тюрингии, пустил в ход пивоваренный завод какого-то крупного эсэсовца и пользовался прибылями от этого завода.

КЛЕПОВ, так же, как и БЕЖАНОВ, организовал в Германии для себя барское житье. В своем особняке в Саксонии он имел много ценных вещей и уникальную мебель; занимаясь воровст-

вом, КЛЕПОВ принял деятельное участие в расхищении склада мехов, обнаруженного в Лейпциге.
ВОПРОС: — Как все эти вопиющие злоупотребления могли сходить вам безнаказанно?
ОТВЕТ: — Я уже показывал, что весь наш грабеж мы чинили под видом изъятия и отправки в Советский Союз трофейного имущества. Кроме того я, КЛЕПОВ, и БЕЖАНОВ пользовались покровительством СЕРОВА, который считал себя хозяином положения в Германии. Поэтому все наши грязные дела сходили нам с рук, и мы считали, что с таким человеком, как СЕРОВ, мы не пропадем.

Особенно хорошо относился СЕРОВ ко мне, потому что в подвале моего сектора хранились деньги и другое ценное имущество, которые я беспрепятственно выдавал СЕРОВУ. К тому же я знал, что СЕРОВ, часто выезжая в Москву, каждый раз увозил с собой большое количество ценных вещей. Я не сомневаюсь, что СЕРОВ такую мою осведомленность, конечно, принимал в расчет.

Должен прямо сказать, что между СЕРОВЫМ, мною, КЛЕПОВЫМ и БЕЖАНОВЫМ установилась круговая порука, все мы воровали и оказывали друг другу в этом помощь. Большое значение имело также подхалимство, процветавшее среди нас по отношению к СЕРОВУ.

Последний, в свою очередь, поощрял нас и умело использовал в своих личных целях.
ВОПРОС: — Приведите факты.
ОТВЕТ: — Начну с себя. Я не раз выполнял сугубо личные поручения СЕРОВА, которые иначе, как подхалимажем назвать нельзя.

Помню, как однажды СЕРОВ поручил мне, где угодно, достать две комнатных собачки английской породы с бородками, предназначавшиеся, видимо, кому-то в подарок. Это задание оказалось довольно трудным, но благодаря приложенным стараниям собачки с бородками были куплены по 15 тысяч марок за штуку.

Вообще должен сказать, что СЕРОВ уделял очень много внимания приобретению различных вещей и предметов для преподношения подарков каким-то своим связям.

В этих целях СЕРОВ изготовил в подчиненных мне авторемонтных мастерских 5—6 специальных радиол.

СЕРОВ где-то отыскал немецкого техника, который специально разработал конструкцию радиол и составил чертежи, а СЕРОВ лично корректировал их. Дерево для изготовления радиол было содрано со стен кабинета Гитлера в имперской канцелярии.

Много времени СЕРОВ потратил также на поиски глубокого старика ЗАУЭРА — владельца оружейного завода, у которого с помощью БЕЖАНОВА заказал более десятка ружей, часть из которых была изготовлена с особой отделкой.

Через КЛЕПОВА и БЕЖАНОВА, СЕРОВ также заказывал фотоаппараты на заводе ЦЕЙСА в Иене, отделанные золотом сервизы на одной из фарфоровых фабрик в Тюрингии, куда он специально приезжал, и другие ценные вещи.

ВОПРОС: — Кому СЕРОВ дарил изготовленные им по заказу ружья, радиолы, сервизы и фотоаппараты?

ОТВЕТ: — Мне известно, что одну из радиол СЕРОВ подарил маршалу ЖУКОВУ, несколько радиол было отправлено кому-то в Москву. Для кого им были изготовлены ружья, сервизы и фотоаппараты я не знаю.

Я знаю также, что СЕРОВ подарил дамские золотые часы американскому генералу, фамилию не помню, являвшемуся одним из комендантов Берлина. Эти часы достал СЕРОВУ я.

В период конференции глав четырех держав в Потсдаме, СЕРОВ дал мне указание достать для него дюжину часов для подарков. Я это указание выполнил. Кому СЕРОВ их роздал мне не известно.

Лично мне СЕРОВ подарил два сервиза и ружье.

ВОПРОС: — По какому случаю СЕРОВ вам сделал эти подарки?

ОТВЕТ: — Я уже показал, что СЕРОВ относился ко мне покровительственно. Кроме того, я у него был на хорошем счету, как энергичный работник.

ВОПРОС: — Вы энергично воровали, а работать вам было некогда. Не так ли?

ОТВЕТ: — В мародерстве я уже признал себя виновным. Что касается моего отношения к оперативной работе, то в этой части я аккуратно выполнял возложенные на меня задачи.

ВОПРОС: — Ваше заявление смехотворно. Вы занимались мародерством и грабежом, разложили своих подчиненных и, вместе с тем, у вас хватает совести заявлять, что честно работали.

ОТВЕТ: — В разложении своих подчиненных я виновен и это, конечно, в значительной степени сказалось на оперативной работе. Но и в этом виноват опять-таки в немалой степени СЕРОВ, который почти не руководил мною, будучи, как я уже показывал, занят личными делами. К тому же он очень много времени находился в Москве.

За все время моего пребывания в Германии СЕРОВ был у меня в секторе не более четырех раз и то проездом из его резиденции в Бабельсберге в Карлсхорст, где находилось Управление Советской военной администрации. В каждом из этих случаев СЕРОВ оставался у меня не более пяти минут.

Таким образом, по работе, я, по существу, был предоставлен сам себе. В таком же положении находились и другие начальники оперативных секторов.

СЕРОВ же, помимо того, что занимался устройством своих личных дел, много времени проводил в компании маршала ЖУКОВА, с которым он был тесно связан. Оба они были одинаково нечистоплотны и покрывали друг друга.

ВОПРОС: — Разъясните это ваше заявление?
ОТВЕТ: — СЕРОВ очень хорошо видел все недостатки в работе и поведении ЖУКОВА, но из-за установившихся близких отношений все покрывал.

Бывая в кабинете СЕРОВА, я видел у него на столе портрет ЖУКОВА с надписью на обороте: «Лучшему боевому другу и товарищу на память». Другой портрет ЖУКОВА висел в том же кабинете СЕРОВА на стене.

СЕРОВ и ЖУКОВ часто бывали друг у друга, ездили на охоту и оказывали взаимные услуги. В частности, мне пришлось по поручению СЕРОВА передавать на подчиненные мне авторемонтные мастерские присланные ЖУКОВЫМ для переделки три кинжала, принадлежавшие в прошлом каким-то немецким баронам.

Несколько позже ко мне была прислана от ЖУКОВА корона, принадлежавшая по всем признакам супруге немецкого кайзера. С этой короны было снято золото для отделки стэка, который ЖУКОВ хотел преподнести своей дочери в день ее рождения.

(Допрос прерван.)

Протокол записан с моих слов правильно, мною прочитан.

Сиднев.

ДОПРОСИЛ: СТ. СЛЕДОВАТЕЛЬ СЛЕДСТВЕННОЙ ЧАСТИ ПО ОСОБО ВАЖНЫМ ДЕЛАМ МГБ СССР
подполковник

ПУТИНЦЕВ.

Товарищу СТАЛИНУ И. В.

Я извиняюсь, товарищ СТАЛИН, что еще раз вынужден беспокоить Вас, но сейчас сложилась такая обстановка вокруг меня, что решил написать Вам.

С тех пор, как я послал Вам, товарищ СТАЛИН, объяснительную записку по поводу лживых показаний БЕЖАНОВА, АБАКУМОВ арестовал до 10 человек из числа сотрудников, работавших со мной и в том числе двух адъютантов. Сотрудники МГБ и МВД СССР знают об этих арестах, «показаниях» и открыто говорят, что АБАКУМОВ подбирается ко мне.

Я работаю по-прежнему, не обращая внимания на происходящее, однако, считаю необходимым доложить Вам об этом, товарищ СТАЛИН, т. к. уверен, что АБАКУМОВ докладывает неправду.

Этой запиской я хочу рассказать несколько подробнее, что из себя представляет АБАКУМОВ.

Насколько мне известно, в ЦК ВКП(б) делались заявления о том, что АБАКУМОВ в целях карьеры готов уничтожить любого, кто встанет на его пути. Эта истина известна очень многим честным людям.

Несомненно, что АБАКУМОВ будет стараться свести личные счеты не только со мной, а также и с остальными своими врагами — это с тт. ФЕДОТОВЫМ, КРУГЛОВЫМ, МЕШИКОМ, РАПАВА, МИЛЬШТЕЙНОМ и другими.

Мне АБАКУМОВ в 1943 году заявил, что он все равно когда-нибудь МЕШИКА застрелит. Ну, а теперь на должности Министра имеется полная возможность найти другой способ мести. МЕШИК это знает и остерегается. Также опасаются АБАКУМОВА и другие честные товарищи.

Товарищ СТАЛИН, я не сомневаюсь, что АБАКУМОВУ долго такими методами Вы работать не позволите.

Я приведу несколько фактов, известных мне в результате общения с АБАКУМОВЫМ на протяжении ряда лет.

Сейчас для того, чтобы очернить меня АБАКУМОВ всеми силами старается приплести меня к ЖУКОВУ. Я этих стараний не боюсь, т. к. кроме АБАКУМОВА есть ЦК, который может объективно разобраться. Однако АБАКУМОВ о себе молчит как он расхваливал ЖУКОВА и выслуживался перед ним как мальчик. Приведу факты, товарищ СТАЛИН.

Когда немцы подошли к Ленинграду и там создалось тяжелое положение, то ведь не кто иной, как всезнающий АБАКУМОВ, распространял слухи, что «Жданов в Ленинграде растерялся, боится там оставаться, что Ворошилов не сумел организовать обо-

рону, а вот приехал Жуков и все дело повернул, теперь Ленинград не сдадут».

Теперь АБАКУМОВ, несомненно, откажется от своих слов, но я ему сумею напомнить.

Второй факт. В Германии ко мне обратился из ЦК Компартии УЛЬБРИХТ и рассказал, что в трех районах Берлина англичане и американцы назначили районных судей из немцев, которые выявляют и арестовывают функционеров ЦК Компартии Германии, поэтому там невозможно организовать партийную работу. В конце беседы попросил помощь ЦК в этом деле. Я дал указание негласно посадить трех судей в лагерь.

Когда англичане и американцы узнали о пропаже трех судей в их секторах Берлина, то на Контрольном Совете сделали заявление с просьбой расследовать, кто арестовал судей.

ЖУКОВ позвонил мне и в резкой форме потребовал их освобождения. Я не считал нужным их освобождать и ответил ему, что мы их не арестовывали. Он возмущался и всем говорил, что СЕРОВ неправильно работает. Затем Межсоюзная Комиссия расследовала, не подтвердила факта, что судьи арестованы нами и на этом дело прекратилось. ЦК Компартии развернуло свою работу в этих районах.

АБАКУМОВ, узнав, что ЖУКОВ ругает меня, решил выслужиться перед ним. В этих целях он поручил своему верному приятелю аферисту ЗЕЛЕНИНУ, который в тот период был начальником Управления «Смерш» (ныне находится под следствием), подтвердить, что судьи мной арестованы. ЗЕЛЕНИН узнал об аресте судей и доложил АБАКУМОВУ.

Когда была Первая Сессия Верховного Совета СССР, то АБАКУМОВ, сидя рядом с ЖУКОВЫМ (имеются фотографии в газетах), разболтал ему об аресте мной судей.

По окончании заседания АБАКУМОВ подошел ко мне и предложил идти вместе в Министерство. По дороге АБАКУМОВ начал мне говорить, что он установил точно, что немецкие судьи мной арестованы, и знает, где они содержатся. Я подтвердил это, т. к. перед чекистом не считал нужным скрывать. Тогда АБАКУМОВ спросил меня, а почему я скрыл это от ЖУКОВА, я ответил, что не все нужно ЖУКОВУ говорить. АБАКУМОВ было попытался прочесть мне лекцию, что «Жукову надо все рассказывать», что «Жуков первый заместитель Верховного» и т. д. Я оборвал его вопросом, почему он так усердно выслуживается перед ЖУКОВЫМ. На это мне АБАКУМОВ заявил, что он ЖУКОВУ рассказал об аресте судей и что мне будет неприятность. Я за это АБАКУМОВА обозвал дураком и мы разошлись. А сейчас позволительно спросить АБАКУМОВА, чем вызвано такое желание выслужиться перед ЖУКОВЫМ.

Мне неприятно, товарищ СТАЛИН, вспоминать многочисленные факты самоснабжения АБАКУМОВА во время войны за счет трофеев, но о некоторых из них считаю нужным доложить.

Наверно, АБАКУМОВ не забыл, когда во время Отечественной войны в Москву прибыл эшелон более 20 вагонов с трофейным имуществом, в числе которого ретивые подхалимы АБАКУМОВА из «Смерш» прислали ему полный вагон, нагруженный имуществом с надписью «АБАКУМОВУ».

Вероятно, АБАКУМОВ уже забыл, когда в Крыму еще лилась кровь солдат и офицеров Советской Армии, освобождавших Севастополь, а его адъютант КУЗНЕЦОВ (ныне «охраняет» АБАКУМОВА) прилетел к начальнику Управления контрразведки «Смерш» и нагрузил полный самолет трофейного имущества. Командование фронтовой авиацией не стало заправлять бензином самолет АБАКУМОВА на обратный путь, т. к. горючего не хватало для боевых самолетов, ведущих бой с немцами. Тогда адъютант АБАКУМОВА не растерялся, обманным путем заправил и улетел. Мне об этом жаловался командир авиационного корпуса и показывал расписку адъютанта АБАКУМОВА. Вот какие подлости выделывал АБАКУМОВ во время войны, расходуя моторесурсы самолета СИ-47 и горючее. Эти безобразия и поныне прикрываются фразой: «Самолет летал за арестованными». Сейчас АБАКУМОВ свои самолеты, прилетающие из-за границы, на Контрольных пунктах в Москве не даст проверять, выставляя солдат МГБ, несмотря на постановление Правительства о досмотре всех без исключения самолетов.

Пусть АБАКУМОВ расскажет в ЦК про свое трусливое поведение в тяжелое время войны, когда немцы находились под Москвой. Он ходил как мокрая курица, охал и вздыхал, что с ним будет, а делом не занимался. Его трусость была воспринята и подчиненными аппарата. Своего подхалима ИВАНОВА, ведавшего хозяйственными вопросами, АБАКУМОВ посылал к нам снимать мерку с ног для пошивки болотных сапог, чтобы удирать из Москвы. Многим генералам и себе АБАКУМОВ пошил такие сапоги. Ведь остававшиеся в Москве, в тот период, генералы видели поведение АБАКУМОВА.

Пусть АБАКУМОВ откажется, как он в тяжелые дни войны ходил по городу, выбирал девушек легкого поведения и водил их в гостиницу «Москва».

А сейчас он забыл это и посадил в тюрьму подполковника ТУЖЛОВА, который в первые дни войны был начальником пограничной заставы, в течение семи часов вел бой с немцами до последнего патрона, был ранен и получил орден «Красного Знамени».

Конечно, сейчас АБАКУМОВ, вероятно, «забыл» о разговоре, который у нас с ним происходил в октябре месяце 1941 года о положении под Москвой и какую он дал тогда оценку. АБАКУМОВ по секрету сообщил мне, что «Прибыли войска из Сибири, кажется, дело под Москвой должно пойти лучше». На это я ответил ему «Товарищ СТАЛИН под Москвой повернул ход войны, его за спасение Москвы народ на руках будет носить». И при

этом рассказал лично слышанные от Вас, товарищ СТАЛИН, слова, когда Вам покойный ЩЕРБАКОВ доложил, что у него перехвачен приказ Гитлера, в котором он указывает, что 7 ноября будет проводить парад войск на Красной Площади.

Когда Вы на это спокойно и уверенно сказали: «Дурак этот Гитлер! Он и не представляет себе как побежит без оглядки из России».

Эти Ваши слова я рассказал АБАКУМОВУ, он не смеет отказаться, если хоть осталась капля совести. Эти Ваши слова я рассказал многим.

После разгрома немцев под Сталинградом, АБАКУМОВ начал мне рассказывать, что «там хорошо организовали операции по разгрому немцев маршалы РОКОССОВСКИЙ, ВОРОНОВ и другие». Я ему на это прямо сказал, что организовали разгром немцев под Сталинградом не маршалы, а товарищ Сталин и добавил «Не будь товарища СТАЛИНА мы погибли бы с твоими маршалами. Товарищу СТАЛИНУ обязан весь русский народ». АБАКУМОВ на это не нашелся ничего сказать как «да». Да оно и понятно, ведь АБАКУМОВ не способен на политическую оценку событий.

Мне во время войны приходилось чаще по службе и реже в быту встречаться с АБАКУМОВЫМ. Я наблюдал и изучал его. У меня составилось определенное о нем мнение, которое полностью подтвердили последние события.

Для того, чтобы создать о себе славу, он идет на любую подлость, даже в ущерб делу.

Сейчас под руководством АБАКУМОВА созданы невыносимые условия совместной работы органов МГБ и МВД. Как в центре, так и на периферии работники МГБ стараются как можно больше скомпрометировать органы МВД. Ведь АБАКУМОВ на официальных совещаниях выступает и презрительно заявляет, что «теперь мы очистились от этой милиции. МВД больше не болтается под ногами» и т. д.

Ведь между органами МГБ и МВД никаких служебных отношений, необходимых для пользы дела — не существует. Такого враждебного периода в истории органов никогда не было. Партийные организации МГБ и МВД не захотели совместным заседанием почтить память ЛЕНИНА, а проводили раздельно и при этом парторганизация МГБ не нашла нужным пригласить хотя бы руководство МВД на траурное заседание.

Ведь АБАКУМОВ навел такой террор в Министерстве, что чекисты, прослужившие вместе 20—25 лет, а сейчас работающие одни в МВД, а другие в МГБ, при встречах боятся здороваться, не говоря уже о том, чтобы поговорить. Если кому-либо из работников МГБ требуется по делу придти ко мне, то нужно брать особое разрешение от АБАКУМОВА. Об этом мне официально сообщали начальник отдела МГБ ГРИБОВ и другие.

Ведь в МГБ можно только хвалить руководство, говорить о достижениях в работе и ругать прежние методы работы.

Во внутренних войсках, переданных из МВД в МГБ офицерам запрещено вспоминать о проведенных операциях во время войны (по переселению немцев, карачаевцев, чечено-ингушей, калмыков и др.). Можно только ругать эти операции.

А ведь осенняя операция МГБ по украинским националистам была известна националистам за десять дней до начала и многие из них скрылись. Это ведь факт. А АБАКУМОВ за операцию представил сотни сотрудников к наградам.

Не так давно АБАКУМОВ вызывал одного из начальников Управления и ругал за то, что тот не резко выступал на партсобрании против старых методов работы МГБ.

Везде на руководящие должности назначены работники «Смерш», малоопытные в работе территориальных органов МГБ. Сотрудники МГБ запуганы увольнениями с работы и расследованиями.

Всем известно, что АБАКУМОВ не проверил работу ни одного органа «Смерш» и боится это сделать, т. к. найдет там много безобразий.

Приезжающие с периферии сотрудники МГБ рассказывают, что там у многих районных отделов МГБ в течение года не было ни одного арестованного. Спрашивается, что делают 3—4 сотрудника РО МГБ в течение года.

А ведь Вам известно, товарищ СТАЛИН, сколько прибыло в страну репатриантов, а среди них и англо-американских шпионов.

Ведь АБАКУМОВ обманул ЦК и провел в штаты МГБ Управление СУДОПЛАТОВА, которое в течение полутора лет ничем не занимается в ожидании работы.

В Управлении кадров МГБ десятки генералов и полковников ходят безработными по году и получают жалованье по 5—6 тысяч. Секрет заключается в том, что эти генералы на работе осрамились, а вместе с тем для АБАКУМОВА нужные, вот и выжидается момент, куда их можно потом «выдвинуть».

Ради личного престижа АБАКУМОВ готов идти на антигосударственные дела.

Я расскажу Вам, товарищ СТАЛИН, историю передачи московской милицией в МГБ регулировщиков уличного движения.

В МВД СССР стали поступать заявления от трудящихся столицы и от приезжих граждан, что милиционеры на главных улицах Москвы грубят и не желают разговаривать с населением. При этом указывали номера постов, где эти милиционеры стоят. Когда мы занялись проверкой, то оказалось во всех случаях это были сотрудники охраны МГБ, стоявшие в форме милиции. Мы вынуждены были написать об этом АБАКУМОВУ. Вместо принятия мер, АБАКУМОВ попросил меня зайти и вместе с ВЛАСИКОМ начали оскорблять меня и тов. КРУГЛОВА, заявляя

при этом, что если они захотят, то заберут всех регулировщиков к себе.

Действительно, через двое суток поступило распоряжение о передаче регулировщиков в МГБ.

Сейчас работники МГБ сами говорят, что регулировщики им не нужны, да и практически получается нелепо. На парном посту теперь стоят по 4 человека. Вдоль улицы Горького в 100 метрах друг от друга стоят сотрудники МГБ. Зачем, спрашивается, тратить вдвойне государственные средства. А ведь это делается, товарищ СТАЛИН, под видом усиления охраны членов Правительства.

АБАКУМОВ чувствует, что рано или поздно вскроются все его дела, поэтому он сейчас и старается убрать лиц, знающих об этих и других фактах.

Товарищ СТАЛИН! Прошу Вас поручите проверить факты, приведенные в этой записке и все они подтвердятся. Я уверен, что в ходе проверки вскроется очень много других фактов, отрицательно влияющих на работу Министерства Государственной Безопасности.

Вместе с этим, я очень прошу Вас, дорогой товарищ СТАЛИН, поручите комиссии ЦК ВКП(б) разобраться с делом, которое создал АБАКУМОВ против меня для того, чтобы свести со мной личные счеты.

И. СЕРОВ

8 февраля 1948 года

Копия

В ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ КПСС

Заключенного Крюкова Владимира Викторовича, рожд. 1897 г., осужденного по ст. 58—10 ч. 1 и Закону от 7.VIII.32 г. Срок наказания — 25 ИТЛ и 5 лет поражение прав. Наказание отбываю в Иркутской обл. г. Тайшет, п/я № 215/603.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Я родился в 1897 г. в семье почтальона в сл. Бутурлиновке Воронежской области. Позже мой отец стал телеграфистом. Состоял в партии ВКП(б) с 1917 г. по 1922 г.— по день своей смерти.

В 1914 г. я окончил реальное училище, а в 1915 г. поступил вольноопределяющимся в зап. полк. По окончании учебной команды был направлен в школу прапорщиков, по окончании которой в 1916 г. был направлен на фронт. В 1917 г. был избран членом полкового комитета. В 1918 г. добровольцем вступил в красногвардейский отряд тов. Петрова. В составе этого отряда сражался на Южном фронте против белогвардейских банд. После организации Красной Армии до конца гражданской войны занимал должности, начиная от командира взвода до командира полка включительно, сражаясь с белогвардейскими бандами на Восточном и Южном фронтах. Был ранен.

По окончании гражданской войны был направлен на учебу в Высшую офицерскую кавалерийскую школу, по окончании которой, а затем ВАКа в 1940 г. я занимал должности, начиная от н-ка полковой школы до командира кав. корпуса включительно.

Во время финской войны в 1939/40 гг. командовал стр. полком, с коим одним из первых прорвал линию Маннергейма, за что полк был награжден орденом Красного Знамени, а я — орденом Ленина.

Великую Отечественную войну начал в должности командира мотостр. дивизии, а затем с марта 1942 г. был назначен командиром 2 гв. кав. корпуса, которым и прокомандовал до ноября 1945 г., после его расформирования я был назначен начальником Высшей офицерской школы, а в ноябре 1947 г. был назначен зам. командира 36 гв. стр. корпуса. За время Отечественной войны я с корпусом участвовал в целом ряде рейдов. 2 гв. кав. корпус неоднократно отмечался в приказах Верховного Главнокомандующего. За время моего командования корпус был награж-

ден орденом Красного Знамени и орденом Суворова II ст. За бои в Померании корпусу было присвоено наименование «Померанский». Все части, входящие в состав корпуса, неоднократно были награждены различными орденами и наименованиями.

Я лично за время Отечественной войны был награжден: «Золотой Звездой» Героя Советского Союза, двумя орденами Ленина, орденом Красного Знамени, орденом Суворова I ст., орденом Кутузова I ст., двумя орденами Суворова II ст. и целым рядом различных медалей, а также орденами «Вартути Милитари» и «Крест Грундвальда» Польской республики.

Последнее мое звание было генерал-лейтенант. Состоял в КПСС с 1941 года.

Отмеченные награды корпуса, а также и мои говорят за то, что я честно сражался за дело партии и Советского правительства.

В 1948 г. 18 сентября я был арестован органами МГБ. В 4 часа утра ко мне на квартиру явилось человек 5, предъявили ордер на арест, подписанный министром МГБ. 15 минут мне было дано на сборы, после чего я был направлен во внутреннюю тюрьму МГБ. Обыск на квартире производился без меня, а также и без моей жены, которая отсутствовала. Дочь мою 14-летнюю отправили к моей сестре. Таким образом, обыск производился при полном отсутствии хозяев. После соответствующей обработки в тюрьме я был вызван к зам. н-ка следственной части полковнику Лихачеву, который сразу мне заявил: «Помни, что ты теперь уже не генерал, а арестант, и разговоры с тобой будут коротки. Если ты вздумаешь запираться в своих показаниях, будем бить тебя, как «сидорову козу». На мои возражения о том, что МГБ мне звания не присваивало и не оно меня будет лишать, а применять избиения подследственных в Советском Союзе никому права не дано. На это полковник Лихачев заявил: «Этот вопрос согласован где надо, мы самостоятельно не избиваем». «Но позвольте,— я ему говорю,— я же только пока что подследственный и никем пока что не разжалован». «Иди сюда»,— и Лихачев подводит меня к окну, из которого видна улица. «Вон видишь там народ, вон где подследственные, а ты уже осужден, от нас на свободу возврата нет, дорога одна только в исправительные лагеря».

Таким образом, меня с первой встречи с представителем следственной части МГБ начали «подготавливать» к процессу следствия. Из кабинета Лихачева меня повели к министру МГБ Абакумову. Последний, очевидно, считал своей обязанностью прежде всего предупредить меня о том, что меня будут избивать, если я буду упорствовать во время хода следствия. Он прямо заявил: «Будешь упорствовать, будем бить и искалечим на всю жизнь». «Но позвольте, как же так, в Советском Союзе не допускаются подобные методы ведения следствия, это напоминает «ежовщину». «Я тебе покажу «ежовщину», еще раз говорю, не будешь

давать показания, искалечим на всю жизнь и все равно добьемся от тебя нужных показаний». На этом «прием» был закончен и я, «подготовленный» таким методом министром МГБ и представителем следственной части Лихачевым, был направлен к следователю кап. Самарину. Следователь мне прямо заявил: «Ну, был у министра, предупредили тебя, так давай сразу приступим к делу, и я еще раз даю тебе совет, не упорствуй, чтоб не было хуже». «Я не знаю, в чем вы меня обвиняете, какие преступления я совершил?» «Брось, не упорствуй и начинай давать показания, нам все известно, рассказывай о своей антисоветской деятельности и своих сообщниках». «Я никогда не занимался никакой антисоветской деятельностью, а следовательно, у меня и не может быть никаких сообщников». «Врешь, нам все известно». «Ну, раз вам все известно, так начинайте допрос по тем фактам, какие вам известны, но я знаю, что у вас их нет, так как я не занимался антисоветской деятельностью».

Итак, на протяжении месяца я проводил бессонные ночи в кабинете следователя. Обычно вызывали на допрос часов в 10—12 дня и держали до 5—6 ч вечера, затем в 10—11 ч вечера до 5—6 ч утра, а подъем в тюрьме в 6 ч утра. Я понимал, что это тоже один из методов следствия, чтобы заставить меня говорить то, что нужно следователю и причем так, как это ему нравится. Из бесед со следователем я понял, что меня обвиняют в участии в каком-то заговоре, во главе которого якобы стоит маршал Жуков.

Прошел месяц, я естественно ничего не мог показать, так как я ни в каком заговоре не принимал участия и никогда не верил, чтобы маршал Жуков был организатором несуществующего заговора, который, очевидно, мерещился министру МГБ Абакумову.

И вот однажды следователь заявил мне: «Или ты начнешь давать показания или я сегодня же отправлю тебя в военную тюрьму с особым режимом и ты потом пожалеешь». На это я заявил: «Я в вашей власти, делайте что хотите, но я никаких ложных показаний давать не буду».

В тот же день меня направили в Лефортовскую тюрьму, где и заключили в одиночную камеру. В этой тюрьме меня лишили возможности покупать продукты в тюремном ларьке, а также лишили книг. В течение этого месяца ежедневно следователь обещал «завтра» начать избиения.

Однажды меня снова направляют во внутреннюю тюрьму МГБ, где держат 8 дней в так называемом «боксе» без прогулок, без книг. На восьмой день я был вызван полк. Лихачевым, который заявил: «В последний раз предупреждаю тебя давать показания, или сегодня же тебя будут бить, как «сидорову козу». Естественно я мог одно заявить: «Я ничего не знаю».

В тот же день ночью меня перебрасывают в Лефортовскую тюрьму, и только что я прибыл в названную тюрьму, в так на-

зываемый «бокс», как меня повели к следователю. Следователь сразу набросился на меня с криками и матом, чтобы я давал показания или он начнет меня избивать и при этом вынимает из портфеля резиновую палку и показывает ее мне, говорит: «Видишь? Или начнешь говорить или же она сейчас «походит» по тебе». Я заявил: «Я не отказываюсь давать показания, но я не знаю, что вам показывать, я ничего не знаю о заговоре и сам никакого участия в нем не принимал, давать же ложные показания я категорически отказываюсь». Следователь задает вопрос: «Бывал на банкетах у Жукова и Буденного и др.?» — «Да, бывал». «Какие вопросы решались там?» — «О каких вопросах вы говорите? Были банкеты, как и каждый банкет: пили, ели, веселились, вот и все». «Врешь, перестань упорствовать, нам все известно». «Если вам все известно, что же вы от меня хотите? Уличайте меня тогда фактами». «Я буду тебя уличать не фактами, а резиновой палкой. Восхвалял Жукова? Какие тосты говорил за него»? «В чем же заключается мое восхваление Жукова? Я не знаю, где бы это воспрещалось участие на банкетах, причем официальных». «Все ваши банкеты это только фикция одна, это не что иное, как собрание заговорщиков. Будешь говорить или нет? Даю 10 минут на размышление, после чего эта резиновая палка «походит» по тебе». Я сидел у столика и ждал своей участи, следователь разгуливал по кабинету с резиновой палкой в руке. «Ну,— говорит следователь,— будешь давать показания»? — «Никаких ложных показаний я давать не буду». Следователь позвонил по телефону, на его звонок [явился] майор, как видно, тоже следователь. Капитан Самарин схватил меня за плечи, ударил по ногам и повалил меня на пол. И началось зверское избиение резиновой палкой, причем били по очереди, один отдыхает, другой бьет, при этом сыпались различные оскорбления и сплошной мат. Я не знаю сколько времени они избивали меня. В полусознательном состоянии меня унесли в «бокс». На следующий день часов в 11—12 меня снова повели к следователю. Когда ввели в кабинет, меня снова капитан Самарин и тот же самый майор начали избивать резиновой палкой. И так меня избивали в течение четырех дней и днем и ночью. На пятый день меня вызвал зам. н-ка следственной части полковник Лихачев в присутствии следователя кап. Самарина. Первый вопрос, который задал мне Лихачев, был: «Ну и после этого ты будешь упорствовать»? Я заявил: «Я ложных показаний давать не буду». «Ну, что же, начнем опять избивать. Почему ты боишься давать показания? Всем известно, что Жуков предатель, ты должен давать показания и этим самым ты облегчишь свою участь, ведь ты только «пешка» во всей этой игре. Подумай о своей участи и начинай давать показания». «Сколько бы вы меня ни били, я никаких ложных показаний давать не буду. Я категорически вам заявляю, что я ни в какой организации не состоял и ни о какой организации ничего не знаю. И никакими и никогда антисовет-

скими делами не занимался. Я только не понимаю, где я нахожусь — в МГБ или у врагов Советской Родины, которые, прикрываясь партийными билетами и авторитетностью МГБ, творят такие преступления. И сколько бы вы меня ни били, из меня вы врага Советской власти и партии не сделаете. Моя совесть чиста перед Партией и Советским правительством, я честно трижды сражался с врагами Партии и Советского правительства и никогда антисоветским человеком не был, каким вы пытаетесь меня сделать искусственно. Ваши избиения я принимаю не от Советской власти, это не она меня избивает, а люди, которые забыли, кто они, где находятся и что творят. Так что я не знаю, кто из нас враг Советской власти — вы или я»? Тут посыпалась такая рулада брани и оскорблений, что их трудно описать. Но как ни странно, в этот день меня все же не избили. Очевидно, им стало ясно мое состояние здоровья и они не решились избивать меня, хотя следователь Самарин предложил Лихачеву: «Видите, какой он, ему надо сейчас вложить так, чтобы он не очухался». Лихачев оказался более благоразумным и заявил: «Сегодня мне некогда возиться с этой сволочью, а завтра «вложим» ему, если он до утра не образумится».

В течение последующего месяца почти ежедневно следователь все время угрожал избиениями. За это время был составлен ряд протоколов и все они были составлены так, как считал нужным сам следователь. Примером могут служить следующие протоколы: на вопрос следователя «бывал ли у вас на квартире Жуков» — я ответил: «Да».— «О чем велись разговоры и в частности, что Жуков говорил о контрударе под Москвой?» — Я ответил: «Жуков не распространялся в подробностях об этом контрударе. Он сказал очень коротко. Вызвали к Верховному Главнокомандующему и сказали: вот задача, вот план, вот средства. Москву надо во что бы то ни стало удержать, вот и все». Из моего ответа у следователя в протоколе появилось (примерно): Жуков умалял достоинство Верховного Главнокомандующего. Принимать парад 1 мая 1947 г. был назначен маршал Жуков, а потом военный министр приказал в порядке очереди маршалам. Следователю были якобы известны какие-то высказывания Жукова по этому вопросу. Следователь настоятельно требовал от меня показаний по высказываниям. Я заявил, что я ничего не знаю, кроме того, что маршал Жуков перестал тренироваться в верховой езде. В протоколе следователя появилось совершенно другое. Будто бы Жуков выразил большое неудовольствие решением военного министра. На вопрос следователя: «Какие неудовольствия и высказывания сделал Жуков, когда вы ехали с совещания, которое было у командующего бронетанковыми войсками», я ответил, что я не слыхал никаких высказываний Жукова, кроме того, что он сказал: «Бронетанковые войска, артиллерия, инженерные войска выходят из подчинения Главнокомандующего

сухопутными войсками». В протоколе записано, что Жуков выразил большое неудовольствие решением военного министра.

На вопрос следователя, откуда я узнал об аресте некоторых генералов, я ответил: «От пом. к-ра корпуса генерал-майора Павлова». «Что ты сказал по этому поводу?» Я сказал: «Этих генералов я знаю, старые вояки и мне странно становится, за что их могли арестовать». В протоколе записано, что я этим самым отрицал свободу личности в Советском Союзе и это легло в основу моего обвинения по ст. 58—10 ч. 1.

Были также составлены протоколы, что я везде и всюду восхвалял Жукова и наконец, что я укрывал преступления Жукова, но какие преступления, я до сих пор не знаю. Вначале я категорически отказался подписать эти протоколы. Посыпались вновь различные репрессии и я, надо прямо сказать, смалодушничал. Уж очень тяжелое состояние у меня было.

Избитый, голодный, приниженный, бессонные ночи давали тоже себя знать. Я не выдержал и подписал. До сих пор я себе простить не могу. Но у меня теплится надежда, что придет время и я смогу сказать правду, почему я подписал.

Вторым обвинением и причем это было уже к концу следствия, было присвоение трофейного имущества. В приговоре указано: «Будучи на территории Германии, присвоил себе много трофейного имущества в виде различных ценностей и т. д. (в точности не помню)». К моему делу была приобщена опись имущества, обнаруженного на квартире моей жены Крюковой-Руслановой, у которой действительно было много различных ценностей в виде золотых изделий с бриллиантами и другими дорогостоящими камнями, 110 полотен различных русских мастеров и, главным образом, бывших «передвижников». Была коллекционная мебель, много фарфора и, главным образом, бывших русских заводов и много другого имущества. На квартире моей жены все было ее собственное и никакого присвоенного трофейного имущества не было, кроме двух радиоприемников, принадлежащих мне. Все это было бы легко установить, если бы следственная часть МГБ вела следствие беспристрастно, так, как этого требуют наши законы. Все имущество Руслановой ею было приобретено значительно ранее Отечественной войны и моей женитьбы на ней. Все эти картины, фарфор, различные драгоценности и мебель находились в ее квартире десятки лет. Есть же живые свидетели в лице знакомых и друзей жены, а также и ее быв. муж Гаркави, которые могли бы подтвердить, что это имущество действительно принадлежало Руслановой, а не присвоено мною или Руслановой из числа трофейного имущества. В бытность мою в Германии и моей жены Руслановой мы после войны покупали целый ряд различных вещей, посуду, отрезы, разные безделушки и пр. и, кстати сказать, на каждую купленную вещь имелись счета, которые хранились на квартире (в деле счетов не оказалось), из которых видно, что это имущество не присвоено, а куп-

лено. Три автомашины, обнаруженные у меня, тоже значатся как присвоенные, а на самом деле нет. Одна машина марки «Хорьх» с тендом была подарена Верховным Главнокомандующим, на что имелись соответствующие документы. Вторая машина марки «Хорьх» лимузин — куплена мною с разрешения Главнокомандующего оккупационными войсками из числа сдающихся машин по репарациям. На покупку имелся счет от фирмы. По прибытии в Москву машины мною была внесена пошлина в Московской таможне. На все машины имелись соответствующие документы, из которых видно, что я их не присваивал. Не знаю для какой цели в акт обнаруженных вещей у меня на квартире в гор. Черняховске, где я жил, внесена вся мебель, которая фигурирует как присвоенная, в то время как вся эта мебель принадлежит гарнизонной КЭЧ. Кроме того, в акте значится как присвоенная даже служебная машина «Бюик» вып. 37 г.

Итак, целый ряд различных вещей и различного имущества как принадлежащего мне и моей жене Руслановой числится как присвоенное трофейное имущество.

Виновен ли я в присвоении трофейного имущества?

Да, виновен, но не такого количества, как это фигурирует в деле и уж ни в какой степени не виновна моя жена Русланова, которая никакого отношения к этому делу не имела.

Три с лишним года шло следствие, я не знаю, какими законами разрешено вести следствие такое время? Я арестован 18 сентября 1948 г., а суд состоялся в ноябре 1951 г.

В октябре 1951 г. я был вызван следователем для подписания 256 стр. и тут следователь меня начал «подготавливать» к беседе с прокурором. Свое «наставление» следователь начал так: «Ну вот, дело, наконец, закончено, не исключена возможность, что с вами (началось обращение на «Вы») будет беседовать прокурор. Должен вас предупредить, что если вы начнете отказываться от ваших показаний и вообще начнете разговоры о ходе следствия (хотя ему надо было прямо сказать — об избиениях, об издевательствах и пр.), вы только себе напортите. Опять начнем следствие, протянется год, другой. Опять отправлю вас в Лефортовскую тюрьму, а там начнем все сначала да так, что будет покрепче, чем в первый раз. Так что от вас самих зависит ваша участь и т. д. и т. п.». Короче говоря, начал опять с запугивания, как и в начале следствия. Мне ничего не оставалось делать как последовать «совету» следователя и на беседе с прокурором я ни словом не обмолвился о «методах» ведения следствия и признал себя виновным по всем пунктам. У меня еще оставалась надежда на суд, что я там добьюсь правды. Но перед судом я снова был вызван следователем, который опять мне дал «совет» как себя держать на суде, предупредив меня, что если я откажусь от ранее данных мною показаний и заявлю суду об избиениях, это только усугубит мою вину и что меня тогда сгноят в тюрьме, а тут перспектива поехать в лагерь, а в лагерях жить можно. «По-

мните одно,— говорит следователь,— ваша участь решена безвозвратно и ничего вам не поможет. Всем вашим заявлениям никто не поверит. И еще советую вам, когда попадете в лагерь, не вздумайте писать жалобы. Помните одно, куда бы вы ни писали, все попадет ко мне и дальше моего стола никуда не попадет, а вас мы за это «запрячем» в такой лагерь, откуда никакой связи с миром нет, где вы и закончите свое существование». Напутствуемый такими «советами» следователя, я на суде признал себя виновным по всем пунктам. Как видно, быв. министру МГБ Абакумову мерещился какой-то заговор, но когда не смогли «сфабриковать» несуществующий заговор, «приобщили» меня да и других военнослужащих, проходящих по этому делу и другим делам, и судили каждого в отдельности, чтобы запрятать нас надолго в лагеря, а этим самым скрыть все свои преступления в нарушении законности советского правосудия. Я никогда не был и никогда не буду антисоветским человеком, каким сделала меня в своих делах следственная часть МГБ. Я честно прослужил 30 лет в Советской Армии и трижды (гражданская война, война с финнами, Великая Отечественная война) самоотверженно сражался на поле брани с врагами Партии и Сов. Правительства и совесть моя в этом отношении чиста. Где же, как не на поле брани можно проверить преданность Партии и Советскому Правительству.

Виновен ли я в присвоении трофейного имущества?

Да, виновен, но не в том количестве, которое мне приписали. И уж, конечно, я категорически отвергаю присвоение различных ценностей (золото, бриллианты и пр.), которое приписывают мне и моей жене. Я подхожу строго к себе. Дело не в том, в каком количестве я присвоил трофейное имущество, дело в самом факте присвоения. Не к лицу коммунисту и советскому генералу заниматься подобными делами и этим самым позорить и то и другое. Я заслужил наказание, но за эти «тряпки», какие, как говорят, и «выеденного яйца не стоят», меня лишили доверия Партии и Правительства, лишили свободы на 25 лет (а это значит пожизненно, ибо мне уже 56 лет). Меня лишили семьи, звания и наград, кровью заработанных на поле брани. И я не верю, что это меня покарали Партия и Советская власть. Это сделали враги Партии и Советского Правительства.

Если взять мое дело и просмотреть его, то там все, очевидно, оформлено так, что с юридической стороны никаких претензий не предъявишь, но какими методами «оформлялось» это дело Вам теперь будет ясно.

Я верил в то, что придет время, когда правда восторжествует и методы ведения следствия в быв. МГБ будут Партией и Советской властью вскрыты. Это время настало и я решил теперь смело писать, зная, что мое заявление попадет по назначению, а не в папку следователя капитана Самарина.

Я прошу ЦК КПСС назначить комиссию по пересмотру как моего дела, так и дела моей жены Руслановой.

О принятом решении прошу поставить меня в известность по адресу: «Иркутская обл., г. Тайшет, п/я № 215/603».

З/к Крюков

25 апреля 1953 г.

Копия

ЗАМЕСТИТЕЛЮ МИНИСТРА ОБОРОНЫ МАРШАЛУ СОВЕТСКОГО СОЮЗА тов. ЖУКОВУ

Прошу прощения, что я отрываю Вас от Ваших дел своим письмом, но мое положение вынуждает меня к этому.

Я направил 28.IV.53 г. по команде (через начальника лагеря) заявление в ЦК КПСС, но боюсь, что оно может по дороге «потеряться», а поэтому копию этого заявления направляю Вам с просьбой передать его в ЦК.

Прошу Вас, наберитесь терпения и прочтите его, и тогда Вам станет ясно, какой я «преступник». И, если сможете, окажите посильную помощь в деле моем и помогите восторжествовать правде.

Уважающий Вас — Крюков

4.V.53 г.

ЦК КПСС товарищу ХРУЩЕВУ Н. С.

Ко мне поступило заявление бывшего командира кавалерийского корпуса генерал-лейтенанта Крюкова В. В., арестованного в 1948 году, с просьбой передать его в ЦК КПСС.

Крюкова В. В. знаю с 1931 года как одного из добросовестнейших командиров, храброго в боях против гитлеровских захватчиков.

Прошу Вас, Никита Сергеевич, по заявлению Крюкова дать указание.

Г. Жуков

2 июня 1953 года

ЧЛЕНАМ ПРЕЗИДИУМА ЦК КПСС

В ЦК КПСС прислал заявление бывший генерал-лейтенант Крюков В. В., осужденный в 1951 году. Такое же заявление он прислал маршалу Жукову с просьбой передать его в ЦК КПСС.

В своем заявлении Крюков пишет о том, что следствие шло три с лишним года и проводилось недопустимыми методами с применением мер физического воздействия. Он просит пересмотреть его дело, а также дело его жены Руслановой.

Посылаю Вам заявление Крюкова. По этому вопросу необходимо обменяться мнениями. Следовало бы проверить и пересмотреть это дело.

Н. Хрущев

3 июня 1953 г.

Разослано:

т. Маленкову Г. М.
т. Берия Л. П.
т. Молотову В. М.
т. Ворошилову К. Е.
т. Булганину Н. А.
т. Кагановичу Л. М.
т. Микояну А. И.
т. Сабурову М. З.
т. Первухину М. Г.

СОВ. СЕКРЕТНО

СССР

КОМИТЕТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

«7» сентября 1959 г.

№ 2668-ш

гор. Москва

Товарищу ХРУЩЕВУ Н. С.

19 августа сего года по случаю смерти генерал-лейтенанта КРЮКОВА жена последнего, известная певица *Русланова*, устроила поминки, на которых в числе других были Маршалы Советского Союза тт. *Буденный С. М.* и *Жуков Г. К.*

В процессе беседы среди присутствующих был поднят вопрос и о принятом Постановлении Совета Министров Союза ССР № 876 от 27 июля 1959 года о пенсиях военнослужащим и их семьям.

Тов. *Жуков* по этому вопросу заявил, что если он был бы Министром обороны, он не допустил бы принятие Правительством нового Постановления о пенсиях военнослужащим и их семьям.

Далее он сказал, что тов. *Малиновский* предоставил свободу действий начальнику Главного Политического Управления генералу армии *Голикову*, а последний разваливает армию.

«В газете «Красная звезда»,— продолжал *Жуков*,— изо дня в день помещают статьи с призывами поднимать и укреплять авторитет политработников и критиковать командиров. В результате такой политики армия будет разложена».

Высказывания *Жукова* по этому вопросу были поддержаны тов. *Буденным*.

По имеющимся в КГБ при Совете Министров СССР данным, большинство офицерского состава Советской Армии правильно восприняло Постановление Совета Министров Союза ССР № 876 от 27 июля 1959 года о пенсиях военнослужащим и их семьям.

Наряду с этим со стороны отдельных военнослужащих отмечаются факты нездорового реагирования на изменения в пенсионном обеспечении.

Так, начальник штаба 1-го армейского корпуса Туркестанского военного округа полковник ПАНИН И. Д., член КПСС, в присутствии ряда офицеров заявил:

«Постановление неправильное, вся армия разбежится. Никто из офицеров служить не будет».

Командир взвода 987-го батальона связи 25-го армейского корпуса Одесского военного округа лейтенант БАРАНОВ Г. А., член ВЛКСМ, говорил:

«Теперь чем раньше уволиться из армии, тем лучше. Служить я не хочу и никто меня не убедит».

БАРАНОВ подал рапорт на имя командования об увольнении его из рядов Советской Армии.

Офицер Минского Высшего инженерного радиотехнического училища полковник ПОЗДЕЕВ В. К., член КПСС, сказал:

«Нет смысла служить в армии, надо демобилизоваться, пока есть сила и устраиваться на гражданской работе, так как рабочие и служащие находятся намного в лучших условиях, чем военные».

Командир роты 145 ГСД Закавказского военного округа капитан КУЛАКОВ заявил:

«Согласно новому приказу пенсиями будут обеспечиваться только офицеры после 40-летнего возраста. Но дослужить до этого возраста не дадут. Поэтому, пока голова цела, надо уходить из армии».

Начальник отдела учета укомплектования и численности Вооруженных Сил полковник КУЗЬМИН А. К. говорил:

«Нет теперь нашего основного защитника военных — И. Сталина, который нас в обиду не давал».

Начальник 6-го отдела КЭУ МО инженер-полковник ВАЛЬКОВ, член КПСС, сказал:

«В Египте плотину строим, Ирану помогаем, а у себя ремни подтягиваем. Кто обжирается, а кому теперь жрать нечего будет».

Начальник вещевого отделения АХО штаба Московского округа ПВО майор ФЛЕГОНТОВ И. А., член КПСС, обсуждая пенсионный вопрос, говорил:

«... Наш советский офицер и так мало получает при уходе на пенсию, прослужив 20 и 25 лет в армии. По новому приказу будет получать еще меньше, что озлобит людей и создаст много нездоровых настроений, которые могут привести к значительному снижению боевой готовности армии. Цены на продукты и промтовары не снижаются, а пенсии уменьшают очень резко...».

Начальник штаба артиллерии 50-й мотострелковой дивизии подполковник КОВИЦКИЙ Александр Павлович, член КПСС, сказал:

«...Правительству не к лицу так часто менять законы, у людей нет никакой уверенности в завтрашнем дне».

Командир роты парашютно-десантного полка 103-й воздушно-десантной дивизии Белорусского военного округа капитан БАЖЕНОВ А. Н., член КПСС, обсуждая новое Постановление, в присутствии ряда офицеров заявил:

«...Товарищи офицеры, это дело серьезное, надо поднимать забастовку, ведь наши права ущемляют. Надо письмами и рапортами завалить ЦК с просьбой об увольнении из армии, надо удирать из армии...».

Офицер этого же полка майор ЛЫЧЕВ предложил:

«...написать всем рапорта на увольнение и письма с выражением обиды офицеров на новое Постановление и во время дивизионных учений при прыжке с самолетов всем офицерам бросить это в конвертах с воздуха...»

Отмечаются нездоровые настроения среди молодых офицеров.

Командир радиовзвода 192-й авиационной дивизии ст. лейтенант РОЩЕПКИН В. Н. заявил:

«Молодым офицерам лучше уйти из армии и устроиться в народном хозяйстве, там хотя квартиру могут дать, а здесь ни кола, ни двора не имеешь. Пока ты нужен, тебя держат, не нужен — выталкивают на все четыре стороны и иди, хоть в банду, никто не думает о ненужном человеке».

Командир взвода 104-й воздушно-десантной дивизии ст. лейтенант ЛОСКУТОВ П. П., член КПСС, сказал:

«Наше Правительство этим Постановлением обмануло нас так же, как народ с облигациями. Можно ли верить, что и в дальнейшем еще не изменят пенсий?»

Отрицательные реагирования на новый закон отмечаются также со стороны отдельных офицеров в отставке и запасе.

Так, например, полковник запаса ДИКОВ П. А., член КПСС (Белорусский военный округ), заявил:

«...Издание Постановления об изменениях пенсий есть не что иное, как финансовое банкротство Советского государства, что вторично подтверждается после отмены возвращения рабочему классу средств по займу. У нас что хотят, то и делают, в любом капиталистическом государстве этого не допустили бы».

Полковник запаса МОРОЗОВ, быв. зам. начальника политотдела Инженерной академии, по поводу вышедшего Постановления Совета Министров СССР о пенсиях сказал:

«...Всю жизнь служил в армии, а теперь должен помогать детям и детсадам... Сейчас приравнивают всех к одной мерке — и тех, кто воевал, и тех, кто торговал газированной водой».

Бывший заместитель командующего армией по тылу полковник в отставке КРЫЛОВ говорил:

«Возмутительно, что так ущемляют военнослужащих. Теперь в армию пойдут случайные люди. Умных и толковых людей на военную службу не заманишь. Был бы у меня сын, я бы его послал лучше на завод, чем в военную школу».

Полковник запаса БАБКИН (Белорусский военный округ) сказал:

«Плохо, что у нас нет постоянства, законы меняются и это вызывает неуверенность».

По всем изложенным фактам особыми отделами КГБ информированы на местах первые секретари ЦК КП союзных республик, секретари крайкомов, обкомов и Военные Советы округов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
КОМИТЕТА ГОСБЕЗОПАСНОСТИ
А. ШЕЛЕПИН

Пролетарии всех стран, соединяйтесь! СТРОГО СЕКРЕТНО

Коммунистическая Партия Советского Союза.
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

№ П238/XVI

Тт. КИРИЧЕНКО, БРЕЖНЕВУ, СУСЛОВУ;
СЕКРЕТАРИАТУ ЦК КПСС

Выписка из протокола № 238 заседания Президиума ЦК
от 11 сентября 1959 г.

Записка КГБ (т. Шелепина) от 7 сентября 1959 г. № 2668-ш.

Поручить Секретариату ЦК в соответствии с обменом мнениями на заседании Президиума ЦК принять необходимые меры в связи с фактами, изложенными в записке КГБ (т. Шелепина) от 7 сентября 1959 г. № 2668-ш.

СЕКРЕТАРЬ ЦК

В ЦК КПСС

На поставленные мне тт. Л. И. Брежневым и А. И. Кириченко вопросы о том, что был ли я 19 августа на похоронах и на поминках генерала Крюкова вместе с маршалом Жуковым, где он якобы в моем присутствии говорил о развале армии, о необоснованном возвышении тов. Голикова Ф. И. и принижении тов. Малиновского Р. Я., а также по пенсиям военнослужащих?

Отвечаю. 1. На похоронах генерала Крюкова не был (был занят на заседании Президиума ЦК ДОСААФ).

2. Жукова я видел всего минут 5—10, во дворе дачи Руслановой, когда я вечером (около 7 часов) с женой пошел к Руслановой, чтобы оказать человеку внимание в тяжелую минуту. В это время присутствующие на поминках разъезжались. Среди них был и маршал Жуков.

При этой встрече маршал Жуков ни о чем подобном не говорил.

С. Буденный

18.9.59 г.

В ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ КПСС

Комитету Партийного Контроля при ЦК КПСС стало известно, что во время похорон генерал-лейтенанта Крюкова во 2-м доме Министерства обороны СССР, между маршалом Советского Союза т. Жуковым Г. К. и генерал-майором запаса т. Ревякиным В. А. зашел нездоровый, принявший политически вредный характер разговор о постановлении Совета Министров СССР от 27 июля 1959 г. о пенсиях военнослужащим и их семьям.

По объяснению в КПК т. Жукова, вопрос о сокращении пенсий поднял т. Ревякин, который обратился к нему с заявлением, что «обижать нас, стариков, стали, и теперь тяжеловато будет с новой пенсией». Продолжая разговор, т. Ревякин заявил т. Жукову, что среди отставников и запасников ведется много нежелательных разговоров и что «в снижении пенсий обвиняют Малиновского».

Однако т. Жуков, как старший по званию и тем более как бывший министр обороны СССР, не разъяснил т. Ревякину весь вред подобного его политически нездорового поведения и, зная, что т. Ревякин обеспечен в материальном отношении более чем достаточно, не дал ему отпора и не сделал из всего этого необходимых выводов. Он даже поддержал этот непартийный разговор, направленный, с одной стороны, против мероприятий партии и правительства по упорядочению пенсионного дела, и, с другой — на дискредитацию нового руководства Министерства обороны СССР.

В своем объяснении в КПК т. Ревякин по этому вопросу так и заявил: «Слушая мое мнение, т. Жуков сказал, что когда разбирался вопрос еще о первом снижении пенсии, то имелось в виду первое снижение сохранить на более длительное время. Я тут же сказал, что видимо министр, маршал Малиновский, недостаточно твердо отстаивал перед Правительством сохранить еще на некоторое время существующие пенсии. На этом разговор о пенсиях кончился».

Вопрос о неправильном поведении члена КПСС с 1918 г. т. Ревякина В. А. и члена КПСС с 1919 г. т. Жукова Г. К. обсужден на заседании КПК в их присутствии.

В своем объяснении т. Жуков дал правильную оценку своему поведению, заявил, что вначале он не придал разговору с Ревякиным должного значения и что в настоящее время сделал для

себя необходимые выводы. Не отрицал своего неправильного поведения и т. Ревякин.

Учитывая все это, Комитет Партийного Контроля решил ограничиться обсуждением этого вопроса.

Шверник

27.11.59 г.

СОВ. СЕКРЕТНО

СССР

КОМИТЕТ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ
при СОВЕТЕ
МИНИСТРОВ СССР

«27» мая 1963 г.

№ 1447-с

гор. Москва

Товарищу ХРУЩЕВУ Н. С.

Докладываю Вам некоторые сведения, полученные в последнее время о настроениях *бывшего Министра обороны Жукова Г. К.*

В беседах с бывшими сослуживцами *Жуков* во всех подробностях рассказывает о том, как готовилось и проводилось заседание Президиума ЦК КПСС, на котором он был отстранен от должности *Министра обороны*, и допускает резкие выпады по адресу отдельных членов Президиума ЦК:

«Все это дело можно было по-другому отрегулировать,— говорил *Жуков*,— если бы я мог низко склониться, но я не могу кланяться. А потом, почему я должен кланяться? Я ни в чем не чувствую вины, чтобы кланяться. Все это приписано было конечно с известной целью...».

В разговоре с одним из своих сослуживцев по армии *Жуков* следующим образом отозвался о *Малиновском Р. Я.*:

«...Это хитрый человек, он умеет подхалимничать. Он никогда против слова не скажет. «Слушаю». «Есть». Он свое мнение прячет далеко и старается угодить. А такие сейчас как раз и нужны...».

В беседе с генерал-майором в запасе КАРМАНОВЫМ И. М. *Жуков* заявил:

«У нас... неразумно купеческий размах в отношении помощи. В космическое пространство вылетают миллиарды. На полет Гагарина израсходовали около *4* миллиардов рублей. Никто ни разу не задал вопроса, во что обходятся все эти приемы, все эти поездки, приезды к нам гостей и прочее... Жене БИДО сделали соболью шубу, я видел. Жене другого члена делегации был подарен бриллиантовый набор, в котором находилась бриллиантовая брошь в 12 карат... Это все сейчас доходит до широких масс людей... У СТАЛИНА было много нехороших черт, но в небережливости государственной копейки его никто не может упрекнуть. Приемов он не так много сделал, подарки он никому не давал, кроме своего автографа на книге...».

В другой беседе по поводу издания «Истории Великой Отечественной войны» *Жуков* говорил:

«...Лакированная эта история. Я считаю, что в этом отношении описание истории, хотя тоже извращенное, но все-таки более честное у немецких генералов, они правдивее пишут. А вот История Великой Отечественной войны абсолютно неправдивая.

Вот сейчас говорят, что союзники никогда нам не помогали... Но ведь нельзя отрицать, что американцы нам гнали столько материалов, без которых мы бы не могли формировать свои резервы и не могли бы продолжать войну... Получили 350 тысяч автомашин, да каких машин! ...У нас не было взрывчатки, пороха. Не было чем снаряжать винтовочные патроны. Американцы по-настоящему выручили нас с порохом, взрывчаткой. А сколько они нам гнали листовой стали. Разве мы могли быстро наладить производство танков, если бы не американская помощь сталью. А сейчас представляют дело так, что у нас все это было свое в изобилии.

Эта не история, которая была, а история, которая написана. Она отвечает духу современности. Кого надо прославить, о ком надо умолчать... А самое главное умалчивается. Он же был Членом Военного Совета Юго-Западного направления. Меня можно ругать за начальный период войны. Но 1942 год — это же не начальный период войны. Начиная от Барвенкова, Харькова, до самой Волги докатился. И никто ничего не пишет. А они вместе с ТИМОШЕНКО драпали. Привели одну группу немцев на Волгу, а другую группу на Кавказ. А им были подчинены Юго-Западный фронт, Южный фронт. Это была достаточная сила... Я не знаю, когда это сможет получить освещение, но я пишу все как было, я никого не щажу. Я уже около тысячи страниц отмахал. У меня так рассчитано: тысячи 3—4 страниц напишу, а потом можно отредактировать...».

По имеющимся у нас данным, *Жуков* собирается вместе с семьей осенью выехать на юг в один из санаториев МО. В это время нами будут приняты меры к ознакомлению с написанной им частью воспоминаний.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
КОМИТЕТА ГОСБЕЗОПАСНОСТИ
В. СЕМИЧАСТНЫЙ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СТРОГО СЕКРЕТНО
ОСОБАЯ ПАПКА

Коммунистическая Партия Советского Союза.
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

№ П100/XLVIII

Тт. СУСЛОВУ, БРЕЖНЕВУ, ШВЕРНИКУ, СЕРДЮКУ

Выписка из протокола № 100 заседания Президиума ЦК от 7 июня 1963 г.

Записка Комитета госбезопасности (т. Семичастного) от 27 мая 1963 г. № 1447 с.

Поручить тт. Брежневу, Швернику и Сердюку вызов в ЦК Жукова Г. К. для предупредительного разговора с ним в соответствии с состоявшимся обменом мнениями на заседании Президиума ЦК.

СЕКРЕТАРЬ ЦК

В соответствии с поручением я и тов. Сердюк вызывали Жукова и провели необходимую беседу.
Л. Брежнев. 12.06.63.

Совершенно секретно

СССР

КОМИТЕТ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ
при СОВЕТЕ
МИНИСТРОВ СССР

«17» июня 1963 г.

№ 1651-с

гор. Москва

Товарищу ХРУЩЕВУ Н. С.

Докладываю Вам, что после беседы товарищей БРЕЖНЕВА Л. И. и СЕРДЮКА З. Т. с *Жуковым*, он рассказал своей жене следующее:

«Мы вызвали вас для того, чтобы поговорить с вами и предупредить вас о некоторых вещах. У вас бывают всякие друзья, и вы бываете у друзей. Мы, конечно, не против того, что вы с кем-то встречаетесь, но вот при встречах у вас ведутся непартийные разговоры. Вы рассказывали, как готовился Пленум в 57-м году и при этом давали весьма нелестные характеристики Хрущеву, Брежневу и другим членам ЦК. Значит, у вас до сих пор нет согласия с решением ЦК, и вы где-то нелегально пытаетесь вести борьбу с линией Центрального Комитета. Если это так, то это дело довольно серьезное.

Второй вопрос, что ведутся непартийные разговоры в отношении космоса. Что правительство ведет неразумную политику в отношении чрезмерных затрат на ракеты, чтобы Гагарин полетел, эта ракета стоила 4 миллиарда рублей. Что вообще у нас нет бережливости, руководство с купеческим размахом разбрасывает средства на помощь слаборазвитым странам. Что устраивают всякие приемы, по нескольку тысяч людей созывают, всякие подарки дорогие раздают и прочее. Что, мол, при Сталине было по-другому. Все осудили Сталина, его оторванность от народа и прочее. В то время, как весь народ, вся партия радуются нашим достижениям в отношении космоса, у вас получается несогласие с линией партии в этом вопросе.

Третье. Вы продолжаете разговор о Малиновском, что это весьма подходящая и послушная личность для руководства, что он угодник, подхалим и всякая такая штука. Малиновский пользуется доверием ЦК. Он член ЦК, министр, пользуется доверием Н. С. Хрущева и что такие непартийные разговоры подрывают авторитет ЦК.

Четвертый вопрос. Что у нас неправильно пишется история Великой Отечественной войны, что она лакируется, что пишется она в интересах определенных людей, что умалчиваются заслуги

одних и выпирают заслуги тех, кто не заслужил их. Особенно подчеркивается, кто привел немцев на Волгу. Кто неудачно руководил операцией. И что немецкие генералы пишут историю гораздо правдивее, чем пишут наши, комиссия ЦК. Затем, что я не согласен с оценкой помощи, которую оказывали американцы. В отношении, дескать, транспортных средств, металла и прочего. В то время, мол, каждому ясно, какие жертвы понесли мы и какие американцы.

Шестой вопрос. Что мы вас вызвали поговорить по-товарищески, что эти вещи недопустимы и что если они будут продолжаться, то мы вынуждены будем поставить вопрос на Президиуме ЦК о суровой партийной ответственности.

Я сказал, что постановление 1957 года я принял как коммунист и считал для себя законом это решение. И не было случая, чтобы я его где-то в какой-то степени критиковал. Я хорошо знаю Устав партии и нигде никогда не говорю за исключением того, что я лично до сих пор считаю, и это тяжелым камнем лежит у меня на сердце. Я не могу смириться с той формулировкой, которая была в постановлении. Постановление было принято без меня, и я не имел возможности доказать обратное, это вопрос об авантюризме. Где же и когда был авантюристом? В каких делах я был авантюристом? Я, 43 года находясь в партии, отвоевав четыре войны, потерял все здоровье ради Родины, я где-нибудь позволял какие-нибудь авантюрные вещи? Где факты? Фактов таких нет. И, откровенно говоря, эта неправдивая оценка до сих пор лежит тяжелым камнем у меня на сердце. Я вам прямо об этом и заявляю.

Относительно оценки, критики Пленума сказал, что я никаких разговоров не вел. Пусть придет этот человек и заявит здесь в моем присутствии. Я даю голову на отсечение, что я таких разговоров не вел, я вообще никуда не хожу, ни с кем не встречаюсь. Мало ли меня приглашали люди зайти побеседовать, но я чувствую, что моей особой интересуются, видимо, хотят что-то узнать, послушать, поэтому я избегаю всяких встреч и нигде не бываю, за исключением Карманова — соседа по даче, еще там пара человек, полковник один с женой, человека четыре у меня знакомых и больше никого нет. Я нигде не бываю, вообще ушел от мира сего и живу в одиночестве, так как чувствую, что меня на каждом шагу могут спровоцировать... Месяца три спустя после Пленума я встретил Конева. Он спросил, почему я не захожу? Я ответил: «Чего мне заходить, я нахожусь в отставке». Он поговорил как, что, а потом заявил: «Ты все-таки наш старый товарищ, почему не зайдешь поговорить?» Я говорю: «Какой же старый товарищ, когда ты всенародно там сказал, что я никакой тебе не товарищ и не друг».— «Ну тогда мало ли что было, знаешь какая обстановка была. Тогда нам всем казалось, что дело пахнет серьезным»...

Относительно истории Отечественной войны. Это, говорю,

разговор в пользу бедных, я по этому вопросу ни с кем не разговаривал. Может быть, в какой-то степени разговор был, но его переиначили. И преподнесли именно так, как говорится здесь. Относительно того, кто привел немцев на Волгу. Персонально никто не может привести, вы же сами понимаете.

Что касается немецких генералов, как они пишут, правдиво или нет. Вы можете посмотреть мои заметки на книгах, которые я прочитал, а их очень много. Я считаю, что более неправдивой истории, чем написали немецкие генералы, я никогда не встречал, не читал. У меня такие заметки, правда, имеются. Так что это, говорю, вещь, безусловно, натянутая. Видимо, человек, который об этом говорил или сообщал, он передает свое собственное мнение и приписывает мне. Насчет американской помощи то же самое. Я, говорю, много выступал, много писал статей, в свое время выступал публично и давал соответствующую оценку американской помощи и жертв во второй мировой войне. Так что это то же самое натянутая откуда-то вещь.

Относительно Малиновского я вам прямо скажу, я эту личность не уважаю. Как человека я его не уважаю. Это мое личное дело. Мне никто не может навязать, чтобы я его уважал, чтобы я ему симпатизировал. Что касается вот этих разговоров относительно Малиновского. В свое время, как известно, его старая жена написала весьма такое тревожное письмо, и мне было поручено вести следствие, я его вызвал с Дальнего Востока и расследовал. Этот материал был передан министру обороны Булганину. Где эти материалы, не знаю. О чем там сообщалось? О том, что Малиновский вопреки тому, чтобы вернуться на Родину, задержался во Франции в Марокканских частях, якобы поступил туда добровольно служить до 20-го года. И тогда, когда уже разгромили Колчака, он почему-то через Дальний Восток, через линию фронта Колчака поступил добровольцем в Красную Армию.

Эти вещи достаточно известны были в Главном Управлении кадров. Щаденко об этом говорил. И Сталин не доверял Малиновскому. Он в свое время был у меня начальником штаба. Я его просил на Холхин-Гол к себе, но мне было отказано по политическим соображениям, что он не может быть назначен. Какой же это человек? Пользуясь присутствием Хрущева на Дальнем Востоке, он позволил в отношении меня провокационные вещи. Говорил: «Вы смотрите там за *Жуковым*. Он вас всех там за горло возьмет». Разве я могу уважать этого человека, который так провокационно такую вещь позволил по отношению ко мне? А потом выступает с трибуны съезда и ему вторит Голиков, что это, мол, Бонапарт, это Наполеон, который стремился к захвату власти сначала в армии, потом в стране. Если я стремился, если у меня были какие-то акты в этом отношении, какие-то акции, тогда почему же меня не арестовали? Если действительно какие-то организационные начала в этом деле были за-

ложены. Ясно, что я не только его не уважаю, я ему не доверяю. Это мое личное дело».

На все это ему якобы было сказано: «...Мы же не сами выдумали. Может быть, что-то прибавлено лишнее, но какие-то разговоры были, значит, что-то такое есть. Мы вас обвиняем в том, что вы как коммунист должны были пресечь, резко оборвать этих людей и не допускать разговоров. Тогда обошлось так, вас оставили в партии, создали вам соответствующие условия, и сейчас видите, мы с вами разговариваем не в порядке какого-нибудь такого, а в порядке предупреждения».

На это, по его словам, он ответил: «Я говорю, что не боюсь, пожалуйста. Понимаю, что моей личностью многие интересуются, знают, что я много знаю, поэтому каждый старается где-то слово какое-то услышать. Я это совершенно отчетливо понимаю, поэтому я больше всего боюсь провокаций и всяких сочинительств. Можете, говорю, в партийной организации завода справиться. Никогда там никаких разговоров не велось, несмотря на то, что со мной пытались многие заговорить. Я уклонялся от ответа, или давал такие ответы, какие полагается. Но вот что касается вашего вызова, вашего разговора, то я считаю, что он, безусловно, полезен. Во всяком случае он заставляет меня присмотреться к людям, к моим товарищам, которые меня окружают. Я вам весьма благодарен за то, что вы меня пригласили. У меня спросили: «Значит, вы довольны, что мы вас вызвали»? Я говорю: «У меня нет оснований быть недовольным». Они добивались признания, доволен я или нет, как я реагирую. Я сказал, что я весьма признателен.

Якобы беседовавшие заявили: «Вот видите, мы достаточно чутко и уважительно к вам относимся».

Я говорю: «Спасибо за такую чуткость и за такое уважение». Но потом я говорю: «Вот я пять-шесть лет по существу ничего не делаю, но ведь я еще работоспособный человек». Это я в порядке разведки. «Я физически, слава богу, чувствую себя хорошо и умственно до сих пор чувствую, что еще не рехнулся и память у меня хорошая, навыки и знания хорошие, меня можно было бы использовать. Используйте. Я готов за Родину служить на любом посту».

Мне было сказано: «Да, но это будет зависеть от вашего дальнейшего поведения».

Я говорю: «Поведение у меня всегда партийное, но вот видите, тут не совсем хорошо получается. А потом, почему меня, собственно, отбросили, я не понимаю. Я Родине отдал почти всю жизнь. Меня даже лишили возможности работать в этой группе».

«Я читаю и пишу. Я могу показать то, что я пишу. Ничего плохого я не пишу. Передайте, говорю, привет Никите Сергеевичу, поблагодарите его за внимание».

На вопрос жены: «Но они дружелюбно к тебе относились? Как

ты понял?» — *Жуков* заявил: «Нет, ничего. А Сердюк особенно хорош. Я бы сказал разговор велся правильно. К ним поступили материалы, они обязаны были разобраться, в чем дело, почему вдруг такие разговоры с моей стороны. Им надо было выяснить лично у меня».

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
КОМИТЕТА ГОСБЕЗОПАСНОСТИ
В. СЕМИЧАСТНЫЙ

В ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ВКП(б)

товарищу ЖДАНОВУ Андрею Александровичу.

Объявленное мне в ЦК ВКП(б) письменное заявление бывшего моего адъютанта Семочкина по своему замыслу и главным вопросам является явно клеветническим.

Первое. Обвинение меня в том, что я был враждебно настроен к т. Сталину и в ряде случаев принижал и умалчивал роль т. Сталина в Великой Отечественной войне — не соответствует действительности и является вымыслом. Факты, изложенные в заявлении Семочкина, состряпаны Семочкиным и являются результатом того, что Семочкин в конце 1947 года узнал о характере клеветнического заявления Новикова лично от меня.

Я признаю, что допустил грубую и глубоко непартийную ошибку, поделившись с Семочкиным своим мнением о характере заявления Новикова. Это я сделал без всякой задней мысли и не преследовал никакой цели.

Пункт обвинения меня в непартийном выступлении во Франкфурте перед «союзниками» не соответствует действительности, что, наверное, может подтвердить т. Вышинский, который был вместе со мною и лично выступал. На приеме в 82-й парашютной дивизии я был вместе с Соколовским, Серовым и Семеновым. Я там не выступал, а все, что говорил, считаю глубоко партийным.

Второе. Обвинение меня в том, что я продал машину артисту Михайлову и подарил писателю Славину — не соответствует действительности:

1) Славину машина была дана по приказанию т. Молотова. Соответствующее отношение было при деле;

2) Михайлову мною было разрешено купить машину через фондовый отдел. Оформлял это дело т. Михайлов через таможню, а не через меня, деньги платил в таможню и банк, а не мне.

Я ответственно заявляю, что никогда и никому я машин не продавал.

Ни Славина, ни кого-либо другого я никогда не просил о себе что-либо писать, и Славину никакой книги не заказывал. Семочкин пишет явную ложь.

Третье. О моей алчности и стремлении к присвоению трофейных ценностей.

Я признаю серьезной ошибкой то, что много накупил для семьи и своих родственников материала, за который платил

деньги, полученные мною как зарплату. Я купил в Лейпциге за наличный расчет:

1) на пальто норки 160 шт.,

2) на пальто обезьяны 40—50 шт.,

3) на пальто котика (искусств.) 50—60 шт., и еще что-то, не помню, для детей. За все это я заплатил 30 тысяч марок.

Метров 500—600 было куплено фланели и обойного шелку для обивки мебели и различных штор, т. к. дача, которую я получил во временное пользование от госбезопасности, не имела оборудования.

Кроме того, т. Власик просил меня купить для какого-то особого объекта метров 500. Но так как Власик был снят с работы, этот материал остался лежать на даче.

Мне сказали, что на даче и в других местах обнаружено более 4-х тысяч метров различной мануфактуры, я такой цифры не знаю. Прошу разрешить составить акт фактическому состоянию. Я считаю это неверным.

Картины и ковры, а также люстры действительно были взяты в брошенных особняках и замках и отправлены для оборудования дачи МГБ, которой я пользовался. 4 люстры были переданы в МГБ комендантом, 3 люстры даны на оборудование кабинета Главкома. То же самое и с коврами. Ковры частично были использованы для служебных кабинетов, для дачи, часть для квартиры.

Я считал, что все это поступает в фонд МГБ, т. к. дача и квартира являются в ведении МГБ. Все это перевозилось и использовалось командой МГБ, которая меня обслуживает 6 лет. Я не знаю, бралось ли все это в расчет, т. к. я полтора года отсутствую и моя вина, что я не поинтересовался, где, что состоит на учете.

Относительно золотых вещей и часов заявляю, что главное — это подарки от различных организаций, а различные кольца и другие дамские безделушки приобретены семьей за длительный период и являются подарками подруг в день рождения и другие праздники, в том числе несколько ценностей, подаренных моей дочери дочерью Молотова — Светланой. Остальные вещи в большинстве из искусственного золота и не имеют никакой ценности.

О сервизах. Эти сервизы я купил за 9.200 марок, каждой дочери по сервизу. На покупку я могу предъявить документы и может подтвердить т. Серов, через кого и покупались сервизы, т. к. он ведал всеми экономическими вопросами.

О 50 тысячах, полученных от Серова и якобы израсходованных на личные нужды.

Это клевета. Деньги, взятые на случай представительских расходов, были полностью в сумме 50 тысяч возвращены начальником охраны МГБ Бедовым. Если б я был корыстен, я бы мог их себе присвоить, т. к. никто за них отчета не должен был

спросить. Больше того, Серов мне предлагал 500 тысяч на расходы по моему усмотрению. Я таких денег не взял, хотя он и указывал, что т. Берия разрешил ему, если нужно, дать денег, сколько мне требуется.

Серебряные ложки, ножи и вилки присланы были поляками в честь освобождения Варшавы и на ящиках имеется надпись, свидетельствующая о подарке. Часть тарелок и еще что-то было прислано как подарок от солдат армии Горбатова.

Все это валялось в кладовой и я не думал на этом строить свое какое-то накопление.

Я признаю себя очень виноватым в том, что не сдал все это ненужное мне барахло куда-либо на склад, надеясь на то, что оно никому не нужно.

О гобеленах я давал указание т. Агееву из МГБ сдать их куда-либо в музей, но он ушел из команды, не сдав их.

Четвертое. Обвинение меня в том, что соревновался в барахольстве с Телегиным — является клеветой. Я ничего сказать о Телегине не могу. Я считаю, что он неправильно приобрел обстановку в Лейпциге. Об этом я ему лично говорил. Куда он ее дел, я не знаю.

Пятое. Охотничьи ружья. 6—7 штук у меня было до войны, 5—6 штук я купил в Германии, остальные были присланы как подарки. Из всех ружей охотилась команда, часть штуцеров, присланных в подарок, я собирался передать куда-либо. Признаю вину в том, что зря я держал такое количество ружей. Допустил я ошибку потому, что, как охотнику, было жаль передавать хорошие ружья.

Шестое. Обвинение меня в распущенности является ложной клеветой, и она нужна была Семочкину для того, чтобы больше выслужиться и показать себя раскаявшимся, а меня — грязным. Я подтверждаю один факт — это мое близкое отношение к З-вой, которая всю войну честно и добросовестно несла свою службу в команде охраны и поезде Главкома. З-ва получала медали и ордена на равных основаниях со всей командой охраны, получала не от меня, а от командования того фронта, который мною обслуживался по указанию Ставки. Вполне сознаю, что я также виноват и в том, что с нею был связан, и в том, что она длительное время жила со мною. То, что показывает Семочкин, является ложью. Я никогда не позволял себе таких пошлостей в служебных кабинетах, о которых так бессовестно врет Семочкин.

К-ва действительно была арестована на Западном фронте, но она была всего лишь 6 дней на фронте, и честно заявляю, что у меня не было никакой связи.

Седьмое. О том, что не желал подписываться на заем,— это также клевета. Никогда меньше 1,5—2-месячного оклада я не подписывался. Это можно подтвердить документами.

Восьмое. Партвзносы действительно платил Семочкин, так

как я состоял в парторганизации Генштаба, а большей частью я был на фронте, и чтобы не просрочить партвзнос, я поручал Семочкину производить партвзнос.

В заключение я заявляю со всей ответственностью:

1. Семочкин явно клевещет на меня. Я очень прошу проверить, был ли у меня подобный разговор с Коневым и другими, как надо обманывать т. Сталина, рассказывая об обстановке.

2. Семочкин клевещет на меня, рассчитывая на то, что он является вторым, после Новикова, свидетелем о якобы моих антисоветских взглядах, и что ему наверняка поверят.

Я глубоко сознаю свою ошибку в том, что поделился с ним сведениями о клеветническом заявлении Новикова и дал ему в руки козырь для нечестных разговоров, антисоветских разговоров и, наконец, против меня.

3. Прошу Центральный Комитет партии учесть то, что некоторые ошибки во время войны я наделал без злого умысла и я на деле никогда не был плохим слугою партии, Родине и великому Сталину.

Я всегда честно и добросовестно выполнял все поручения т. Сталина.

Я даю крепкую клятву большевика — не допускать подобных ошибок и глупостей.

Я уверен, что я еще нужен буду Родине, великому вождю т. Сталину и партии.

Прошу оставить меня в партии. Я исправлю допущенные ошибки и не позволю замарать высокое звание члена Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков).

Член ВКП(б) ЖУКОВ.

12.1.48 г.

Тов. ЖДАНОВУ.

В связи с заявлением Жукова от 13 января с. г. считаю нужным сообщить следующее:

1. По моему указанию, в порядке распоряжения Совнаркома СССР от 23 августа 1945 года, была выдана одна трофейная легковая автомашина писателю Славину в возмещение автомашины, похищенной у него в начале войны (в этот же день было дано аналогичное распоряжение для писателей Кирсанова и Лидина и др.).

2. Мною выяснено, что моею дочерью Светланой в 1945 году был сделан один ценный подарок ко дню рождения подруги — дочери Жукова — золотое кольцо с бриллиантом, купленное в комиссионном магазине за 1.200 рублей. Остальные подарки в аналогичных случаях — неценные безделушки.

В. Молотов

21/I.48 г.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Брежнев Леонид Ильич (1906—1982) — в то время занимал пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР. Одновременно с июня 1963 г.— секретарь ЦК КПСС.

Суслов Михаил Андреевич (1902—1982) — член Президиума ЦК КПСС, член Президиума Верховного Совета СССР.

Шверник Николай Михайлович (1888—1970) — Председатель Партийной комиссии при ЦК КПСС, член Президиума ЦК КПСС.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА В ПРИБАЛТИКЕ В 50-е ГОДЫ

1956 год полон драматических событий. Глухой ропот недовольства в лагере социализма взрывается скоротечной, но ожесточенной гражданской войной в Венгрии, кровавыми событиями в Польше.

Эти события получили отзвук в республиках Прибалтики, хотя и воспринимались по-разному. Сложная политическая обстановка в значительной степени подпитывалась социально-психологическими факторами — неприятием коренным населением самого факта пребывания стран Балтии в составе СССР, методов советизации общественной жизни, а также надеждой на скорое обретение национальной независимости под воздействием освободительных тенденций в «советском блоке».

В то же время русскоязычное население с тревогой наблюдало рост антисоветских настроений. Не находя поддержки на местах, оно апеллировало к высшим государственным органам и партийным инстанциям. Однако информация благополучно оседала в архивах, не получая ни соответствующих оценок, ни тем более разрешения поставленных вопросов.

Из Вильнюса

ИНФОРМАЦИЯ

Политические настроения основной массы тружеников Литовской ССР здоровые.

Вместе с тем в республике имеются отдельные лица и группы населения с политически нездоровыми настроениями. Эти настроения и враждебные высказывания особенно активно проявились среди некоторой части старой интеллигенции и студенчества в связи с политическими событиями в Польше, Венгрии и на Ближнем Востоке.

Враждебные элементы расценивают события в Польше и Венгрии как положительное явление и выражают симпатии венгерским контрреволюционерам. В эти дни в Вильнюсском государственном университете были обнаружены лозунги и листовки следующего содержания: «Да здравствует революция в Венгрии, последуем ее примеру», «Литовцы! Литва — литовцам, русские оккупанты, убирайтесь вон» и некоторые другие аналогичного характера.

Имеются попытки со стороны враждебных элементов разжечь вражду между русскими и литовцами.

Гр. г. Каунаса Иванаускас заявил: «События в Венгрии — это начало конца. Скоро от СССР отпадут все демократические страны путем низвержения ненавистных им систем. Затем волнения перекинутся в Прибалтику, которая в конечном итоге также будет освобождена от русских».

Учительница г. Каунаса Балтушкене сказала, что если во всех демократических странах так мучаются, как у нас, то неудивительно, что происходят восстания.

Под влиянием националистически настроенных студентов имеются отсталые настроения также у комсомольцев.

На прошедшем 25 октября комсомольском активе студентов историко-филологического факультета и 28 октября комсомольской конференции Вильнюсского госуниверситета вновь поднимался вопрос о переименовании проспекта им. Сталина в улицу Гедимина, установления памятника Гедимину, как основателю г. Вильнюса, мотивируя тем, что в Москве установлен памятник Юрию Долгорукому.

Конференция поддержала выступление студентки Абрайдите и записала в резолюцию пункт с требованием открытия школ с преподаванием на литовском языке для детей репрессированных, находящихся в Сибири, а также для литовцев, проживающих в соседней Молодечненской области Белоруссии.

Наиболее значительное влияние на г. Вильнюс и окружающие его районы, а также на г. Каунас имеют события в Польше. Эти события усиливают частнособственнические тенденции в некоторых слоях населения.

Колхозник Кулаковский (из Вильнюсского района, по национальности поляк), ранее репрессированный за антисоветскую деятельность, заявил: «До настоящего времени в Польше правительство было коммунистическое, но теперь к власти пришел Гомулка, пострадавший от большевиков, и он больше не будет работать по их указке, а поведет страну по новому пути, как это делает Тито в Югославии. Конечно, Гомулка не сразу порвет с Советским Союзом, а наберется сил, а затем покончит связь с Москвой. В Польше колхозов не будет, а будет такой порядок, который существовал до 1939 г. Поэтому в колхозах нам не следует работать, все равно весной мы уедем в Польшу».

В связи с решениями VIII пленума ЦК ПОРП о роспуске нерентабельных кооперативов отдельные группы населения выражают надежду на роспуск колхозов в Литве. Это же усилило стремление граждан польской национальности выехать из СССР. Только по г. Вильнюсу 26 октября было оформлено 333 документа на продажу индивидуальных домов. Если с февраля по октябрь сего года было выдано 259 удостоверений на выезд в Польшу, то за 20 дней октября выдано их 198.

Наряду с этим имеются и другие суждения. Единоличник Матусевич (поляк) из д. Жилянца Вильнюсского района в присутствии граждан заявил: «Сейчас в Польшу ехать нет необходимости, так как там происходит перемена власти, но в недалеком будущем польское правительство потребует вернуть Польше ранее принадлежавшие ей районы бывшего Вильнюсского воеводства, и мы лишь должны помочь польским властям изгнать из этих районов литовцев и русских».

Появление антисоветских и буржуазно-националистических настроений вызывается провокационными радиопередачами «Голоса Америки», «Би-Би-Си», «Свободная Европа» и другими станциями, слушание которых за последнее время участилось. Наша же пропаганда недостаточно оперативно и решительно разоблачает и дает отпор этим выпадам. Кроме того, враждебная советскому строю агитация исходит от перемещенных и ранее репрессированных лиц. За последнее время в Литву вернулось свыше 18 тыс. таких лиц.

Польское население Литвы зачастую неправильно информируется о положении в Польше отдельными гражданами Польской республики, прибывающими в Литву.

Майор польской армии Языковский в разговоре с жителями д. Бояры Вильнюсского района заявил: «В Польше жизнь значительно лучше, чем в СССР. Там дают льготы крестьянам. Колхозов больше нет, кооперативные хозяйства ликвидируются, развивается частная торговля. Из Польши легко можно выехать в США и другие страны, а у вас в

Литве крестьяне живут еще в нужде. Поэтому польским крестьянам следует выезжать в Польшу».

Наряду с враждебными влияниями имели место другие причины, порождающие нездоровые настроения. Материальные трудности в некоторых экономически слабых колхозах порождают недовольство колхозным строем. Колхозники говорят, что жить стало трудно, хлеб приходится покупать в городе, жилые дома рушатся, поправить их нечем.

В последние дни население республики проявляет исключительный интерес к вопросам международной и внутренней политики, требует конкретных ответов и объяснения причин, породивших события в Польше и Венгрии, в чем заключались ошибки в проводимой там политике.

Наиболее характерными вопросами являются следующие.

Почему сложилась такая обстановка в Венгрии, куда смотрела руководящая партия?

Не является ли применение оружия против венгерского народа продолжением политики Сталина?

Почему русские, занимающие различные посты в республике, не знают литовского языка и зачастую пренебрежительно относятся к его изучению?

1 и 2 ноября проводились в республике так называемые религиозные праздники «задушные дни». В г. Вильнюсе и особенно в г. Каунасе с 6 час. вечера до 12 час. ночи со 2 на 3 ноября состоялись массовые сборища религиозных верующих, в числе которых было очень много студентов Вильнюсского госуниверситета, педагогического института Вильнюса и политехнического института, а также других вузов г. Каунаса. На кладбищах пелись буржуазные гимны, националистические литовские песни, а также выкрикивались антисоветские лозунги: «Да здравствует Венгерская республика, последуем примеру Венгрии», «Половину погибнем, половину останемся, но завоюем свободную Литву», «Дайте свободу Литве».

В Каунасе небольшая группа, человек 25—30, прорвалась в 11 час. вечера к горкому партии и кричала: «Да здравствует революция в Венгрии. Дайте нам свободу», затем принятыми мерами была рассеяна.

Подробную информацию о последних событиях дадим сегодня несколько позже.

Центральный Комитет Компартии Литвы принимает меры к усилению массово-политической и разъяснительной работы среди населения республики. Члены Центрального Комитета направлены на предприятия, в учреждения и вузы для проведения бесед, посвященных Октябрьским праздникам и разъяснению политического положения и задач республики.

Секретарь ЦК КП Литвы
ШАРКОВ

Копия

ПРЕЗИДИУМУ ЦК КПСС

Мы, русские жители г. Каунаса Литовской ССР, сообщаем, что в ночь со 2 ноября на 3 ноября 1956 г. на кладбище у могилы Неизвестного солдата произошли массовые антисоветские выступления жителей города.

В этих выступлениях принимали участие старые и молодые, и в особенности студенты вузов города.

Это был кулачный бой и драки. Пели гимн времен правления Сметоны и несли его флаги по городу, выкрикивали лозунги «Долой Советскую власть». Характерно, что местные власти ничего не могли сделать.

Это ужасное выступление было направлено прежде всего против русского народа (людей), которых оскорбляли и всячески унижали.

Неужели не известно Президиуму ЦК, что ежегодно в г. Каунасе в дни так называемых знаменательных дат «Сметоны» антисоветские массовые выступления всегда имеют место. Скоро дело дойдет до того, что русских в городе убивать будут. Литовцы на это способны и мстительны.

Мы — очевидцы тех злодеяний, совершенных литовцами в 1941 г., когда наша армия уходила из г. Каунаса.

Немецкие фашисты оказались по своей жестокости гуманнее, чем литовцы, которые убивали насмерть ни в чем не повинных советских людей: мужчин, женщин и детей, не знавших литовского языка. Убивали на улицах, в домах, отъезжающих на вокзале, нигде нельзя было появляться русским людям.

Вот как живет и побеждает дело Великого Октября в г. Каунасе, за которое русский народ боролся и отдал миллионы своих жизней, а его руководящая роль ныне сведена на нет. Что же будет дальше?

Известно ли Президиуму ЦК, что в г. Каунасе не работает 50 проц. трудоспособного населения, которое занимается только спекуляцией и организацией антисоветских выступлений.

К нашему стыду, как известно, строится Каунасская ГЭС, а они посмеиваются и участия в работе не принимают, заявляя, что «русские построят, а мы плоды пожинать будем».

Проявляется полный национализм в вузах, в которых студенты воспитываются в ярко выраженном националистическом духе, и не случайно, что студенты везде являются застрельщиками всех антисоветских выступлений.

Как правило, в вузы города под предлогом выращивания национальных кадров не принимается молодежь русской нацио-

нальности, оканчивающая среднюю школу в городе, тогда как в других союзных республиках литовцы в вузы принимаются. Выходит, что русских лишают и образования.

На работу в учреждения города поступить невозможно, для поступления необходимо хорошее знание литовского языка, так как русского языка они не признают.

Можно было бы привести много и много примеров и фактов о том, что в г. Каунасе большая часть населения враждебно настроена и открыто выступает против Советской власти.

Нам кажется, что со стороны горкома КП Литвы (первый секретарь т. Каснаускайте, председатель горисполкома т. Пилигримас, а таже ЦК КП Литвы — т. Снечкус) не принимается решительных мер в области правильного проведения ленинской национальной политики.

Если со стороны Президиума ЦК КПСС не будут предприняты радикальные меры (а у нас сейчас позиция невмешательства в дела союзной республики имеет место), это может разрастись до государственной опасности.

Вишняков
Холодилов
Сухих
и другие

3 ноября 1956 г.

Адрес: Литовская ССР, г. Каунас,
ул. Гипподрома, д. 12 —
Л. М. Вишняков.

Копия

ПРЕЗИДИУМУ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

2 ноября 1956 года литовско-буржуазные националисты отмечали религиозный праздник в городе Каунасе, этот религиозный праздник проводился на кладбище проспекта Ленина и сопровождался выступлением против Советской власти в Литве. На данном кладбище собралось в порядке 35 тысяч человек-националистов, в основном студенты Политехнического института, учащиеся средних литовских школ и бывшая реакционная знать фашистской Литвы, которые выпущены из тюрем и ссылок Сибири после 1953 года. На кладбище был вывешен фашистско-сметоновский флаг и пели сметоновский гимн, были выброшены лозунги: «Долой Советскую власть в Литве», «Да здравствует независимая Венгрия, Польша и Литва», «Долой русских из Литвы», «Долой коммунизм».

Я Вам пишу, как очевидец этой, по существу, демонстрации. Но что меня поразило, когда на второй день представитель КГБ т. Ляудис и секретарь ЦК КП Литвы т. Нюнька, а также присутствовал секретарь горкома КП Литвы т. Каснаускайте и т. Смирнова, собрали нас в горком партии и заявили, что это были просто хулиганские (отдельные) выкрики и что этому не нужно придавать значения. Боюсь, что они точно так же проинформировали ЦК КПСС или совсем не доложили. Над этим вопросом нужно серьезно задуматься. В Литве действительно не любит Советскую власть подавляющее большинство. Это видно из того, что они, т. е. литовцы, очень озлоблены на колхозы, которые почти большинство развалены, а т. Снечкус и т. Шумаускас обманывают ЦК КПСС и правду не говорят о положении в колхозах.

Вот мне приходилось беседовать с некоторыми литовскими работниками и вот один из работников, фамилия его Маукявечус, заявил: в 1937 году мой отец работал рассыльным на почте, получал 170 руб. в месяц, содержал семью, четверо детей, мать, он кормил их, обувал и одевал. И тут же сравнивает, а сейчас рассыльная у меня сестра, получает 270—320 рублей в месяц и если на эти деньги питаться одной как следует, то ей хватит только на 5 дней, а если семью прокормить в шесть душ, то только хватит самое большое на 2 дня, а остальное время как жить до получки, а одежда, а обувь и т. д.

И я сделал вывод, что это так, и тут уже никакая агитация его не убедит. Да он и заявил, что меня убеждать, если я голо-

ден, если и за такие деньги нет в магазинах ни сахару, ни мяса, ни масла, ни колбасы и даже хлеба не бывает, я его старался убедить, рассказал ему о великих стройках в стране, привел пример, что в Каунасе строится ГЭС на Немане; он мне ответил — все это так, но голодный человек при социалистическом строе не должен быть, если бы я не работал, то другое дело, а я работаю да честно работаю, а семью содержать не могу, не говоря уже об обуви и одежде. Справедливо он привел пример, что вот работает в магазине или на складе каком-либо заведующий или продавец, он живет на широкую ногу, покупает машину «Победа» или «Москвич», строит дом себе и т. д., а его заработок 600 рублей, и он семью имеет, а где он все эти средства берет? Наверное, ворует, кто живет, а кто отживает. Вот людей с такими доводами не убедишь, а он ведь, если разобраться, прав.

И теперь, когда реакционные силы подняли мятеж в Будапеште, все реакционные силы Каунаса начинают давать знать о себе. Работать становится тяжело. На кой черт выпустили из тюрем и ссылок бывших сметоновских приближенных, которым сейчас одна работа — поднимать народ Литвы на восстание. А уж если выпустили, нужно создать условия всем, чтобы не языком с ним болтать, а на деле показать. Вот «кто работает, тот и ест», а то мы этого сказать пока не сможем, потому что у нас заработки низкие, продукты питания дорогие, и тех в магазинах нет. Над этим вопросом нужно задуматься или установить режим, существовавший до 1953 года, или дать жить. Люди не понимают, что все идет на стройку, у них одно: «Когда был Сметона в Литве, у нас самый нищий жил лучше, чем живет сейчас начальник при социализме».

Положение, которое начало создаваться в Литве, и особенно в Каунасе, нужно серьезно расценивать, а не так, как ценят тт. Ляудис, Нюнька, Снечкус, Шумаускас и т. д. И правительство СССР, и ЦК КПСС нужно информировать правильно, а то потом поздно будет. Потечет опять кровь русских «иванов» по литовской земле. Вот в Каунасе такое положение, если среди литовских женщин в очереди за продуктами стоят русские женщины, то их обязательно из очереди выгонят и в лицо наплюют. Открыто на улицах оскорбляют русских. Казалось, это пустяки, но они развивают национализм и вражду по отношению к русским. Ну, а что из себя русский народ представляет, Вам об этом писать не нужно, Вы знаете. Хотя бы взять проехать по литовским кладбищам и посмотреть, сколько русских сложило головы за освобождение Литвы от фашизма и в последующей борьбе с литовско-националистическими вооруженными бандами. И теперь этому народу-герою не дают свободно пройти по улицам г. Каунаса.

Я Вас ставлю в известность, что нужно предпринимать незамедлительные меры. Конечно, здравомыслящий человек разумеет, что все требования по зарплате и снабжению мы сейчас

удовлетворить не сможем, потому что мы, коммунисты, понимаем, какой период переживает страна, но создать «условия» всем реакционерам мы сможем, у нас много залежных земель, еще большое пространство Сибири, много еще не освоено целины и т. д.

Правительство наше и ЦК КПСС должны принять самые неотложные меры и пресекать беспощадно вылазки буржуазных националистов. Я Вам это сообщаю, как очевидец этих всех дел, и хочу предупредить, что всякие поблажки приведут к нехорошему, или нужно создать условия для прожиточного минимума в Литве.

Много развязало реакционеров письмо о И. В. Сталине, они сейчас коммунистов называют кровопийцами и везде приводят пример о Сталине. Это письмо не единоличное, а от массы народа, и его нужно понять.

Прошу работников ЦК КПСС, кто получит это письмо, довести его до Президиума ЦК КПСС, в этом письме все правда.

Предложение такое: Политехнический институт перевести в другой город, набор делать из бедной прослойки, преданной Советской власти, т. е. как у нас было после революции 1917 года, а всю сволочь исключить из институтов и заставить работать в шахтах. Тов. Каснаускайте, как секретарь горкома КП Литвы г. Каунаса, очень слаба.

Кримков

4.XI.1956 года

ЦК КПСС

ЦК КП Эстонии сообщает, что за последние дни 3 и 4 ноября 1956 г. в республике имели место отдельные антисоветские проявления.

3 ноября с. г. на Ратушной площади г. Таллина задержана гражданка Стиллверк Анна Яновна, 1885 г. рождения, работающая сторожем инвалидной артели в Вальве, которая при скоплении публики выкрикивала: «Долой коммунистов. Русские, убирайтесь вон».

3 ноября 1956 г. около 9 часов вечера в столовой г. Таллина «Копли» гр. Крилт Ханс Самуилович, 1928 года рождения, часовой мастер артели «Тяхт» выкрикивал: «Русские, убирайтесь из Эстонии».

По этим лицам ведется расследование органами.

В конце октября с. г. были получены данные о том, что учащиеся 1-й средней школы г. Таллина нелегально, организованным путем изготовляют памятные кольца с инициалами шведского короля Густава-Адольфа, которые в буржуазный период носили учащиеся гимназии имени Густава-Адольфа, шведского короля. Принятыми мерами выявлены организаторы и изготовители упомянутых колец.

С 28 октября по 3 ноября 1956 г. в г. Тарту было обнаружено и изъято 19 шт. антисоветских листовок, распространяемых в различных частях города. Установлено, что листовки изготовляли и распространяли ученики 6-го класса 1-й средней школы г. Тарту Пайкре Антс, Крейс Юрий и Вильба Вальдур, все они 1944 года рождения, именовли себя союзом «Спартанцев». Инициатором изготовления и распространения листовок, как установлено, был Крейс Юрий. Как он рассказал, поводом к этим действиям послужили антисоветские передачи «Голоса Америки» о венгерских событиях, которые он слушал.

По линии партийных комитетов и органов КГБ проводятся необходимые мероприятия по выявлению организаторов, возможно стоящих за подростками.

4 ноября 1956 г. бюро ЦК КП Эстонии обсудило телеграмму ЦК КПСС о положении в Венгрии и задачах парторганизаций в связи с подготовкой к Октябрьскому празднику. Было принято решение о посылке во все районы и города республики членов ЦК КП Эстонии, министров и других ответственных работников для оказания помощи в проведении этой работы на местах. 5 но-

ября утром ЦК КП Эстонии проведен инструктаж этих работников и все они выехали на места.

Передовая «Правды» за 4 ноября и другие материалы переведены на эстонский язык и направлены в районы с этими товарищами.

Отклики на события в Венгрии собираются, обобщаются и будут переданы 6 ноября утром.

Секретарь ЦК КП Эстонии
КЭБИН

Передал Черников
Приняла Григорьева
5 ноября 1956 г.

Президиуму Центрального Комитета КПСС

Бюро ЦК КП Литвы считает необходимым информировать Президиум ЦК КПСС о некоторых явлениях политического характера, которые выявляются в Литве в связи с событиями в Польше и Венгрии. Следует указать, что эти события содействовали активизации буржуазно-националистических и других вражеских элементов. В последнее время увеличивается количество разных антисоветских высказываний о том, что «наступило время освободиться от советского угнетения», что «надо делать так, как в Венгрии» и т. п. Кое-где появляются листовки и лозунги антисоветского характера. На селе участились случаи поджогов. В ноябре месяце были совершены два террористических акта, в результате которых были убиты один председатель колхоза и два колхозника. 2 ноября, в день религиозного праздника, националистические элементы в городе Каунасе пытались в антисоветских целях использовать скопление верующих на кладбище. Националистические элементы пытаются активизировать свою деятельность среди учащейся молодежи.

Свою подстрекательскую деятельность усилила радиостанция «Голос Америки», ведущая радиопередачи на литовском языке. В последнее время «Голос Америки» открыто заявляет о том, что вражеская деятельность буржуазных националистов, направленная на реставрацию капитализма в Литве, найдет поддержку со стороны правящих кругов США. Так, в радиопередаче от 18 октября с. г. сообщалось: «Вице-президент Никсон, начиная предвыборную кампанию нынешнего года, в Калифорнии принял литовскую делегацию и пообещал всестороннюю поддержку в борьбе за освобождение Литвы». В этой же радиопередаче сообщалось о том, что вице-президент Никсон от имени президента в Вашингтоне принял петицию от делегации литовских студентов, в которой поднимался вопрос о возвращении Литве «независимости», и повторил «убеждение Соединенных Штатов не признавать порабощение Литвы».

Имеются сведения о том, что 25 октября 1956 года Эйзенхауэр принял представителей различных эмигрантских антисоветских организаций США. Отвечая на вопрос представителя литовской эмиграции, Эйзенхауэр заявил, что США окажут помощь литовским националистам, если в Литве будут вызваны события, подобные тем, которые имели место в Венгрии.

На политической обстановке в республике отрицательно сказывается также и то, что за последнее время в Литву в резуль-

тате амнистии и по отбытии наказания без нашего ведома возвратилось большое количество лиц, ранее совершивших тяжкие контрреволюционные преступления. Многие из них в прошлом являлись лидерами буржуазных партий, главарями вооруженных контрреволюционных банд.

Нельзя также не учитывать роли католической церкви, которая является легальным прикрытием враждебных националистических элементов внутри республики. Правда, под влиянием ряда обстоятельств в составе католической церкви все более растет группа ксендзов, ограничивающих свою деятельность религиозными вопросами в пределах советского законодательства. Однако значительная часть духовенства продолжает оставаться на враждебных, антисоветских позициях. Деятельность католической церкви в целом способствует разжиганию не только религиозных, но и националистических предрассудков. Националистически настроенные элементы пытаются изображать католическую церковь как «защитницу» литовского народа и его культуры от «русификации». Потерпев поражение в открытой политической борьбе, антисоветские элементы из числа духовенства сосредоточивают свое внимание на вопросах борьбы в области идеологии, стремясь использовать — и не всегда безуспешно — влияние церкви для культивирования националистических предрассудков, особенно среди молодежи.

Следует отметить, что на сей раз проявление националистического характера захватили более широкие группы населения. Неправильные поступки имели место и со стороны отдельных коммунистов.

Мы считаем, что вышеизложенные обстоятельства выдвигают перед партийной организацией республики ответственную задачу мобилизации всех сил на решительный отпор вражеским вылазкам. В соответствии с этой задачей нами проводятся конкретные мероприятия, в которых сочетается усиление отпора буржуазно-националистическим вылазкам любого рода с усилением политической работы в массах.

Вместе с тем мы должны учесть, что на политическую обстановку в республике отрицательно влияет также наличие ряда вопросов, волнующих трудящихся и вызывающих их недовольство. Это, во-первых, вопросы, связанные с практическим проведением национальной политики; во-вторых, вопросы, касающиеся колхозного строительства; в-третьих, вопросы улучшения материально-бытовых условий низкооплачиваемых категорий рабочих и служащих.

I.

Вопросы, связанные с практическим проведением национальной политики в республике, нами были освещены в информации «Об ознакомлении с докладом товарища Хрущева Н. С. «О культе личности и его последствиях в Литовской ССР», которую мы

послали в ЦК КПСС 6 июня с. г. В своей записке мы отмечали, что трудящиеся республики с большим удовлетворением восприняли установки XX съезда партии по вопросам практического проведения национальной политики. Нами также отмечался и ряд недостатков в этом вопросе.

Мы просили помощи ЦК КПСС в упорядочении поднятых в записке вопросов, однако до сих пор ответа на поднятые вопросы не получили.

Между тем, за последнее время вопросы, связанные с практическим проведением национальной политики в республике, ставятся значительно острее, чем раньше. Среди трудящихся можно слышать все больше нареканий на то, что во многих учреждениях литовцы не могут объясняться на родном языке. В ЦК КП Литвы поступают заявления, в том числе от коммунистов, в которых выражается недовольство тем, что во многих учреждениях республики игнорируется литовский язык. Эти вопросы поднимаются и на партийных собраниях. Например, на отчетно-выборном собрании партийной организации Правления Союза советских писателей писатель т. Ионинас и другие в своих выступлениях высказывали недовольство тем, что во многих учреждениях города Вильнюса нельзя договориться на литовском языке. Отмечалось, что некоторые работники даже оскорбляют граждан, говорящих на литовском языке. Эти критические замечания нашли поддержку у всех присутствовавших на собрании писателей. Подобные вопросы поднимались на отчетно-выборных собраниях первичных партийных организаций политехнического, медицинского институтов и др.

Большой интерес среди трудящихся вызвали последние работы Ленина, опубликованные в журнале «Коммунист» № 9. Поднимаются вопросы о том, в какой степени будут практически осуществляться указания Ленина по национальному вопросу, изложенные в этих документах.

Характерно, что среди интеллигенции широко комментируется Декларация Советского правительства об основах развития и дальнейшего укрепления дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и другими социалистическими государствами. В ряде случаев выдвигаются вопросы о том, будут ли и в какой мере будут применяться к союзным республикам принципы, изложенные в этой Декларации.

Среди трудящихся, особенно среди студенческой молодежи, широко поднимается вопрос о переименовании улиц, носящих имя И. В. Сталина; поднимается также вопрос и о восстановлении старых названий некоторых улиц, которые были переименованы в послевоенные годы.

Следует сказать, что в ряде случаев постановка этих вопросов приобретает националистическую окраску. Имеют место антирусские выпады.

Следует отметить, что наши недочеты в практическом проведении национальной политики пытаются использовать в демагогических целях не только буржуазно-националистические элементы, но и отдельные коммунисты. Так, член партии проф. Купчинскас в поисках дешевой популярности среди студенчества выступил на конференции комсомольской организации медицинского института, упрекая студентов в том, что они не борются за введение делопроизводства на литовском языке, за восстановление старых названий улиц и т. п. Характерно, что т. Купчинскас подобных вопросов раньше никогда и нигде не поднимал. Член ЦК КП Литвы т. Пушинис обратился с предложением перепечатать из «Правды» (13 ноября 1956 г.) в республиканской печати выступление Яноша Кадара, как актуальное для республики, явно намекая, что выдвинутые Кадаром обвинения в подхалимстве можно применить и к Литовской ССР.

В той критике, которой подвергается практическое осуществление национальной политики в нашей республике, есть много необоснованного, а порой и прямо вражеского, которое скрывается под маской критики. Мы даем решительный отпор любым попыткам под видом критики отдельных недостатков поставить под сомнение правильность национальной политики нашей партии. Мы широко разъясняем трудящимся, что практическое претворение в жизнь ленинских принципов национальной политики обеспечило подлинную свободу литовскому народу, расцвет его экономики и культуры.

Вместе с тем мы считаем, что необходимо более решительно устранять имеющиеся недостатки, ибо медлительность в решении этих вопросов может осложнять политическую обстановку в республике.

Нами уже принимаются практические меры, чтобы в ближайшее время навести должный порядок в употреблении литовского языка. В решении этого вопроса необходимо, чтобы нам на помощь пришли и союзные организации, представители которых в республике нередко пренебрежительно относятся к литовскому языку и даже игнорируют указания республиканских партийных органов по этому вопросу.

Осуждая компансйщину в вопросах расстановки кадров и решительно пресекая малейшие проявления шовинизма, мы все же считаем необходимым в ближайшее время осуществить более широкую перестановку кадров, ибо серьезные недостатки в этой области вызывают законное недовольство среди трудящихся, а также способствуют подогреванию националистических, антирусских настроений.

Безусловно, что при решении этой задачи необходимо, чтобы все партийные организации республики еще более повышали политическую бдительность с тем, чтобы была исключена малейшая возможность проникновения в государственный аппарат политически сомнительных людей, чтобы полностью было обеспе-

чено соблюдение ленинских принципов подбора кадров, т. е. чтобы выдвигались политически стойкие и преданные партии люди, способные по своим деловым качествам обеспечить порученный участок работы.

Нам, очевидно, необходимо пойти на широкое выдвижение местных национальных кадров не только в районных, но и в республиканских организациях, в том числе в ЦК и Совете Министров. Нельзя считать нормальным, когда в составе правительства Литовской ССР (Совета Министров) местные товарищи составляют немногим более 50 процентов.

Большие нарекания со стороны населения вызывает положение дел с кадрами на Литовской железной дороге и в ряде других союзных организаций. В Управлении Литовской железной дороги из 48 руководящих работников имеется лишь 5 литовцев, причем и из них некоторые не знают литовского языка. Из 298 ответственных и технических работников Управления литовцев насчитывается лишь 16 человек.

В последнее время замедлилось выдвижение национальных кадров в партийном аппарате, о чем свидетельствуют следующие данные. С 1 января 1954 года по 1 июля 1956 года в сельских райкомах количество литовцев увеличилось всего лишь на 155 человек и в настоящее время составляет 58,6 процента всех ответственных работников райкомов. Таким образом, в среднем по каждому району в течение двух с половиной лет было выдвинуто на партийную работу по 2—3 товарища литовской национальности. Слабо идет выдвижение людей, знающих литовский язык, на должность вторых секретарей сельских райкомов (из 83 вторых секретарей — литовцев имеется 28), что создает трудности в налаживании партийно-политической работы в районе. В горкомах и городских райкомах партии за вышеуказанный период времени количество литовцев уменьшилось со 102 до 77 человек, или с 43 до 37 процентов. Мало литовцев среди секретарей городских первичных парторганизаций. Даже в городе Каунасе, где основная масса рабочих и интеллигенции — литовцы, по состоянию на 1 декабря 1956 года среди секретарей первичных партийных организаций литовцев только 45 процентов.

Это в значительной степени затрудняет укрепление связей с массами и является одной из причин слабого роста партийной организации за счет рабочих и интеллигенции из числа литовцев. К этому следует добавить, что на большинстве промышленных предприятий города Каунаса директорами, а также начальниками отделов кадров работают товарищи, не владеющие литовским языком, многие из которых не имеют даже среднего образования. Это вызывает нарекания со стороны рабочих, а также молодых специалистов, получивших высшее образование и работающих на второстепенных должностях.

Полностью признавая ответственность бюро ЦК КП Литвы за эти серьезные недостатки, мы считаем необходимым указать так-

же и на то, что имеются некоторые причины, тормозящие выдвижение национальных кадров и не зависящие от нас.

Выдвижение национальных кадров встречает порой довольно сильное противодействие со стороны отдельных приехавших товарищей, которые в этом усматривают проявление шовинизма и т. п. Такое противодействие проявляют иногда и некоторые союзные министерства.

Мы обращаемся в Президиум ЦК КПСС с просьбой поддержать мероприятия, направленные на более широкое выдвижение национальных кадров, а также оказать содействие в отдельных случаях в отзыве из республики работников, высвобождающихся в связи с выдвижением на их место национальных кадров, когда в республике не будет возможности предоставить этим товарищам работу, соответствующую уровню их подготовки.

II.

Наряду с вопросами национальной политики в последнее время широко поднимаются вопросы, касающиеся колхозного строительства. Помощь, оказанная государством сельскому хозяйству республики, мероприятия партийных и советских органов, направленные на подъем сельского хозяйства, уже дали определенные положительные результаты. Несмотря на крайне неблагоприятные условия последних двух лет, колхозы республики добились некоторых успехов в деле повышения сельскохозяйственного производства. В текущем году колхозы республики повысили урожайность, более успешно провели озимый сев, увеличили поголовье скота, повысили надои и досрочно рассчитались с государством по поставкам молока. Все это положительно сказалось на политических настроениях колхозников. Вместе с тем необходимо отметить, что в последнее время в связи с событиями в Польше и Венгрии имелись факты антиколхозных настроений. Широко комментируются, особенно среди польского населения, те места из доклада Гомулки, где говорится о возможности роспуска экономически слабых кооперативов. Среди колхозников распространяются слухи о том, что якобы в Литве будут распущены колхозы, что земля колхозов будет разделена между колхозниками и т. п. Нами принимаются меры к усилению политической работы на селе, на пресечение антиколхозной агитации. Мы считаем, что эти мероприятия должны быть подкреплены рядом других мероприятий, прежде всего улучшением руководства сельским хозяйством со стороны партийных и советских органов, а также мероприятиями, направленными на повышение материальной заинтересованности колхозников в укреплении колхозов и увеличении сельскохозяйственной продукции, ибо в республике имеется еще много колхозов, в которых доходы колхозников являются крайне низкими. В этом направлении нами разрабатываются

соответствующие мероприятия. Возможно, что возникнет необходимость по некоторым вопросам обратиться в ЦК КПСС.

III.

В результате некоторых достижений в области сельского хозяйства, а также устранения ошибок в распределении фондов, которые допускались Министерством торговли СССР и Центросоюзом, за последнее время улучшилось снабжение городского населения республики продовольственными товарами. За истекшую пятилетку несколько повысилась заработная плата рабочих и служащих. Однако материально-бытовые условия значительной части рабочих и служащих продолжают оставаться тяжелыми. Средняя заработная плата рабочего в Литве составляет 706 рублей в месяц, т. е. на 10 процентов ниже среднемесячной зарплаты рабочего по Советскому Союзу.

Особо следует подчеркнуть то, что во многих отраслях промышленности Литвы средняя заработная плата рабочих значительно ниже по сравнению с Латвией и Эстонией. Например, в 1955 году среднемесячная заработная плата рабочего коммунального хозяйства составляла: в Литве — 506 руб., в Латвии — 611 руб., в Эстонии — 710 руб.; среднемесячная зарплата в местной промышленности: в Литве — 560 руб., в Латвии — 725 руб. Правда, это, может быть, связано с более высоким уровнем производительности труда. Однако мы считали бы, что эта разница в уровне зарплаты чрезмерно большая.

Уровень материального благосостояния трудящихся республики характеризует и тот факт, что товарооборот на душу населения в Литве примерно в два раза ниже, чем в Латвии и Эстонии.

Обращает на себя внимание и тот факт, что заработная плата большого количества рабочих и служащих находится на крайне низком уровне. По данным Статуправления в марте текущего года из 441,5 тыс. рабочих и служащих народного хозяйства республики 62 проц. получили заработную плату ниже 600 рублей, в том числе 107,7 тыс., или 24,4 проц., получили заработную плату ниже 350 рублей.

Отрицательно влияет на политические настроения трудящихся также наличие большого количества людей, нуждающихся в трудоустройстве. Например, по данным Каунасского ГК в городе Каунасе насчитывается около 4000 человек, нуждающихся в трудоустройстве, в то же время сверхплановое количество рабочих на предприятиях города составляет около 2000 человек. В городах республики продолжает оставаться крайне острым жилищный вопрос. По 5 городам республики количество семей, нуждающихся в квартирах, за 10 месяцев текущего года увеличилось на 2000 и в настоящее время составляет 10.067 семей.

Считаем необходимым в ближайшее время принять ряд дополнительных мер, направленных на повышение производитель-

ности труда, улучшение материально-бытовых условий трудящихся и расширение жилищного строительства в республике.

В решении поднятых вопросов нам необходима помощь Союзного правительства.

Важнейшим условием усиления борьбы против оживления буржуазно-националистических проявлений ЦК КП Литвы считает усиление бдительности, борьбы против вражеских элементов. Вместе с тем необходимо также усиление идеологической работы.

ЦК КП Литвы принимает необходимые меры по усилению борьбы за воспитание трудящихся в духе дружбы и братства народов нашей страны, в духе пролетарского интернационализма, по разоблачению пережитков буржуазного национализма, по воспитанию трудящихся в духе социалистической идеологии.

Усиливается политико-массовая работа среди населения, более решительно дается отпор попыткам вражеских элементов протащить буржуазно-националистическую идеологию, оживлять частнособственнические пережитки и националистические предрассудки. Повсеместно проводятся лекции и беседы о международном положении. Организуются выезды республиканского актива в сельские районы для выступлений с политическими докладами о текущем моменте и наших задачах.

Принимаются меры по улучшению научно-атеистической пропаганды, по улучшению разработки вопросов культурного наследия, публикации документов, разоблачающих антинародную деятельность буржуазных националистов и реакционного католического духовенства. Подготавливаются мероприятия по усилению борьбы с вражеской пропагандой из-за границы. Усиливается политическая работа среди отдельных слоев интеллигенции.

Бюро ЦК КП Литвы приняло постановление по усилению идейно-воспитательной работы в вузах. В ближайшее время будет проведен пленум правления Союза писателей. Назревает вопрос о проведении республиканского совещания интеллигенции.

На днях бюро ЦК КП Литвы приняло решение о работе с молодыми специалистами, в котором ставится задача широкого выдвижения молодых специалистов на руководящую работу в промышленности. В ЦК КП Литвы рассматривались вопросы по упорядочению нормирования труда и заработной платы. Эти вопросы намечается вынести на обсуждение пленума ЦК КП Литвы. На состоявшемся недавно пленуме ЦК КП Литвы обсуждены итоги выполнения обязательств по увеличению производства продуктов животноводства и рассмотрен вопрос о проведении зимовки скота в 1956—1957 гг. На IV сессии Верховного Совета Литовской ССР, которая состоялась 29 ноября — 1 декабря, обсуждался вопрос о развитии государственной и кооперативной торговли в республике, а также вопрос о ходе выполнения Закона о пенсиях. Принимаются меры по расширению строительства

жилых домов для рабочих, осуществляемого силами промышленных предприятий.

Нами разработаны и внесены на рассмотрение ЦК КПСС некоторые мероприятия, направленные на усиление репрессивных мер борьбы с враждебными элементами.

ЦК КП Литвы заверяет ЦК КПСС, что партийная организация республики приложит все усилия к тому, чтобы улучшить работу по воспитанию рабочих, колхозников, интеллигенции Литвы в духе великих идей марксизма-ленинизма, советского патриотизма, чтобы еще теснее сплотить трудящихся вокруг Коммунистической партии Советского Союза.

Секретарь ЦК КП Литвы
А. СНЕЧКУС

6 декабря 1956 г.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ КПСС

ИНФОРМАЦИЯ

За последние два года в Латвийскую ССР возвратилось из мест заключения и поселения около 20 тыс. человек, ранее осужденных и высланных в отдаленные места СССР за антисоветскую деятельность, пособничество немецким оккупантам, бандитизм, бывших кулаков и других лиц, из них более 13 тыс. человек активных пособников немецких оккупантов, организаторов и участников вооруженных банд, 6 тыс. человек — высланных за пределы республики, как кулаков и социальноопасных элементов. Возвратились также бывшие лидеры социал-демократической партии, фашистской партии «Перконкрустс», деятели католической церкви и другие активные политические деятели буржуазной Латвии.

Большинство возвратившихся находится в сельской местности, причем значительня концентрация их наблюдается около городов. В г. Риге и пригородных районах проживает более 5 тыс. человек. В среднем в каждом сельском районе в настоящее время проживает от 300 до 500 чел., возвратившихся из мест заключения.

Основная масса возвратившихся трудоустроилась и занимается общественно полезным трудом в сельском хозяйстве и промышленности. Многие уклоняются от работы в колхозах и совхозах, устраиваются на промышленные предприятия, транспорт и на сезонные работы.

Большинство вернувшихся из мест заключения каких-либо антисоветских проявлений не допускает. Однако лидеры буржуазных и фашистских организаций, главари, организаторы антисоветских формирований и вооруженных националистических банд не изменили своего враждебного отношения к советскому государственному строю и пытаются вновь вернуться к проведению активной антисоветской деятельности, направленной на восстановление утраченных связей в республике и с заграничными антисоветскими националистическими центрами, проявляют особый интерес и собирают данные о политическом и экономическом положении республики; занимаются распространением клеветнических измышлений в отношении мероприятий советского правительства и партии, распространяют слухи о неизбежности скорой войны, в которой видят свое спасение. Они восстанавливают связи со своими единомышленниками для активной борьбы

против советской власти на случай ожидаемых ими международных осложнений. Имеются случаи, когда возвратившиеся из заключения лица стремятся приобрести оружие, разжигают ненависть против коммунистов и русских, свое освобождение из мест заключения приписывают нажиму США на Советский Союз.

В Комитете госбезопасности при Совете Министров Латвийской ССР имеются сигналы и серьезные данные в отношении антисоветских действий и намерений 160 чел., возвратившихся из мест заключения. Наиболее характерными из них являются бывший председатель ЦК социал-демократической партии Латвии Мендерс Ф. Я., который группирует вокруг себя активных лидеров этой партии — Лоренца К., Бумейстерс, Гревиньш А., установив личную связь с Мунтерсом — бывшим министром иностранных дел буржуазной Латвии, обсуждая с ними с антисоветских позиций вопросы внутренней и внешней политики Советского Союза, высказываются надежды на «спасение» Латвии только в результате новой войны.

В дни пребывания в г. Риге шведских военных кораблей Мендерс установил связь с корреспондентом шведской социал-демократической газеты Лундбергом, трижды с ним имел длительные беседы, в которых в клеветнической форме информировал его о положении заключенных в лагерях, о политике Советского Союза по национальному вопросу в Латвийской ССР и снабдил его подробной информацией о политическом и экономическом положении в республике.

Мендерс установил связи с лидерами латышских социал-демократов в Швеции, бывшим видным политическим деятелем буржуазной Латвии Бруно Калниньш, Мендерс с помощью шведского правительства пытается выехать в Швецию.

Плакис Э. Ю. — один из организаторов и видных деятелей фашистской партии «Перконкрустс» высказывает намерение проводить глубоко законспирированную организованную националистическую деятельность. Он восстанавливает связи с бывшими членами этой партии, пытается обрабатывать молодежь в националистическом духе.

Плинте — активный участник ликвидированной в 1949 году националистической повстанческой организации «Скотс»; установив ряд связей с единомышленниками, заявил, что он на случай каких-либо осложнений сможет собрать 40—50 чел. для борьбы с Советской Латвией.

В этом же направлении ведет антисоветскую работу Козлов Н. И.— бывший айзсарг, который заявил: «Бывший министр буржуазной Латвии Валдманис находится в Западной Германии, имеет там много вооруженных айзсаргов, он связан с Латвией и на случай осложнений сразу будет здесь организовывать военные соединения, куда в первую очередь войдут айзсарги и все те, кто страдал в лагерях». Козлов ищет источники, откуда можно достать оружие.

Имеют место и более резкие антисоветские проявления и высказывания со стороны озлобленных людей, бывших активных карателей. Вернувшийся из заключения Янсонс К. А. (Скрундский район) напал на гражданина Эберс, стал его душить и кричать, что так будет со всеми коммунистами и комсомольцами, предавшими Латвию русским.

Возвратившийся из заключения Липко в колхозе «Большевик» Лудзенского района на вечере молодежи в Октябрьские дни открыто призывал «бить коммунистов и ставить их к столбу, как в Венгрии».

Аналогичные антисоветские высказывания в адрес советских активистов зафиксированы и со стороны некоторых других лиц, возвратившихся из мест заключения.

Особенно вредное идеологическое влияние оказывают на верующих католиков возвратившиеся из мест заключения ксендз Яшкевич Я. Л., епископ католической церкви Дульбинский К. С., ксендз Штагорс Л. Д., они направляют свою антисоветскую деятельность на отрыв верующих, и особенно молодежи, из-под советского влияния.

Яшкевич (Вилянский район) в костеле в январе месяце 1956 г. произнес речь против безбожников, заявляя, что «они долго существовать не будут». 12 марта он зашел на квартиры к комсомолкам Бренцис Т. А. и Шекстерс М. Я. и призывал их оставить избранный ими ложный путь и возвратиться в церковь, при этом с пренебрежением отзывался о членах КПСС и колхозном активе.

Епископ Дульбинский, разъезжая по приходам, требует, чтобы родители не допускали своих детей на собрания, вечеринки, в кино, театры и «держали бы чистыми в духе и теле».

За последнее время в связи с венгерскими событиями усилились антисоветские и националистические проявления. В г. Риге и некоторых других районах республики (Лиепайском, Тукумском, Алсунгском, Елгавском, Валмиерском, Талсинском, Салдусском, Кандавском, Гаусенском) были обнаружены в почтовых ящиках, на стенах домов и в других местах листовки, в которых выражается солидарность с венгерскими мятежниками, содержатся призывы к борьбе с коммунистами и русскими и [за] установление «независимой Латвии». Всего за октябрь — декабрь месяцы было 34 случая распространения листовок, из них в г. Риге — 24 случая. Всего обнаружено 228 листовок.

Участились антисоветские высказывания в очередях, поездах, трамваях и троллейбусах.

Имеется ряд нездоровых высказываний со стороны отдельных представителей и интеллигенции — художников, писателей, научных работников и работников газет. Так, работник газеты «Циня» Зандовский Рихард заявляет, что «руководителям партии в Москве необходимо сделать колоссальные выводы из венгерских событий. Виновных в венгерском вопросе следует,

искать в Москве. И у нас в Латвии притесняют национальные интересы».

Центральный Комитет Латвии, учитывая это, принимает меры по повышению политической бдительности и усилению массово-политической работы среди населения.

Секретарь ЦК КП Латвии
КАЛНБЕРЗИН

Передал Дроздов
Приняла Черенкова
7 декабря 1956 г.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Гомулка Владислав (партийный псевдоним Веслав) (р. 1905), деятель польского и международного рабочего движения. С октября 1956 по декабрь 1970 г. первый секретарь ЦК ПОРП.

Густав II Адольф (1594—1632), шведский король с 1611 г. Крупный полководец. Сын короля Карла IX.

Кадар Янош (р. 1912), деятель венгерского и международного коммунистического и рабочего движения, государственный и политический деятель ВНР. В июле 1956 г. член Политбюро и секретарь ЦК ВПТ. Во время контрреволюционного мятежа 1956 г. в Венгрии (октябрь—ноябрь) выступил инициатором создания Венгерского революционного рабоче-крестьянского правительства, воссоздания и укрепления партии венгерского рабочего класса. В ноябре 1956—июне 1957 г. председатель временного ЦК, с июня 1957 г. первый секретарь ЦК Венгерской социалистической рабочей партии (ВСРП). В ноябре 1956—январе 1958 г. председатель Венгерского революционного рабоче-крестьянского правительства.

Калнберзин, Калнберзиньш Ян Эдуардович (р. 1893), советский государственный и партийный деятель. В 1940—1959 гг. первый секретарь ЦК КП(б) Латвии.

Кэбин Иван (Иоганнес) Густавович (р. 1905), советский государственный и партийный деятель. С 1950 г. первый секретарь ЦК КП Эстонии.

Никсон Ричард Милхаус (р. 1913), государственный деятель США. В 1953—1961 гг. вице-президент США в правительстве Д. Эйзенхауэра.

Сме́тона Антанас (1874—1944), литовский государственный деятель, публицист, фашистский диктатор Литвы 1926—1940 гг.

Снечкус Антанас Юозович [25.12.1902 (7.I.1903)—1974], советский партийный и государственный деятель. С 1940 до 1974 г. первый секретарь ЦК КПЛ. С 1952 г. член ЦК КПСС

Тито, Броз Тито Иосип (1892—1980), деятель югославского и международного коммунистического и рабочего движения, государственный, политический и военный деятель СФРЮ, маршал. В 1952—1966 гг. генеральный секретарь Союза коммунистов Югославии.

Хрущев Никита Сергеевич (1894—1971), советский государственный и партийный деятель, генерал-лейтенант. С сентября 1953 по октябрь 1964 г. первый секретарь ЦК КПСС.

Шумаускас Мотеюс Юозович (р. 1905), советский государственный и партийный деятель. В 1954—1956 гг. второй секретарь ЦК КПЛ. В 1956—1967 гг. председатель Совета Министров Литовской ССР.

Эйзенхауэр Дуайт Дэйвид (1890—1969), государственный и военный деятель США, генерал армии. В 1953—1961 гг. 34-й президент США.

СОКРАЩЕНИЕ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ СССР В СЕРЕДИНЕ 50-х ГОДОВ

Публикуемые документы относятся к середине 50-х годов, когда были приняты решения о сокращении численности Вооруженных Сил. Обращают на себя внимание два обстоятельства. Первое — решения касались не только Советской Армии, но и армий стран народной демократии. И во всех случаях они принимались в Москве. Второе — процесс сокращения численности Вооруженных Сил в который раз осуществлялся неумело и безжалостно, без оглядки на человеческие судьбы. Потрясает своим бездушием отношение высоких инстанций к людям, выполнившим свой долг перед Родиной, отдавшим ей здоровье, силы и надежды и выброшенным как отработанный материал. Пренебрежение социальными потребностями военнослужащих и их семей стало традицией советской жизни и стилем партийно-государственной бюрократии.

Эту традицию так и не удалось сломать за годы безраздельного господства КПСС, чья «забота» о защитниках Отечества так и не обеспечила гармоничного единства партии и армии.

СТРОГО СЕКРЕТНО

ОСОБАЯ ПАПКА

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА ЦК КПСС

12 августа 1955 г.

О сокращении численности Советской Армии и армий стран народной демократии

1. Принять представленный Министерством обороны проект постановления Совета Министров СССР о сокращении численности Вооруженных Сил (прилагается).

2. Принять предложение Министерства обороны о сокращении численности армий стран народной демократии и продлении срока их перевооружения.

Утвердить прилагаемые тексты писем секретарям ЦК коммунистических и рабочих партий стран народной демократии.

СЕКРЕТАРЬ ЦК

Сов. секретно

СОВЕТ МИНИСТРОВ СОЮЗА ССР

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

12 августа 1955 года № 1481-825сс

Москва, Кремль

О сокращении численности Вооруженных Сил

Совет Министров Союза ССР постановляет:

1. Утвердить предложения Министерства обороны о сокращении к 15 декабря 1955 года штатной и списочной численности Вооруженных Сил на 340 тысяч человек и, кроме того, установить обязательный некомплект в личном составе Вооруженных Сил в количестве 300 тысяч человек с учетом уже имеющегося некомплекта.

Сокращаемый личный состав в количестве 340 тысяч человек, а также военнослужащих за счет установленного обязательного некомплекта уволить в запас.

2. Обязать Министерство обороны в месячный срок представить в Совет Министров Союза ССР предложения по удлинению сроков и количеству авиационных дивизий, подлежащих формированию согласно постановлениям Совета Министров Союза ССР от 25 ноября 1954 года № 2386-1140 и № 2382-1136.

Председатель
Совета Министров Союза ССР

Н. БУЛГАНИН

Управляющий делами
Совета Министров СССР

А. КОРОБОВ

Совершенно секретно

СЕКРЕТАРЮ ЦК ПОЛЬСКОЙ ОБЪЕДИНЕННОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ

товарищу БОЛЕСЛАВУ БЕРУТУ

В связи с изменением международной обстановки после Женевского совещания глав правительств четырех держав и в целях снижения расходов на содержание вооруженных сил считаем целесообразным рассмотреть вопрос о сокращении общей численности вооруженных сил мирного времени, установленной Протоколом совещания, с 360 тысяч до 300 тысяч человек.

В связи с этим желательно также пересмотреть планы перевооружения армии и оперативной подготовки территории страны с учетом продления срока этих мероприятий.

Детали этих вопросов могут быть предварительно согласованы по линии Генеральных штабов.

Ваше мнение по этому предложению просим сообщить.

С коммунистическим приветом

Секретарь ЦК КПСС

Н. ХРУЩЕВ

12 августа 1955 года

Совершенно секретно

СЕКРЕТАРЮ ЦК КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ЧЕХОСЛОВАКИИ

товарищу АНТОНИНУ НОВОТНОМУ

В связи с изменением международной обстановки после Женевского совещания глав правительств четырех держав и в целях снижения расходов на содержание вооруженных сил считаем целесообразным рассмотреть вопрос о сокращении общей численности вооруженных сил мирного времени, установленной Протоколом совещания, с 229 тысяч до 195 тысяч человек.

В связи с этим желательно также пересмотреть планы перевооружения армии и оперативной подготовки территории страны с учетом продления срока этих мероприятий.

Детали этих вопросов могут быть предварительно согласованы по линии Генеральных штабов.

Ваше мнение по этому предложению просим сообщить.

С коммунистическим приветом

Секретарь ЦК КПСС

Н. ХРУЩЕВ

12 августа 1955 года

Совершенно секретно

СЕКРЕТАРЮ ЦК ВЕНГЕРСКОЙ ПАРТИИ ТРУДЯЩИХСЯ

товарищу МАТИАС РАКОШИ

В связи с изменением международной обстановки после Женевского совещания глав правительств четырех держав и в целях снижения расходов на содержание вооруженных сил считаем целесообразным рассмотреть вопрос о сокращении общей численности вооруженных сил мирного времени, установленной Протоколом совещания, со 145 тысяч до 125 тысяч человек.

В связи с этим желательно также пересмотреть планы перевооружения армии и оперативной подготовки территории страны с учетом продления срока этих мероприятий.

Детали этих вопросов могут быть предварительно согласованы по линии Генеральных штабов.

Ваше мнение по этому предложению просим сообщить.

С коммунистическим приветом

Секретарь ЦК КПСС

Н. ХРУЩЕВ

12 августа 1955 года

Совершенно секретно

СЕКРЕТАРЮ ЦК РУМЫНСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ

товарищу ГЕОРГЕ АПОСТОЛ

В связи с изменением международной обстановки после Женевского совещания глав правительств четырех держав и в целях снижения расходов на содержание вооруженных сил считаем целесообразным рассмотреть вопрос о сокращении общей численности вооруженных сил мирного времени, установленной Протоколом совещания, с 250 тысяч до 210 тысяч человек.

В связи с этим желательно также пересмотреть планы перевооружения армии и оперативной подготовки территории страны с учетом продления срока этих мероприятий.

Детали этих вопросов могут быть предварительно согласованы по линии Генеральных штабов.

Ваше мнение по этому предложению просим сообщить.

С коммунистическим приветом

Секретарь ЦК КПСС

Н. ХРУЩЕВ

12 августа 1955 года

Совершенно секретно

СЕКРЕТАРЮ ЦК
БОЛГАРСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

товарищу ТОДОРУ ЖИВКОВУ

В связи с изменением международной обстановки после Женевского совещания глав правительств четырех держав и в целях снижения расходов на содержание вооруженных сил считаем целесообразным рассмотреть вопрос о сокращении общей численности вооруженных сил мирного времени, установленной Протоколом совещания, со 147 тысяч до 130 тысяч человек.

В связи с этим желательно также пересмотреть планы перевооружения армии и оперативной подготовки территории страны с учетом продления срока этих мероприятий.

Детали этих вопросов могут быть предварительно согласованы по линии Генеральных штабов.

Ваше мнение по этому предложению просим сообщить.

С коммунистическим приветом

Секретарь ЦК КПСС

Н. ХРУЩЕВ

12 августа 1955 года

Совершенно секретно

СЕКРЕТАРЮ ЦК
АЛБАНСКОЙ ПАРТИИ ТРУДА

товарищу ЭНВЕР ХОДЖА

В связи с изменением международной обстановки после Женевского совещания глав правительств четырех держав и в целях снижения расходов на содержание вооруженных сил считаем целесообразным рассмотреть вопрос о сокращении общей численности вооруженных сил мирного времени, установленной Протоколом совещания, с 41 тысячи до 33 тысяч человек.

В связи с этим желательно также пересмотреть планы перевооружения армии и оперативной подготовки территории страны с учетом продления срока этих мероприятий.

Детали этих вопросов могут быть предварительно согласованы по линии Генеральных штабов.

Ваше мнение по этому предложению просим сообщить.

С коммунистическим приветом

Секретарь ЦК КПСС

Н. ХРУЩЕВ

12 августа 1955 года

Сов. секретно
Особой важности
Экз. № 1

СПРАВКА-ДОКЛАД [Г. К. ЖУКОВА О СОКРАЩЕНИИ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ

12 августа 1955 г.]

1. В настоящее время штатная численность Вооруженных Сил составляет 4.815.870 человек. Фактически по списку содержится 4.637.523 человека, в том числе: офицеров — 905.093 и личного состава мастерских, ремонтных органов, строительных частей, контрольно-приемного аппарата и научно-исследовательских учреждений — 370.731 человек.

Некомплект составляет 178.347 человек.

Фактическая списочная численность по видам Вооруженных Сил распределяется следующим образом:

— Сухопутные войска 2.321.243 чел.
— Военно-Морской Флот 747.452 чел.
— Военно-Воздушные Силы 732.322 чел.
— Войска ПВО страны 498.931 чел.
— Воздушно-десантные войска 84.201 чел.
— Аэродромно-строительные и строительные части 253.374 чел.

Министерство обороны предлагает сократить к 15 декабря 1955 года штатную и списочную численность Вооруженных Сил на 340.000 чел., в том числе и войск, выводимых из Австрии, и, кроме того, установить после сокращения обязательный некомплект личного состава Вооруженных Сил в количестве 300.000 человек с учетом уже имеющегося некомплекта.

Сокращаемый личный состав в количестве 340 тысяч человек, а также военнослужащих за счет установленного обязательного некомплекта уволить в запас.

По отдельным видам Вооруженных Сил штатную и списочную численность намечается сократить:

— Сухопутные войска на 210.000 чел.
— Военно-Морской Флот на 33.000 чел.
— Военно-Воздушные Силы на 16.500 чел.
— Войска ПВО страны на 29.000 чел.
— Войска, выводимые из Австрии, на 38.500 чел.

В связи с сокращением частей и соединений и уменьшением численности рот и батарей в числе 340.000 человек предусматривается сократить должности заместителей по политической части командиров рот и батарей и вместо них создать партийно-политический аппарат в батальонах, как это было в период Великой Отечественной войны, что даст — 13.000 офицеров.

Сокращение численности Вооруженных Сил Министерство обороны предлагает осуществить путем:

— перевода на штаты меньшей численности стрелковых, механизированных и танковых дивизий, дислоцируемых на территории СССР, а также сокращения численности морской пехоты и береговой обороны;

— переформирования 13 корпусных артиллерийских бригад в корпусные артиллерийские полки;

— сокращения численности артиллерийских дивизий прорыва;

— расформирования 11 управлений авиационных корпусов ВВС из 17 имеющихся и 2 управлений авиакорпусов истребительной авиации ПВО из 7 имеющихся. Руководство авиационными дивизиями возлагается непосредственно на воздушные армии;

— переформирования пяти прожекторных дивизий в десять отдельных прожекторных полков;

— переформирования Амурской флотилии в Военно-речную базу и Северо-Тихоокеанской флотилии в Военно-морскую базу 1-го разряда;

— сокращения численности частей боевого обеспечения, тыловых и строительных частей и учреждений, военно-учебных заведений и сокращения отдельных должностей.

2. В соответствии с Постановлениями Совета Министров Союза ССР от 25 ноября 1954 года №№ 2386-1140 и 2382-1136 Министерство обороны обязано сформировать в период 1955—1957 гг. 39 бомбардировочных авиадивизий, в том числе:

8 дивизий стратегической авиации;

11 дивизий дальней авиации;

20 дивизий фронтовой авиации и 16 бомбардировочных третьих авиаполков для существующих бомбардировочных и минно-торпедных дивизий двухполкового состава фронтовой авиации и авиации Военно-Морского Флота.

На основании указанных Постановлений Правительства Министерством обороны в 1955 году формируются: 1 дивизия стратегической авиации, 5 дивизий дальней авиации, 2 бомбардировочные дивизии фронтовой авиации, а также 6 бомбардировочных авиаполков для существующих бомбардировочных авиадивизий двухполкового состава фронтовой авиации.

В 1956 году Министерство обороны считает целесообразным провести формирования только одной стратегической авиадивизии и одного авиаполка. Все остальные формирования дальней и фронтовой авиации отнести на более поздние сроки. Указанные соображения уже учтены в представленном проекте по бюджету Министерства обороны на 1956 год. Предложения Министерства обороны по удлинению сроков формирования указанных выше авиационных соединений будут представлены дополнительно.

Г. ЖУКОВ

12 августа 1955 года

СТРОГО СЕКРЕТНО

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА ЦК КПСС

9 февраля 1956 г.

Вопрос Министерства обороны СССР

1. Одобрить предложения Министерства обороны СССР (т. Жукова) по дальнейшему сокращению численности Вооруженных Сил СССР и поручить Министерству обороны СССР уточнить сроки проведения намеченных мероприятий.

Вопрос о времени опубликования сообщения о дальнейшем сокращении численности Вооруженных Сил СССР рассмотреть отдельно.

2. Сокращение военнослужащих и обучающихся в военно-учебных заведениях произвести не позже 1 августа 1956 г.

3. Вопрос о суворовских училищах рассмотреть отдельно.

4. Поручить т.т. Микояну и Жукову рассмотреть вопрос о торговых учреждениях военного ведомства.

5. Поручить комиссии т. Булганина рассмотреть вопрос о передаче гражданским ведомствам, без ущерба для дела, строительства объектов, выполняемого расформировываемыми частями и отрядами военного ведомства, и свои предложения доложить ЦК КПСС.

6. Поручить Министерству обороны СССР (т. Жукову) изучить вопрос о фонде «конь-армии» и свои предложения доложить ЦК КПСС.

СЕКРЕТАРЬ ЦК

[Записка Г. Жукова и В. Соколовского в ЦК КПСС о ходе выполнения постановления Совета Министров СССР от 12 августа 1956 г. о сокращении численности Советской Армии и с предложениями по дальнейшему сокращению Вооруженных Сил СССР

9 февраля 1956 г.]

Сов. секретно
особой важности
экз. № 1

В соответствии с Постановлением Совета Министров СССР от 12 августа 1955 года № 4181-825, Министерством обороны произведено сокращение штатной и списочной численности Вооруженных Сил на 340 тысяч человек и, кроме того, установлен обязательный некомплект личного состава в количестве 300 тысяч человек с учетом уже имевшегося к тому времени в Вооруженных Силах некомплекта в количестве 178.217 человек.

Кроме того, в соответствии с соглашением от 19 сентября 1955 года между СССР и Финляндской республикой о ликвидации советской военно-морской базы Порккала-Удд сокращена численность Вооруженных Сил на 16.962 человека.

В целях уменьшения некомплекта Министерство обороны дополнительно сократило штатную численность Вооруженных Сил на 48.417 человек.

В настоящее время численность Вооруженных Сил вместе со строительными, ремонтными и вспомогательными частями составляет: по штату 4.406.216 чел., по списку 4.147.496 чел. На 1 марта 1953 года штатная численность была 5.396.038 чел. За период с 1 марта 1953 года по 1 января 1956 года сокращено: по штату 989.822 чел., в том числе 172.238 офицеров и генералов, по списку 1.106.216 чел., в том числе 119.074 офицера и генерала.

Министерство обороны считает возможным сократить штатную численность Вооруженных Сил в 1956 году еще на 420.000 чел., путем сокращения боевых соединений, органов управления, тыловых и обслуживающих частей и учреждений, военно-учебных заведений, а также путем замены в войсках, учреждениях, ВУЗах, складах, ремонтных органах и т. д. военнослужащих служащими.

В этих целях Министерство обороны предлагает:

По боевым войскам и органам управления

1. Расформировать управления Беломорского и Таврического военных округов, а для руководства войсками, имеющимися в этих округах, создать корпусные управления.

2. Расформировать десять управлений стрелковых, два управления воздушно-десантных и три управления авиационных корпусов, подчинив дивизии этих корпусов непосредственно командующим армиями или командующим войсками военных округов, а воздушно-десантные дивизии — командующему воздушно-десантными войсками.

3. Расформировать три стрелковые дивизии, дислоцированные на Дальнем Востоке в г. Сретенск, г. Иман и п. Краскино (Приморье), две воздушно-десантные дивизии (одну на Дальнем Востоке и одну в Европейской части СССР) и один отдельный стрелковый полк на Дальнем Востоке.

4. Расформировать двадцать три отдельных тяжелых танко-самоходных полка, а личный состав и тяжелые танки обратить на формирование одной тяжелой танковой дивизии, согласно ранее утвержденному плану оргмероприятий, и доукомплектование двух имеющихся тяжелых танковых дивизий.

5. Расформировать бригаду морской пехоты на Камчатке.

6. Расформировать управление Чкаловской дивизии ПВО, создав на его базе вспомогательный пункт управления Куйбышевского корпуса ПВО.

7. Расформировать отдельные зенитные артиллерийские дивизионы по прикрытию аэродромов истребительной и штурмовой авиации, как не имеющие особой боевой ценности в современных условиях.

8. Перевести зенитно-артиллерийские полки Войск ПВО 72-орудийного состава на штаты 56-орудийного состава. При перевооружении этих полков ракетами они будут развернуты до необходимой численности.

9. Вывести из боевого состава Военно-Морского Флота в резерв и консервацию в течение 1956—1957 гг. до 200 кораблей и катеров.

10. Списать на слом 93 и перевести в другие классы 69 устаревших кораблей и катеров, согласно представлению Министерства обороны в ЦК КПСС от 31 декабря 1955 года, утвержденному 8 февраля с. г. Советом обороны.

11. Расформировать один зенитно-прожекторный полк в Московском округе ПВО.

12. Сократить численность центрального аппарата Министерства обороны и военной приемки.

В числе предлагаемых мероприятий по Группе советских войск в Германии намечается вывести на территорию СССР и расформировать четыре управления стрелковых корпусов, два армейских тяжелых танкосамоходных полка, один батальон и одну роту аэродромно-технического обеспечения и одну школу младших авиаспециалистов.

Во избежание ослабления артиллерии Группы войск, на базе корпусных артиллерийских и зенитных частей упраздняемых че-

тырех корпусов будут сформированы две армейские пушечные дивизии и одна зенитная артдивизия.

В результате численность наших войск в Германии будет уменьшена на 7.500 человек.

По частям обеспечения

1. Упразднить управления авиационно-технических дивизий, дислоцируемых на территории СССР, передав части аэродромного обслуживания авиасоединениям.

2. Расформировать линейные части связи, содержащиеся в Министерстве обороны для строительства новых и реконструкции существующих кабельных и воздушных линий связи, а работы, выполняемые ими, возложить на Министерство связи СССР.

3. Исключить из численности Вооруженных Сил и передать Министерству торговли СССР торговые учреждения, обслуживающие войска, дислоцируемые за границей (отделы торговли, торгово-заготовительные базы, офицерские магазины, офицерские столовые, полковые лавки, буфеты), военнослужащих этих торговых учреждений уволить в запас, обязав Министерство торговли СССР заменить их рабочими и служащими.

4. Сократить численность воинских частей сопровождения грузов, а перевозку воинских грузов (артиллерийских тягачей, тракторов, автомобилей и военно-технического имущества, перевозимого в крытых запломбированных вагонах), производить на общих основаниях наряду с народнохозяйственными грузами.

5. В настоящее время судоподъемные и подводно-технические работы выполняются: на морях — аварийно-спасательной службой Военно-Морского Флота, а на реках и озерах — Главным управлением подводно-технических и специальных работ Министерства речного флота.

Предлагается сосредоточить выполнение судоподъемных и подводно-технических работ в Министерстве морского флота СССР. Оставить в Военно-Морском Флоте только необходимые подразделения аварийно-спасательной службы для обеспечения боевой подготовки и оказания помощи кораблям, терпящим бедствие.

По военно-учебным заведениям

В связи с намечаемым сокращением численности Вооруженных Сил сократить численность военно-учебных заведений на 40.000 человек, при этом:

— вместо двух военных академий: Военно-транспортной академии и Военной академии тыла и снабжения, иметь одну военную академию с факультетами военных сообщений, тыла и автотракторным. Факультеты путей сообщения и дорожного строи-

тельства, в связи с сокращением численности железнодорожных войск и ликвидацией дорожно-строительного корпуса, расформировать;

— расформировать Военно-юридическую академию и иметь вместо нее военный факультет при одном из гражданских юридических институтов;

— военно-ветеринарный факультет при Московской ветеринарной академии расформировать, обязав Министерство сельского хозяйства готовить для Вооруженных Сил необходимое количество ветеринарных врачей;

— имеющиеся в составе военно-учебных заведений Министерства обороны пятнадцать школ музыкантских воспитанников передать в ведение министерств просвещения союзных республик по месту дислокации, на правах детских домов, т. к. в настоящее время имеется возможность комплектовать военные оркестры за счет молодежи, окончившей музыкальные училища или учившейся в самодеятельных оркестрах;

— ввиду неудовлетворительных бытовых условий суворовских училищ, переформировать семнадцать суворовских училищ в десять суворовско-офицерских училищ. Мероприятия по суворовским училищам провести в течение двух лет, т. е. в 1956 и 1957 гг.

По строительным частям

Для выполнения строительства в Вооруженных Силах содержатся военно-строительные части численностью 231.015 военнослужащих.

Кроме того, вне норм численности Вооруженных Сил имеются военно-строительные части численностью 73.095 военнослужащих и военно-строительные отряды численностью 218.880 чел. военных рабочих по призыву.

Министерство обороны предлагает оставить в Вооруженных Силах для аэродромного и специального строительства в отдаленных районах с особыми тяжелыми климатическими и метеорологическими условиями военно-строительные части численностью 105.000 военнослужащих и военно-строительные отряды численностью 115.000 военных рабочих по призыву.

Все остальные строительные части и военно-строительные отряды Министерства обороны расформировать.

Помимо указанных мероприятий, Министерство обороны считает возможным уменьшить численность Вооруженных Сил путем замены отдельных должностей военнослужащих рабочими и служащими в ряде частей и учреждений, где должностным лицам по характеру работы не потребуется военная подготовка, а именно:

— в органах управления, в различных тыловых частях, в научно-исследовательских учреждениях, в военно-учебных заведениях заменить ориентировочно до 100.000 человек;

— полностью заменить военнослужащих рабочими и служащими на военных предприятиях (заводах, базах, мастерских), производящих капитальный ремонт самолетов, танков, автомобилей, тракторов, аппаратуры связи (кроме предприятий, дислоцированных за границей), ориентировочно до 10.000 человек.

Взамен военнослужащих увеличить численность рабочих и служащих в Вооруженных Силах на 110.000 человек и численность сторожевой охраны на 11.000 человек.

Всего предлагается сократить по видам Вооруженных Сил:

Сухопутные войска	на	142.911 чел.
Военно-Морской Флот	на	52.000 чел.
Военно-Воздушные Силы	на	43.296 чел.
Войска противовоздушной обороны страны	на	40.117 чел.
Воздушно-десантные войска	на	7.036 чел.
Части и учреждения центрального подчинения	на	8.591 чел.
Аэродромно-строительные и строительные части, состоящие в численности Вооруженных Сил	на	126.049 чел.

Расформировать строительные части, состоящие вне норм, численностью 73.095 чел. и военно-строительные отряды численностью 103.880 человек.

Министерство обороны СССР в соответствии с решениями Совета Министров СССР производит строительство текстильного комбината № 513 в г. Калинине, заводов Министерства промышленности строительных материалов, учебных и жилых корпусов для Московского энергетического института, базисных складов для хранения порохов и взрывчатых веществ государственного и мобилизационного резерва Министерства общего машиностроения, хранилищ жидкого кислорода Министерства химической промышленности, заводов, летных полей и аэровокзалов Министерства авиационной промышленности и Главного управления Гражданского Воздушного Флота, электростанций, радиостанций, предприятий пищевой промышленности и много других объектов.

В связи с предлагаемым сокращением строительных частей, Министерство обороны СССР просит освободить его, начиная с 1956 года, от выполнения строительно-монтажных работ для других министерств и ведомств и возложить эти работы на соответствующие министерства и ведомства.

Освободить Министерство обороны от строительства в г. Москве и, в связи с этим, передать Главмосстрою, начиная с 1956 года, все строительство в г. Москве и ее пригородах, по планам Министерства обороны.

Постановлением Совета Министров СССР от 12 августа 1955 года № 4181-825 для Вооруженных Сил установлен некомплект 300.000 человек.

В связи с тем, что в боевых частях оказалось мало сержантов и солдат, что сказывается на их боевой подготовке, Министерст-

во обороны просит из числа сокращаемых 420.000 человек фактически уволить из Вооруженных Сил 300.000 человек, а 120.000 человек обратить на покрытие некомплекта и установить норму некомплекта не 300.000 человек, как это предусмотрено Постановлением Совета Министров СССР от 12 августа 1955 года № 4181-825, а 180.000 человек.

Предлагаемые мероприятия по сокращению Вооруженных Сил провести в следующие сроки:

— расформирование и сокращение численности частей и учреждений — к 1 ноября 1956 года;

— вывод в резерв и консервацию кораблей и катеров — в течение 1956—1957 гг.;

— сокращение численности военно-учебных заведений — к 1 декабря 1956 года;

— передачу торговых учреждений Министерству торговли СССР и школ музыкантских воспитанников министерствам просвещения союзных республик — к 1 октября 1956 года;

— замену военнослужащих рабочими и служащими — к 1 января 1957 года;

— расформирование и реорганизацию строительных и аэродромных частей и учреждений произвести в две очереди: 25 проц.— к 15 ноября 1956 года и 75 проц.— к 1 января 1957 года;

— сокращение военно-строительных отрядов произвести: 35 проц.— в декабре 1956 года и остальные 65 проц.— к 1 мая 1957 года.

Для обеспечения строек Министерства обороны необходимо обязать Госэкономкомиссию СССР предусматривать в ее планах направление рабочих строительным организациям Министерства обороны по мере их расформирования, за счет организованного набора среди населения.

Просим рассмотреть и утвердить.

Г. ЖУКОВ
В. СОКОЛОВСКИЙ

9 февраля 1956 года

СТРОГО СЕКРЕТНО

ОСОБАЯ ПАПКА

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА ЦК КПСС

17 марта 1956 г.

Вопрос Министерства обороны СССР

Утвердить прилагаемый проект постановления Совета Министров СССР «О сокращении численности Вооруженных Сил».

СЕКРЕТАРЬ ЦК

СОВЕТ МИНИСТРОВ СССР

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

от 17 марта 1956 г. № 362-233сс

Москва, Кремль

О сокращении численности Вооруженных Сил

Совет Министров Союза ССР постановляет:

1. Утвердить предложения Министерства обороны СССР о сокращении в 1956 году штатной численности Вооруженных Сил на 420.000 военнослужащих.

2. В частичное изменение Постановления Совета Министров СССР от 12 августа 1955 г. № 1481-825 установить обязательный некомплект в личном составе Вооруженных Сил в количестве 180.000 человек вместо ранее установленного 300.000 человек.

3. Разрешить Министерству обороны СССР:

из числа сокращаемых 120.000 человек обратить на покрытие существующего некомплекта в Вооруженных Силах, а остальной высвободившийся личный состав в количестве 300.000 человек уволить в запас;

увеличить численность рабочих и служащих в Вооруженных Силах на 110.000 человек и лимит сторожевой охраны на 11.000 человек.

4. Принять предложение Министерства обороны СССР о передаче школ музыкантских воспитанников, указанных в Приложении, в ведение министерств просвещения союзных республик. Школы содержать в порядке и на условиях, установленных для детских домов.

5. В связи с сокращением численности аварийно-спасательной службы Военно-Морского Флота освободить Министерство обороны СССР с 1 января 1957 г. от выполнения судоподъемных и подводно-технических работ для других министерств и ведомств.

Поручить Госэкономкомиссии СССР совместно с Министерством морского флота, Министерством речного флота, Министерством рыбной промышленности СССР и Министерством

обороны СССР рассмотреть вопрос о создании на базе имеющихся средств у этих министерств и других гражданских организаций единой службы для выполнения судоподъемных и подводно-технических работ и представить предложения в Совет Министров СССР.

6. В частичное изменение Постановления Совета Министров СССР от 15 августа 1948 г. № 3102 установить, что грузы Министерства обороны СССР, включая автотракторную технику и военно-техническое имущество, с 1 января 1957 года принимаются к отправке и перевозке по железным дорогам порядком, установленным для народнохозяйственных грузов, за исключением особо важных и опасных грузов, сопровождение и охрана которых осуществляются средствами Министерства обороны СССР. Таким же порядком указанные грузы принимаются к перевозке и водным транспортом.

7. В связи с расформированием Военно-юридической академии поручить Министерству высшего образования СССР совместно с Министерством обороны СССР рассмотреть и решить вопрос об организации военно-юридического факультета при одном из юридических институтов.

8. Обязать Советы Министров республик, исполнительные комитеты областных, краевых Советов депутатов трудящихся принять меры к трудоустройству и обеспечению жильем увольняемых согласно настоящему Постановлению офицеров и сверхсрочнослужащих порядком, установленным Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 1 сентября 1955 г. № 1640.

Председатель
Совета Министров Союза ССР
Н. БУЛГАНИН

Управляющий делами
Совета Министров СССР
А. КОРОБОВ

[Записка И. Конева и А. Желтова в ЦК КПСС об отношении в армии к Заявлению Советского правительства по вопросу о разоружении

1 июня 1956 г.]

Секретно

Экз. № 1

ЦК КПСС

Заявление Советского правительства по вопросу о разоружении в целом по Армии и Флоту воспринято личным составом правильно. Подавляющее большинство солдат, матросов, сержантов, старшин и офицеров одобряет мероприятия по сокращению Вооруженных Сил СССР и рассматривает их как крупный шаг по пути смягчения международной напряженности и улучшения благосостояния советского народа.

Однако есть отдельные случаи и неправильных толкований указанного выше решения Правительства. Некоторые офицеры выражают сомнение в целесообразности одностороннего сокращения Вооруженных Сил СССР.

Например, в Группе советских войск в Германии командир взвода старший лейтенант Скакалкин поставил вопрос так: «Не является ли решение нашего Правительства о сокращении армии преждевременным? Ведь Аденауэр спешит с созданием своей армии и американцы не собираются уменьшать свои войска».

В 50-й воздушной армии дальней авиации подполковник Чухачев сказал: «Хорошо, если нам удастся отстоять мир, а то в случае войны снова придется на ходу готовить кадры».

В Белорусском военном округе техник-лейтенант Штопорков заявил: «Как бы нам не досокращаться, как в 1941 году».

Отрицательным является также то, что часть молодых офицеров начинает тяготиться службой в Армии и выражает желание поскорее уйти в запас с тем, чтобы легче было устроиться на гражданскую работу. Много разговоров по этому поводу ведется и среди курсантов военных училищ. Некоторые из них сожалеют, что пошли учиться на офицера.

Среди офицеров старшего возраста имеют место настроения нервозности и неуверенности. Некоторые выражают недовольство работой местных органов власти по трудовому и жилищному устройству офицеров запаса. В Одесской области, например, до сих пор не трудоустроено 329 офицеров, уволенных из Армии в прошлом году, из них 120 человек не имеют права на пенсию.

Отмечены отдельные случаи упаднических настроений. В Минском суворовском училище, например, офицер-воспитатель майор Хмелевский заявил: «Если бы не дети, то хоть пулю в лоб».

Среди рядового и сержантского состава много ведется разговоров о досрочном увольнении. Появились настроения благодушия. В лагерях 23 гв. мд (МВО) с получением газет, в которых было опубликовано заявление Правительства по вопросу о разоружении, целые подразделения кричали «Ура».

Политические органы усиливают разъяснительную работу среди личного состава, сосредоточивая главное внимание на том, что и при сокращенной численности Вооруженные Силы СССР должны надежно охранять мирный труд нашего народа, не ослаблять бдительности, сохранять высокую боеготовность. Командирам и начальникам предложено внимательно изучать настроения личного состава и своевременно реагировать на них.

Солдатам и сержантам, заканчивающим срочную службу, а также молодым офицерам, подлежащим увольнению в запас, разъясняется Обращение ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 18 мая с. г. ко всем комсомольцам и молодежи.

И. КОНЕВ
А. ЖЕЛТОВ

1 июня 1956 года

СТРОГО СЕКРЕТНО

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА ЦК КПСС

6 января 1958 г.

О дальнейшем сокращении Вооруженных Сил СССР

1. Одобрить предложения, представленные Министерством обороны, о сокращении штатной и списочной численности Вооруженных Сил СССР на 300 тысяч человек.

2. Утвердить с принятыми на заседании Президиума ЦК поправками прилагаемый проект постановления Совета Министров СССР о сокращении численности Вооруженных Сил.

3. Утвердить текст сообщения ТАСС для печати по этому вопросу.

4. Относительно военных кораблей, которые исключаются из состава Военно-Морского Флота как устаревшие, Министерству обороны СССР с учетом обмена мнениями на заседании Президиума ЦК внести свои предложения в Совет Министров СССР.

СЕКРЕТАРЬ ЦК

К пункту 1 прот. № 133
Сов. секретно

СОВЕТ МИНИСТРОВ СОЮЗА ССР

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

от 6 января 1958 года № 41

Москва, Кремль

О сокращении численности Вооруженных Сил

Совет Министров Союза ССР постановляет:

1. Утвердить предложения Министерства обороны о сокращении в 1958 году штатной и списочной численности Вооруженных Сил на 300 тысяч человек.

2. Обязать Министерство обороны СССР:

— увольнение офицерского состава в запас провести в течение 1958 года за счет офицеров, выслуживших установленные Законом предельные сроки службы и имеющих право на пенсионное обеспечение, больных, а также не имеющих должной военной и специальной подготовки.

Сержантов и солдат уволить в запас досрочно;

— перевести солдат реорганизуемых строительных частей в военно-строительные отряды на положение рабочих военного призыва.

3. Изменить установленный постановлением Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР от 25 мая 1956 года № 720 порядок приема в суворовские военные и нахимовское военно-морское училища и установить, что в суворовские военные и нахимовское военно-морское училища принимаются юноши — дети военнослужащих Советской Армии и Военно-Морского Флота, офицеров, генералов и адмиралов запаса, а также рабочих, колхозников и служащих — здоровые, наиболее способные для военной службы, достигшие 14—15-летнего возраста после окончания ими семи классов средней школы.

4. Обязать Советы Министров союзных и автономных республик, исполнительные комитеты краевых и областных Советов депутатов трудящихся, руководителей предприятий, учреждений и организаций предоставлять работу офицерам и сверхсрочнослужащим, уволенным в запас, не позднее месячного срока со дня прибытия их к месту жительства, с учетом их специальности и опыта работы.

5. Обязать руководителей министерств, ведомств, предприятий и учреждений предоставлять офицерам, уволенным в запас,

преимущества при поступлении в школы и на курсы для обучения соответствующим профессиям. В период обучения выплачивать офицерам, уволенным в запас, стипендию в размере 75 процентов тарифной ставки (месячного оклада) по той должности, на которую они готовятся, за исключением лиц, получающих пенсию.

6. Обязать исполкомы краевых, областных, городских и районных Советов депутатов трудящихся обеспечить офицеров, уволенных в запас, жилплощадью в первую очередь. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 26 августа 1948 года оказывать им содействие в отводе земельных участков, строительстве индивидуальных жилых домов и отпуске строительных материалов по государственным ценам.

7. Поручить Министерству финансов СССР и Госплану СССР представить предложения о сокращении ассигнований по бюджету и материально-технического снабжения по народнохозяйственному плану на 1958 год в соответствии с настоящим постановлением.

Председатель
Совета Министров Союза ССР
Н. БУЛГАНИН

Управляющий делами
Совета Министров СССР
А. КОРОБОВ

[Записка Р. Малиновского и В. Соколовского в ЦК КПСС с предложениями по дальнейшему сокращению Вооруженных Сил СССР

3 января 1956 г.]

ОСОБАЯ ПАПКА

Сов. секретно

Экз. № 1

В соответствии с поручением Президиума ЦК КПСС от 6 декабря 1957 года (протокол № 128), Министерство обороны рассмотрело вопрос о сокращении численности Вооруженных Сил и считает возможным сократить штатную и списочную численность Вооруженных Сил в 1958 году на 300.000 человек путем сокращения органов управления, тыловых и обслуживающих частей и учреждений, военно-учебных заведений и боевых соединений и частей.

В этих целях Министерство обороны предлагает:

По боевым войскам и органам управления

Вывести на территорию СССР из Группы советских войск в Германии войсковых частей и учреждений на 41.753 человека, в том числе: две мотострелковые дивизии, одну из которых перевести на сокращенные штаты 3-тысячного состава; другую мотострелковую дивизию, а также армейские артиллерийские и зенитно-артиллерийские части расформировать.

Кроме того, в составе Группы семь зенитных артиллерийских дивизий и две армейских артдивизии переформировать в бригады.

Вывести из Южной группы войск на территорию СССР управление 38-й армии с частями охраны и обслуживания и две мотострелковые дивизии, которые перевести на сокращенные штаты 3-тысячного состава, разместив их в Прикарпатском военном округе.

В результате проведения указанных мероприятий численность наших войск в Германии будет уменьшена на 41.753 военнослужащих и в Венгрии — на 17.109 военнослужащих.

1. Расформировать:

— управление Южно-Уральского военного округа;

— управление 25-й армии в п. Шкотово Дальневосточного военного округа;

— одно управление авиационного корпуса и управление Ленинградского военно-морского района, подчинив соединения и части их командующему флотом;

— восемь мотострелковых дивизий, в том числе: пять на Дальнем Востоке (г. Благовещенск, с. Барабаш, г. Сучан, Сахалин, Камчатка) и три в Забайкалье (ст. Даурия, разъезды 74 и 77);

— два управления минно-торпедных авиадивизий, одно управление истребительной авиадивизии, одно управление военно-транспортной авиадивизии и два управления тяжелобомбардировочных авиадивизий;

— три истребительные, четыре бомбардировочные, четыре истребительно-бомбардировочные авиационные дивизии; два авиационных полка истребителей-бомбардировщиков, тридцать истребительных, пять бомбардировочных, три тяжелых бомбардировочных и один минно-торпедный авиационные полки и четыре разведывательные авиационные эскадрильи. Указанные дивизии и полки в настоящее время укомплектованы самолетами только на 40—50%, и перспектив на получение в ближайшие годы новых самолетов из промышленности не ожидается;

— пять управлений истребительных авиационных дивизий ПВО, в связи с расформированием входящих в их состав полков и обращением боевой техники на доукомплектование остающихся дивизий;

— две зенитные артиллерийские дивизии, три артиллерийские бригады, два пулеметно-артиллерийских полка, два учебных танковых полка, один пушечный артиллерийский полк и одну артиллерийскую бригаду;

— зенитно-прожекторный полк, двадцать девять отдельных зенитных артиллерийских дивизионов прикрытия аэродромов, как средство, не обеспечивающее надежного прикрытия аэродромов;

— семь управлений зенитных артдивизий, двенадцать управлений зенитных артполков и восемнадцать зенитных артиллерийских батарей, в связи с укрупнением остающихся зенитных артиллерийских частей и доведением зенитных артполков с 6 до 8—12 артиллерийских батарей в каждом;

— два укрепленных района (Посьетский и Сучанский на Дальнем Востоке), создав вместо них комендатуры для сохранения долговременных оборонительных сооружений этих районов;

— двадцать шесть береговых артбатарей с устаревшей материальной частью, а также ряд тыловых частей и учреждений и подразделений обслуживания.

2. Переформировать две горно-стрелковые дивизии в два отдельных горно-стрелковых полка (ТуркВО) и одну пулеметно-артиллерийскую дивизию (Карельский перешеек) — в отдельный пулеметно-артиллерийский полк.

3. Перевести на сокращенные штаты управления военных округов, четыре мотострелковых и одну танковую дивизии, одну гаубичную артиллерийскую бригаду большой мощности и другие части и учреждения, а также сократить численность центрального аппарата Министерства обороны.

4. Вывести из боевого состава Военно-Морского Флота в резерв и консервацию в 1958 году 43 боевых корабля и катера и 26 береговых артиллерийских батарей.

5. Списать на слом 519 и перевести в другие классы 66 устаревших боевых, учебных и вспомогательных кораблей, судов и плавсредств.

По военно-учебным заведениям

В связи с намечаемым сокращением численности Вооруженных Сил, сократить численность военно-учебных заведений на 22.000 человек, при этом:

— расформировать четыре военных (пехотных) училища, имеющих плохие казарменные и учебные фонды, и Высшее военно-морское авиационное инженерное училище, а также сократить емкость остающихся военно-учебных заведений;

— в целях улучшения отбора молодежи в суворовские и нахимовское училища и обеспечения сознательного поступления в них, изменить установленный Постановлением Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР от 25 мая 1956 года № 720 порядок комплектования суворовских военных и нахимовского военно-морского училищ мальчиками, окончившими четыре класса средней школы, и установить, что в дальнейшем в эти училища будут приниматься в добровольном порядке юноши — дети военнослужащих Советской Армии и Военно-Морского Флота, офицеров, генералов и адмиралов запаса, а также рабочих, колхозников и служащих — здоровые, наиболее способные для военной службы, после окончания ими семилетней школы или семи классов средней школы и достигшие 14-летнего возраста с расчетом обучения их в суворовских училищах в течение трех лет (8, 9 и 10-й классы). В связи с этим четыре суворовских военных училища расформировать, а три суворовских офицерских училища реорганизовать в военные (пехотные) училища, взамен расформировываемых военных училищ, имеющих плохие условия размещения. В Вооруженных Силах останется 10 суворовских училищ и одно нахимовское военно-морское училище общей численностью 4950 воспитанников.

Учитывая нецелесообразность отчисления воспитанников, обучающихся в настоящее время в 5, 6 и 7-м классах, сокращение их численности произвести в течение трех лет, не делая в эти годы новых наборов в училища.

По строительным частям

Реорганизовать строительные части Министерства обороны в военно-строительные отряды с сокращением 18.000 военнослужащих. Солдат реорганизуемых частей перевести на положение рабочих военного призыва, соответственно увеличив численность рабочих военного призыва на 18.000 человек.

При проведении перечисленных мероприятий высвободится до 40.000 офицеров.

Исходя из этого, Министерство обороны считает необходимым увольнение офицеров провести в основном за счет офицеров, выслуживших установленные законом предельные сроки службы и имеющих право на пенсионное обеспечение, больных, а также не имеющих должной военной и специальной подготовки.

В связи с большим количеством офицеров, подлежащих увольнению, Министерство обороны считает необходимым:

— увольнение офицеров производить постепенно, закончив его к концу 1958 года с тем, чтобы обеспечить им условия поступления на работу;

— обязать Советы Министров союзных и автономных республик, исполнительные комитеты краевых и областных Советов депутатов трудящихся, руководителей предприятий, учреждений и организаций предоставлять работу офицерам, уволенным в запас, не позднее месячного срока со дня прибытия их к месту жительства, с учетом их специальности и опыта работы;

— обязать руководителей министерств, ведомств, предприятий и учреждений предоставлять офицерам, уволенным в запас, преимущества при поступлении в школы и на курсы для обучения соответствующим профессиям. В период обучения выплачивать офицерам, уволенным в запас, стипендию в размере 75 процентов тарифной ставки (месячного оклада) по той должности, на которую они готовятся, за исключением лиц, получающих пенсию;

— обязать исполкомы краевых, областных, городских и районных Советов депутатов трудящихся обеспечивать офицеров, уволенных в запас, жилплощадью в первую очередь. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 августа 1948 года оказывать им содействие в отводе земельных участков, строительстве индивидуальных жилых домов и отпуске строительных материалов по государственным ценам.

Предлагаемые мероприятия по сокращению Вооруженных Сил провести в следующие сроки:

— сокращение численности Вооруженных Сил закончить к 1 января 1959 года;

— сокращение численности военно-учебных заведений — по мере выпусков;

— увольнение высвобождаемых офицеров произвести постепенно в течение 1958 года, а солдат и сержантов уволить досрочно в запас в I квартале 1958 года.

Просим рассмотреть и утвердить.

Р. МАЛИНОВСКИЙ
В. СОКОЛОВСКИЙ

3 января 1958 года

[Записка И. Серова в ЦК КПСС о недовольстве некоторых офицеров Забайкальского военного округа организационными мероприятиями по сокращению Вооруженных Сил]

СССР

КОМИТЕТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

1 марта 1958 г.

№ 541-с

гор. Москва

ОСОБАЯ ПАПКА

Сов. секретно

Докладываю, что Комитетом госбезопасности в процессе выборочного контроля почтовой корреспонденции военнослужащих Забайкальского военного округа за период с 12 по 17 февраля с. г. выявлено более ста писем, в которых офицеры Советской Армии высказывают недовольство оргмероприятиями, связанными с сокращением численности Вооруженных Сил СССР, и выражают тревогу по поводу своей дальнейшей судьбы.

Наиболее характерные выдержки из писем приводятся:

«...Настроение неважное. 300 тысяч касаются и нас... должности моей уже нет, выхода толкового тоже. Или идти на низшую должность, или уходить из армии. О чуткости к людям речь не идет, академия в счет тоже почти не берется, надежды на пенсию тоже особой нет, ибо уже намекают, что она будет снижена, что война в счет не будет браться и пр. пр. До 20 лет мне еще полтора года. Видимо, все эти орги никогда не закончатся и надо побыстрее уходить из этой «строго организованной» армии и, может, удастся еще хотя кое-как наладить жизнь в гражданских условиях... очень неприятны такие резкие смены в жизни и такое отношение к живым людям. Не пришлось бы за это расплачиваться потом дорогой ценой... Многие офицеры ругаются, волнуются, надеются и т. д. Протопопов и Ягов написали объявление: «Тов. оф.! В клубе ежедневно проводится разучивание песни «Здравствуй, земля целинная!!». Желающих пока нет...»

Отправитель: Петренко, Забайкальский в. о.

«...Наша организация, занимавшаяся до сих пор ловлей блох в космическом пространстве, лопнула и вылетела в трубу. Щетина, полученная с блох на мировом рынке, упала в цене. И я сейчас безработный. Здорово! 90 из 100 проц. за то, что я окажусь за бортом. Но куда? Куда нам удалиться, ничего еще не придумал...»

Отправитель: Сухарев, ст. Ясная, в/ч 22145.

«...Наше хозяйство вошло в 300.000 и сейчас занимаюсь распродажей всего, что накопил за долгие годы жизни здесь. Все это нужно покинуть. Как больно и тяжело. Мастерские (только отстроенные), классы — наконец-то лучшие в округе. Очень трудно выразить все на бумаге. Закончу продажу к маю. Какова моя судьба?..»

Отправитель: Давыдов А. П., ст. Ясная, в/ч 22145.

«...Было бы очень жестоко человека, отдавшего все свое здоровье и лучшие годы жизни армии, выбросить за борт за полгода до окончания выслуги. Однако эти соображения все же не гарантируют, авария может случиться в любой момент. Живу надеждой...»

Отправитель: Соловейчик А. Н., г. Чита, ул. Балябина, 16.

«...По предварительным данным, очень многих офицеров демобилизуют, где остановиться на постоянное местожительство и чем заняться, т. е. где найти работу? Я все же всю свою молодую жизнь прослужил, а теперь вновь начинать придется жить как пионеру...»

Отправитель: Шкут В. Ф., ст. Даурия, в/ч 25441.

«...Многие даже и не знают, куда ехать и где притулить голову. Мы духом не падаем, но ночами плохо спим, т. к. очень пугает неизвестность. Вот и прелести нашей жизни, а здесь многие думают, что мы богачи, а у нашего брата и денег нет и на старости лет нет угла...»

Отправитель: Вапажо, Читинская обл., 76-й разъезд.

«...Сейчас практически мы ощущаем на себе постановление Совета Министров о сокращении 300.000 нашего брата ...это непостоянство с кадрами настолько влияет на жизнь, что все к черту опротивело и, кажется, что без раздумья ушел бы на постоянную гражданскую жизнь. Мне кажется, что пока я молодой, надо уходить из армии, приобрести себе постоянную специальность и жить себе на здоровье...»

Отправитель: Королев Н. И., Читинская обл., ст. Харанор, в/ч 45536.

«...Уже который раз мы находимся под страхом этих мероприятий, но теперь не миновала и нас эта кампания. Наша дивизия расформируется. Из нашего полка (пока по слухам) останется всего 5 человек, т. е. почти все будут уволены в запас... Мы, надо сказать, одеты и обуты, но ты бы посмотрела, как у нас демобилизуются офицеры, у которых по 2—3 детей, ни одежды, ни денег, ничего нет, и увольняют без пенсии, не хватает 1,5—2 лет. Настроение у всех ужасное. Сейчас просто повальная демобилизация. К чему бы это?..»

Отправитель: Туркин И., ст. Оловянная, в/ч 83204.

Председатель Комитета госбезопасности

И. СЕРОВ

[Записка И. Шикина и В. Золотухина в ЦК КПСС 6 марта 1987 г.]

ОСОБАЯ ПАПКА

В связи с информацией Председателя Комитета госбезопасности при Совете Министров СССР тов. Серова о фактах недовольства некоторых офицеров Забайкальского военного округа проводимыми организационными мероприятиями по сокращению численности Вооруженных Сил на 300 тыс. человек докладываем:

Решением Совета Министров СССР в связи с проводимым сокращением численности Армии и Флота предусмотрено увольнение офицерского состава в запас произвести в течение 1958 года за счет офицеров, выслуживших установленные Законом предельные сроки службы и имеющих право на пенсионное обеспечение, больных, а также не имеющих должной военной и специальной подготовки.

Совет Министров СССР обязал Совет Министров союзных и автономных республик, исполнительные комитеты краевых и областных Советов депутатов трудящихся, руководителей предприятий, учреждений и организаций предоставлять работу офицерам и сверхсрочнослужащим, уволенным в запас, не позднее месячного срока со дня прибытия их к месту жительства, с учетом их специальности и опыта работы.

Руководители министерств, ведомств, предприятий и учреждений должны предоставлять офицерам, уволенным в запас, преимущества при поступлении в школы и на курсы для обучения соответствующим профессиям. В период обучения выплачивать офицерам, уволенным в запас, стипендию в размере 75 проц. тарифной ставки (месячного оклада) по той должности, на которую они готовятся, за исключением лиц, получающих пенсию.

На исполкомы краевых, областных, городских и районных Советов депутатов трудящихся возложена обязанность обеспечить офицеров, уволенных в запас, жилищной площадью в первую очередь. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 августа 1948 года оказывать им содействие в отводе земельных участков, строительстве индивидуальных домов и отпуске строительных материалов по государственным ценам.

По данным Министерства обороны в соответствии с указанным Постановлением Совета Министров СССР предстоит уволить 72 тыс. офицеров. Из этого числа около 35 тыс. человек совершенно не будет обеспечено пенсией, из них около 8 тысяч человек прослужили в армии 17—18 и 19 лет.

Из войск Забайкальского военного округа намечено к увольнению 500 офицеров, Дальневосточного военного округа 2300 офицеров, из войск, находящихся за границей, будет уволено около 4 тыс. человек. В числе этих офицеров большинство не обеспечено жилплощадью.

Работа по сокращению Вооруженных Сил проводится. За январь и февраль с. г. уволено около 4 тыс. офицеров.

Министерством обороны СССР и Главным политическим управлением Советской Армии и Военно-Морского Флота даны директивные указания, ориентирующие военные советы, политические органы, командиров и политработников на чуткое, внимательное отношение к офицерам, увольняемым в запас, на глубокое разъяснение значения проводимого сокращения Вооруженных Сил, порядка материального обеспечения, трудоустройства, обеспечения жилплощадью и другими льготами, предоставленных офицерам запаса постановлениями Советского правительства по этому вопросу.

В феврале т. г. в отделах административных органов ЦК КПСС на совещаниях заведующих отделами административных и торгово-финансовых органов ЦК компартий союзных республик, крайкомов и обкомов КПСС РСФСР обсуждены задачи местных партийных и советских органов по жилищному и трудовому устройству офицеров, увольняемых в запас в 1958 году. В марте с. г. в Белорусский, Забайкальский, Северный и Одесский военные округа выезжают инструктора отдела административных органов ЦК КПСС, где на месте ознакомятся с работой военных советов, командиров и политорганов по увольнению офицеров в запас.

Полагали бы целесообразным поручить Министерству обороны СССР и Главному политическому управлению усилить политическую работу по разъяснению проводимых мероприятий и обеспечить необходимый контроль по выполнению постановления правительства в округах и на флотах.

В апреле—мае с. г. командировать инструкторов отдела партийных органов и отдела административных органов ЦК КПСС в ряд республиканских и областных партийных организаций для оказания помощи местным органам по трудовому устройству и жилищному обеспечению офицеров запаса.

И. ШИКИН
В. ЗОЛОТУХИН

6 марта 1958 г.

[Записка Р. Малиновского в ЦК КПСС о работе по сокращению Вооруженных Сил

8 января 1959 г.]

Сов. секретно

экз. № 1

В соответствии с Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 6 января 1958 года Министерство обороны было обязано сократить в 1958 году численность Вооруженных Сил на 300 тыс. человек.

Наряду с этим, по постановлениям ЦК КПСС и Совета Министров СССР №№ 258-126, 514-242, 553-267, 865-407, 872 и 1119-539 для проведения неотложных мероприятий сокращение было уменьшено на 10.332 человека.

Указанные постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР выполнены. Уволено из Вооруженных Сил по сокращению численности 289.668 человек, в том числе 42.388 офицеров и 247.280 сержантов и солдат. Кроме того, уволено в запас 21.116 офицеров взамен выпущенных из военных училищ осенью 1958 года и поступивших в войска. Всего уволено офицеров 63.504 человека.

Из проведенного сокращения на 289.668 чел. 41.000 чел. составляют войска, выведенные из Германии, и 17.000 — войска, выведенные из Венгрии и расформированные на территории СССР. Остальные 231.668 чел. составляют войсковые части и учреждения, находившиеся на территории Советского Союза.

Уволенный офицерский состав характеризуется следующими данными:

По воинским званиям

— генералов, адмиралов	—	313
— полковников и капитанов 1 ранга	—	4.734
— подполковников и капитанов 2 ранга	—	10.767
— майоров и капитанов 3 ранга	—	13.588
— капитанов и капитан-лейтенантов	—	12.427
— старших лейтенантов	—	12.289
— лейтенантов	—	8.960
— младших лейтенантов	—	426

По мотивам увольнения в соответствии с Положением о прохождении воинской службы

— по возрасту	—	11.488
— по болезни	—	23.129
— по сокращению штатов	—	20.630
— по служебному несоответствию	—	1.658
— за невозможностью использования по ограниченному состоянию здоровья	—	4.426
— по приговорам офицерских судов чести	—	1.742
— в связи с передачей на работу в гражданские министерства и ведомства	—	431

С пенсионным обеспечением уволено 40.825 чел., или 64,3 проц. к общему числу уволенных. Офицерам, уволенным без пенсионного обеспечения, выплачено выходное пособие в размере 2 окладов по должности и воинскому званию, а также сохраняется выплата оклада по воинскому званию в течение года со дня увольнения.

Уволенные офицеры, считавшие службу в Вооруженных Силах своей пожизненной профессией, как правило, уходили из армии с большим нежеланием. Крайне болезненно переживали свое увольнение семейные офицеры, не имеющие гражданских профессий, права на пенсию и жилья.

Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 1 сентября 1955 года № 1640 Центральные Комитеты Компартий союзных республик, крайкомы и обкомы партии обязаны принять необходимые меры по трудовому устройству и жилищному обеспечению увольняемых в запас офицеров.

Министерство обороны располагает данными, что положение дела с трудовым устройством и особенно с жилищным обеспечением уволенных в запас офицеров остается еще неудовлетворительным. По состоянию на 1 октября 1958 года из числа уволенных офицеров запаса, принятых на учет военкоматами, не трудоустроено 3.916 чел. и не обеспечено жилплощадью 11.674 чел. Среди нетрудоустроенных офицеров запаса 2.081 чел. не получают пенсии. С учетом же офицеров, уволенных по прежним оргмероприятиям, количество нетрудоустроенных составляет 4.736 чел. и не обеспеченных жилплощадью — 47.674 чел.

Наличие недостатков в трудоустройстве и жилищном обеспечении порождает большое количество жалоб от офицеров, уволенных в запас. Через Министерство обороны таких жалоб прошло ок. 5000. Особенно в резкой форме высказывают недовольство офицеры, уволенные в запас без пенсии, испытывающие трудности с устройством на работу и не имеющие жилья.

Учитывая, что Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 1 сентября 1955 года № 1640 «О трудоустройстве и жилищном обеспечении увольняемых в запас офицеров» выполня-

ется все еще неудовлетворительно, Министерство обороны просит напомнить ЦК Компартий союзных республик, крайкомам и обкомам партии о необходимости принятия на местах дополнительных мер по выполнению этого Постановления.

Министерство обороны считает целесообразным объявить в печати о выполнении Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР о сокращении численности Вооруженных Сил на 300 тыс. человек*.

Р. МАЛИНОВСКИЙ

8 января 1959 года

---

* Текст сообщения ТАСС был утвержден на заседании Президиума ЦК КПСС 30 января 1959 г. и опубликован 31 января 1959 г.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Булганин Николай Александрович (1895—1975), советский государственный и партийный деятель, генерал-полковник. В 1955—1956 гг. Председатель Совета Министров СССР.

Жуков Георгий Константинович (1896—1974), советский военачальник, Маршал Советского Союза. С февраля 1955 по октябрь 1957 г. министр обороны СССР.

Желтов Алексей Сергеевич (1904—1991), советский военачальник, генерал-полковник. В 1953—1958 гг. начальник Главного политического управления ВС СССР, в 1958—1959 гг. заведующий отделом ЦК КПСС.

Конев Иван Степанович (1897—1973), советский военачальник, Маршал Советского Союза. В 1955—1956 гг. первый заместитель министра обороны и одновременно главнокомандующий Сухопутными войсками, в 1956—1960 гг. первый заместитель министра обороны, с мая 1955 по июнь 1960 г. одновременно главнокомандующий Объединенными вооруженными силами государств—участников Варшавского Договора.

Малиновский Родион Яковлевич (1898—1967), советский военачальник, Маршал Советского Союза. В 1956—1957 гг. первый заместитель министра обороны и главнокомандующий Сухопутными войсками, с октября 1957 по март 1967 г. министр обороны СССР.

Микоян Анастас Иванович (1895—1978), советский военный и партийный деятель. В 1955—1964 гг. первый заместитель Председателя Совета Министров СССР.

Соколовский Василий Данилович (1897—1968), советский военный деятель, Маршал Советского Союза. С июня 1952 г. начальник Генерального штаба — первый заместитель министра обороны СССР.

Шикин Иосиф Васильевич (1906—1973), советский военный и партийный деятель, генерал-полковник. С марта 1950 г. в аппарате ЦК КПСС.

ПРОТОКОЛЫ ЗАСЕДАНИЙ КИТАЙСКОЙ КОМИССИИ ПОЛИТБЮРО ЦК ВКП(б) (апрель – сентябрь 1925 г.)

Деятельность Китайской комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) пока не нашла отражения в отечественной и зарубежной историографии, поскольку исследователи не имели доступа к ее документам или по ряду причин, в том числе политического характера, не могли опубликовать ее материалы.*

Китайская комиссия являлась одним из наиболее старых рабочих органов Политбюро. Она играла важнейшую роль в разработке и проведении в жизнь политики СССР в отношении Китая.

Хотя поиски соответствующего постановления Политбюро ЦК ВКП(б) о создании Комиссии пока не увенчались успехом, так как оно хранится в «особых папках» Политбюро в Архиве Президента РФ и недоступно историкам, однако на основе протоколов Комиссии и других документов можно попытаться установить причины потребности в образовании Комиссии. Как представляется, создание Китайской комиссии было вызвано рядом обстоятельств.

Во-первых, обострением и усложнением обстановки в Китае, пробуждавшемся к борьбе за национальное и социальное освобождение в условиях назревания Национальной революции 1925—1927 гг., которая проходила под знаменем Гоминьдана при сложившемся в январе 1924 г. едином национальном фронте на основе сотрудничества Гоминьдана и Компартии Китая.

Во-вторых, резким возрастанием китайского фактора во внешнеполитической деятельности ВКП(б) и

* В 1927 г. была опубликована копия протокола комиссии от 4 августа 1926 г., которая оказалась среди документов, захваченных во время налета на советское полпредство в Пекине 6 апреля 1927 г. См.: Bolshevik Activities in China. Vol. 2, n. p., 1927. P. 14.

увеличением советской военно-политической помощи национально-освободительному движению в Китае по мере его расширения. Эта помощь стала оказываться советской стороной южнокитайскому гоминьдановскому правительству с 1923 г. по просьбе его главы, великого китайского революционера-демократа Сунь Ятсена. Она выражалась в форме командирования на юг Китая военных и других советников, финансовых субсидий, поставок военной техники. С весны 1925 г. по просьбе генерала Фэн Юйсяня, командовавшего в то время так называемой Народной армией, находившейся на севере Китая, помощь начала оказываться и этому генералу. Все это и нашло отражение в публикуемых протоколах.

В-третьих, необходимостью централизации и координации участия в китайской работе различных советских наркоматов и ведомств.

Комиссия обладала широкими полномочиями: она давала от имени Политбюро ЦК ВКП(б) директивы и рекомендации советским наркоматам и ведомствам, а также представителям ВКП(б) в Коминтерне и других международных революционных организациях, разрабатывала проекты решений Политбюро по наиболее важным вопросам работы в Китае. Первым председателем Комиссии был назначен кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б), председатель Реввоенсовета СССР, народный комиссар по военным и морским делам, начальник Штаба РККА, член Совета труда и обороны СССР М. В. Фрунзе. Заместителем председателя Комиссии фактически являлся кандидат в члены ЦК ВКП(б), заместитель председателя Реввоенсовета, заместитель наркома по военным и морским делам И. С. Уншлихт, который первоначально не был членом Комиссии, но по просьбе М. В. Фрунзе был включен в ее состав и вместо М. В. Фрунзе председательствовал на первом и некоторых других заседаниях Комиссии. Секретарем Комиссии сначала был начальник Управления Штаба РККА Р. В. Лонгва, а после его назначения на работу в Китай — помощник начальника Разведывательного управления Бортновский.

Судя по протоколам Комиссии, в ее работе принимали участие: кандидат в члены Политбюро, секретарь ЦК ВКП(б) В. М. Молотов, секретарь ЦК ВКП(б), начальник Политуправления РККА А. С. Бубнов, член ЦК ВКП(б), нарком по иностранным делам Г. В. Чичерин, член ЦК ВКП(б), нарком финансов Г. Я. Сокольников, начальник Разведывательного уп-

равления Штаба РККА Я. К. Берзин, заместитель начальника ОГПУ НКВД СССР Г. Г. Ягода, заведующий Дальневосточным отделом НКИД СССР Б. Н. Мельников, заведующий Восточным отделом Исполкома Коминтерна Петров (Ф. Ф. Раскольников), заместитель заведующего Восточным отделом Исполкома Коминтерна Г. Н. Войтинский, заведующий Восточным отделом Профинтерна Л. Н. Геллер.

После кончины в октябре 1925 г. М. В. Фрунзе председателем Китайской комиссии был назначен К. Е. Ворошилов. В течение нескольких месяцев до его назначения Комиссию возглавлял И. С. Уншлихт.

Публикуемые документы выявлены в фондах Российского государственного военного архива (РГВА) и подготовлены к печати доктором исторических наук А. И. Картуповой и кандидатом исторических наук К. В. Шевелевым.

Протокол № 1
заседания Китайской комиссии 17 апреля 1925 г.

Присутствуют: Уншлихт, Чичерин, Войтинский, Петров, Лонгва, Мельников, Бортновский и Берзин.

Слушали:	Постановили:
1. Информация о положении в Китае (докл. т. Лонгва)	1. Принять информацию к сведению. Констатировать, что обстановка в Китае обостряется и развертывающиеся события требуют усиления нашей помощи. События не форсировать, тщательно взвешивая в каждом отдельном случае целесообразность оказания помощи.
2. Техника передачи помощи	2. Срочно запросить у т. Косича[1] сведения относительно организации, условий транспорта, сроков доставки и стоимости перевозки.
3. Отношение к Чжан Цзолиню[2]	3. По вопросу о продаже оружия ждать ответа т. Карахана[3].
4. Вопрос о Внутренней Монголии	4. Считать необходимым усилить революционную работу, но изнутри Китая (Пекин).
5. Отношение к Фэн Юйсяну[4] и другим генералам	5. 1) Признать возможным оказание помощи Фэн Юйсяну на следующих условиях: а) Отпускаемая помощь должна компенсироваться или полностью деньгами, или частично деньгами, частично сырьем. Порядок и условия платежей устанавливаются в зависимости от основного политического соглашения. Расходы по транспорту во всяком случае должны быть покрыты немедленно. б) Между Фэн Юйсяном, Внешней Монголией и нами заключается устное тройственное соглашение о дружбе и взаимных услугах. Фэн Юйсян выдает одностороннее письменное обязательство о принятии нашей программы относительно Монголии и об отказе об отдаче каких бы то ни было концессий иностранцам в р-не его влияния. 2) Предложение Фэна об организации смешанного транспортного общества для эксплуатации тракта между Ургой[5] и Калганом[6] считать в принципе приемлемым. Вопрос практически поставить по получении сведений от представителя автопромторга. 3) Категорически высказаться против замены помощи оружием финансовой помощью. 4) Аналогичные условия (п. 1) поставить другим генералам. 5) Дальнейшую посылку оружия предпринять только после получения тов. Караханом ответа относительно концессий.

6. О посылке некоторого количества оружия в распоряжение тов. Карахана для безвозмездной помощи генералам.	6. Тов. Уншлихт сообщает, что это оружие уже послано в количестве 2000 японских и 2000 германских винтовок и соответствующее количество патронов.
7. О возмещении военведу[7] стоимости приготовленного к отправке оружия в размере 7 710 000 руб.	7. Поддержать перед СТО[8] ходатайство о возмещении.
8. Об организации руководящего центра в Пекине.	8. Для руководства всей военной работой в Китае создать в Пекине центр в составе Председателя — Полномочного представителя СССР тов. Карахана, членов — Военного руководителя тов. Геккера[9] и руководителя военно-политической работой тов. Воронина[10].
9. Разложение отряда Нечаева[11].	9. Запросить тов. Карахана относительно возможности и целесообразности и методах разложения отряда Нечаева.
10. Об исполнении решений данного заседания.	10. Считать все решения окончательными и подлежащими исполнению за исключением п. 8, который представить на утверждение Политбюро.

п/п Председатель (Уншлихт)

Протокол № 2
заседания Китайской комиссии от 29 мая 1925 г.

Присутствуют: тт. Фрунзе, Уншлихт, Чичерин, Сокольников, Молотов, Бубнов, Петров, Войтинский, Мельников, Бортновский и Лонгва.

Председательствует тов. Фрунзе.

Слушали:	Постановили:
1. Военно-политическое положение. Информация т. Лонгва. Высказываются: тт. Чичерин, Уншлихт, Войтинский и Фрунзе.	1. Принять к сведению.
2. Организационные мероприятия. О проделанной работе и стоящих вопросах — информирует тов. Лонгва. О военных группах: тов. Чичерин заявляет, что в распоряжении НКИД имелось 2 000 000 руб., за счет которых содержались Кантонская группа, школа Вампу[13], политкурсы, поддерживалось формирование новой дивизии и оказывалась помощь Гоминьдану и Киткомпартии. В настоящий момент указанные суммы израсходованы.	2. а. Всю военно-политическую работу в Китае и отпуск средств на расходы объединить и сосредоточить в Киткомиссии. б. Вопрос об отпуске средств на оказание помощи Гоминьдану и Киткомпартии передать Коминтерну. в. Военные группы иметь: одну на Юге в Гуандуне и две на Севере у Фэн Юйсяна и Юэ Вэйцзюня[12]. г. Содержание Кантонской группы включить в общую смету расходов на военно-политическую работу в Китае. д. Общее число инструкторов в 3-х группах и Пекинском центре определить в 128 чел. е. Средним коэффициентом содержания инструктора в Китае считать 3 (195 североамериканских долларов). ж. Па содержание оставшихся семейств инструкторов средств не отпускать, в случае надобности удерживать из основного оклада.

з. содержание одной группы вместе с оперативными расходами не должно превышать 200 000 руб. в месяц; оперативные расходы не более 50 000 руб. в месяц для каждой.

О формировании новых частей и школе Вампу.

и. Формирование на Юге 2 новых Гоминьдановских дивизий и школу Вампу подержать (так в тексте, видимо,— поддержать.— А. К., К. Ш.)

к. На формирование новых 2 дивизий и содержание одной старой, а также школу Вампу отпустить 450 000 руб. Тов. Галину[14] указать, что указанная сумма отпускается на расходы в течение 9 месяцев, т. е. до 1 января 1926 г.

О школах на Севере.

л. Признать целесообразным сформирование у Фэна и Юэ Вэйцзюня по одной военно-политической школе по типу Вампу. Школы обслуживать нашими инструкторами.

Помощь в содержании школ оказать лишь при условии, что расход на это ложится в пределах отпущенного миллиона рублей.

О Киткурсах в Москве.

м. Расходы на содержание киткурсов в Москве включить в общую сумму сметы расходов на военно-политическую работу в Китае.

О секретных расходах.

н. На усиление разведывательной работы отпустить с 1 апреля по 1 сентября 1925 года 30 000 сев. ам. долларов, в среднем 6 000 ам. долл. в месяц.

Указанную сумму включить в общую смету расходов на военно-политическую работу в Китае.

О переводчиках.

о. Поручить тт. Мельникову и Лонгва разработать практические предложения по этому вопросу.

О дипкурьерской связи.

п. Считать необходимым посылку дипкурьеров в Пекин производить два раза в месяц Н. К. ф-ну (Наркомфину.— Ред.) увеличить оплату НКИД по соответствующему параграфу на 2.000 руб. в месяц.

3. Материальная помощь. Информация тов. Лонгва. Тов. Караханом и Ворониным возбуждается вопрос об отпуске:
Кантону — 9 т. винтовок с патронами, 100 пулеметов, 10 т. ручных гранат, бомбометов, 6 аэропланов и бездымного пороху.
Фэну и Юэ Вэйцзюню: 50 тыс. винтовок с патронами, 300 пулеметов с патронами, лентами и проч., 200 орудий со снарядами, станков для изготовления ружейных патронов, мощных радиостанций, аэропланов, танков, химических средств борьбы и организации нашими средства-

3. а. Отпуск военного имущества производить в намеченных размерах.

б. Военное имущество гоминьдановским генералам и Кантону отпустить в кредит под векселя со сроком платежа через 2 года.

в. Перевозку до Кантона и Калгана производить за наш счет, включив ее стоимость в сумму, обеспечиваемую векселями.

г. Предназначенные к отправке через Ургу в Калган 9 т. винтовок и 9 млн. патронов, а также последующие переброски, если они будут производиться верблюжьим транспортом.

д. Охрану отправляемых грузов возложить: на территории Монгольской Народной Республики на МНА[15], а на территории Внутренней Монголии и дальше — на Фэна.

е. Расходы, связанные с отправкой военного имущества: ремонт, укупорку, погрузку, конвоирование и перевозку оплачивать, но потребовать дополнительного отпуска средств на их покрытие.

ж. Просимые Фэном шашки в количестве 1.000 штук и 500 пик отпустить сейчас.

ми конницы Фэн,— все бесплатно. Нами предназначено и отпускается: Кантону: (находится в пути) 9 т. винтовок, 9 1/2 млн. патронов, 10 т. ручных гранат, 100 пулеметов с лентами, коробками и машинками и 10 бомбометов с 1.000 выстрелов. Фэну (находится в пути) — 4 т. винтовок и 4 млн. патронов. Предназначено к отправке из Верхне-Удинска в Калган: 9 т. винтовок и 9 млн. патронов можем отпустить при соответствующей обстановке до 12 орудий со снарядами и до 40 пулеметов с патронами и лентами и прочим. Готовятся к отправке Фэну 1.000 машин и 5.000 пик.	Предложить тов. Фрунзе, ввиду отсутствия запаса шашек у военведа, дать заказ Златоустскому заводу, из коего вычесть отпускаемые шашки Фэну. з. В отпуске мощной радиостанции в связи с ее дороговизной (539.000 руб.) Фэну отказать. и. Ввиду невозможности отпустить станки для изготовления патронов из имеющегося наличия, поручить т. Мельникову выяснить вопрос о приобретении станков в Данциге, откуда и имелось предложение. к. Считать целесообразным отпуск Фэну 2—3 малых танков. л. Кредиты военведа в размере стоимости отпускаемого гоминьдановским генералам и Кантону военного имущества восстановить в текущем бюджетном году.
4. Транспортное общество	4. В связи с отпуском 100.000 руб. на организацию смешанного транспортного общества для обслуживания дороги Урга—Калган поручить тов. Сокольникову выяснить практические формы организации и, договорившись с соответствующими учреждениями, сделать распоряжение об отпуске 100.000 руб.
5. Заявление тов. Чичерина, что тов. Караханом получено 200.000 руб. от бывшего царского агента в Пекине.	5. Сумму в 200.000 руб., полученную от бывшего царского агента, зачесть в общую смету китайской работы.
6. О подкомиссии.	6. Для систематического составления сметы расходов на военно-политическую работу в Китае выделить подкомиссию в составе тт. Лонгва, Дыбенко[16] и Лидемана[17]. Подкомиссии точно определить суммы, необходимые на содержание нашего военно-политического аппарата в Китае, помощь школам на Севере, расходы на ремонт, укупорку, погрузку, конвоирование и перевозку военного имущества, на восстановление кредита за отпускаемое военное имущество, а также дополнительный отпуск средств на расходы, не предусмотренные постановлением директивной инстанции.
Подлинный подписали:	Председатель (Фрунзе) Секретарь (Лонгва)

Протокол № 3
заседания Китайской комиссии от 5 июня 1925 г.

Присутствуют: тт. Фрунзе, Чичерин, Сокольников, Уншлихт и Лонгва.
Председательствует тов. Фрунзе.
Секретарь тов. Лонгва.

Слушали:

1. Проект сметы расходов на военно-политическую работу с 1 апреля по 1 октября 1925 года.

Постановили:

1. а) Смету расходов по военно-политической работе в Китае по 1.X.1925 года — утвердить в размере: 765.734 руб. (семьсот шестьдесят пять тысяч семьсот тридцать четыре рубля) и 231.226 сев. амер. долл. (двести двадцать одна тысяча двести двадцать шесть сев. ам. долл.) — в переводе на советскую валюту 1.196.019 руб. 54 коп. (один миллион сто девяносто шесть тысяч девятнадцать руб. 54 коп.).

По отдельным статьям этой сметы считать:

Стоимость произведенной отправки людей — 105.826 руб. и 14.550 сев. ам. долл.

Содержание аппарата за рубежом — 118.170

На оперативные расходы — 32.000

На секретные расходы — 30.000

На поддержку 2 школ в Китае — 21.180

Содержание курсов в Москве — 24.000

На литературу и киноленты — 7.800 руб.

На почтово-телеграфн. расходы — 2.400 руб.

На формирование новых частей — 250.000 руб.

На перевозку имущества для формирования частей — 27.000 руб.

На транспортное общество — 100.000 руб.

На непредвиденные расходы — 20.000 сев. ам. долл.

б) Дополнительно к смете, указанной в п. «а», отпустить Галину на поддержание школы Вампу и одной старой дивизии в течение 2-х месяцев — 100.000 руб. Одновременно затребовать детальную смету расходов на содержание школы.

в) Указать Пекину и Галину, что наша поддержка в сумме 450.000 руб. рассчитана лишь на расходы по формированию. Содержание же дивизий после их сформирования должно лечь целиком на китайцев.

г) Восстановить кредиты военведа в текущем бюджетном году по предоставленной материальной смете в размере восстановительной стоимости передаваемого военного имущества, т. е. на сумму 3.044.076 руб. 20 коп.

д) Расходы по перевозке, согласно представленной сметы перевозок, в размере 270.039 руб., принять на себя и отпустить кредиты.

е) Общий расход по 1 октября 1925 года считать 4.179.849 руб. 20 коп. (четыре миллиона сто семьдесят девять тысяч 849 рублей 20 коп.) и 281.226 сев. ам. долл. (двести восемьдесят одна тысяча двести двадцать шесть сев. амер. долл.) в переводе на сов. валюту по 3 сметам — 4.610.134 руб. 74 коп. (четыре миллиона шестьсот десять тысяч сто тридцать четыре руб. 74 коп.).

2. О формировании интернационального отряда.

2. а) Принять предложение тов. Фрунзе о сформировании интернационального отряда на территории Монголии для оказания помощи Фэну.

Общая структура отряда: кавполк — 4 сабельных и 1 пулеметный эскадроны, взвод конной артиллерии и отряд из 3 бронемашин.

Отряд снабдить автомашинами. Лошадей для отряда закупить в Монголии. Срок формирования отряда — 2—3 месяца.

Набор людей для отряда произвести в СКВО[18] и из распущенных партизанских отрядов, а также добровольцев из Красной Армии.

б) Отряду существовать и действовать как составной части кит. войск.

в) Формирование отряда и обеспечение его военным имуществом и лошадьми производить за наш счет.

С момента сформирования отряд должен перейти на содержание Фэна.

г) Формирование отряда произвести за счет имеющегося у Дальревкома опийного фонда.

Реализацию фонда поручить Дальбюро, тов. Фрунзе договориться с Дальбюро о порядке и формах реализации фонда.

д) Расход на формирование отряда считать до 1.500.000 руб.

В распоряжение тов. Фрунзе немедленно отпустить аванс в 250.000 руб.

О дальнейшем отпуске необходимых сумм тов. Фрунзе договориться с т. Сокольниковым.

3. Предложение тов. Фрунзе об утверждении решений Комиссии.

3. Принятые Комиссией решения представить на утверждение директивной инстанции.

Подлинный подписали: Председатель (М. Фрунзе)

Секретарь (Лонгва)

Протокол № 4
заседания Китайской комиссии от 28 июля 1925 г.

Присутствуют: тт. Фрунзе, Молотов, Чичерин, Уншлихт, Ягода, Петров, Мельников и Лонгва.

Слушали:

Информация о политположении.
Тт. Лонгва, Петров, Чичерин.
В прениях: тт. Молотов, Фрунзе, Чичерин, Петров, Мельников.

Постановили:

Признать, что стачечную борьбу[19] нет никакого основания связывать во что бы то ни стало с созывом национальной конференции общественных организаций Китая.

Окончание стачки оттягивать до конференции лишь при условии, что таковое соберется в ближайшее время, в начале августа.

Принимая во внимание, что по донесениям из Китая, а также мнению Коминтерна, движение идет на убыль, необходимо принять меры, обеспечивающие организованный выход из стачечной борьбы и максимальное закрепление достигнутых

	успехов. Надо выработать конкретные требования, на основе которых выгоднее всего можно было бы закончить стачку. Окончание стачки связать с подготовкой дальнейшей борьбы. По остальным вопросам оставить в силе прежние директивы.
2. Формирование отрядов.	В отношении отряда из белых выяснить элементы, которые могут быть использованы для его сформирования. Вопрос о красном отряде оставить пока открытым, не отказываясь в дальнейшем от его осуществления. Для детального рассмотрения общего проекта организации подпольных военных отрядов выделить Подкомиссию в составе: тт. Петрова, Трилиссера[20], Берзина, Венова[21], Лонгва. Созыв Комиссии за тов. Лонгва. Организацию широкого корейского партизанского движения в Канде[22] признать политически несвоевременной. Ограничиться посылкой туда отдельных наиболее надежных работников.
3. О китайских и корейских курсах. Тов. Лонгва, Петров.	3. Выпуск китайцев-курсантов произвести к 1 августа. На обмундирование деньги отпустить за счет сметы Коминтерна в пределах до 100 руб. на человека. С 1 августа принять на курсы 30 человек корейцев из наиболее надежных товарищей. О программе и финансировании курсов договориться тт. Лонгве и Петрову.
4. О смете т. Лонгва.	4. Проект сметы на дополнительно отпускаемое военное имущество и его доставку согласовать с ПКФ[23]. При отсутствии возражений считать утвержденным.
5. О смешанном транспортном обществе.	5. Поручить тов. Чичерину окончательно выяснить вопрос и озаботиться о переводе отпущенных 100.000 руб.
6. О китайском заговоре в Москве. т. Чичерин.	Вопрос снять.
7. О включении в состав Комиссии тов. Ягоды. Тов. Фрунзе.	Принять.

Председатель М. Фрунзе

Секретарь Лонгва

Протокол № 5
Китайской комиссии от 5/7 августа 1925 г.

Предложение голосовали по телефону.

Предложение тов. Петрова Об ассигновании МОПРом СТА ТЫСЯЧ рублей в пользу китайских стачечников. Молотов — за с оговоркой: тов. Фрунзе и тов. Чичерин должны договориться, в какой форме произвести перевод денег.	Предложить МОПРу в срочном порядке перевести в распоряжение стачечников Шанхая и Гонконга и других городов Китая СТО ТЫСЯЧ РУБЛЕЙ.

Секретарь комиссии (Лонгва)

Протокол № 6
Китайской комиссии от 18 августа 1925 г.

Опросом по телефону тт. Фрунзе, Молотова, Чичерина, Уншлихта, Ягоды и Петрова.

Слушали:	Постановили:
Предложение за тремя подписями[24]	Против предложенного плана не возражать как идущего в основном по линии предложений, данных директивой 006[25]; от детальных указаний воздержаться, ибо это на месте виднее. Юэ Вэйцзюном заняться основательно. Разведупру дать указания.

Секретарь комиссии (Лонгва)

Протокол № 7
заседания Китайской комиссии от 21 августа 1925 г.

Присутствовали: тт. Фрунзе, Молотов, Чичерин, Уншлихт, Петров, Геллер, Берзин и Лонгва.

Председательствует тов. Фрунзе.

Слушали:	Постановили:
Общее положение.	а. Предложенную телеграммой 468-470[26] и одобренную нашей директивой линию проводить последовательно и твердо. б. Исходя из неизбежности столкновения между Чжаном[27] и Народными армиями вести политическую подготовку в районах будущих столкновений. в. Учитывая перспективы будущего столкновения установить контакт с Чжимитской[28] группировкой, обратив особое внимание на Хубэй и Хунань. г. Считать целесообразным оказать давление на правительство и генералов Народных армий в це-

лях ведения более активной политики в отношении Чжан Цзолиня[29].

д. Обратить внимание ККП и Гоминьдана на необходимость политически укрепиться в Центральном Китае, Хубэй — Хунань, а также в пров. Ганьсу, Сычуань; ККП усилить работу в рабочих центрах Ханькоу, Тяньцзине и др., в частности, среди железнодорожников.

с. Указать ККП на необходимость продолжения прежней линии в отношении Гоминьдана, избегая обострения. Тов. Петрову подготовить по этому вопросу доклад.

Материальная помощь.

а. При настоящем положении считать невозможным удовлетворить заявку Пекина об оказании материальной и финансовой помощи для создания 20—30-тысячной вооруж. силы в Кантоне.

б. Подтвердить распоряжение о временном прекращении отправки оружия Фэну.

в. Проект формирования бригады (дивизии) у Фэна с нашими материальными средствами отклонить.

Формирование отрядов. Красный отряд.

а. Признать целесообразным создание Интернационального отряда на территории Монголии для Фэна.

Относительно финансирования формирования войти с предложением в инстанцию.

О военной работе партии.

а. Военную работу вести, для чего создать военный аппарат партии[30].

б. Работа должна идти по линии разложения враждебных армий, информации, работы на тылах[31], создания рабочих и крестьянских отрядов.

в. Специально студенческих отрядов не создавать, стремясь студентов использовать в рабочих и крестьянских отрядах и [на] других видах работы.

г. Проведение военной работы Киткомпартией отнюдь не должно означать устранения Гоминьдана от этой работы. ККП через своих товарищей должна сохранять и завоевывать включение и руководство в военной работе Гоминьдана.

д. Считать целесообразным вести более энергичную работу над хунхузским движением[32].

О Монголии.

Ввиду сообщенных Рыскуловым[33] сведений о действиях тов. Васильева[34] дело передать в Ц. К. К.

Председатель комиссии (М. Фрунзе)

Секретарь (Лонгва)

Протокол № 8
заседания Китайской комиссии от 29 августа 1925 г.

Проголосовано путем опроса по телефону: тт. Молотова, Уншлихта, Ягоды, Чичерина.

Слушали:	Постановили:
Предложение тов. Фрунзе об отправке иму-	Основываясь на последней информации тов. Карахана о том, что Фэн развертывает политработу, ор-

щества Фэну полностью.	ганизует школу по типу Вампу, состоящую из 700 студентов, согласен на назначение начальника штаба по нашему усмотрению, не видеть препятствий к выполнению имущества полностью. Впредь до приезда тов. Карахана в целях непрекращения отправки имущества из имеющегося в Урге запаса отправить до 3 тысяч винтовок с патронами.
за Председателя комиссии	Уншлихт
Секретарь	Лонгва

Протокол № 9
заседания Китайской комиссии от 5 сентября 1925 г.

Опросом по телефону голосовали: тт. Фрунзе, Уншлихт, Молотов, Ягода, Петров.

Слушали:	Постановили:
Предложение тов. Васильева[35] об ассигновании МОПРом 15 тысяч мексиканских долларов на поддержку тяньцзиньских организаций, пострадавших во время событий 11—18 августа36. Тов. Зиновьев считает оказание помощи необходимым и в срочном порядке.	Предложить МОПРу в срочном порядке ассигновать пятнадцать (15.000) тысяч мексиканских долларов на поддержку тяньцзиньских организаций.
Председатель	Уншлихт
Секретарь	Бортновский

Протокол № 10
заседания Китайской комиссии от 16.IX.—1925 года

Присутствуют: тт. Уншлихт, Чичерин, Карахан, Молотов, Бубнов, Ягода, Бортновский, Берзин и Васильев.

Слушали:	Постановили:
1. Информационный доклад тов. Карахана.	1. Доклад принять к сведению.
2. О дальнейшей помощи вооружением и снаряжением Фэну, Юэ Вэйцзюню, Кантону, Сун Яо[37] и Чжан Сичену[38].	2. а) Перенести на след. заседание, поручив РВС совместно с т. Караханом подработать вопрос и внести конкретные предложения, учтя стоимость всех заявок и возможность их выполнения. б) В исполнение заказа Чжан Сичена начать отправку ему Ургинского запаса обещанного вооружения. в) Пополнить склады в Верхне-Удинске из Иркутска для дальнейшего продвижения в Ургу.

3. О посылке инструкторов сверх установленной нормы.	3. Перенести на следующее заседание, поручив РВС совместно с т. Караханом и Пуром[39] учесть действительную потребность, а также возможность выделения инструкторов из состава Красной Армии.
4. О создании красного и белого отрядов.	4. а) Принять к сведению заявление т. Карахана, что организация белого отряда уже начата и что в отряде имеется около 100 человек[40]. б) Обратиться к тов. Кубяку[41] с запросом о состоянии опийного фонда; в зависимости от этого поставить перед тов. Сокольниковым вопрос об отпуске заимообразно средств на организацию отряда.
5. О дополнительных ассигнованиях.	5. Войти с ходатайством в Политбюро: а) О дополнительной ассигновке ежемесячно 10 000 рублей на секретные расходы по линии НКИД (поддержка железнодорожников, издательство, Внутренняя Монголия, крестьянское движение в Хэнани); б) Об отпуске 15 000 рублей на организацию краткосрочных курсов для 33 чел. прибывающих из Парижа китайцев; в) Об отпуске 52 000 рублей на отправку сверх нормы 25 (возможно 35.— А. К., К. Ш.) инструкторов и на жалованье им по 1 октября с. г.
Председатель	(Уншлихт)
Секретарь	(Бортновский)

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Д. И. Косич — в то время начальник штаба Монгольской народной армии.

[2] Чжан Цзолинь (1876—1928) — лидер прояпонской клики милитаристов, контролировавшей Северо-Восточный Китай.

[3] Карахан Лев Михайлович (1889—1937) — заместитель наркома по иностранным делам, полпред СССР в Китае.

[4] Фэн Юйсян (1882—1948) — командующий 1-й Национальной (по терминологии того времени — Народной) армией в Северном Китае.

[5] г. Урга (ныне Улан-Батор) — столица Монголии.

[6] г. Калган (ныне Чжанцзякоу) — начальный пункт старинного тракта Калган-Кяхта, соединявшего Россию с Китаем. В Калгане находился штаб Фэн Юйсяна.

[7] Военвед — наркомат по военным и морским делам.

[8] СТО — Совет труда и обороны.

[9] А. И. Геккер (1882—1938) — военный атташе СССР в Китае.

[10] Н. М. Воронин — руководитель группы военных советников в Северном Китае.

[11] Отряд Нечаева состоял из белогвардейцев и участвовал в боевых действиях в составе войск реакционного милитариста Чжан Цзунчана (1881—1932).

[12] Юэ Вэйцзюнь — командующий 2-й Национальной армией, губернатор провинции Хэнань.

[13] Школа Вампу (Хуанпу) — школа пехотных командиров гоминьдановской Национально-революционной армии на острове Вампу (Хуанпу) около г. Кантона (Гуанчжоу).

[14] Галин — один из псевдонимов В. К. Блюхера (1890—1938) — начальника группы военных советников в Южном Китае.

[15] МНА — Монгольская народная армия.

[16] Дыбенко Павел Ефимович (1889—1939) — начальник Артиллерийского управления Штаба РККА.

[17] Биографические сведения о Лидемане не обнаружены.

[18] СКВО — Северо-Кавказский военный округ.

[19] Имеется в виду начавшаяся в Шанхае 1 июня 1925 г. всеобщая антиимпериалистическая забастовка, повлекшая за собой волну массовых выступлений во многих городах Китая и положившая начало Национальной революции 1925—1927 гг.

[20] М. А. Трилиссер (1883—1940) — начальник иностранного отдела ОГПУ НКВД СССР.

[21] Биографические сведения о Венове не обнаружены.

[22] Район компактного проживания корейцев в Маньчжурии.

[23] НКФ — Наркомат финансов СССР.

[24, 25, 26] — содержание документов не установлено.

[27] Чжан — Чжан Цзолинь.

[28] Так в тексте. Очевидно, описка. Имеется в виду чжилийская группировка милитаристов.

[29] ККП — Китайская коммунистическая партия

[30] Официальное решение о создании военного отдела ЦК КПК принял состоявшийся с 28 сентября по 2 октября 1925 г. расширенный пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Китая.

[31] Так в тексте.

[32] Хунхузы — бандиты, разбойники.

[33] Т. Р. Рыскулов (1894—1938) — заместитель заведующего Восточным отделом ИККИ, представитель Коминтерна в МНР.

[34] А. Н. Васильев — полпред СССР в Монголии.

[35] Б. А. Васильев — заместитель заведующего Орготделом ИККИ.

[36] Имеются в виду кровавые репрессии реакционной военщины против Генсовета профсоюзов Тяньцзиня, профсоюза моряков и других прогрессивных организаций города.

[37] Сун Яо — так в тексте. Видимо, искаженная транскрипция имени и фамилии Сунь Юэ — командующего 3-й Национальной армией.

[38] Биографические сведения о Чжан Сичене не обнаружены.

[39] ПУР — Политическое управление РККА.

[40] Отряд просоветски настроенных эмигрантов во главе с бывшим полковником Генерального штаба царской армии А. Ф. Гущиным был организован при 2-й Национальной армии.

[41] Н. А. Кубяк (1881—1937) — секретарь Дальбюро ЦК ВКП (б).

ДНЕВНИК МАРТИНА БОРМАНА (январь-апрель 1945 года)

Бесследное исчезновение в мае 1945 года начальника личной канцелярии А. Гитлера и одновременно заместителя его по национал-социалистской партии Мартина Бормана породило множество различных слухов и догадок.

Публикуемый документ, возможно, явится не только недостающим звеном, которое поможет пролить дополнительный свет на тайну могущественного партайгеноссе, но и ключом к разгадке преступного механизма власти гитлеровского режима. В дневнике с немецкой пунктуальностью отражены основные и, надо думать, важнейшие события в жизни Бормана, начиная с 1 января 1945 года до момента его исчезновения 1 мая того же года. При этом нельзя не обратить внимания на особенности, имеющие первостепенное значение. Записи носят исключительно служебный характер, что позволяет буквально по часам проследить последние дни особо доверенного соратника Гитлера.

Совершенно секретно

экз. № 1

С С С Р

НАРОДНЫЙ
КОМИССАРИАТ
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

22 июня 1945 г.

№ 735/6

г. Москва

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
КОМИТЕТ ОБОРОНЫ —

товарищу С Т А Л И Н У И. В.

При этом направляю Вам копию дневника Мартина Бормана — начальника канцелярии Гитлера и помощника Гитлера по руководству национал-социалистской партией.

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
С о ю з а С С Р

Л. БЕРИЯ

Копия

Секретно

ДНЕВНИК

Мартина БОРМАНА — начальника канцелярии Гитлера, помощника Гитлера по руководству национал-социалистской партией

Фамилия и адрес:	М. БОРМАН, Оберзальцберг Берхтесгаден 2443, или Берлин
Телефон:	117411
При несчастных случаях сообщать:	Мюнхен 70261 или Бланкензее Мскл. 66.

ГЛАВНАЯ СТАВКА ФЮРЕРА АДЛЕРХОРСТ

Понедельник 1 января:

Обед фюрера с Герингом, Кейтелем, М. Б. (Мартином Борманом), Рундштедтом, Шерфом, Деницем, Йодлем, Риббентропом, Бургдорфом, Гудерианом и Шпеером.

Рудель получил бриллианты к золотому «Рыцарскому кресту».

Вторник 2 января:

Риббентроп у фюрера, после этого он был у М. Б. (Мартина Бормана).

Среда 3 января:

В 13.00 состоялось совещание у М. Б. с доктором Геббельсом, доктором Науманном, Шпеером, Зауэром и Ганценмюллером по вопросу мобилизации в армию рабочих и служащих военной промышленности и имперской железной дороги.

После обеда совещание у фюрера.

Четверг 4 января:

Шпеер и Зауэр у фюрера, после них Ганценмюллер.

ГЛАВНАЯ СТАВКА ФЮРЕРА АДЛЕРХОРСТ

Пятница 5 января:

Рейхсмаршалу (Геринг) приказано явиться к фюреру по вопросу воздушной войны.

М. Б. (Мартин Борман) на доклад к фюреру.

Воскресенье 7 января:

Вечером в 22.00 отъезд М. Б. на автомашине в Мюнхен.

Сильные неоднократные атаки с воздуха на Мюнхен.

В 8 часов должен прибыть в Мюнхен.
Утром был у Фегелейн.

Вторник 9 января:
М. Б. был у жены и детей в Оберзальцберге.

Среда 10 января:
После обеда было совещание с Клопфером, Фридрихсом и с Хуммелем. Затем состоялась беседа с руководителем гитлеровской молодежи Аксманом.

Четверг 11 января:
Осмотр всех шахт. Беседа М. Б. с Х. Шенком.

Пятница 12 января:
М. Б. беседовал с Вайнгартом, Прейссом и доктором фон Хуммелем.
Ужин с Вайнгартом, Иозефом, фрейлейн Зальберхан, фрейлейн Функ, фрейлейн Лазетской, фрау Треземер, фрейлейн Бауридль, доктором Штольцем, доктором фон Хуммелем, Мюллербихом, Постом, Шпеером, Грейдером и др.

АДЛЕРХОРСТ

Суббота 13 января:
После обеда М. Б. был с женой и детьми в Рейнхалле для осмотра грибного хозяйства (шампиньоны) садовника Фольмарка.
Вечером М. Б. беседовал с партийным товарищем Трейшем.
Утром большевики перешли в наступление.

Воскресенье 14 января:
Посещение тети Хескен.

Понедельник 15 января:
Ввиду большого наступления на востоке — 16.30 отход поезда фюрера в Берлин, прибытие его 16.1 в 11.30.
М. Б. (Мартин Борман) должен ждать в Оберзальцберге.

Четверг 18 января:
(18.10) 19.10 отъезд С. В. в Берлин.
Я и жена были вместе с Евой Браун, фрау Фегелейн и Бредовом.

Пятница 19 января:
Прибыл в Берлин в 14.55. Пополудни жена уехала в Штольпе.

Суббота 20 января:
В полдень — положение на Востоке становится все более и более угрожающим. Нами оставлена область Вартенау. Передовые танковые части противника находятся под Катовицами.
Вечером в 22 часа жена вернется из Штольпе.

БЕРЛИН

Воскресенье 21 января:

В 13.00 М. Б. с Тербовеном на докладе у фюрера. После этого беседа с Ламмерсом.

В 15 часов прием Квислинга фюрером с Ламмерсом, М. Б. и Тербовеном.

Вечером с женой у Фегелейн.

Понедельник 22 января:

В 15 часов продолжение совещания фюрера с Тербовеном, Квислингом, Ламмерсом и с М. Б.

Вторник 23 января:

Совещание фюрера с Риббентропом, М. Б., Ламмерсом, Кейтелем, Йодлем, Деницем и рейхсмаршалом (Геринг).

Пятница 26 января:

Утром в 4 часа жена и шофер Кинкель уезжают из Берлина. В 15 часов они будут в Мюнхене, в 16 часов они выезжают из Мюнхена, в 20 часов они будут в Оберзальцберге.

Повторная беседа М. Б. с Грейзером.

Воскресенье 28 января:

После обеда была беседа фюрера с Квислингом, Ламмерсом, Риббентропом и М. Б.

Понедельник 29 января:

15.15.-16.20. Сейсс и М. Б. были у фюрера.

Утром состоялась беседа М. Б. с фон Хуммелем.

Вторник 30 января:

В полдень М. Б., как обычно, был на коротком докладе у фюрера. После обеда был доктор Науманн на докладе у фюрера.

Вечером доктор Лей.

В 19.15 фюрер обратился к немецкому народу.

Среда 31 января:

Утром русские танки были под Гроссеном. Они переправились через Одер между городами Кюстрин и Врицен.

Четверг 1 февраля:

Утром состоялся разговор М. Б. с партийцем Штеером.

Вечером фюрер принял Штеера, назначил его гаулейтером.

Пятница 2 февраля:

В полдень М. Б. имел беседу с генералом Рейнеке и в 18.00 с Аксманом, позже с фон Хуммелем.

Суббота 3 февраля:

В первой половине дня сильный налет на Берлин (пострадали от бомбардировок: новая имперская канцелярия, прихожая квартиры Гитлера, столовая, зимний сад и партийная канцелярия).

Бои за переправы на Одере.
От бомбардировки пострадал фасад партийной канцелярии.

Понедельник 5 февраля:
Беседа с Ширахом относительно Грейслера.
В 14.45 бомбардировка.
Подвергались бомбардировкам гор. Филяр (4р.), Зальцбург (5 р.), Регенцбург, Штраубург, Штраупштейн, Роденхайм и др.
Вечером после беседы о положении М. Б. беседовал с Ламмерсом и с Сейссом у фюрера, затем имел беседу с Геббельсом.

Вторник 6 февраля:
День рождения Евы Браун.
В 13.15 беседа доктора Геббельса и доктора Ламмерса с М. Б.
Вечером у М. Б. был Кальтенбруннер.

Среда 7 февраля:
Беседа фюрера с гаулейтером Кохом, Гудерианом и Венком. После этого он беседовал с обергруппенфюрером Вольфом.
Вечером М. Б. был с рейхсфюрером СС у Фегелейн.
Беседа и ужин.
После этого встреча с Евой Браун и Фегелейн.

Четверг 8 февраля:
Пополудни беседа М. Б. с графом Геслером и штандартенфюрером Бехером, затем с Бургдорфом о службе безопасности.
Ночью был приглашен вместе с Геслером, Шпеером, Фегелейн и фюрером к Еве Браун.

Пятница 9 февраля:
Полдень. Наступление противника на г. Веймар.
Вечером отъезд Евы Браун и фрау Фегелейн.

Суббота 10 февраля:
Обед у Фегелейн с рейхсфюрером СС Гиммлером и генералом Бургдорфом. После обеда беседа с Гиммлером, затем с Ламмерсом.
Ужин с Гиммлером, Зеппом, Дитрихом, Бергером и Фегелейн.
После ужина состоялась беседа.

Воскресенье 11 февраля:
Утром М. Б. беседовал с Кальтенбруннером.

Понедельник 12 февраля:
То же самое.

Вторник 13 февраля:
Вместе с Фегелейн М. Б. был в лагере Майбах-Цоссен у полковника Стрейве.
Поздно вечером и ночью были сильные налеты на центр Дрездена.

Среда 14 февраля:
В полдень М. Б., как обычно, на докладе у фюрера.

Четверг 15 февраля:
В полдень снова налет на Дрезден.
После обеда М. Б. вел беседу с Куммдом, Ламмерсом, а после них с Кальтенбруннером.

Пятница 16 февраля:
М. Б. имел разговор с партийными товарищами Фридрихсом и Клопфером.

Суббота 17 февраля:
Беседа М. Б. с Рудером, Ламмерсом и Аксманом.

Воскресенье 18 февраля:
Беседа М. Б. с доктором Хумелем, доктором Шмидтом и Реммером относительно общей связи.
Вечером М. Б. поехал в Цоссен.

Понедельник 19 февраля:
С Фегелейном в лагере Цоссен.

Вторник 20 февраля:
Мюллер и два служащих службы госбезопасности уехали на север.
М. Б. был утром в партийной канцелярии, имел беседу с Фридрихсом, Вальхенхорстом, Цандером, Клопфером, Шмидтом и Реммером.

Среда 21 февраля:
Мюллер вернулся с севера. Беседа с Мюллером в лагере Цоссен, позднее Цандером.
Сильные дневные налеты на Вену, Эрфурт, Нюрнберг.

ГЛАВНАЯ СТАВКА ГИТЛЕРА

Четверг 22 февраля:
В полдень М. Б. был у фюрера, после обеда у фюрера был Форенф. Беседа М. Б. с доктором Науманном, Рудером, Фридрихсом.

Пятница 23 февраля:
Беседа М. Б. с адмиралом Фоссом, Клопфером, доктором Шталем, Ламмерсом.
Вечером был вместе с Банке-Рикке и с Клопфером.

Суббота 24 февраля:
В 14.00 рейхслейтеры, гаулейтеры, связные офицеры были у фюрера в имперской канцелярии. Поздравление по поводу вручения немецкого ордена Константину Хирлю, которому 24 февраля исполнилось 70 лет.
Обед — выступление фюрера.

Вечером с 8.00 до ночи у Геббельса, приглашение по поводу семидесятилетия Хирля.

Воскресенье 25 февраля:
Сильные дневные налеты на Линц и Мюнхен. Вечером Фегелейн и Бургдорф на ужине у М. Б.

Понедельник 26 февраля:
Сельный налет на Берлин. Второе попадание в партийную канцелярию (сильное). Беседа с обергруппенфюрером Штайне. Рейхсминистр Баркс и гос. секретарь Рикке у фюрера на докладе по вопросу сокращений.

Вторник 27 февраля:
Пополудни беседа М. Б. с Бургдорфом относительно ген. фон Хильфена. Беседа с Еном относительно Норвегии. В 16.30 беседа с доктором Леем. Вечером с Фегелейн и Беловом.
Тяжелые налеты на Аугсбург, Халле и Зальцбург.

Среда 28 февраля:
Как и всегда, Цандер на докладе у фюрера о положении.

Четверг 1 марта:
После обеда беседа М. Б. с обергруппенфюрером Прюнцманом, вечером с Зеппом, Дитрихом и Кальтенбруннером.

Пятница 2 марта:
Утром интенсивные налеты на Магдебург, Дрезден, Хемниц, Плацеп и Кельн.
Утром имел разговор с партийцами Фридрихсом и Дотцлером.

Суббота 3 марта:
Вместе в фюрером в штабах дивизий — «Берлин» и «Деберитц». Англо-американцы в Нейсе и Крейфельде.
Русские под Кюзлином и Шлаве.

Воскресенье 4 марта:
Беседа М. Б. с доктором Леем, Вернером, Лоренцом, адмиралом Фоссом и адмиралом Матиссом.
Снова с Леем. Доклад фюрера. Беседа с Шрудером.
Вечером с Фегелейн и Бургдорфом.
Глубокие прорывы в Померании. Танки под Кольберг-Шлаве-Дранбургом.
На западе остался только один плацдарм.

Понедельник 5 марта:
Утром новый сильный налет на Хело Ниц.

Вторник 6 марта:
Утром беседа М. Б. с доктором фон Хуммелем. Доклад фюрера, беседа с Ламмерсом, Шмидтом и Реммером.
Хуммель в Дрездене у фрау Хампитцш.
М. Б. с супругами Фосс и Пумас.

Среда 7 марта:
М. Б. утром был в саунс (баня).
В 16.30 М. Б. имел беседу с доктором Гласмайером и Флорианом.
После этого беседа М. Б. с доктором Норманном.
Вечером Ева Браун уехала с курьерским поездом в Берлин.

Четверг 8 марта:
Утром беседа М. Б. с Клопфером, Фридрихсом, Мюллером и Цандером.
Англичане вступили в Кельн.
Русские в Альтдаме.

Пятница 9 марта:
Утром беседа с Хуммелем, который приехал из Штольпе.
Беседа фюрера с Кессельрингом, Мантойфелем и Хюбнером.
Беседа М. Б. с Фрейлингом, Цандером и др.

Суббота 10 марта:
Беседа М. Б. с Рудером, Эберленом, Хевелем, Гайгером.
Беседа М. Б. с Деницем.
М. Б. ежедневно на докладе у фюрера.

Воскресенье 11 марта:
Беседа М. Б. с Гайгером и доктором Леем.
15.50 М. Б. на докладе у фюрера.
16.00 беседа с Ламмерсом, Ширахом, доктором Хафнером и гл. гос. прокурором по вопросу народного суда.
Вечером М. Б. у генерала Винтера, Буле, полковника Полека и т. д. в казино.

Понедельник 12 марта:
Полдень — беседа М. Б. с Шмидтом, Реммером, Гайгером, Кейтелем, штурмбанфюрером Цандером и доктором Траттом.

Вторник 13 марта:
М. Б. ежедневно имеет беседы с Гайгером, с Бургдорфом у фюрера.
Вечером с профессором Бухнером у фюрера.
В 22 налет скоростных бомбардировщиков на Берлин.
Первое крупное попадание в министерство пропаганды.

Среда 14 марта:
Беседа М. Б. с Рудером, фрау Форстер, с фельдмаршалом Кейтелем, доктором Павлицким, Мюллером.
Вечером беседа с обергруппенфюрером Франком.

Четверг 15 марта:
Утром М. Б. вылетает на «Кондоре» в Зальцбург (мыс. Бетц.).
Беседа с др. Хуммелем.

Пятница 16 марта:
Беседа М. Б. с Шенком и Бредовом, в Обсрзальцберге с фрейлейн Иозефа.

Суббота 17 марта:
На приеме у фюрера Кауфман и Дениц.
М. Б. посещает шахты Гутсхов, Дюррен.
Полдень — визит фрау Хапке.

Воскресенье 18 марта:
М. Б. осматривает шахты и т. д.

Понедельник 19 марта:
В 17.00 М. Б. выезжает из Зальцбурга через Мюнхен в Берлин.
В 1.50 ночи с Форстером у фюрера до 3.30, затем тревога.
Налет на Хаген, Цоссен в 5.30.

Вторник 20 марта:
С Фегелейн в сауне (баня).
Пополудни беседа М. Б. с партийными товарищами Фридрихсом, Швербеном и Гайгером.

Среда 21 марта:
М. Б. с докладом у фюрера, затем беседа с Клопфером.

Четверг 22 марта:
В 13.00 беседа М. Б. с Байблингером. Беседа с Вальхенхорстом, Ламмерсом, Шюттом, Гайгером, проф. Блашке.

Пятница 23 марта:
Беседа М. Б. с Вальхенхорстом, Гайгером, Цандером, гауптштурмфюрером Экхардом.

Суббота 24 марта:
Полдень, первое наступление с юга (Италия) на Берлин. При благоприятной погоде утром в 3 ч. наступление у Везеля. В 15.00 М. Б. с гаулейтером Кохом у фюрера.
Беседа М. Б. с Павлицким, Вальхенхорстом, Штайнакером, доктором Шмидтом и Реммером.

Воскресенье 25 марта:
С Фегелейн в сауне (баня).
На докладе у фюрера с Зацкелем.
Танки у Атафафенбурга.

Понедельник 26 марта:
Беседа с генералом авиации Шумахером.
Дебаты с генералом фон Хенглем.
Полдень — беседа М. Б. с рейхсфюрером СС Гиммлером.
17.00 беседа с Заукелем.
Так как Цаубер болен, то М. Б. принимает участие в обсуждении положения.

Вторник 27 марта:
Утром беседа с Хингельфельдтом, Вальхенхорстом, Хуммелем.
Обсуждение положения.
Вечером беседа с Буле относительно транспорта.

Среда 28 марта:
9.45 беседа с генералом Ирекс относительно проблем транспорта.
Полдень — обсуждение положения с Ренбергом, Вальхенхорстом.
Беседа с доктором Леем по вопросу добровольного корпуса «Адольф Гитлер» с доктором Кальтенбруннером и др.
Танки в Варбурге — Гиссен.

Четверг 29 марта:
Передовые танки в Корбахе.
Артобстрел Рехнитца (Штейсмарк).
Положение на юго-востоке очень напряженное.
Беседа М. Б. с генералом Рейнеке, Леем, адмиралом Матиссом.
Обсуждение положения 1.
Вечером с Аксманом. Гудериан уволен.

Пятница 30 марта:
М. Б. беседует с гросс-адмиралом Деницем.
Обсуждение положения.
Доктор Дитрих отстранен Гитлером.
Пополудни танки у Бекерунгена (Безор).
Ночью танки у Герцфельда.

Суббота 31 марта:
Беседа М. Б. с Гайгером, Мюллером.
Обсуждение положения.
Разговор по телефону с фрау Шольц.
Вечером Кребс, Шорф, Буле собираются у М. Б.

Воскресенье 1 апреля:
Беседа М. Б. с партийными товарищами Фридрихсом, Кейтелем, Руйкдейшелем.
Обсуждение положения.
Артиллерийский обстрел города Эйзенаха.
Русские танки под Винер-Нойштадтом.

Понедельник 2 апреля:
Утром беседа с капитаном Аксманом.
Вечером — враг прорвался в Тюре около Унтермасфельде, в Кертель, Эйзенах и Тенар.

Вторник 3 апреля:
Беседа с Штюром и крейслейтером Кернером.
Обсуждение положения.

Среда 4 апреля:
Беседа М. Б. с Аксманом.
Обсуждение положения.
Беседа с Зюндерманом.

Четверг 5 апреля:
Большевики под Веной.
Англо-американцы в Тюрингской области.
Они наступают у Лангензальце, Майнингена.
Беседа с Цандером.

Суббота 7 апреля:
Вечером Кребс, Винте, Бургдорф, Майзель и Венк у М. Б.
Обсуждение положения.

Воскресенье 8 апреля:
Беседа М. Б. с инженером Лести.
Обсуждение положения.
Беседа фюрера с Кауфманом и фельдмаршалом Бушем.

Понедельник 9 апреля:
Беседа М. Б. с Фридрихсом.
После обеда беседа фюрера с гаулейтером Кейфером, с М. Б., Йодлем и генералом Винтером.
Вечером — беседовал с обергруппенфюрером Франком, после этого велась беседа с Хюпнером относительно Кейтеля.

Вторник 10 апреля:
Беседа М. Б. с фрау Шотц-Клинг.
Беседа М. Б. с генералом Венком.
Беседа М. Б. с Вальхенхорстом и Гессом.
Беседа М. Б. с Клопфером.

Среда 11 апреля:
День помолвки.
Беседа М. Б. с Лаутенбахером и Эггелингом.
Танки противника под Магдебургом, Гросс-Отерслебеном, Камбургом, Аккеном, Шайнбеком (на р. Эльба).

Четверг 12 апреля:
Беседа М. Б. с Шмидтом и Реммером.
Доклад фюреру.
Обсуждение положения.
Вечером был, как обычно, Кессельринг, состоялась длительная беседа.
Рузвельт умер.

Пятница 13 апреля:
Беседа М. Б. с Герландом, Мейцнером, Хильденфельдом, Вальхенхорстом.
Танки противника под Закхузеном (на р. Эльба), Виттенбергом, под Штенделсом и Тангермюндером.

Танки противника ворвались в города Дортмунд и Кетвик, Гуммерсбах и Арнсберг.

Танки противника под Магдебургом, Нортхаузеном, Клаусталь-Халле, Цейцем, Заальфельдом и Кронахом.

Суббота 14 апреля:

Наш Кренци Y (знак рождения)

Противник захватил Раусформвальд, Кальбе, Гарце-Гюнтерберг, Хозенштайн, Эрнцталь, Конах, Штейнах, Банберг-Вильтбальт и Раштат.

Вечером наступление на Потсдам.

Заместитель гаулейтера Мейцнера погиб.

Воскресенье 15 апреля:

Беседа М. Б. с Рекманном.

После обеда по поручению фюрера вел беседу с Евой Браун, доктором Мальцем и с доктором Штуммфагером, относительно дела профессора Брандта.

Положение ночью.

М. Б. остался в Берлине.

Враг занял города Арнхайм, Кеттен, Андриасберг (в Гарце), Хеммиц, Мерране, Бернек, Байройт, Бюль (Баден).

Понедельник 16 апреля:

Враг занял города Леверкузен, Ишлон, Миттрайда, Гриммтшау, Вайда, Шемптц, Эрланген и Оффенбург (Баден).

Большие бои на Одере.

Среда 18 апреля:

Большие бои на Одере.

Обед с генералом Кребсом и Хильбартом.

Вечером — прибытие Бредова.

Четверг 19 апреля:

Большие бои на Одере.

Пятница 20 апреля:

День рождения фюрера, но, к сожалению, настроение не праздничное. Приказан отлет передовой команды в г. Зальцбург.

Суббота 21 апреля:

Утром улетел Путткамк и его люди.

После обеда начался артиллерийский обстрел Берлина.

Воскресенье 22 апреля:

Фюрер остается в Берлине.

Вечером Шернер прибыл в Берлин.

Вторник 24 апреля:

Генерал Вейдлинг будет назначен комендантом г. Берлина.

Среда 25 апреля:

Геринг исключен из партии.

Первое массированное наступление на Оберзальцберг.
Берлин окружен.

Пятница 27 апреля:

Гиммлер и Йодль задерживают подбрасываемые для нас дивизии.

Мы будем бороться и умрем с нашим фюрером — преданные до могилы.

Другие думают действовать из «высших соображений», они жертвуют своим фюрером. Пфу, какие сволочи! Они потеряли всякую честь.

Наша имперская канцелярия превращается в развалины.

«Мир сейчас висит на волоске».

Союзники требуют от нас безоговорочной капитуляции — это значило бы измена Родине.

Фегелейн деградирует — он пытался бежать из Берлина, переодетый в гражданский костюм.

Воскресенье 29 апреля:

Второй день начинается ураганным огнем. В ночь с 28 на 29 апреля иностранная пресса сообщила о предложении Гиммлера капитулировать. Венчание Адольфа Гитлера и Евы Браун. Фюрер диктует свое политическое и личное завещание.

Предатели Йодль, Гиммлер и генералы оставляют нас большевикам.

Опять ураганный огонь.

По сообщениям противника американцы ворвались в Мюнхен.

30.4.45 года
Адольф Гитлер ⅄
Ева Г. (Гитлер) ⅄

Вторник 1 мая:

Попытка прорваться из окружения.

Примечания переводчиков.

Знак ⅄ означает смерть. Доказательством служит выписка из календаря Бормана:

(Теодор Борман) Y 1.7.1862 года, Родился
он ⅄ 8.7.1903 года. Умер

СОБСТВЕННОРУЧНЫЕ ПОКАЗАНИЯ НАЧАЛЬНИКА ЛИЧНОЙ ОХРАНЫ А. ГИТЛЕРА ГАНСА РАТТЕНХУБЕРА

Главный личный телохранитель Адольфа Гитлера имел высокие генеральские чины в полиции и службе безопасности, обладал немалыми властными полномочиями. Но все это не шло ни в какое сравнение с тем, что он многие годы пользовался личным благорасположением и, по сути, неограниченным доверием самого фюрера. Благодаря этим обстоятельствам Ганс Раттенхубер изучил привычки, прихоти, капризы, слабые, а вместе с ними и сильные стороны своего высокого покровителя.

Оказавшись в советском плену и рассчитывая на милость победителей, Ганс Раттенхубер написал подробный отчет о теневой стороне жизни человека, чья преступная деятельность принесла человечеству в XX веке неисчислимые страдания.

Совершенно секретно

экз. № 1

НКО

ГЛАВНОЕ
УПРАВЛЕНИЕ
КОНТРРАЗВЕДКИ
«С М Е Р Ш»

29 ноября 1945 г.

№ 924/0

г. МОСКВА

СОВЕТ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ
СОЮЗА ССР

товарищу С Т А Л И Н У

При этом представляю собственноручные показания арестованного начальника личной охраны ГИТЛЕРА СС группенфюрера и генерал-лейтенанта полиции РАТТЕНХУБЕРА Ганса.

В своих показаниях РАТТЕНХУБЕР подробно описывает, как была организована охрана ГИТЛЕРА.

Кроме того, РАТТЕНХУБЕР изложил обстоятельства покушения на ГИТЛЕРА в 1944 году и похищения МУССОЛИНИ по заданию ГИТЛЕРА.

В настоящее время РАТТЕНХУБЕР дает показания о личной жизни ГИТЛЕРА и о том, что ГИТЛЕР 30 апреля 1945 года в Берлине, в своем бункере в здании имперской канцелярии, покончил с собой.

Эти показания будут представлены Вам дополнительно.

ПРИЛОЖЕНИЕ: — по тексту.

АБАКУМОВ

Перевод с немецкого

СОБСТВЕННОРУЧНЫЕ ПОКАЗАНИЯ

начальника личной охраны ГИТЛЕРА — СС группенфюрера и генерал-лейтенанта полиции — РАТТЕНХУБЕРА Ганса

от «28» ноября 1945 года

РАТТЕНХУБЕР Ганс, 1897 года рождения, уроженец гор. Оберхахинг, близ Мюнхена, немец, со средним образованием, член НСДАП с 1933 года, участвовал в первой мировой войне в чине лейтенанта, с 1920 года работал в органах полиции в Баварии.

С 1933 года и до дня ареста являлся начальником личной охраны ГИТЛЕРА.

Арестован в мае 1945 года в Берлине.

В настоящих показаниях я хочу описать, как была организована под моим руководством охрана ГИТЛЕРА, а также сообщить известные мне данные о покушении на ГИТЛЕРА, которое было произведено в 1944 году, и о похищении МУССОЛИНИ по заданию ГИТЛЕРА.

Прежде чем коснуться этих вопросов, я хочу сказать, что ГИТЛЕР, после прихода 10 марта 1933 года к власти в Баварии, назначил полицей-президентом Мюнхена своего верного соратника ГИММЛЕРА.

Я лично был знаком с ГИММЛЕРОМ еще с 1918 года по совместной учебе в офицерской школе в гор. Фрайзинг, около Мюнхена. До этого времени я уже имел опыт фронтового унтер-офицера в отличие от ГИММЛЕРА, который в боях на фронте не участвовал.

В дальнейшем, в 1929—1933 гг., когда, наряду со своей служебной деятельностью в полиции, я являлся председателем союза полицейских чиновников, встречался несколько раз с ГИММЛЕРОМ на собраниях национал-социалистской партии. В беседах я рассказывал ему о своей работе и получал с его стороны одобрение.

За время моей службы в полиции г. Мюнхена, я приобрел солидный опыт во всех отраслях полицейской службы.

ГИММЛЕР высоко ценил подготовку и практическую деятельность баварской и, особенно, мюнхенской полиции.

Все это дало основание ГИММЛЕРУ, занявшему пост поли-

цей-президента Мюнхена, приблизить меня к себе и назначить своим адъютантом, так как он нуждался в человеке, знакомом с полицейскими кругами в Мюнхене.

Так что с 1933 года, одновременно со службой в мюнхенской полиции, я являлся уже одним из приближенных ГИММЛЕРА.

В 1934 году баварская полиция была распущена и ее личный состав был переведен в армейские части. Я также намеревался было перейти на командную должность в какую-либо воинскую часть, однако ГИММЛЕР отклонил мою просьбу, заявив, что ГИТЛЕР не желает замены в личном составе полиции безопасности и сказал, что в ближайшем будущем я буду переведен в войска СС.

В связи с тем, что ГИТЛЕР продолжительное время бывал в Баварии, ГИММЛЕР приказал ГЕЙДРИХУ для сопровождения ГИТЛЕРА в его поездках организовать команду из чиновников криминальной полиции. Вначале эту команду возглавлял капитан полиции БЕЛЬВИЛЬ, однако, в апреле 1933 года его перевели на другую работу и на его место ГИММЛЕР назначил меня.

Таким образом, с 1933 года и до смерти ГИТЛЕРА, последовавшей 30 апреля 1945 года, я являлся начальником его личной охраны.

Охрана ГИТЛЕРА до 1933 года осуществлялась «сопровождающей командой СС», укомплектованной отборными эсэсовцами из числа наиболее преданных членов национал-социалистской партии, служивших в специальной эсэсовской части «Лейбштандарт Адольф ГИТЛЕР».

Это были телохранители ГИТЛЕРА в буквальном смысле слова. В «сопровождающей команде СС» были созданы три небольшие группы, численностью по 5 человек каждая, из которых, по крайней мере, одна всегда сопровождала ГИТЛЕРА.

Вскоре после назначения меня начальником личной охраны ГИТЛЕР поставил передо мной задачу организовать также личную охрану ГЕРИНГА, ГЕССА, ГИММЛЕРА, РИББЕНТРОПА, ГЕББЕЛЬСА, ФРИК, ДАРРЕ и обеспечить безопасность его резиденций в Мюнхене и Берхтесгадене.

Осенью 1935 года я реорганизовал существовавшую охрану ГИТЛЕРА, которая получила наименование «Имперская служба безопасности».

«Имперская служба безопасности» (РСД) была организована в качестве личной охраны ГИТЛЕРА и была подчинена только ему лично.

Все изменения в личном составе РСД производились только с ведома и санкции ГИТЛЕРА. РСД состояла на денежном и вещевом довольствии министерства внутренних дел.

Вопросы штата и повышений в званиях я докладывал началь-

нику канцелярии ГИТЛЕРА — ЛАММЕРС, а последний, после своего решения, докладывал для утверждения ГИТЛЕРУ.

Правда, в последние годы штатами РСД занимался также и ГИММЛЕР, которому я докладывал по этому вопросу свои соображения.

Однако окончательное решение выносил по-прежнему все же сам ГИТЛЕР.

В оперативном отношении ГИММЛЕР имел лишь инспекторские права и приказывать ни мне, ни возглавляемой мной охране, он не имел права.

Последнее обстоятельство неоднократно подчеркивалось ГИТЛЕРОМ в самой категорической форме.

Вспоминаю, что в 1942 году, во время обеда в ставке «Вольфсшанце», ГИТЛЕР заявил в присутствии меня, ГИММЛЕРА и ряда других генералов:

> «Я повторяю еще раз, что вы, ГИММЛЕР, не имеете никакого права приказывать РАТТЕНХУБЕРУ. Я запрещаю вам это.
>
> А если вы, РАТТЕНХУБЕР, что-либо доложите обо мне ГИММЛЕРУ, то будете немедленно заключены в тюрьму».

В результате такого указания ГИТЛЕРА, ГИММЛЕР побледнел, но ничего не сказал.

В задачу «Имперской службы безопасности» входило:

1. Обеспечение безопасности ГИТЛЕРА во время выступлений на митингах, массовых собраниях и т. д. во внутреннем секторе охраны (примерно 50—70 метров).

2. Охрана резиденций и квартир:

ГИТЛЕРА	— квартира в Берлине и с 1938 года новая имперская канцелярия, квартира в Мюнхене и резиденция в Берхтесгадене.
ГЕРИНГА	— квартира в Берлине, дворец «Каринхалл» близ Берлина и вилла в Оберзальцберг.
ГЕССА	— квартира в Мюнхене.
ГИММЛЕРА	— квартира в Берлин-Далем, вилла в окрестностях озера Тегернзее, ставка «Хохвальд» близ гор. Антербург (В. Пруссия).
РИББЕНТРОПА	— квартира в Берлине, дом в м. Фушль в окрестностях Зальцкаммергут (Австрия), дом графа Лендорф в дер. Штейнорт (В. Пруссия).
ГЕББЕЛЬСА	— квартира в Берлине, вилла близ озера Богензее.
ФРИКА	— квартира в Берлине.
ДАРРЕ	— квартира в Берлине и вилла в окрестностях города.
фон-НЕЙРАТА	— резиденция в Чернинском дворце.

Разумеется, необходимо было охранять и места работы всех этих лиц.

Во время войны к приведенному выше списку охраняемых лиц прибавились:

ЗЕЙСС-ИНКВАРТ	—	наместник в Голландии с резиденцией в Гааге.
ТЕРБОВЕН	—	наместник в Норвегии с резиденцией в Осло.
БЕСТ	—	имперский уполномоченный в Дании, с резиденцией в Копенгагене.
Гросс-адмирал ДЕНИЦ	—	квартира в Берлине и вблизи города.
ФРАНК	—	министр по делам Богемии и Моравии, с резиденцией в Праге.

3. Охрана и обслуживание ставки ГИТЛЕРА.
4. Охрана ГИТЛЕРА во время его поездок.
5. Охрана ГИТЛЕРА при его выездах за границу и на фронт.
6. Охрана ГЕРИНГА, ГИММЛЕРА, ГЕББЕЛЬСА и других руководителей, которых я назвал выше.

Причем:

1-й отдел РСД	—	осуществлял сопровождение ГИТЛЕРА, охрану Берхтесгадена и квартиры ГИТЛЕРА в имперской канцелярии.
8-й отдел РСД	—	нес охрану квартиры ГИТЛЕРА в Мюнхене.
9-й отдел РСД	—	занимался внешней охраной Берхтесгадена.
15-й отдел РСД	—	нес охрану служебных помещений ГИТЛЕРА в имперской канцелярии.

Я лично имел право давать указания любому органу полиции в отношении мер по обеспечению личной безопасности ГИТЛЕРА.

Это было совершенно необходимо для проведения хорошо согласованных следующих мероприятий по охране фюрера:

Охранные мероприятия при постройке жилых и служебных зданий ГИТЛЕРА

На строительство допускались рабочие, прошедшие тщательную проверку по полицейским учетам, имеющие положительную характеристику от бургомистра и руководителя местной национал-социалистской организации. При использовании иностранной рабочей силы допускалось минимальное соотношение: на 4-х иностранцев — один немец.

Во время работ происходила проверка рабочих через агентуру, завербованную из числа занятых на строительстве лиц.

Существовала строгая система пропусков, которые через неопределенные периоды времени подлежали замене.

Были высокая оплата и хорошее обеспечение рабочих, чтобы предотвратить проявление с их стороны какого-либо недовольства.

Все материалы, поступавшие на строительство, подлежали проверке, прежде чем быть использованными.

Канализационные, вентиляционные и другие трубы перед окончанием работ исследовались на предмет отыскания в них посторонних предметов. Такому же осмотру подлежали половые настилы, подвалы.

Тщательно проверялись подведенные к зданию провода и кабели с целью обнаружения возможно имеющихся среди них ложных проводов.

Стены подвергались прослушиванию специальными приборами, определяющими местонахождение посторонних тел.

Приемка здания осуществлялась государственной комиссией, в которую входили наряду с инженерами чиновники криминальной полиции.

Обслуживание и охрана служебных и жилых помещений ГИТЛЕРА

Нами была тщательно разработана инструкция, согласно которой весь обслуживающий персонал служебных и жилых помещений ГИТЛЕРА в Берлине и его имения в Бертехсгадене, а также и их родственники подлежали непрерывной проверке со стороны полиции.

Пропуска в здания менялись ежемесячно.

У каждого входа было установлено круглосуточное дежурство привратников и сопровождающих.

Чердачные помещения и крыши находились под постоянным наблюдением охраны.

Проходы от служебных помещений имперской канцелярии к личным аппартаментам ГИТЛЕРА охранялись эсэсовцами из «Лейбштандарта Адольф ГИТЛЕР». Все помещения имперской канцелярии находились под контролем сотрудников возглавляемой мною охраны РСД.

Лица, приходившие на прием без заблаговременного оповещения, пропускались только после телефонного запроса. Все посетители получали специальный листок, на котором отмечалось время прихода, ухода и количество вещей, принесенных и унесенных ими из здания.

Лица, не имевшие специального пропуска, пропускались в здания лишь в сопровождении сотрудника охраны.

Багаж сдавался для просмотра в помещение охраны, причем считалось недопустимым, чтобы это помещение было расположено в непосредственной близости к жилой части.

Прием пакетов от неизвестных лиц был строжайше запрещен. Запрещалось также хранение не вскрытых пакетов.

После окончания строительства новой имперской канцелярии в 1938 году, мне было разрешено контролировать также и содержимое пакетов, поступавших в адрес ГИТЛЕРА.

Внутренний ремонт помещений доверялся лишь особо проверенному прикрепленному персоналу, уже годами занятому на этой работе. Посторонняя рабочая сила ни в коем случае не допускалась.

Продукты питания поставлялись от строго определенных фирм, служащие которых находились под постоянным тщательным полицейским контролем. Заказ продуктов по телефону был запрещен и продукты закупались только лицами из числа охраны, которые их лично сами доставляли на кухню. Все продукты подвергались химическому анализу.

Овощи для ГИТЛЕРА разводились в его имении в Берхтесгадене, выкапывались из земли в присутствие курьера, который их отвозил после этого для приготовления пищи.

В 1939 году после начала войны полицейская охрана района имперской канцелярии была значительно усилена и я строго следил за тем, чтобы личный состав полицейских команд этого важного района оставался неизменным.

Примерно с 6 часов вечера и до 6 часов утра хождение посторонних лиц в непосредственной близости имперской канцелярии было строжайше запрещено. Лица, направлявшиеся по специальным пропускам в квартиру ГИТЛЕРА, включая высших партийных чиновников, обязательно сопровождались дежурным охранником.

Помимо этого, вокруг дома ГИТЛЕРА в Берхтесгадене было установлено большое количество прожекторов, которые включались все одновременно нажатием кнопки и освещали кругом большую территорию.

Кроме того, во всех помещениях, где находился ГИТЛЕР, включая даже спальню, имелся сигнал тревоги, соединенный с помещениями охраны. Нажатием соответствующих кнопок ГИТЛЕР и его адъютанты могли вызывать охрану или объявить общую тревогу во всем районе.

В Берхтесгадене вся почта, поступавшая в адрес ГИТЛЕРА, просвечивалась рентгеновским аппаратом.

Интересно заметить, что поступавшее из стирки белье ГИТЛЕРА тоже подвергалось просвечиванию рентгеновским аппаратом. Обслуживающий персонал был при этом одет в свинцовую одежду для защиты от воздействия лучей.

ГИТЛЕРОМ мне была поручена также организация охраны его квартиры в Мюнхене, находившейся на 2-м этаже частного дома по площади Принца-Регента, 16.

В этих целях я произвел проверку жителей этого дома и установил за ними тщательное полицейское наблюдение.

На 1-м этаже я разместил охрану из четырех человек, хорошо знавших всех жильцов дома, на чердаке был выставлен кругло-

суточный пост охраны. На дымоходных трубах были установлены защитные решетки для того, чтобы предотвратить заброску в них посторонних предметов. Чердачные окна тоже были огорожены решетками и снабжены изнутри запорами. По одному ключу от всех имевшихся в доме дверных замков были переданы в распоряжение охраны.

Весь участок перед домом был огорожен проволочным забором. Перед домом и во всем его районе была учреждена круглосуточная патрульная служба. Прилегающие дома также находились под непрестанным контролем. Въезд в эти дома новых квартирантов разрешался только «имперской службой безопасности».

Все посетители дома заносились в учетную книгу и допускались в дом лишь после телефонного запроса у того или иного хозяина квартиры. За приносимый в дом багаж, который регистрировался, владельцы квартир несли строгую ответственность.

Однако, несмотря на мои настойчивые требования, ГИТЛЕР не позволил проводить обыск лиц, посещавших этот дом. Тогда я написал специальную докладную записку, адресованную личному адъютанту ГИТЛЕРА, в которой указал на недостаточность мероприятий по охране, но никакого ответа я так и не получил.

Охрана ГИТЛЕРА в гостиницах

Гостиницы, в которых останавливался ГИТЛЕР, находились под непрерывным контролем гестапо. Сотрудники и постоянные гости также тщательно проверялись. Этим облегчался контроль за случайными посетителями.

Прибытие ГИТЛЕРА в гостиницы было неожиданным, что исключало возможность скопления большого количества людей.

В приемной гостиницы дежурили чиновники местной криминальной полиции. Они же патрулировали по всей гостинице. Особое внимание обращалось на подвальные помещения.

Старший охраны контролировал заселение комнат, прилегавших к апартаментам ГИТЛЕРА. Комнаты рядом с ним обычно предоставлялись его адъютантам и свите.

Во время отсутствия ГИТЛЕРА его комнаты подвергались тщательному наблюдению внутри.

Если ГИТЛЕР спускался в ресторан, то шесть охранников занимали соседние столы с расчетом видеть все, что происходит в зале.

Некоторое время спустя после прибытия ГИТЛЕРА в ресторан входили ряд опытных чиновников криминальной полиции с женами — также для наблюдения за публикой.

В ночное время личная охрана несла охрану гостиницы, а городская полиция следила за всем прилегающим районом.

Исключение составляла гостиница «Дойчер Гоф» в Мюнхене во время партийных съездов. В эти дни гостиница была занята партийными чиновниками, получавшими от партийной канцелярии специальные пропуска для входа в дом. Охраной и членами СС все же осуществлялся тройной контроль пропусков.

Охрана ГИТЛЕРА в театрах

Почти во всех немецких театрах имелась «ложа фюрера». Одновременно имелись постоянные места для полиции в целях максимально четкого контроля и наблюдения за публикой. Эти места выбирались с обеих сторон ложи и сверху над ней.

Личная охрана охраняла подходы к ложе ГИТЛЕРА и контролировала соседние ложи. Обычно ГИТЛЕР незаметно для публики входил в ложу, вскоре после начала спектакля.

Когда ГИТЛЕР отъезжал из театра, требовалась дополнительная охрана из состава местной полиции.

Более широкие охранные мероприятия предпринимались при официальных выступлениях. Места вокруг ГИТЛЕРА и в известном охранном секторе выдавались только лицам по специальным спискам. Патрули наблюдали за всеми помещениями театра, вплоть до артистических уборных.

Восьмидневные празднества в Байрейте (родина Вагнера) требовали усиленной охраны. Контролю подвергались все гостиницы, рестораны и особенно сам зал, где происходил фестиваль. Все приглашенные зрители тщательно проверялись тайной полицией еще за несколько месяцев до празднеств.

Определенные места оставлялись за сотрудниками тайной полиции. Сектор перед ложей ГИТЛЕРА был под контролем личной охраны, которая без разрешения ГИТЛЕРА к ложе никого не допускала.

ГИТЛЕР во время этих празднеств обычно проживал в Байрейте у вдовы ВАГНЕРА — г-жи ВИНИФРИД ВАГНЕР, в доме которой бывали концерты с участием лучших артистов.

В прилегающих к Байрейту местностях и на дорогах периодически проводился контроль всех жителей и приезжающих.

Охрана ГИТЛЕРА на собраниях и митингах

Места собраний еще за 8 дней до начала их открытия уже были объектом охраны. Все помещения проверялись, огнетушители подлежали удалению. Тщательно обследовались потолочные перекрытия. Специальные полицейские собаки охраняли все подступы к зданию. Патрульная служба действовала круглые сутки.

За 2—3 дня до собрания я лично проверял состояние проведенных охранных мероприятий. Гестапо и областное руководство НСДАП информировало меня о принятых ими мерах.

За 24 часа до начала собрания все здание еще раз основательно просматривалось и заполнялось охраной. С этого времени доступ разрешался лишь по специальным пропускам.

Устройство громкоговорителей производилось специальной командой штурмовиков под начальством группенфюрера ШЕФЕР.

Специально подобранный состав устанавливал также и прожектора. Пригласительные билеты выдавались областным руководством НСДАП. Личная охрана РСД обеспечивала безопасность ложи ГИТЛЕРА и трибуны для оратора. Вместе с ГИТЛЕРОМ в зал входило лишь небольшое количество сопровождающих лиц.

Определенные места оставлялись для фоторепортеров. Только некоторым из них разрешалось фотографировать ГИТЛЕРА крупным планом. Снимки при вспышках магния допускались только с санкции самого ГИТЛЕРА. Максимально сокращалось освещение прожекторами, так как у ГИТЛЕРА были больные глаза после первой мировой войны. Во время выступлений ГИТЛЕР всегда был потным и разгоряченным, так что после собрания он немедленно принимал теплую ванну, чтобы не простудиться.

Должен также отметить, что после покушения на ГИТЛЕРА в Мюнхене 9 ноября 1939 года, охрана начала широко применять для подслушивания микрофоны, которые за несколько дней до прибытия ГИТЛЕРА устанавливались между креслами в залах, где были намечены его выступления. Микрофоны изготавливались фирмой «Цейсс».

Охрана ГИТЛЕРА во время поездок

А. Специальный поезд ГИТЛЕРА состоял из 15 вагонов: вагон ГИТЛЕРА, вагон имперского руководителя прессы, вагон с узлом связи, два салон-вагона, вагон-баня, два вагона для свиты и частей, два спальных вагона, два багажных вагона, вагон для охраны, две бронеплощадки с зенитными скорострельными артиллерийскими установками калибра 20 мм, связанные между собой телефоном.

Вагон ГИТЛЕРА был довольно просторным. Начиная с 1942 года, ГИТЛЕР в нем обедал во время поездок, в то время, как раньше он обычно ходил на обед в салон-вагон.

В вагоне, кроме купе ГИТЛЕРА, имелись также отдельные купе для личного его адъютанта, для адъютанта вооруженных сил и для личного слуги — штурмбанфюрера ЛИНГЕ.

Было учтено также особое пристрастие ГИТЛЕРА часто принимать теплую ванну, для чего в его вагоне было оборудовано специальное помещение.

Одно купе в вагоне было оборудовано для него в виде небольшого служебного кабинета.

Вагон не был бронирован.

В 1944 году нами было запланировано устройство в вагоне бронированного купе для ГИТЛЕРА, однако, это мероприятие мы не успели провести.

Весь обслуживающий персонал, начиная с 1938 года, был постоянным и контролировался тайной полицией.

Все пассажиры, включая офицеров, были занесены на специальный учет имперской службы безопасности.

Так как состав сопровождающих лиц был почти всегда одним и тем же, эти задачи были значительно облегчены.

Подъездные пути и перрон строжайше охранялись службой безопасности и железнодорожной полицией.

Пассажиры сопровождались железнодорожной полицией к представителю РСД и последним — к личному адъютанту ГИТЛЕРА.

Багаж гостей из их домов в поезд доставлялся чинами батальона СС в присутствии пассажиров. Каждое место багажа было снабжено точным адресом владельца. Багаж, доставленный каким-либо иным путем, в вагон не допускался. Нахождение на перроне постороннего багажа и посторонних лиц строго запрещалось.

Продукты для спецпоезда поставлялись железнодорожной компанией «Митропа» в присутствии начальника салон-вагона СА хаупт-штурмфюрера КРЮКЕН. Также под тщательным наблюдением происходила заправка водой.

Ремонт вагона производился только постоянным обслуживающим персоналом. В случае направления вагона для ремонта в депо, все время при этом присутствовал комендант вагона. Для ремонта привлекались особо проверенные рабочие и инженеры.

Пустой поезд охранялся двумя сотрудниками РСД, 11 чиновниками железнодорожной полиции и 39 зенитчиками.

Маршрут держался в строжайшем секрете, причем составлялся таким образом, что нельзя было понять, когда ГИТЛЕР будет пользоваться поездом. Гостям приход ГИТЛЕРА объявлялся примерно за час до этого. Зачастую ГИТЛЕР вместе с охраной входил или выходил из поезда с другого вокзала, нежели гости.

В ночное время все вагоны были заперты за исключением вагона охраны. Железнодорожные станции были закрыты, чтобы посторонние лица туда не могли пройти.

Впереди спецпоезда на определенной дистанции двигался добавочный поезд.

Если поездки совершались официально и ожидались встречи публики, то железнодорожное начальство заранее заботилось о правильном размещении встречающих.

Если ГИТЛЕР находился в ставке, то поезд через неопределенные промежутки времени перемещался со станции на станцию. Поезд все время был в состоянии готовности, что налагало зимой особые трудности на обслуживающий персонал.

Б. Поездки ГИТЛЕРА на автомашинах. ГИТЛЕР пользовался автомашинами только следующих типов: «Мерседес-Бенц», открытая и лимузин с мотором мощностью в 150 лошадиных сил, а также вездеход марки «Штейер».

Все машины ГИТЛЕРА были бронированы и снабжены специальными непробиваемыми стеклами.

Испытания, которые проводились периодически, показали, что броня выдерживала обстрел автоматического оружия, пулемета и не оставляла вмятин от взрыва гранат. Стекло выдерживало воздействие 7 винтовочных выстрелов в одну точку.

Эти технические показатели вполне отвечали требованиям безопасности, так как трудно было рассчитывать на длительный обстрел во время поездки.

В отношении бронирования следует заметить, что броня прикрывала все стенки машины, включая днище. При закрытом варианте крыша также имела броневую защиту.

Фары-прожектора были исключительно сильные, так что ослепляли все встречные машины, исключая, таким образом, возможность обстрела со стороны последних.

Кроме того, в машине имелось несколько небольших, управляемых вручную, сверхсильных фонарей, позволявших освещать все пространство вокруг машины. Сзади машины был также установлен сильный прожектор, при помощи которого можно было ослеплять все машины, пытавшиеся нагнать машину ГИТЛЕРА.

Машины сопровождения (их обычно было две) имели сзади светящуюся надпись: «Полиция, обгон запрещен». Таким образом, лица, пытавшиеся обогнать конвой, подлежали привлечению к уголовной ответственности. Однако в моей практике таких случаев не было.

Подножки в машинах закрывались вплотную дверями и исключали, таким образом, возможность впрыгивания на ходу посторонних лиц. Эта мера предосторожности была проведена нами после покушения на югославского короля АЛЕКСАНДРА и французского министра иностранных дел БАРТУ. Это покушение было заснято на пленку французской кинохроникой и фильм был специально закуплен германским правительством для детального изучения. Я лично просматривал эту кинохронику несколько раз.

Внутри автомашин ГИТЛЕРА имелись хорошо замаскированные и быстро открывающиеся кобуры для автоматов и пистолетов.

Автомобили охраны до 1941 года были вооружены каждая двумя пулеметами с 1200 патронами к каждому из них. С момента войны против Советского Союза, автомобильная охрана во время поездок получала на вооружение также автоматы и «панцерфаусты».

Характерно, что ГИТЛЕР редко ездил со скоростью

свыше 90 км в час, автомобильные поездки он любил, так как при этом отдыхал.

Следует различать поездки ГИТЛЕРА секретные, когда это тщательно скрывалось от посторонних, и официальные, когда о поездке ГИТЛЕРА население знало.

При секретных поездках ГИТЛЕРА сопровождающим его лицам сообщалось лишь время отъезда, цель поездки была известна лишь ГИТЛЕРУ.

Нередко в таких случаях, уже после выезда, ГИТЛЕР сам лично намечал маршрут на карте.

Во время секретных поездок ГИТЛЕРА, светящаяся надпись на машине сопровождения: «Полиция, обгон запрещен», закрывалась специальным щитом.

Во время езды обгон колонны посторонними машинами не допускался. Автомашинам, пытавшимся обогнать колонну, загораживали путь автомобили сопровождения.

Все скопившиеся сзади посторонние автомашины на перекрестках пропускались вперед, чтобы сохранить в тайне маршрут ГИТЛЕРА.

После 1935 года к автомашине приобрели прицеп, в который по воскресеньям нагружали продукты для поездок за город.

Во время привалов, в стороне от дороги, обычно выставляли два караульных поста.

Остановки совершались только в определенных гостиницах.

Если в виде исключения необходимо было остановиться в другом пункте, то вперед высылалась «квартирная команда» в составе двух чиновников РСД и адъютанта для заблаговременной подготовки квартиры.

Женщин в автомобильные поездки ГИТЛЕР не брал.

Особые охранные мероприятия надлежало производить при официальных поездках, так как маршрут был известен за несколько дней и население собиралось для встречи ГИТЛЕРА.

В таких случаях, за несколько дней чиновниками криминальной полиции бралась под наблюдение вся трасса. Владельцам домов давалось указание ни в коем случае не допускать в дома неизвестных лиц. Все гаражи и автомастерские просматривались с целью обнаружения там посторонних машин.

Киоски и полые колонки для афиш брались под особое наблюдение.

Устройство громкоговорителей было разрешено лишь специальной команде штурмовиков. Вывешивание лозунгов, украшений и сооружение трибуны осуществлялись под наблюдением сотрудников областного руководства НСДАП.

Для фоторепортеров и кинооператоров были отведены специальные места, за которыми велось тщательное наблюдение.

Если по пути нужно было проезжать парк, то в таком случае в нем всегда находились чиновники полиции с собаками.

В день митинга улицы охранялись воснизированными соединениями НСДАП и полицией. Чтобы предотвратить бросанье цветов, их брали у публики и затем приносили к ГИТЛЕРУ. Лиц с багажом с улиц немедленно удаляли.

Оцепление располагалось таким образом, что каждый второй охранник стоял лицом к публике, а чиновники полиции размещались среди публики и в задних рядах.

Особая осторожность была необходима на поворотах в связи с замедлением езды.

Все эти мероприятия были совершенно необходимы, так как ГИТЛЕР стоял в машине, которая ехала почти шагом. Письма передавались только охране, которая ехала на двух машинах вплотную к автомобилю ГИТЛЕРА.

Следует также отметить, что ГИТЛЕР во всех случаях пользовался только своими личными автомашинами. Если ему приходилось ехать в поезде или лететь на самолете в другой город, то вся его автоколонна подтягивалась своим ходом к соответствующим пунктам.

В. Полеты ГИТЛЕРА на самолете. «Эскадрилья фюрера», также входившая в мое подчинение (как шефа РСД), состояла из самолетов ГИТЛЕРА, ГИММЛЕРА и РИББЕНТРОПА.

Командиром эскадрильи являлся генерал-лейтенант БАУР — личный пилот ГИТЛЕРА.

Самолет ГИТЛЕРА — четырехмоторный типа «Кондор», фирмы «Фоккс-Вульф».

Его корабль и другие (Ю-52 и ХЕ-111) стояли в ангарах, вход в которые разрешался только членам экипажей, имеющим специальные пропуска за подписью БАУР. Ремонт или осмотр производился лишь в присутствии одного из членов экипажа. Охрану несли СС и полк «Великая Германия».

Вначале все корабли находились на одном аэродроме, но в связи с бомбардировками после 1941 года они были рассредоточены на разных аэродромах.

Пилоты являлись высококвалифицированные летчики, ранее служившие в «Люфтганза». Каждый из них налетал не менее миллиона километров. Такими пилотами были: БАУР, ДОЛЬДИ, ШНЕБЕЛЕ, БЕЦ, ГЕЙН, ФРИДРИХ, ХЮБНЕР и ГЕЙЗЕЛЬБРЕХТ.

ГЕЙН потерпел аварию в декабре 1941 года на аэродроме гор. Орел, ШНЕБЕЛЕ убили партизаны в 1942 году в окрестностях Житомира, ДОЛЬДИ был сбит русским истребителем в районе Лодзи в 1944 году.

Порядок с проверкой пассажиров и багажа был такой же, как в специальном поезде.

В самолет ГИТЛЕРА поступал только его личный багаж.

О летно-технических и пилотажных свойствах самолета ГИТЛЕРА должен подробно рассказать находящийся в плену у русских личный пилот ГИТЛЕРА — СС группенфюрер БАУР.

Мне лично о самолете ГИТЛЕРА «Кондор» фирмы «Фокке-Вульф» известно следующее:

Крейсерская скорость корабля была равна 340 км в час, при продолжительности полета в 4 часа.

Потолок самолета мне неизвестен, во всяком случае, мы никогда не летали выше 4,5 тысячи метров, так как ГИТЛЕР плохо себя чувствовал на высоте.

Для высотных полетов в самолете для каждого пассажира имелся кислородный прибор.

«Кондор» ГИТЛЕРА имел специальное устройство, позволявшее последнему в случае опасности путем нажима кнопки открывать под собою в кабине люк, в результате вместе с сидением, на котором ГИТЛЕР был заранее укреплен ремнями, он мог вывалиться из самолета, после чего автоматически раскрывался парашют.

Это устройство, и особенно парашют, непрерывно подвергались специальным проверкам.

Самолет имел на вооружении два сверхтяжелых пулемета калибра 150 мм., установленные один в хвосте, а другой под фюзеляжем.

Во время полетов на фронт самолет ГИТЛЕРА сопровождался эскортом истребителей в количестве от 6 до 10 машин, пилотируемых надежными «асами».

Должен также сказать, что для ГИТЛЕРА был подготовлен новый корабль, каковым являлся последний образец «Юнкерса» — Ю-250, имевший на вооружении 9 скорострельных пушек калибра 20 мм.

Сидение в самолете Ю-250 было защищено броневыми плитами снизу, сверху и с боков, а также снабжено непробиваемым стеклом. Там имелось такое же, как и в самолете «Кондор», устройство для выпрыгивания с парашютом.

Самолет Ю-250 практически не был использован, так как он, вскоре после своего изготовления, в марте 1945 года был уничтожен во время бомбардировки американской авиацией на аэродроме в гор. Мюнхен.

Г. Прогулки ГИТЛЕРА пешком. До 1938 года ГИТЛЕР часто совершал прогулки пешком в гражданском платье. Особенно часто это имело место во время его пребывания в Берхтенсгадене.

Эти прогулки, как правило, совершались в сопровождении двух сотрудников охраны, которые шли на некотором расстоянии от ГИТЛЕРА, в зависимости от характера прогулки и местных условий.

Естественно, что подобные прогулки совершались в особой тайне и по разным маршрутам, что помогало предотвратить возможность покушения.

После 1939 году пешком он больше уже не ходил и гулял только в своем специально огороженном и обеспеченном надежной охраной парке в Берхтесгадене.

Охрана главной ставки ГИТЛЕРА

Охрану главной ставки ГИТЛЕРА нес «батальон сопровождения фюрера» из дивизии «Великая Германия». Комендантами являлись: в 1939 г. — генерал РОММЕЛЬ, 1940—1942 гг.— полковник ТОМАС, 1943—1945 гг.— полковник ШТРЕБЕ.

Охранные мероприятия проводились по двум секторам:

а) Внутренний сектор под командованием СС — оберштурмбанфюрера ХЕГЕЛЬ, которому я придавал свой 1-й отдел.

Задачи внутреннего сектора были те же, что в Берлине и Мюнхене — контроль гостей и багажа. К этому прибавилась проверка по полицейским учетам всех офицеров резерва, находившихся в штабах на территории ставки. Согласно приказу ГИТЛЕРА штатные офицеры не подлежали полицейскому контролю.

б) Внешний сектор под командованием СС — штурмбанфюрера ШМИДТ, которому было придано мною «Отделение особого назначения» в количестве 22 полицейских чиновников.

Эта заградительная зона распространялась на 4 км вокруг ставки.

Задачей внешнего сектора являлось круглосуточное наблюдение за подступами к ставке и путями, связывающими ставку с выдвинутыми постами и зенитными точками.

Военнослужащим разрешалось посещение ставки только после предварительной регистрации в главном командовании вооруженными силами.

Машины, приближавшиеся к ставке, должны были выключать фары и включать свет в кабине для проверки пассажиров.

Пропуска сотрудников ставки подвергались ежемесячной перерегистрации.

После покушения на ГИТЛЕРА в июле 1944 года был введен обыск всех лиц, приезжавших в ставку, на предмет обнаружения оружия. Исключение составлял особый список приближенных к ГИТЛЕРУ лиц.

Багаж всех без исключения лиц подвергался просмотру.

Почта, поступавшая в ставку ГИТЛЕРА, подвергалась самому тщательному контролю.

Продукты питания и медикаменты для ГИТЛЕРА также тщательно контролировались, о чем покажу ниже, а сейчас перейду к вопросу о ставках ГИТЛЕРА.

Ставка «Фельзеннест» («Гнездо в скалах»), район Эйскирхен, 35 км восточнее Рейна представляла собой группу бункеров в районе западного вала. Она была названа «Гнездо в скалах» потому что бункер ГИТЛЕРА был устроен в естественной скале.

Ставка «Танненберг» («Гора, покрытая слями») была расположена в лесистом районе Шварцвальда. Характер окружающей местности подсказал это название.

Ставка в районе Прюэ де Пеш на бельгийско-французской границе получила название «Вольфсшлюхт» («Ущелье волка»). Ставка была расположена в домах небольшого местечка. Имевшаяся там ранее церковь была снесена, чтобы она не служила ориентиром с воздуха. Кроме того, имелся бункер для ГИТЛЕРА и один общий бункер на случай воздушного нападения.

Ставка «Вольфсшанце» («Убежище волка») в районе Растенбурга (Восточная Пруссия) хорошо известна теперь командованию Красной Армии. Строительство этой ставки было замаскировано под видом строительных работ фирмы «Аскания-Нова», для чего в гор. Растенбурге была открыта контора и набирались рабочие, направлявшиеся затем по разным местам в Германию.

В 1944 году севернее этой ставки, в связи с налетами советской авиации, была выстроена ложная ставка. Кроме того, имелись опасения, что русские одновременно с наступлением на Восточную Пруссию попытаются высадить десант с целью захвата ставки. В связи с этим «батальон сопровождения фюрера» был увеличен и преобразован в смешанную бригаду под командованием полковника РЕМЕР, отличившегося при арестах заговорщиков 20 июля 1944 года.

Ставка «Вервольф» («Оборотень») в районе Винницы была замаскирована под видом дома отдыха для раненых офицеров. Для ГИТЛЕРА был выстроен отдельный бункер, в то время, как для остальных сотрудников ставки имелся общий бункер. Все сотрудники ставки жили в обычных деревенских избах и частично в бараках.

Ставка «Беренхеле» («Берлога медведя») три километра западнее Смоленска, на автостраде Смоленск-Минск, была устроена таким же образом, как ставка в Виннице. В этой ставке ГИТЛЕР был не более двух часов, а остальное время проводил в штабе армейской группировки.

Ставка «Рерс» («Тоннель») в районе Веснева (Галиция) была расположена в специально построенном тоннеле с железобетонными стенами и перекрытиями толщиной полтора-два метра. К тоннелю была подведена железнодорожная ветка, чтобы в случае необходимости туда мог подъехать специальный поезд ГИТЛЕРА. Тоннель был устроен у подножья лесистого холма и хорошо замаскирован сверху так, чтобы он не мог быть обнаружен авиационной разведкой.

В этой ставке ГИТЛЕР останавливался лишь на одну ночь в 1941 году во время приезда на фронт МУССОЛИНИ. Отсюда затем они вместе вылетели в Умань.

Кроме того, под маскировочным названием «Силезское строительное акционерное общество», осенью 1943 года, было на-

чато строительство новой ставки ГИТЛЕРА в районе г. Швейдниц (Силезия). Однако удалось провести только земляные работы, так как для окончательного строительства этой ставки требовался минимум еще один год. Почти уже было закончено строительство замка «Франкенштейн», где должен был размещаться РИББЕНТРОП и иностранные гости, приезжающие в ставку ГИТЛЕРА.

В 1941 году, между городами Суассон и Лаон (Франция), тоже имелась ставка ГИТЛЕРА, напоминающая по характеру имевшихся там строений (бункеров) ставку в районе гор. Растенбург. Эта ставка именовалась «Вест-2».

Были начаты также строительные работы по сооружению ставок «Вест-1» и «Вест-3» в районе гор. Вандом. В 1943 году они попали в руки союзных войск в недостроенном состоянии.

Выбор места дислокации ставок производился всегда адъютантом вооруженных сил генералом ШМУНДТ и комендантом ставки полковником ТОМАС. Затем требовалось согласие возглавляемой мною «службы имперской безопасности».

Наименования «Вольфсшлюхт», «Вольфсшанце» и «Вервольф» были выбраны потому, что имя «Адольф» на древнегерманском языке означает «волк».

В 1945 году, во время наступления РУНДШТЕДТА, ГИТЛЕР временно переехал в ставку в районе гор. Наугейм. Эта ставка именовалась «Адлерсхорст» («Гнездо орла»). Ставка размещалась в замке, вокруг которого была выстроена группа бункеров, приспособленных к окружающей горно-скалистой местности.

В связи с тем, что замок можно было легко обнаружить с воздуха, в 2 км от замка в лесу было построено несколько деревянных домов, где ГИТЛЕР находился с 22 декабря 1944 по 15 января 1945 года. Здесь имелся лишь один бункер для ГИТЛЕРА. Все строения были хорошо замаскированы деревьями так, что даже вблизи трудно было обнаружить что-либо. В замке в то время размещался фельдмаршал РУНДШТЕДТ со своим штабом.

Во всех ставках для ГИТЛЕРА имелась спальная и ванная.

Если до 1944 года эти помещения размещались в деревянных бараках вблизи бункера, то после они тоже были переведены в бункер.

Постоянные испарения железобетона требовали дополнительного ввода кислорода в помещения. Баллоны кислорода располагались вне бункера, чтобы избежать последствий возможного их взрыва. Наполнение баллонов кислородом производилось под наблюдением сотрудников тайной полиции (гестапо). В помещения кислород подводился посредством свинцовых труб. Систематически проводились испытания этих баллонов по всем видам их технических показателей.

Медикаменты для ГИТЛЕРА заказывались только профессором МОРЕЛЛЬ. Эти лекарства изготовлялись под наблюдением

доктора МУЛЛИ сначала в Гамбурге, а затем в одном небольшом городке, названия которого я сейчас не помню и доставлялись в ставку специальным курьером.

Минеральная вода, которую очень любил ГИТЛЕР, наливалась в бутылки только в присутствии сотрудников охраны и привозилась в ставку тоже специальным курьером.

Аналогичная картина была с доставкой продуктов питания, которые поставлялись одними и теми же фирмами, находившимися под постоянным контролем государственной тайной полиции.

В Винице при содействии немецкой садоводческой фирмы «Зайденшпинер» и с привлечением организации «ТОДТ» было устроено большое огородное хозяйство, так как ГИТЛЕР, как известно, был вегетарианцем и овощи составляли основную часть его пищи.

Начальник кухни СА — хауптштурмфюрер ФАТЕР сам выезжал в это огородное хозяйство и брал там необходимые овощи.

Таким образом, овощи поступали в кухню, минуя посторонних лиц.

Другие продукты, как-то: рис, яйца и т. д. доставлялись с армейских складов.

В этом случае тот же начальник кухни или его заместитель, без предварительного уведомления, выезжали на склад и лично отбирали там продукты, неся за это полную ответственность.

Иногда некоторые виды продуктов доставлялись ГИТЛЕРУ специальным курьером из Берхтесгадена.

Охрана ГИТЛЕРА во время его выездов за границу и на фронт

В отношении поездок ГИТЛЕРА на фронт могу показать следующее.

1. Во время войны с Польшей ГИТЛЕР выезжал в район Кульмана на Висле, в г. Кельцы, на реку Сан, в район Лодзи и совершил две поездки под Варшаву, в район боевых действий.

2. Во время войны с Францией ГИТЛЕР посещал фельдмаршала КЛЮГЕ в Бастони, был также в г. Лиль, на реке Ипр, в г. Дюнкерк и совершил полет в Париж, где знакомился с достопримечательностями города.

3. Во время войны с Советским Союзом в 1941—1942 гг. ГИТЛЕР вылетал в гг. Брест и Умань, в районы городов Риги и Минска, в Мариуполь к фельдмаршалу КЛЕЙСТУ, в Полтаву к фельдмаршалу РЕЙХЕНАУ и в Смоленск к фельдмаршалу КЛЮГЕ.

В 1943 году ГИТЛЕР вылетал в Запорожье к фельдмаршалу фон-МАНШТЕЙНУ и вторично посетил фельдмаршала КЛЮГЕ в Смоленске.

В последующее время на Восточном фронте ГИТЛЕР больше уже не бывал, за исключением одного выезда к своим войскам на реку Одер в марте 1945 года.

Должен дополнить, что ГИТЛЕР выезжал специальным поездом еще в 1940 году для осмотра французских пограничных укреплений, а в 1941 году в г. Хендей, на франко-испанской границе, для встречи с ФРАНКО. Во время одной из таких поездок (когда, точно не помню) он встречался с маршалом ПЕТЕНОМ в г. Монтуар.

За исключением совместного вылета на фронт с МУССОЛИНИ, все остальные поездки ГИТЛЕРА были проведены неожиданно и поэтому никакие подготовительные охранные мероприятия проведены не были, тем более, что ГИТЛЕР приезжал на фронт не больше, чем на несколько часов. По прибытии ГИТЛЕРА местные органы СД немедленно принимали все необходимые меры по его охране.

Некоторое исключение составляют полеты в Мариуполь и Запорожье.

В Мариуполе ГИТЛЕР ночевал в отведенном для него доме, кажется, в бывшей гостинице на берегу моря.

В Запорожье он жил два дня в помещении авиационной казармы.

В обоих случаях, при содействии органов тайной полевой полиции, мною были проведены необходимые охранные мероприятия в непосредственной близости к квартире ГИТЛЕРА, как-то: усиленная патрульная служба, внутренние и внешние караулы, закрытие всего прилегающего района для постороннего движения.

Более широкие мероприятия по охране мною не проводились, так как это могло вызвать ненужную шумиху.

Вследствие этих минимальных мер по охране, пребывание ГИТЛЕРА в Мариуполе осталось неизвестным для местных жителей, а в Запорожье об этом знало лишь небольшое количество лиц.

ГИТЛЕР и МУССОЛИНИ посетили в Брест-Литовске только крепость. На время посещения крепость была окружена «батальоном сопровождения фюрера» и закрыта для проникновения туда военнослужащих и гражданских лиц.

По прибытии в Умань рядом с аэродромом была разбита палатка, где фельдмаршал КЛЮГЕ доложил ГИТЛЕРУ и МУССОЛИНИ обстановку на фронте, после чего все мы выехали на автомобилях в окрестности города.

Поездка совершалась по совершенно пустой местности и мы встретили по пути лишь несколько грузовиков с итальянскими солдатами, которые были очень удивлены, увидев МУССОЛИНИ.

Во время этой поездки ГИТЛЕР два раза питался на аэродроме из солдатской кухни.

Об этом я покажу подробнее в специальном разделе, а сейчас по вопросу охраны ГИТЛЕРА считаю необходимым дополнить свои показания в отношении его заграничных поездок.

В мае 1938 года ГИТЛЕР выезжал в Италию. Для организации охранных мероприятий был создан «охранный штаб» под председательством итальянского министра внутренних дел БОКИНИ. Его заместителем являлся начальник 4-го Управления СД — СС группенфюрер МЮЛЛЕР.

Подготовка началась за несколько недель до поездки. Был проведен усиленный контроль на итало-германской границе, в морских портах, особо тщательно наблюдали за иностранцами. На дорогах к Риму, Неаполю, Флоренции (куда был намечен приезд ГИТЛЕРА) была учреждена непрерывная проверка всех проезжающих лиц. Я командировал трех своих сотрудников в Рим, Неаполь и Флоренцию для организации контакта с итальянскими органами безопасности.

Поездка совершалась по железной дороге в двух спецпоездах.

Начиная с итало-германской границы до Рима, по обеим сторонам пути были выставлены воинские части. Каждому железнодорожному чиновнику был придан сотрудник криминальной или политической полиции для контроля за работой. На паровозах находились немецкие инженеры, отвечавшие за техническое проведение поездки.

На заранее обусловленных станциях находилось тщательно отобранное «население»,— главным образом, фашистские союзы в полной форме.

ГИТЛЕР показывался у окна и отвечал на приветствия. Из вагона не выходил. На остановках личная охрана окружала его вагон и следила за поведением посторонних лиц.

В Риме ГИТЛЕРА встретили: король, наследный принц и МУССОЛИНИ. Поездка во дворец Квириналу, где были отведены апартаменты для ГИТЛЕРА, совершалась в парадных каретах. Охрана осуществлялась батальоном кирасир.

Задолго до поездки автострада была закрыта для посторонних лиц и посыпана песком на всем протяжении пути, чтобы контролировать любое постороннее появление на дороге. Тротуары были ограждены деревянными барьерами, перед которыми были выставлены гвардейские части, за барьером находились фашистские союзы.

Окна домов были заняты полицией и зрителями по особому списку. На узких участках пути окна были закрыты и декорированы коврами и флагами.

Канализационные устройства, каналы, мосты находились под тщательным наблюдением криминальной полиции.

Гражданские лица, пользовавшиеся правом прохода к автостраде, должны были иметь серию пропусков. Утеря одного из них делала остальные недействительными.

Меры по безопасности дворца Квириналу, где останавливался ГИТЛЕР, мне неизвестны, так как неудобно было об этом расспрашивать, ибо речь шла о дворце самого короля.

В верхнем этаже над апартаментами ГИТЛЕРА проживали придворные чины, а внизу была размещена немецкая охрана во главе со мной.

На одном этаже с ГИТЛЕРОМ размещались его адъютанты БРЮКНЕР и ШАУБ.

Поездки ГИТЛЕРА по Италии (во Флоренцию и Неаполь) проводились на итальянской автомашине «Альфа-Ромео», водителем которой МУССОЛИНИ поставил своего личного шофера. Скорость автомашины достигала до 90 миль в час.

Машина, предоставленная в пользование ГИТЛЕРА, была обычной, она не имела брони и непробиваемого стекла. Никакого иного специального устройства на ней тоже не было, по крайней мере, я и личный шофер ГИТЛЕРА КЕМПКА не обнаружили этого при самом тщательном ее осмотре.

Охрана также ехала на автомашинах марки «Альфа-Ромео» и мотоциклах «Мото-Куцци». До поездки шоферы несколько раз тренировались на трассе. Весь путь был закрыт для постороннего движения и усиленно охранялся итальянской полицией.

В отличие от итальянской поездки, поездка ГИТЛЕРА в Финляндию зимою 1942 года была секретной и не требовала особых охранных мероприятий, кроме тщательного сохранения тайны.

Я вылетел в Финляндию за несколько дней до прилета ГИТЛЕРА, проверил на месте состояние охраны и установил связь с финской полицией. ГИТЛЕР вылетел из своей ставки (около гор. Растенбург) и приземлился недалеко от гор. Хельсинки.

О его приезде даже не знало немецкое командование. До Хельсинки он ехал на финской машине обычного типа, так как свою не брал. Дорога шла лесом, поэтому окружающий лесной массив был заполнен войсками и криминальной полицией с собаками. По самой трассе через каждые 200—300 метров стояли посты, сообщавшие по телефону продвижение ГИТЛЕРА.

Кроме того, трасса усиленно патрулировалась полицией, посаженной на мотоциклы.

Посторонние лица, естественно, не допускались на трассу.

Охрана МУССОЛИНИ во время пребывания в Германии и его поездки с ГИТЛЕРОМ на фронт. Похищение МУССОЛИНИ

Во время приезда МУССОЛИНИ в 1937 году в Германию весь железнодорожный путь от итало-германской границы до Берлина охранялся полицейскими, стоявшими на расстоянии видимости друг от друга.

Поскольку полиции не хватало, были мобилизованы отряды

СС, СА, НСКК* (национал-социалистский моторизованный корпус) и «трудовой повинности».

За безопасность на каждом участке пути в той или иной области отвечал соответствующий высший начальник СС и полиции.

Перед личным поездом МУССОЛИНИ двигался специальный форпосзд.

Для усиления итальянской охраны, насчитывавшей 20 человек и возглавляемой РОНКУЧЧИ, в спецпоезде находилась выделенная мною немецкая охрана (РСД) под командованием гауптштурмфюрера ВИТТМАНА в количестве 8 человек.

Обслуживающий персонал поезда был итальянский. Были добавлены лишь немецкие инженеры, находившиеся на локомотивах обоих поездов, и машинисты, отобранные из числа особо проверенных членов национал-социалистской партии.

На остановках были выстроены отряды СС, СА, НСКК и члены национал-социалистской партии. Посторонние лица не допускались. Ответственность нес соответствующий начальник вокзальной полиции и руководитель местной группы НСДАП. Долгих остановок не было, что облегчало проведение мероприятий по охране.

Виадуки и мосты еще за несколько дней были проверены и находились с того времени под строжайшей охраной.

В Мюнхене поезд останавливался на главном вокзале, а в Берлине на запасном вокзале «Хеерштрассе». Этим избегалось соприкосновение поезда с центром города.

Почти все продукты питания итальянцы везли с собой. Свежие продукты доставлялись под присмотром чиновников гестапо из кухни фюрера.

Из числа автомобилей для переезда МУССОЛИНИ использовались лишь бронированные машины ГИТЛЕРА, которые я описал выше.

Все домовладельцы в Мюнхене и Берлине, дома которых находились в районе трассы, по которой должен был следовать МУССОЛИНИ, были обязаны специальной подпиской нести полную ответственность за благонадежность своих жильцов. Неизвестные лица на это время в эти дома не допускались, снятие квартир и домов внаем в этом районе было запрещено. Жильцы указанных домов часто контролировались гестапо.

Крыши были проверены и заняты полицией. Полицейские располагались на крышах таким образом, чтобы не быть видными с улицы.

В магазинах и на предприятиях, расположенных по трассе, владельцы тоже были обязаны подпиской отвечать за благонадежность служащих и рабочих.

В гостиницах были тщательно проверены все проживавшие там лица.

---

* Так в документе.

На подъездных путях германских автострад в районе Мюнхена и Берлина были устроены шлагбаумы, где происходила тщательная проверка пассажиров, автомашин и их багажа.

Все гаражи подлежали усиленному контролю. Неизвестные машины направлялись в полицейский участок для проверки.

Проверялись все канализационные трубы. Входные отверстия в канализационные трубы были покрашены различными, не бросающимися в глаза, специальными красками. Если кто-либо попытался бы снять канализационную решетку, то на ней оставил бы отпечаток руки.

За несколько дней до приезда МУССОЛИНИ все канализационные трубы, по которым можно было ходить, были заняты патрулями.

Кроме того, полицейские патрули охраняли все прилегающие к трассе улицы.

В Мюнхене и Берлине улицы, где ехали ГИТЛЕР и МУССОЛИНИ, были за много часов до этого оцеплены полицией и отрядами СС, СА и НСКК.

Улицы на трассе были поделены на участки, за каждый из которых нес ответственность сотрудник криминальной полиции с подчиненной ему командой. Каждый начальник участка за несколько дней подробно знакомился со своим участком, домовладельцами, хозяевами предприятий, проверял выполнение ими полицейских инструкций.

Все начальники участков были связаны телефоном с охранным штабом, возглавляемым СС — группенфюрером МЮЛЛЕР. После проезда ГИТЛЕРА и МУССОЛИНИ их участка они сообщали об этом в штаб условным паролем.

В Берлине охранный штаб размещался в помещении главного управления имперской безопасности (ул. Принцальбрехтштрассе).

Если тот или иной участок пути включал сад или парк, то там обязательно находились полицейские чиновники с собаками. Особо обращалось внимание при этом на возможность укрытия «кукушек» на деревьях.

Населению, встречавшему МУССОЛИНИ и ГИТЛЕРА, было запрещено держать в руках какие-либо пакеты или свертки. Также было запрещено фотографирование и бросание цветов. Население было об этом уведомлено в газетах и по радио, а также полицейскими на мотоциклах, возившими с собой щиты с соответствующим текстом.

В Мюнхене и Берлине, за 30 минут до прибытия поезда, движение транспорта и пешеходов в районе маршрутов ГИТЛЕРА и МУССОЛИНИ было закрыто. Пассажиры, прибывшие с другими поездами, выводились запасными путями на боковые улицы.

ГИТЛЕР и МУССОЛИНИ, как правило, ехали в машине стоя. На расстоянии двух метров справа и слева ехали обе ма-

шины охраны СС и РСД, образуя треугольник с машиной ГИТЛЕРА.

На подножках машин охраны стояло по два охранника, готовых в любой момент спрыгнуть с машин.

Дворец принца Карла в Мюнхене, где остановился МУССОЛИНИ, был под тщательным наблюдением гестапо. Продукты питания во дворец доставлялись из запасов ГИТЛЕРА.

В Мюнхене МУССОЛИНИ и ГИТЛЕР были один день, принимали парад частей СС и вечером выехали в Берлин. Особых мероприятий по охране их во время парада не потребовалось, так как гражданской публики там не было. Путь от дворца до площади (100 метров), где проводился парад, был очищен от посторонних лиц.

В Берлине МУССОЛИНИ проживал во дворце Бельвю. Этот дворец, служивший для приема иностранных гостей, был круглый год под наблюдением гестапо. Примерно за восемь дней до приезда МУССОЛИНИ дворец был еще раз тщательно проверен сверху донизу. Работы во дворце — расстановка цветов и украшений производились под наблюдением чиновников гестапо. Всем занятым во дворце лицам были выданы новые специальные пропуска. После прибытия МУССОЛИНИ и сопровождающих его лиц были вновь выданы новые пропуска, а старые утратили свою силу.

Во время большой манифестации на стадионе «Олимпия» подъездной путь к стадиону был организован таким образом, что по нему проезжали только лишь машины ГИТЛЕРА и МУССОЛИНИ со свитой.

Кроме того, МУССОЛИНИ и ГИТЛЕР выезжали в район маневров частей германской армии.

Охрана района маневров, которые происходили севернее Берлина (около Мекленбурга), поставила полицию перед новой сложной задачей, так как не было ясно, в какое именно место поедут ГИТЛЕР и МУССОЛИНИ. Поэтому весь район был поделен на сектора, разделенные естественными рубежами и железными дорогами. Соответственно характеру местности и количеству населенных пунктов в сектора направлялось нужное количество полиции. Одежда полиции подбиралась соответственно обычной одежде местных жителей.

Оперативные команды, руководившие охраной в секторах, за 10—14 дней выезжали на места и знакомились с обстановкой. Немедленно была учреждена патрульная служба во всех секторах.

Связь по телефону с центром в Берлине разрешалась только при чрезвычайных происшествиях. Таким образом, избегалось излишнее взбудораживание населения чрезмерными охранными мерами.

Формально оперативные команды входили в подчинение начальников сельской жандармерии, хорошо знавшей местных

жителей. Таким образом, весь охранный механизм был отработан.

Посещение маневров прошло без малейших происшествий.

В ставку ГИТЛЕРА (район г. Растенбург) в 1941 году МУССОЛИНИ приезжал в специальном поезде, причем охрана его была организована аналогично тому, как я уже описал выше в разделе поездок ГИТЛЕРА по железной дороге.

МУССОЛИНИ все время находился в ставке за исключением выездов в Брест-Литовск и Умань.

Вылет в Брест-Литовск был совершен с аэродрома г. Растенбург, где находились только самолеты «эскадрильи фюрера». Другие самолеты ставки дислоцировались на аэродроме около гор. Летцен.

Нужно было охранять только путь от ставки к аэродрому. Для этого было выставлено большое количество постов из состава «батальона сопровождения фюрера». Местность, прилегающая к дороге, и мосты охранялись сотрудниками РСД. Большое внимание уделялось также зарослям и кустарникам. Трава на площади, примыкавшей к дороге, была скошена.

В ставку ОКХ (командование сухопутными силами) поездка совершалась по железнодорожной ветке, соединяющей эту ставку со ставкой ГИТЛЕРА. В этом случае также были приняты усиленные меры охраны МУССОЛИНИ в пути — назначение ответственных лиц за участки, патрулирование полицейских на расстоянии видимости, тщательно просмотрены все подступы к пути и установлены дополнительные посты в наиболее опасных местах. Железная дорога днем и ночью проверялась сотрудниками РСД пешком и на дрезине.

Поездка ГИТЛЕРА и МУССОЛИНИ в Умань совершалась спецпоездами до ставки «Рере» («Тоннель»). Охрана по пути осуществлялась силами местных областных начальников СС и полиции. Железнодорожный путь на всем протяжении охранялся полицией.

Так как к ставке «Рере» вела одна колея, то ГИТЛЕР, недоезжая ставки, поехал на автомашине и встретил затем спецпоезд МУССОЛИНИ, подошедший непосредственно к ставке. Вслед за этим был подведен спецпоезд ГИТЛЕРА. При этом имел место следующий случай: за несколько дней до приезда ГИТЛЕРА я отдал приказ, чтобы к местному населению не применялось бросающихся в глаза охранных мер и, чтобы таким образом внимание населения не было привлечено к происходящим событиям. Вопреки моему приказу, начальник полиции и СС по Краковской области распорядился, чтобы все население было загнано в дома и перед ними выставлена охрана.

Об этом узнал ГИТЛЕР и вызвал меня для объяснения. Он был, буквально, взбешен и закричал на меня:

«Какой идиот отдал подобное дурацкое распоряжение? Немедленно разыщите этих полицейских болванов и сделайте им строгое внушение.»

Они не понимают, что я такими мерами не завоюю популярность местного населения».

Я выполнил приказание ГИТЛЕРА, вызвал местное полицейское начальство и после довольно резкого разговора отменил их мероприятия.

Я уже указывал, что ГИТЛЕР и МУССОЛИНИ ездили каждый в своем отдельном спецпоезде. Полеты в Брест и Умань также совершались в различных самолетах, ибо по этому поводу имелось специальное указание ГИТЛЕРА.

Пилотом для МУССОЛИНИ ГИТЛЕР назначил своего шеф-пилота генерал-лейтенанта БАУР, а самолет ГИТЛЕРА вел полковник ДОЛЬДИ.

Во время автомобильных поездок ГИТЛЕР и МУССОЛИНИ сидели в кузове вместе. Рядом с шофером КЕМПКА обычно сидел в той же машине адъютант ШАУБ или ШМИДТ.

При беседах ГИТЛЕРА и МУССОЛИНИ я не присутствовал, поэтому их содержание мне неизвестно.

В дополнение о МУССОЛИНИ хочу отметить, что его встречи с ГИТЛЕРОМ носили дружественный характер. ГИТЛЕР его уважал и высоко ценил. ГИТЛЕР даже принял личное участие в разработке плана его освобождения, придавая этому особое политическое значение.

Об освобождении МУССОЛИНИ мне рассказывал лично сам возглавлявший эту операцию штурмбанфюрер СКОРЦЕНИ. Его кандидатура была предложена КАЛЬТЕНБРУННЕРОМ ГИТЛЕРУ, который после детального ознакомления и соответствующих коррективов утвердил план операции и состав группы СКОРЦЕНИ.

Действуя по утвержденному ГИТЛЕРОМ плану, СКОРЦЕНИ организовал специальный штаб в Риме, куда стекались сведения от агентуры о возможном местопребывании МУССОЛИНИ.

Первые данные говорили лишь о том, что МУССОЛИНИ находится под стражей правительства БАДОЛЬО на одном из островов архипелага.

Авиационная разведка показала, что один из этих островов особенно сильно охраняется. Тогда туда были высажены, под видом итальянских матросов, два сотрудника СД, установившие, что на острове имеется вилла, охраняемая большим отрядом карабинеров. Однако проверкой было установлено, что вилла была пуста, по-видимому МУССОЛИНИ был оттуда увезен.

Тем временем в штабе были получены сведения, что МУССОЛИНИ переведен в горы. Более точных данных не было, однако было вновь подтверждено, что МУССОЛИНИ не передан союзникам.

Затем агентура сообщила о сильной охране в районе горы Ментеграссе. Туда для проверки были заброшены два сотрудника СД, владевшие итальянским языком. Опросом местных жителей было установлено, что подвесная дорога на гору закрыта и на

горе расположен усиленный отряд карабинеров. Разведывательный полет показал, что на самой горе также имеется большой отряд охраны перед гостиницей, где, как рассказали жители, находится какое-то «важное лицо».

Перед гостиницей имелась небольшая площадка длиной в 50 метров, дававшая некоторую возможность приземления на планерах. Исходя из всех этих данных СКОРЦЕНИ решил высадить перед гостиницей отряд СД и парашютистов, захватить гостиницу, освободить МУССОЛИНИ и затем вызвать небольшой самолет типа «Шторх» для вывоза МУССОЛИНИ. Для увеличения силы торможения, низ планеров был обернут колючей проволокой.

На выполнение операции было послано 24 планера, две трети их высадились на площадке. Судьба остальных неизвестна. В каждом планере было 6—8 хорошо вооруженных людей. Для того, чтобы запугать карабинеров, СКОРЦЕНИ взял с собой в первый планер генерала карабинеров.

СКОРЦЕНИ высадился первым, вслед за ним генерал карабинеров, приказавший карабинерам бросить оружие, что они немедленно сделали. Следует сказать, что этот отряд, насчитывавший до 200 человек, имел на вооружении автоматы, пулемет и даже скорострельное зенитное орудие калибра 20 мм.

Затем СКОРЦЕНИ и другие сотрудники СД вошли в гостиницу и нашли там МУССОЛИНИ.

Одновременно с этим все карабинеры были собраны в одном из залов гостиницы и на них был наставлен их же собственный пулемет. Телефонная связь была прервана.

В то же время другие сотрудники СД и парашютисты начали подготавливать площадку для самолета «Шторх». Последний с большим трудом приземлился. Туда вошли СКОРЦЕНИ и МУССОЛИНИ. Чтобы облегчить взлет, на склоне горы был устроен трамплин.

МУССОЛИНИ приземлился в Неаполе, оттуда немедленно вылетел в Вену и на следующий день в ставку ГИТЛЕРА в район Растенбурга.

СКОРЦЕНИ был награжден ГИТЛЕРОМ за эту операцию рыцарским крестом.

Интересно заметить, что после освобождения МУССОЛИНИ, под впечатлением этого случая, в районе ставки ГИТЛЕРА по указанию последнего, были проведены большие оборонительные мероприятия по предотвращению возможного десанта со стороны русских.

Покушение на ГИТЛЕРА

В 1943 году из главного управления имперской безопасности я получил два сообщения, одно из которых поступило из Испании, а другое — из Швеции.

В этих сообщениях указывалось, что офицеры германской армии подготавливают убийство ГИТЛЕРА, но конкретных фамилий этих военных заговорщиков не упоминалось.

Оба эти сообщения я доложил генералу ШМИДТ и рейхслейтеру БОРМАН, которые имели по этому поводу беседу с ГИТЛЕРОМ.

Как мне сообщил ШМИДТ, ГИТЛЕР считал эти сообщения выдумкой, не имеющей под собой никакого основания.

Поэтому ГИТЛЕР мне так и не разрешил обыскивать офицеров ставки.

После этого я неоднократно обращал внимание генерала ШМИДТ на серьезную угрозу покушения, так как была полная возможность пронести в ставку взрывчатое вещество, но он тоже оставлял эти мои заявления без реагирования.

В июле 1944 года, в момент покушения на ГИТЛЕРА, я находился в лазарете.

Когда профессор ХАССЕЛЬБАХ сообщил мне о случившемся, то я сразу же заподозрил, что кто-либо принес взрывчатку на заседание военного совета. Так оно и получилось в действительности.

Я узнал, что покушение на ГИТЛЕРА произошло при следующих обстоятельствах.

В четверг, 20 июля 1944 года, на 14 часов дня было назначено заседание военного совета, где между прочим должен был обсуждаться вопрос о вооружении дивизий «народных гренадеров» (ополченцев).

В связи с этим ГИТЛЕР пригласил принять участие в заседании непосредственно занимавшегося формированием упомянутых дивизий полковника графа фон-ШТАУФФЕНБЕРГА.

ГЕРИНГ и ГИММЛЕР должны были также присутствовать на совещании.

ШТАУФФЕНБЕРГ вместе с обер-лейтенантом ХЕФТЕР и начальником связи германской армии — генералом ФЕЛЬГИБЕЛЬ вылетели из Берлина в ставку и доложили о своем прибытии фельдмаршалу КЕЙТЕЛЬ.

По неизвестной мне причине в последний момент начало совещания было перенесено на 13 часов 30 минут, т. е. на полчаса раньше. Так что об этом изменении не успели даже оповестить ГЕРИНГА и ГИММЛЕРА.

Незадолго до того, как КЕЙТЕЛЬ со ШТАУФФЕНБЕРГОМ пришли на совещание, последний незаметно, посредством плоскогубцев, вытащил предохранитель из адской машины, действие которой было рассчитано максимально на 30 минут, а затем заказал телефонный разговор с верховным командованием сухопутных сил.

КЕЙТЕЛЬ и ШТАУФФЕНБЕРГ пошли на совещание, а ФЕЛЬГИБЕЛЬ и ХЕФТЕР остались у помещения офицера ЗАНДЕР, руководившего узлом связи в ставке. Здесь же останови-

лась также автомашина, на которой ШТАУФФЕНБЕРГ и ФЕЛЬГИБЕЛЬ приехали с аэродрома.

По пути к бараку, где проводилось совещание, адъютант КЕЙТЕЛЯ — майор ИОН хотел было помочь ШТАУФФЕНБЕРГУ нести портфель (так как у ШТАУФФЕНБЕРГА были раньше тяжело ранены обе руки), но ШТАУФФЕНБЕРГ это резко отклонил.

Они вошли в барак, где уже были офицеры и куда вскоре вошел сам ГИТЛЕР.

На столе были разложены карты: слева — Восточного фронта, справа — карта Южного фронта, а на середине стола — карты Центрального и Северного фронтов.

ШТАУФФЕНБЕРГ после приветствия ГИТЛЕРА поставил портфель на пол, прислонив его к правой ножке стола, немного поговорил с генералом БУЛЕ (начальником управления оснащения сухопутных сил) и вышел из помещения к узлу связи под предлогом необходимости разговора по телефону, где его ожидали ФЕЛЬГИБЕЛЬ и ХЕФТЕР.

За это время обсуждение вопроса о положении на Южном фронте закончилось и ГИТЛЕР подошел к середине стола, где находилась карта Центрального фронта. В это же время генерал БУЛЕ вызвал ШТАУФФЕНБЕРГА, так как хотел ему передать какие-то распоряжения.

Когда ГИТЛЕР наклонился над столом, а БУЛЕ также подошел к этому столу,— последовал взрыв.

Правая ножка стола была совершенно уничтожена. Находившаяся над ней часть стола с картой Южного фронта была выбита, а висевшая над столом люстра упала на голову генерал-полковнику ИОДЛЬ.

Штурмбанфюрер СС ГЮНШЕ и майор ИОН, стоявшие у окон, были выброшены силой взрыва наружу вместе с оконными рамами. Стенографу БЕРГЕРУ оторвало обе ноги. Тяжелые ожоги и ранения получили генералы ШМУНДТ и КОРТЕН, а также полковник БРАНДТ, капитан АССМАН, подполковник БОРКМАН и генерал БОДЕНШАЦ.

БЕРГЕР, ШМУНДТ, КОРТЕН, БРАНДТ впоследствии умерли от полученных ран. Лишь один фельдмаршал КЕЙТЕЛЬ случайно остался невредимым.

ГИТЛЕР получил незначительные повреждения правой руки и стал плохо слышать на одно ухо. Взрывной волной брюки ГИТЛЕРА были разодраны в клочья. Получив нервный шок, он не мог сам идти и два охранника с трудом помогли ему в таком виде добраться до своего бункера.

Немедленно после взрыва ШТАУФФЕНБЕРГ, ФЕЛЬГИБЕЛЬ и ХЕФТЕР выехали на автомашине на аэродром, не узнав подробности о результатах произведенного покушения.

Начальник I-го отдела охраны штурмбанфюрер СС ХЕГЕЛЬ был на пути к бараку, когда раздался взрыв. Он увидел столб

дыма и пыли и немедленно приказал закрыть входы и выходы из ставки.

ШТАУФФЕНБЕРГ, ФЕЛЬГИБЕЛЬ и ХЕФТЕР доехали до караульного поста, где были задержаны, но после телефонного разговора с адъютантом коменданта ставки были пропущены.

Так, они добрались до аэродрома и немедленно вылетели в Берлин.

ХЕГЕЛЬ направился в помещение, где было совершено покушение и после осмотра установил, что взрыв последовал не из-под половиц, а что взорвался предмет, стоявший на полу.

ХЕГЕЛЬ спросил вахмистра АДАМ, кто выходил из помещения во время заседания. АДАМ ответил, что выходил ШТАУФФЕНБЕРГ, и, что он его ищет, так как им заказан телефонный разговор с Берлином.

Свои подозрения в отношении ШТАУФФЕНБЕРГА ХЕГЕЛЬ доложил КЕЙТЕЛЮ и приехавшему в это время ГИММЛЕРУ.

Тотчас же было установлено, что ШТАУФФЕНБЕРГ, ХЕФТЕР и ФЕЛЬГИБЕЛЬ с подозрительной поспешностью вылетели в Берлин.

С санкции ГИММЛЕРА ХЕГЕЛЬ позвонил в Берлин начальнику IV управления СД МЮЛЛЕРУ и сообщил ему о происшедшем и подозрениях на ШТАУФФЕНБЕРГА, для принятия соответствующих мер.

МЮЛЛЕР немедленно учредил наружное наблюдение за ШТАУФФЕНБЕРГОМ, ФЕЛЬГИБЕЛЬ и ХЕФТЕР сразу же после их прибытия на аэродром для установления круга заговорщиков.

Наружное наблюдение сопровождало их до квартир отдельных участников заговора (кого именно не знаю), а затем в штаб генерал-полковника ФРОММ.

Когда ШТАУФФЕНБЕРГ и ХЕФТЕР (ФЕЛЬГИБЕЛЬ поехал в другое место) доложили ФРОММ об «удавшемся покушении», последний их застрелил. Вероятно ФРОММ уже знал, что покушение не удалось.

По приказу ГИММЛЕРА в ставку была направлена «особая комиссия гестапо» для проведения тщательного расследования на месте.

Из членов комиссии припоминаю специалиста по взрывчатым веществам — штурмбанфюрера СС ВИДЕМАНА.

Часть членов комиссии направилась на место покушения, а остальные в мой рабочий кабинет для проверки проведенных мною мероприятий по охране ГИТЛЕРА. При этом были изъяты все разработанные мною инструкции по охране. Следует заметить, что какой-либо халатности или небрежности в исполнении моего служебного долга комиссия не установила.

В самом бараке, где произошел взрыв, комиссия обнаружила остатки портфеля, плоскогубцев, капсюля и к концу дня вся картина покушения была уже ясна.

Шофер, отвозивший трех офицеров на аэродром, показал на допросе, что во время поездки почувствовал толчок, как будто кто-то из пассажиров выбросил что-то из машины. При осмотре местности была найдена вторая адская машина, выброшенная из автомобиля.

Анализ взрывчатки, как мне говорил ВИДЕМАН, показал, что взрывчатое вещество было английского происхождения, однако оно могло быть воспроизведено и в химической лаборатории имперского управления криминальной полиции.

В последующие дни были арестованы фельдмаршал фон-ВИЦЛЕБЕН, генералы ХЕЙФНЕР и ШТИФ, СА обергруппенфюрер граф ГЕЛЬДОРФ, а ряд офицеров, в том числе генерал ВАГНЕР и полковник ФРЕЙТАГ фон-ЛОРИНГОФЕН покончили жизнь самоубийством.

В соучастии покушения на ГИТЛЕРА подозревался также начальник имперской криминальной полиции СС группенфюрер НЕБЕ, которому удалось бежать и некоторое время скрываться, пока он не был арестован в окрестностях Берлина.

Дальнейший ход следствия известен мне уже по газетам.

Следует отметить, что покушение на ГИТЛЕРА планировалось вначале в Берхтесгадене, однако не было осуществлено, так как заговорщики в силу особо тщательной охраны этого района не смогли бы оттуда выбраться (показания генерала ШТИФ).

Затем было намечено осуществить покушение в начале июля 1944 года около замка Клесхейм, где ГИТЛЕР должен был осматривать новые типы танков и военного обмундирования. Заговорщики хотели положить в ранцы трех солдат, демонстрировавших обмундирование, мины, которые должны были взорваться при малейшем натягивании одного из ремней на ранце.

В этих целях взрывчатка была принесена в ставку командования сухопутными силами (лес «Мауэрвальд»), где ее хотели было зарыть, однако этому помешали сотрудники тайной полевой полиции, обнаружившие эту взрывчатку.

По приказу заговорщика генерал-квартирмейстера ВАГНЕР расследование по этому делу было прекращено.

Далее было установлено, что ШТАУФФЕНБЕРГ приезжал с адской машиной также и в ставку ГИММЛЕРА, но имел ли он намерение совершить там покушение на ГИММЛЕРА,— осталось невыясненным.

До осени 1944 года точного происхождения взрывчатого вещества, посредством которого заговорщики осуществили покушение на ГИТЛЕРА, не было установлено. Возможно, что по этому поводу дал показания НЕБЕ, однако мне это неизвестно.

Следствие по делу заговорщиков показало, что покушение на ГИТЛЕРА планировалось, начиная с 1939 года (показания генерала ШТИФ). Этот факт нашел свое подтверждение в записях дневника, принадлежащего начальнику «Абвера» адмиралу КА-

НАРИСУ, которые были обнаружены в апреле 1945 года в сейфе в помещении разведоргана «Цеппелин», после ареста КАНАРИСА и доставлены мне.

Не читая, я их передал группенфюреру СС МЮЛЛЕРУ, ибо я тогда был занят переводом ставки в Берхтесгаден.

В дополнение ко всему изложенному хочу отметить, что в 1943 году, в американском журнале «Лайф» была помещена статья под названием «Три наиболее хорошо охраняемых человека на земле». Речь шла о Маршале СТАЛИНЕ, президенте РУЗВЕЛЬТЕ и премьер-министре ЧЕРЧИЛЛЕ. Эта статья вызвала большую панику в окружении ГИТЛЕРА, так как создалось впечатление, что охрана ГИТЛЕРА поставлена слабо. Особенное беспокойство по этому поводу проявляли начальник партийной канцелярии БОРМАН и адъютант ГИТЛЕРА генерал ШМУНДТ. Мне, однако, удалось убедить их в том, что не следует полагаться на болтовню американских корреспондентов, ибо мною проведены все необходимые мероприятия по обеспечению личной безопасности ГИТЛЕРА.

Мною также изучалась статья одного английского журналиста под названием «Четыре варианта убийства ГИТЛЕРА». Следует сказать, что эта статья была фантастической и рассчитана на сенсацию писателя, поэтому для меня она не представляла практического интереса.

Я считал, что охрана ГИТЛЕРА нами была поставлена на должную высоту.

Вот все, что я могу рассказать об охране ГИТЛЕРА.

О личной жизни ГИТЛЕРА, его окружении и смерти я дам показания дополнительно.

Ганс РАТТЕНХУБЕР

Показания принял:

НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛЕНИЯ
СЛЕДСТВЕННОГО ОТДЕЛА ГЛАВНОГО
УПРАВЛЕНИЯ «СМЕРШ»
Подполковник — КУЛЕШОВ

Верно:
Чернов

А. А. БРУСИЛОВ. «МОИ ВОСПОМИНАНИЯ»

В 1948 году историков, литераторов, журналистов, издательских работников по официальным каналам уведомили о недопустимости впредь упоминать имя активного участника первой мировой войны генерала от кавалерии Алексея Алексеевича Брусилова (1853—1926). Каких-либо объяснений, проливающих свет на причины столь неожиданной опалы, не последовало. А вопросы, как известно, в те времена задавать мало кто осмеливался.

Прошло более десяти лет, прежде чем были предприняты первые попытки разобраться в обстоятельствах, повлекших столь суровую кару на давно умершего и потому беззащитного от любого наговора и клеветы крупного военного деятеля, патриота своей Родины.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь! СТРОГО СЕКРЕТНО

РОССИЙСКАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ (большев.)
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

П 47/25/с. 5 февраля 1925 г.

Т. ФРУНЗЕ

Выписка из протокола № 47 заседания Политбюро ЦК от 5/II 1925 г.

Слушали:	Постановили:
25. О поездке Брусилова за границу (т. Фрунзе).	а) Разрешить Брусилову выезд за границу для лечения. б) Поручить т. Фрунзе обеспечить поездку Брусилова материальными средствами.

СЕКРЕТАРЬ ЦК

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
Революционного
Военного
СОВЕТА СССР

«21» III 1925 г.

№ 60915

г. Москва

Срочно
Сов. Секретно

В Ц. К. Р. К. П. /б/

Вследствие массового отказа за последнее время польским представительством в Москве в выдаче транзитных виз, считаю возможным выдать отъезжающим для лечения в Карлсбад гр. БРУСИЛОВУ (73 г.), его жене (60 л.) и сестре последней гр. ЖЕЛИХОВСКОЙ (50 л.) дипломатические паспорта.

Прошу соответствующего распоряжения НКИД.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РВС СССР
Фрунзе

НАРОДНЫЙ КОМИССАР
ПО ВОЕННЫМ И МОРСКИМ
ДЕЛАМ
и ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
РЕВОЛЮЦИОННОГО
ВОЕННОГО СОВЕТА
С. С. С. Р.

Строго секретно

6 мая 1927 г.

№ 010375

г. Москва, Знаменка, 19.

Коммутатор № 3-52-30, доб. 30.

В ПОЛИТБЮРО ЦК ВКП /б/

Жена покойного А. А. Брусилова — Надежда Владимировна Брусилова возбудила ходатайство о разрешении выехать для лечения в Карлсбад, где она уже была летом 1924 года. Эта поездка возбуждала большое сомнение в том отношении, что литературное наследство А. А. Брусилова вызывало особый интерес со стороны чехо-словакского правительства и частных издательств, и при поездке семьи Брусилова за границу не исключалась передача всего оставшегося от Брусилова материала во враждебные нам руки. Однако, по моему поручению, начальник Военной академии т. Эйдеман, после переговоров с Н. В. Брусиловой, полностью урегулировал вопрос об издании дневников Брусилова в СССР и уже договорился о разработке всего литературного наследства особой редакционной комиссией, в состав которой включена и жена Брусилова.

Лечение в Карлсбаде связано с известными расходами. Средств жена Брусилова не имеет и поэтому принуждена будет воспользоваться иностранной помощью — частной или правительственной. И та и другая помощь политически вредна, особенно если принять во внимание значение имени Брусилова для работающих у нас старых военных специалистов.

Поездка Брусиловой не вызывает возражений со стороны ОГПУ, поскольку Н. В. Брусилова будет поставлена в лучшие условия в СССР (об увеличении пенсии с 150 руб. до 200 руб. ходатайство уже возбуждено) и поскольку ей будет оказана материальная помощь на лечение за границей.

В связи с изложенным прошу: 1) разрешить семье Брусилова, в составе двух нетрудоспособных женщин, выезд на курортное лечение в Карлсбад; 2) обеспечить это лечение соответствующей суммой валюты.

ВОРОШИЛОВ

В конце документа рукой К. Е. Ворошилова дописано: «Прошу решить опросом», а также стоит пометка: «Сталин — за».

Пролетарии всех стран, соединяйтесь! СТРОГО СЕКРЕТНО

ВСЕСОЮЗНАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ (большвв.) ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

№ П 119/16-рс
28.11.1930 г.

Тт. Мессингу, Ворошилову.

Выписка из протокола № 119 заседания Политбюро ЦК
от_____ 1930 г.

Решение Политбюро от 28.11.30 г.

Заявление т. Ворошилова.

Разрешить сестрам Брусилова* выезд за границу.

СЕКРЕТАРЬ ЦК

* В документе допущена ошибка. Имеются в виду жена А. А. Брусилова Надежда Владимировна и ее сестра Е. В. Желиховская.

ЗАВ. ОБЩИМ ОТДЕЛОМ ЦК КПСС
Тов. МАЛИНУ В. Н.

По записке главного редактора журнала «Вопросы истории» тов. Панкратовой о допуске к ознакомлению полковника Кузьмина Г. В. с рукописью А. А. Брусилова «Мои воспоминания», поступившей в ЦК КПСС в 1948 г. из МВД и находящейся на хранении в архиве Президиума ЦК, считаю целесообразным поручить отделу административных органов и отделу науки ЦК КПСС ознакомиться с указанным документом и высказать свои соображения о возможности его использования.

14.VII.56 г.

(Подпись)*

---

* Подпись неразборчива. На документе пометка: «Рукопись [посылалась] т. Константинову (отдел пропаганды и агитации). 25.VII.1956 г.».

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА. ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

6. VI. 1961 г. СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Выписка из протокола № 182 § 81гс заседания Секретариата ЦК от 19.IV. 1961 г.

Записка Главного архивного управления при Совете Министров СССР № 11/2724-Б от 30 марта 1961 года.

Поручить Министерству обороны СССР, Комитету государственной безопасности и Главному архивному управлению при Совете Министров СССР рассмотреть вопросы, изложенные в записке, и свои предложения внести в ЦК КПСС.

СЕКРЕТАРЬ ЦК

Подлежит возврату вместе с постановлением

СТРОГО СЕКРЕТНО

К прот. С-та ЦК КПСС
№ 182 п. 81гс

Копия

ЦК КПСС

За последнее время в Главное архивное управление неоднократно обращались писатели, историки, журналисты по вопросу о месте и роли Брусилова А. А. в истории первой мировой войны.

Известно, что до 1948 г. роль Брусилова положительно освещалась на страницах научной и периодической печати СССР, ему посвящали свои произведения виднейшие писатели. Советские военные историки рассматривали Брусилова как выдающегося полководца периода первой мировой войны, сумевшего подготовить и осуществить прорыв сильно укрепленной полосы обороны противника на широком фронте. Основанием для данных выводов послужил блестящий опыт русской армии в условиях Луцкого прорыва 1916 года.

Учитывая все это, а также внешне лояльную по отношению к Советскому правительству позицию Брусилова, не принимавшего участия в гражданской войне на стороне врагов революции и даже поступившего в 1920 г. на службу в Красную Армию, его рассматривали как патриота России, как лучшего представителя старого русского генералитета, не захотевшего идти против своего народа. Все заслуги, связанные с организацией и осуществлением Луцкого прорыва, приписывались лично Брусилову, являвшемуся главнокомандующим Юго-Западным фронтом.

8 октября 1948 г. бывший министр внутренних дел С. Н. Круглов в письме на имя т. Сталина И. В. сообщил об обнаруженной среди трофейных документальных материалов рукописи «Воспоминаний» Брусилова, написанной в резком антисоветском духе, после чего Брусилов был предан забвению. Эти воспоминания были написаны в 1925 г. во время пребывания четы Брусиловых в Карловых Варах на лечении его женой и подписаны им лично.

Поскольку в печати не было дано оценки Брусилова, вопрос о его роли в истории первой мировой войны до сих пор остается неясным для широких кругов научно-исторической общественности.

В связи с тем, что рукопись «Воспоминаний» была подписана Брусиловым, незадолго до смерти в период резкого ухудшения его здоровья, возникает необходимость еще раз изучить имеющиеся архивные материалы для определения оценки деятельности А. А. Брусилова. Тем более, что во всех рукописных материалах, лично им написанных, в том числе зарубежных, посту-

пивших к нам среди трофейных документов, каких-либо антисоветских выпадов с его стороны не отмечалось.

Учитывая изложенное, Главное архивное управление полагает целесообразным поручить Министерству обороны СССР, Комитету государственной безопасности при СМ СССР и Главку изучить документальные материалы о Брусилове и представить свои предложения в ЦК КПСС.

Вопрос с Министерством обороны (т. Курасовым Б. В.) и Комитетом госбезопасности (т. Тикуновым В. С.) согласован.

Начальник Главного архивного управления
при Совете Министров СССР

Г. БЕЛОВ

30 марта 1961 г.
№ 11/2724-Б

В документе есть фраза: «Проект постановления ЦК КПСС прилагается», которая зачеркнута неустановленным лицом.

Подлежит возврату вместе с постановлением

По Секретариату ЦК
За — Суслов
Пономарев
Ильичев
Шелепин
Козлов

222/10.VII.62 г.

СТРОГО СЕКРЕТНО

К прот. С-та ЦК КПСС
№ 182 п. 81-гс

Копия

ЦК КПСС

В соответствии с поручением Секретариата ЦК КПСС, Министерство обороны СССР, Комитет госбезопасности и Главное архивное управление при Совете Министров СССР рассмотрели материалы, касающиеся личности Брусилова А. А. и его отношения к Советской России.

До 1948 года оценка деятельности Брусилова в советской историко-военной, художественной литературе и периодической печати была положительной.

После Великой Отечественной войны среди трофейных архивных материалов гитлеровской Германии была обнаружена рукопись «Мои воспоминания», в которой от лица А. А. Брусилова описывалась его жизнь в советский период. Воспоминания носят антисоветский характер и направлены на оправдание Брусилова перед белой эмиграцией, обвинявшей его в сотрудничестве с Советским правительством.

Бывшее Министерство внутренних дел СССР, не разобравшись в происхождении рукописи и не проводя тщательного ее исследования, доложило в 1948 году в ЦК КПСС, что рукопись написана лично А. А. Брусиловым во время пребывания его на лечении в Чехословакии в 1925 году. Официального решения по этому вопросу не принималось, однако все материалы, связанные с именем Брусилова, из открытого обращения были изъяты и переведены в закрытые фонды.

В настоящее время упомянутая рукопись «Мои воспоминания» вновь была подвергнута тщательному исследованию, проведены графические и лингвистическая экспертизы рукописи с целью восстановления ее автора, исследованы документальные архивные материалы о деятельности Брусилова, проверены следственные дела и дела оперативного учета в архивах КГБ, в которых есть упоминания или ссылки на имя Брусилова, установлены некоторые лица, лично знавшие Брусилова, и с ними проведены беседы.

Выводы графических и лингвистической экспертиз говорят о том, что рукопись «Мои воспоминания» была написана не Бру-

силовым, а его женой Н. В. Брусиловой, использовавшей отдельные наброски и отрывки, написанные под диктовку Брусилова или им самим, при этом антисоветскую направленность она придала рукописи при окончательном ее оформлении, уже после смерти мужа.

Этот вывод подтверждается оперативным документом от 21 февраля 1927 года, обнаруженным в материалах дела № 302286, т. 1 л. д. 327, хранящемся в учетно-архивном отделе КГБ при СМ Союза ССР. Из указанного документа видно, что после смерти А. А. Брусилова остались отдельные разрозненные заметки его «Воспоминаний» и что его жена Н. В. Брусилова предпринимала активные меры по обработке набросков этих «Воспоминаний».

В документе, в частности, говорится:

«Рукописи эти оставлены покойным Брусиловым в очень зачаточном состоянии в виде отдельных фраз, заметок, конспектов.

После смерти А. А. Брусилова вдова его дала этот материал в обработку трем лицам: В. Н. Готовскому, Анд. Евг. Снесареву и своему родственнику Доливо-Добровольскому.

Дирижировала этим ансамблем сама Н. В. Брусилова... Обработано все должно было быть для заграницы в духе «твердолобых» Англии и монархистов Германии. Н. В. Брусилова обещала при благополучном окончании всего дела уплатить вышеупомянутым лицам известный процент с предполагавшейся крупной получки, что и соблазнило всех. В. Н. Готовский смеется, что с Н. В. Брусиловой можно иметь дело только за большие деньги, т. к. она прямо говорила в таком духе: «Я, мол, и без Вас, дураков, сумела бы сама все «вспомнить», что хотел выразить Алексей Алексеевич, но мне нужно, чтобы вы, имена которых военная заграница все-таки немного знает, засвидетельствовали, что это действительно мемуары Ал. Ал. Брусилова...». Но в некоторых местах Н. В. Брусилова диктовала нам со слов Брусилова такой военный абсурд, что мы сами ясно понимали свою роль, говорит В. Н. Готовский...».

В 1930 году жена Брусилова выехала на жительство в Чехословакию. Предполагается, что там она сдала рукопись в «Русский исторический заграничный архив» в Праге, о чем в инвентарной книге архива имеется запись от 25 октября 1932 года, откуда во время войны рукопись была вывезена немцами.

Следует сказать, что проводивший в 1948 году графическую экспертизу рукописи эксперт Комаринец Б. М. и давший заключение о том, что рукопись написана рукой Брусилова А. А., в своем объяснении сообщил, что при проведении экспертизы им была допущена ошибка в связи с неблагоприятными условиями проведения экспертизы.

В архивных документальных материалах, в следственных и оперативных делах не обнаружено конкретных данных, компрометирующих Брусилова.

Лица, лично знавшие Брусилова и его семью, рассказали, что по их мнению Брусилов к Советской власти относился лояльно и, несмотря на имевшиеся в тот период определенные трудности, он никогда не высказывал намерения эмигрировать из Советской России.

Все вышеизложенное позволяет сделать вывод, что Брусилов был несомненно прогрессивным военным деятелем и русским патриотом. Принадлежа к высшим слоям старого общества и занимая высокие посты в армии, он после Великой Октябрьской социалистической революции не остался в лагере противника, а перешел на сторону Советской власти и принимал участие в строительстве Красной Армии.

В 1918 году по поручению Советского правительства Брусилов проводил расформирование царской армии. В 1920 году он был назначен председателем Особого совещания при Главнокомандующем всеми вооруженными силами республики, подписал известное воззвание «Ко всем бывшим офицерам, где бы они ни находились», сыгравшее важную роль в борьбе против белополяков. С октября 1920 года он — член Военно-законодательного совещания при Реввоенсовете республики, с февраля 1923 года — инспектор кавалерии РККА. В 1924 году в силу преклонного возраста он вышел в отставку, но был зачислен на должность для особо важных поручений при Реввоенсовете СССР, на которой находился до самой смерти, последовавшей 17 марта 1926 года в Москве.

Таким образом, необоснованное изменение оценки роли Брусилова в истории первой мировой войны произошло в 1948 году вследствие неправильной информации бывшего МВД СССР.

Отдел административных органов ЦК КПСС, рассмотрев материалы исследования и проведя дополнительно некоторую проверку, согласен с выводами Министерства обороны СССР, Комитета госбезопасности и Главного архивного управления при Совете Министров СССР.

В целях восстановления положительной оценки деятельности Брусилова в период первой мировой войны, а также его службы в рядах Советской Армии, полагаем целесообразным:

— разрешить Главному архивному управлению при Совете Министров СССР открыть доступ исследователям к архивным материалам о Брусилове, которые могут находиться в открытых фондах;

— поручить Министерству обороны СССР опубликовать в Военно-историческом журнале ряд статей о Брусилове, определяющих его место и роль в развитии военного искус-

ства и характеризующих его деятельность в рядах Советской Армии;

— рекомендовать Главлиту при Совете Министров СССР разрешить издательствам публикацию материалов о жизни и деятельности Брусилова.

Просим согласия.

Зав. отделом административных
органов ЦК КПСС

Н. Миронов

Зав. сектором органов госбезопасности

А. Малыгин

6 июля 1962 г.

ЦК КПСС

В соответствии с постановлением Секретариата ЦК КПСС № 182 § 81гс от 19 апреля 1961 года Министерством обороны СССР, Комитетом государственной безопасности и Главным архивным управлением при Совете Министров СССР изучены документальные материалы о деятельности Брусилова А. А., хранящиеся в Центральном государственном военно-историческом архиве, Центральном государственном архиве Советской Армии, Центральном государственном архиве Октябрьской революции и архиве Комитета государственной безопасности. В результате установлено следующее.

Алексей Алексеевич Брусилов (1853—1926 гг.) происходил из дворян. В 1872 г. окончил пажеский корпус. Участвовал в русско-турецкой войне 1877—1878 гг. Затем учился в офицерской кавалерийской школе в г. Петербурге, вскоре был назначен ее начальником и находился в этой должности с февраля 1902 г. по декабрь 1906 г. Каких-либо данных об отношении Брусилова к революционным событиям 1905—1907 гг. в архивах не обнаружено.

В дальнейшем А. А. Брусилов последовательно занимал должности командира 14-го армейского корпуса, помощника командующего войсками Варшавского военного округа и командира 12-го армейского корпуса. С начала первой мировой войны он командовал 8-й армией, а с марта 1916 г. был главнокомандующим войсками Юго-Западного фронта. Под его руководством летом 1916 г. был успешно осуществлен прорыв австро-германского фронта, что явилось крупным достижением русского военного искусства.

В период от Февраля к Октябрю А. А. Брусилов, как представитель господствующего класса, выступал сторонником продолжения войны до победного конца и поддерживал мероприятия Временного правительства в этом направлении. В мае 1917 г. он был назначен Верховным главнокомандующим, однако в июле того же года Временное правительство заменило его реакционным генералом Корниловым.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции А. А. Брусилов остался лояльным гражданином Советской республики. Он не только не ушел в стан противников Советской власти, но и оказывал ей посильную помощь. В 1920 г. он поступил на службу в Красную Армию. Будучи председателем Особого совещания при Главнокомандующем все-

ми вооруженными силами республики, Брусилов во время советско-польской войны подписал известное воззвание «Ко всем бывшим офицерам, где бы они ни находились», сыгравшее важную роль в борьбе против белополяков. С 6 октября 1920 г. он — член Военно-законодательного совещания при Реввоенсовете республики, с 1 февраля 1923 г.— инспектор кавалерии РККА. 31 марта 1924 г. А. А. Брусилов был зачислен на должность для особо важных поручений при Реввоенсовете СССР и оставался в ней до самой смерти, которая последовала 17 марта 1926 г. в г. Москве.

В связи со смертью А. А. Брусилова Народный комиссариат по военным и морским делам СССР опубликовал некролог, в котором высоко оценил его заслуги перед русским народом и Советской властью. Белые эмигранты ненавидели А. А. Брусилова за то, что он служил Советской России. Единственный сын Брусилова был расстрелян деникинскими войсками.

Позднее, в 1948 г., среди трофейных архивных материалов гитлеровской Германии была обнаружена рукопись «Мои воспоминания», в которой от лица А. А. Брусилова описывалась его жизнь в советский период. Воспоминания носят ярко выраженный антисоветский характер. В них отчетливо видна тенденция оправдать А. А. Брусилова в глазах белой эмиграции, обвинявшей его в сотрудничестве с Советским правительством.

Бывший министр внутренних дел СССР Круглов по заключению только одного эксперта сделал вывод, что рукопись написана лично А. А. Брусиловым и 8 октября 1948 г. направил ее в ЦК КПСС. В его представлении отмечалось, что якобы Брусилов в 1925 г. специально воспользовался своим пребыванием в Карловых Варах на лечении для составления этих воспоминаний.

Вновь произведенный всесторонний анализ и исследование рукописи «Мои воспоминания», а также изучение архивных документов и материалов показали, что А. А. Брусилов не оставил после себя какой-либо законченной рукописи воспоминаний, относящихся к советскому периоду. У него имелись лишь отдельные наброски и разрозненные заметки, которые спустя несколько лет были оформлены в рукопись другими лицами при непосредственном участии его жены Н. В. Брусиловой. При обработке этих заметок им была придана антисоветская направленность. Весь текст рукописи «Мои воспоминания» написан рукой не А. А. Брусилова, а рукой Н. В. Брусиловой, находившейся в 1930 г. за границей.

На основе вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. В изученных архивных делах никаких документов, свидетельствующих о враждебной деятельности А. А. Брусилова против Советской власти, не обнаружено.

2. Рукопись «Мои воспоминания», как показали проведенные исследования, написана не А. А. Брусиловым, а сфальсифицирована после его смерти.

3. А. А. Брусилов был несомненно прогрессивным военным деятелем и русским патриотом. Принадлежа к высшим слоям старого общества и занимая высокие посты в армии, он после Великой Октябрьской социалистической революции не остался в лагере противника, а перешел на сторону Советской власти и принимал участие в строительстве Красной Армии.

М. Захаров **П. Ивашутин** **Г. Белов**

17 ноября 1961 года

Секретно

Проект

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Рассмотрев заключение о деятельности А. А. Брусилова, представленное Министерством обороны СССР, Комитетом государственной безопасности и Главным архивным управлением при Совете Министров СССР, ЦК КПСС постановляет:

1. Согласиться с выводами и предложениями, изложенными в заключении.

2. Рекомендовать редакциям газет, журналов и издательствам публиковать материалы о жизни и деятельности А. А. Брусилова.

СЕКРЕТАРЬ ЦК КПСС

СПРАВКА

по материалам на А. А. Брусилова

До 1948 года советские военные историки рассматривали А. А. Брусилова как выдающегося полководца 1-й мировой войны. Он также положительно освещался в художественной литературе и периодической печати.

После 1948 года все материалы, связанные с именем А. А. Брусилова, были переведены в закрытые фонды.

В последнее время некоторые писатели, историки, журналисты обращаются в Главное архивное управление при Совете Министров СССР с вопросом об определении места и роли А. А. Брусилова в истории первой мировой войны. Главное архивное управление в свою очередь обратилось в ЦК КПСС с просьбой поручить Министерству обороны Союза ССР, Комитету государственной безопасности при СМ СССР и Главку изучить материалы о А. А. Брусилове и подготовить предложения по этому вопросу.

Секретариат ЦК КПСС поручил Министерству обороны Союза ССР, Комитету государственной безопасности при СМ СССР и Главному архивному управлению при СМ СССР внести свои предложения.

I

История вопроса

После разгрома Советской Армией гитлеровской Германии в Берлине был захвачен архив противника.

В 1948 году во время разбора этих материалов работники Военно-исторического архива МВД Союза ССР обнаружили рукопись А. А. Брусилова «Мои воспоминания», якобы написанную им в 1925 году во время пребывания на лечении в Карловых Варах (Чехословакия). Вместе с рукописью был обнаружен и перевод на немецкий язык отдельных мест из нее, сделанный в отделе П-Д Министерства гитлеровской Германии по делам оккупированных восточных областей. На переводе есть приписка референта этого отдела Беттихера: «Надеюсь, что этими краткими выдержками из «Воспоминаний генерала Брусилова» я вызову интерес к этой важной рукописи».

Главное архивное управление МВД Союза ССР предисловие и последнюю страницу рукописи Брусилова А. А. «Мои воспоминания» направляло на графическую экспертизу в Научно-исследовательский институт криминалистики Главного управления милиции. Экспертизе было поручено дать заключение: «Брусиловым А. А. или кем-либо другим написаны и подписаны представленные страницы рукописи».

Эксперт дал заключение, что предисловие и последняя страница рукописи «Мои воспоминания» написаны и подписаны Брусиловым А. А. (Основание — акт экспертизы № 420 от 5.VIII.1948 г.).

На основании заключения данной экспертизы бывший министр внутренних дел СССР Круглов 8 октября 1948 года № 4082 доложил в ЦК КПСС на имя И. В. Сталина, что Брусилов специально воспользовался пребыванием в Карловых Варах, чтобы написать эту часть своих «Воспоминаний», предназначенных им к опубликованию за границей после его смерти.

В записке в адрес ЦК КПСС далее указывалось:

...«Воспоминания» отражают его резкие антисоветские взгляды и являются попыткой реабилитировать себя в глазах белой эмиграции, обвинявшей его в сотрудничестве с Советским правительством.

Брусилов подробно пишет об организации им сил контрреволюции накануне Великой Октябрьской социалистической революции и в первые годы существования Советской власти. В частности, он пишет, что назначение его на службу в Красную Армию (1920—1924 гг.) он принял исключительно в целях разложения Армии изнутри. Он надеялся, используя свое положение, насадить в Красной Армии офицерство для воспитания ее в духе борьбы с Советской властью. В «Воспоминаниях» Брусилова содержатся клеветнические выпады против большевистской партии, В. И. Ленина, против Советской власти и советского народа...»

В связи с этим с 1948 года доступ к литературному наследию А. А. Брусилова был закрыт, а имевшаяся в нем литература из открытого пользования изъята.

Проведенной проверкой и исследованием по существу вышеизложенного установлено следующее.

II

Брусилов А. А. (1853—1926) окончил петербургский пажеский корпус, в звании поручика участвовал в русско-турецкой войне 1877—1878 гг. После войны окончил кавалерийскую школу в г. Петербурге и вскоре был назначен начальником этой школы.

Накануне первой мировой войны Брусилов был назначен помощником командующего войсками Варшавского военного окру-

га. В первую мировую войну командовал 8-й армией, а затем Юго-Западным фронтом. Под руководством Брусилова был разработан и в мае 1916 года осуществлен прорыв австро-венгерского фронта в районе г. Луцка. Эта военная операция вошла в учебники истории не только Советского Союза, но и многих стран мира.

Временное правительство в мае 1917 года назначило Брусилова Главнокомандующим, но уже в июне заменило его реакционным диктатором Корниловым.

После Великой Октябрьской социалистической революции Брусилов А. А. не перешел в стан врагов, а остался лояльным гражданином Советской республики.

В 1918 году по поручению Советского правительства Брусилов проводил расформирование царской армии. В 1920 году он был назначен председателем Особого совещания при Главнокомандующем всеми вооруженными силами республики, а в 1922 году Главным инспектором кавалерии и представителем по коневодству и конезаводству при наркоме земледелия РСФСР. 30 мая 1920 года, в связи с войной белополяков против Советской России, члены Особого совещания во главе с Брусиловым опубликовали «Воззвание ко всем бывшим офицерам, где бы они ни находились». Воззвание сыграло важную роль в мобилизации патриотических сил на борьбу против интервентов. В 1924 году, в силу преклонного возраста, он вышел в отставку, но был оставлен при Революционном Военном Совете СССР для особых поручений. В 1925 году А. А. Брусилов с женой и сестрой жены выезжал на лечение в Карловы Вары, где находился в течение апреля-июля.

Умер Брусилов в 1926 году и похоронен на Новодевичьем кладбище со всеми воинскими почестями.

III

Исследования, связанные с рукописью «Мои воспоминания»

При изучении рукописи «Мои воспоминания» в сопоставлении с опубликованной «Воениздатом» книгой «Мои воспоминания», в которой описываются события до 1918 года, обращает на себя внимание, что в рукописи содержится много мест, написанных с позиции мелкого обывателя, а не крупного военачальника, каким был А. А. Брусилов.

В связи с этим было решено провести еще раз квалифицированную графическую экспертизу с целью установления Брусиловым ли была написана рукопись «Мои воспоминания».

Для проведения графической экспертизы были приняты меры к подысканию образца рукописи, бесспорно принадлежавшей А. А. Брусилову. В качестве таких рукописей за основу были взяты обнаруженные в архивах письма А. А. Брусилова к жене Н. В. Брусиловой и его прошение на имя председателя

ВЧК о возвращении сабли с бриллиантами, изъятой у него при обыске.

На разрешение экспертизы были поставлены следующие вопросы:

— Брусиловым ли написано «Предисловие к последнему тому», начинающееся словами: «...и что пережил во имя Ея».

— Брусиловым ли написана последняя, 196 страница, начинающаяся словами, «...году приезжал на Троицу...» и заканчивающаяся — «10 июня 1925 г. Карловы Вары».

— Нет ли в рукописи поправок, сделанных рукой А. А. Брусилова.

— В предисловии рукописи «Мои воспоминания» указано, что А. А. Брусилов диктовал воспоминания жене — Н. В. Брусиловой. Не рукой ли его жены написаны «Воспоминания».

Комиссия экспертов оперативно-технического управления Комитета госбезопасности при СМ Союза ССР в составе трех человек дала заключение, что «Предисловие к последнему тому и последняя 196 страница рукописи, как и вся рукопись», написаны рукой Н. В. Брусиловой. В рукописи нет исправлений, вставок или дополнений, исполненных рукой А. А. Брусилова». (Основание — акт № 180 от 29 июня 1961 года).

Повторная экспертиза по указанным вопросам была проведена сотрудниками Центральной судебно-медицинской лаборатории Министерства обороны Союза ССР, которая дала заключение, что рукопись «Мои воспоминания» исполнена рукой Н. В. Брусиловой, но отдельные поправки в тексте сделаны рукой А. А. Брусилова. (Основание — акт № 2294/55 от 14 июля 1961 года).

В целях устранения возникших противоречий было поручено провести новую, третью графическую экспертизу Центральной криминалистической лаборатории Министерства юстиции РСФСР.

Комиссия экспертов Центральной криминалистической лаборатории Министерства юстиции РСФСР дала утвердительное заключение, что рукопись «Мои воспоминания» исполнена не Брусиловым А. А., а его женой — Брусиловой Н. В. Поправок в тексте, исполненных рукой А. А. Брусилова, также нет. (Основание — справка № 176/97с от 27.IX—1961 года).

Таким образом, данные графических экспертиз дают основание сделать вывод, что рукопись «Мои воспоминания» написана рукой Н. В. Брусиловой, а не А. А. Брусиловым.

В предисловии данной рукописи указывается, что рукопись была оставлена за границей, когда А. А. Брусилов и Н. В. Брусилова находились в Чехословакии на лечении. В то время в Праге с 1923 года действовал так называемый «Русский исторический заграничный архив», созданный эмигрантскими кругами на средства буржуазного правительства Чехословакии. Следовательно, возникло предположение, что рукопись могла быть ос-

тавлена на хранение в указанном архиве. Однако проверка показала, что в инвентарной книге поступивших в архив материалов значится, что впервые материал Н. В. Брусиловой, урожденной Желиховской, поступил в архив только 25 октября 1932 года. Следовательно, в 1925 году материалы в архив не сдавались ни Брусиловым, ни его женой.

Далее была проведена проверка и следующей версии. Если рукопись «Мои воспоминания» написана рукой Н. В. Брусиловой, то может быть она написана под диктовку А. А. Брусилова?

Для проверки такого предположения была назначена лингвистическая экспертиза, из числа специалистов Института русского языка Академии наук СССР.

Перед экспертами была поставлена задача — на основании лингвистического и стилистического анализа рукописи «Мои воспоминания» дать заключение, кто являлся ее автором — А. А. Брусилов, его жена Н. В. Брусилова или другие лица.

Комиссия экспертов во главе с известным лингвистом — доктором филологических наук Ожеговым, на основании изучения печатных работ А. А. Брусилова, его рукописей и рукописей его жены Н. В. Брусиловой, пришла к выводу, что в основе рукописи «Мои воспоминания» лежат отрывки, отдельные наброски, написанные под диктовку А. А. Брусилова... Особенно заметна стилистическая близость рукописи и книги в тех частях рукописи А. А. Брусилова, где излагаются факты его личной жизни или объективно (без антисоветской направленности) описываются общественно-политические события.

Однако во многих местах рукописи встречаются фразы, характеристики людей, оценки событий и т. п., вызывающие сомнение в их принадлежности А. А. Брусилову. Сравнение этих мест с рукописью «Воспоминаний» Н. В. Брусиловой показывает, что по языку и стилю они весьма близки, вплоть до совпадения некоторых выражений и оценок. Это позволяет утверждать, что Н. В. Брусилова... «при окончательном оформлении рукописи добавила свои общественно-политические оценки и внесла значительную долю собственного творчества, нарушив и исказив характерный «почерк» А. А. Брусилова». (Основание — заключение экспертизы от 15 сентября 1961 года).

Таким образом, специалисты-лингвисты пришли к выводу, что оставшиеся после смерти А. А. Брусилова наброски, отдельные фрагменты «Воспоминаний» были «доработаны» в антисоветском духе.

Этот вывод подтверждается и оперативным документом от 21 февраля 1927 года, обнаруженным в материалах дела № 302286, т. 1 л. д. 327, хранящемся в учетно-архивном отделе КГБ при СМ Союза ССР. Из указанного документа видно, что после смерти А. А. Брусилова остались отдельные разрозненные заметки его «Воспоминаний» и что его жена Н. В. Брусилова

предпринимала активные меры по обработке набросков этих «Воспоминаний».

В документе, в частности, говорится:

«Рукописи эти оставлены покойным Брусиловым в очень зачаточном состоянии в виде отдельных фраз, заметок, конспектов.

После смерти А. А. Брусилова вдова его дала этот материал в обработку трем лицам: В. Н. Готовскому, Анд. Евг. Снесареву и своему родственнику Доливо-Добровольскому. Дирижировала этим ансамблем сама Н. В. Брусилова... Обработано все должно было быть для заграницы в духе «твердолобых» Англии и монархистов Германии. Н. В. Брусилова обещала при благополучном окончании всего дела уплатить вышеупомянутым лицам известный процент с предполагавшейся крупной получки. Это и соблазнило всех. В. Н. Готовский смеется, что с Н. В. Брусиловой можно иметь дело только за большие деньги, т. к. она прямо говорила в таком духе: «Я, мол, и без Вас, дураков, сумела бы сама все «вспомнить», что хотел выразить Алексей Алексеевич, но мне нужно, чтобы вы, имена которых военная заграница все-таки немного знает, засвидетельствовали, что это действительно мемуары Ал. Ал. Брусилова...». (Основание — фотокопии агентурного сообщения № 684/6 от 21 февраля 1927 года).

IV

Результаты проверки по следственным делам и делам оперативного учета, находящимся в архивах учетно-архивного отдела КГБ при СМ СССР и справочного отдела МВД РСФСР

В целях выявления материалов, относящихся к А. А. Брусилову, был изучен ряд следственных и оперативных дел, в которых есть упоминания или ссылки на Брусилова А. А.

а) А. А. Брусилов проходит по делу № 1710. Из материалов дела видно, что в мае 1917 года в Москве группой реакционно настроенных лиц во главе с эсером Соломянским М. Н. была создана черносотенная организация под названием «Общество укрепления в военной и народной среде православной христианской религии». Общество имело свой устав и знамя, насчитывало около 250 человек. Во главе общества стояло правление из 12 человек. Кроме правления, для руководства обществом и его популяризации в качестве почетных председателей были приглашены митрополит Московский и Коломенский Тихон и генерал от кавалерии Брусилов А. А.

На заседаниях правления общества Брусилов председательствовал и выступал с речами 21 и 28 сентября и 5 октября 1917 г.

Из-за отсутствия средств общество распалось. Председатель общества Соломянский был арестован и 26 июня 1918 года следственной комиссией Бутырского совдепа осужден к ВМН.

Брусилов по этому делу к ответственности не привлекался;

б) в 1918 году Брусилов А. А. вместе с другими лицами был арестован по делу № 1158. Находился он под арестом около 2-х месяцев. Видимо, при аресте по этому делу у него была изъята сабля с бриллиантами. В прошении на имя председателя ВЧК он просил после освобождения из-под стражи о возвращении ему этой сабли.

Дело на А. А. Брусилова (совершенно необоснованно) в ноябре 1955 года было уничтожено, «как не представляющее оперативной и научной ценности»;

в) А. А. Брусилов проходит по делу № 7749 на Чернявского П. Н. В протоколе допроса арестованного Чернявского 25 октября 1918 года указывается, что в декабре 1917 года в Москве группой реакционно настроенных быв. генералов и офицеров царской армии была создана белогвардейская организация, в задачу которой входило оказание помощи контрреволюционным силам, собравшимся на Дону.

Во главе этой организации в числе других якобы был и А. А. Брусилов.

В чем выражалась практическая деятельность А. А. Брусилова в этой организации из протокола допроса Чернявского не видно. Других материалов в отношении А. А. Брусилова в деле нет;

г) Брусилов А. А. проходит по делу № 51834, том 76 по обвинению Готовского В. Н. и др., по делу № Р-8904 по обвинению Раттеля Н. И.

В материалах названных дел конкретных данных, компрометирующих А. А. Брусилова, не содержится и к ответственности он не привлекался;

д) по данным чехословацких друзей, во время нахождения А. А. Брусилова с женой и сестрой жены на лечении в Карловых Варах в 1925 году их принимал в Ланах президент Масарик. Наблюдение за А. А. Брусиловым и членами его семьи вел официально полицейский агент Виммер.

В ноябре 1926 года Масарик выслал вдове А. А. Брусилова на подставное лицо 10 тыс. крон. Установить лицо, на имя которого переведены деньги для Н. В. Брусиловой, не удалось, так как архивные материалы Внешторгбанка СССР по переводам из-за границы по 1929 год оказались уничтоженными, а в материалах управления иностранных операций правления Госбанка СССР такой перевод не обнаружен.

С 1934 по 1938 год Н. В. Брусилова из фонда президента Чехословакии получала пенсию в сумме 2300 крон ежемесячно.

После смерти Н. В. Брусиловой пенсия в сумме 1000 крон ежемесячно переводилась ее сестре — Е. В. Желиховской.

V

В процессе проверки была установлена гр-ка Бессонова Ольга Ивановна, которая лично знала А. А. Брусилова и членов его семьи, и с 1918 по 1930 год она была вхожа в семью Брусилова.

Проживая за границей Н. В. Брусилова и ее сестра Е. В. Желиховская переписывались с Бессоновой О. И.

В беседе О. И. Бессонова рассказала, что А. А. Брусилов к Советской власти относился лояльно. В обоснование этого положения Бессонова привела ряд суждений А. А. Брусилова по различным вопросам и, в частности, несмотря на имевшиеся в тот период определенные трудности, он никогда не высказывал намерения эмигрировать из Советской России.

Брусилов очень отрицательно реагировал, когда об этом заговаривали жена или сестра жены. В этих случаях он говорил, что сейчас трудно не только им, но и всему русскому народу и что по этой причине он, как русский патриот, не может покинуть свою Родину, как бы тяжело ему ни было. Н. В. Брусилову и ее сестру Е. В. Желиховскую О. И. Бессонова характеризовала как неуравновешенных женщин, которые неоднократно высказывали неудовлетворенность материальными условиями жизни и желание уехать за границу.

Выехали они в Чехословакию в 1930 году, где и умерли: Н. В. Брусилова — в 1938 году, Е. В. Желиховская — в 1947 году.

* *
*

Таким образом, приведенные данные позволяют сделать вывод, что после смерти А. А. Брусилова остались отдельные наброски из его «Воспоминаний», относящиеся к его служебной деятельности и жизни после Великой Октябрьской социалистической революции. На основании этих разрозненных записей были подготовлены материалы «Мои воспоминания», которые по форме должны были явиться продолжением книги А. А. Брусилова «Мои воспоминания», изданной «Воениздатом», а также и за границей.

При обработке этих записей с участием жены Брусилова им была придана антисоветская направленность.

Имеющиеся в архивах материалы не дают оснований для предположения, что А. А. Брусилов занимался преступной деятельностью против Советского государства.

Более того, в приказе ВЧК от 5 августа 1921 года «О чекистском обслуживании организаций помощи голодающим» указывалось, что: «...Привлечение буржуазных элементов к работе Комитетом помощи следует рассматривать как такой же шаг, каким был в польскую войну привлечение Брусилова, у которого не было ни атома реальной власти, но который помог нам в борьбе против польской буржуазии, независимо от своих намерений и целей...»

После смерти А. А. Брусилова Наркомат обороны Союза ССР опубликовал некролог, в котором высоко оценил его заслуги перед русским народом и Советской властью.

Белые эмигранты и другие враги нашей Родины пытались перетащить А. А. Брусилова в свой стан, а когда это не удалось, то мстили ему и ненавидели его черной ненавистью за службу Советской власти. Его единственный сын был расстрелян Деникиным.

В 1931 году в Париже белая эмигрантка, ярый враг Советского государства, Нестерович-Берг издала свои мемуары «В борьбе с большевиками». В этом пасквиле она в отношении А. А. Брусилова писала: «На заседании было решено соединиться с находившимися в то время в Москве офицерами, сделать военный переворот, захватить власть и объявить диктатором генерала Корнилова.

Но кто возьмет руководство нашими солдатами? А главное, кто будет руководить всем переворотом? Решили обратиться к генералу Брусилову, бывшему тогда в Москве. Никто не подозревал тогда, что Брусилов окажется тем, чем он оказался впоследствии,— изменником... Отправились со мной хорошо знакомый Брусилову капитан Бернасовский, председатель Союза (имеется в виду «Союз бежавших из плена» ВС) Крылов и еще два офицера... На объяснение цели прихода он ответил:

— Вы не первые ко мне с таким предложением, но должен вам сказать, как всем вашим предшественникам, что считаю всю эту затею авантюрой, во главе которой я, генерал Брусилов, стоять не намерен... Советую вам, господа офицеры, успокоиться. Существует правительство, которое стоит на страже государства.

На этом окончился наш визит к Брусилову» (с. 23—24).

В отношении второго посещения А. А. Брусилова после Великой Октябрьской социалистической революции Нестерович-Берг в указанной книге пишет следующее: «Отправились к генералу Брусилову, лежавшему в госпитале у Руднева (был ранен осколком снаряда, попавшим в его дом во время московских беспорядков). Он лежал, но чувствовал себя бодро. Сказал, что рана не так серьезна, но ей нарочно не дают зажить, чтобы оставили в покое и большевики, и не большевики. Я передала ему письмо, привезенное из Новочеркасска, в котором генералу предлагалось бежать на Дон с помощью нашего комитета. Брусилов прочел письмо, положил под подушку и сказал, отчеканивая слова:

— Никуда не поеду. Пора нам всем забыть о трехцветном знамени и соединиться под красным.

Меня, как громом, поразило.

— Что передать от Вас на Дону?

— То, что я сейчас сказал, то и передайте.

— В таком случае говорить мне больше не о чем,— заявила я и поспешила уйти. На душе было очень тяжело. Боже мой! А там-то, на Дону, меня так убеждали вывезти Брусилова!» (С. 100, 102).

Выводы и предложения:

1. Во время Великой Октябрьской социалистической революции А. А. Брусилов не вел борьбы против революционных сил

и не бежал за границу, хотя находился в окружении контрреволюционных элементов и имел возможности для побега. Более того, он оказывал посильную помощь молодой Советской республике.

2. Считать установленным, что рукопись «Мои воспоминания» антисоветского содержания, обнаруженная в архивах гитлеровской Германии, подготовлена не А. А. Брусиловым, а сфальсифицирована после его смерти другими лицами при непосредственном участии его жены Брусиловой Н. В.

3. В связи с этим считать целесообразным, чтобы А. А. Брусилов занял свое место в военной истории, как оно определилось к 1948 году.

Полковник	Северин
Полковник	Горбатенко

«Согласны»:

Генерал-лейтенант	Грибанов
Генерал-майор	Гуськов

Совершенно секретно

СССР

КОМИТЕТ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ
при СОВЕТЕ
МИНИСТРОВ СССР

2 июня 1961 г.
№ 2099/П.
гор. Москва

ЦК КПСС

По постановлению секретариата ЦК КПСС Министерству обороны СССР, Комитету госбезопасности при Совете Министров СССР и Главному архивному управлению поручено представить предложения в отношении использования литературного наследия БРУСИЛОВА А. А. В этой связи важное значение имеют «Воспоминания» БРУСИЛОВА А. А., направленные в ЦК КПСС МВД СССР 8 октября 1949 года за № 4082/К. Подлинник «Воспоминаний» необходим для проведения экспертиз на предмет установления, кем и когда они были написаны. В связи с этим прошу направить указанные «Воспоминания» для временного использования в Комитет госбезопасности.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ
КОМИТЕТА ГОСБЕЗОПАСНОСТИ
ПЕРЕПЕЛИЦЫН

Секретно

СССР

КОМИТЕТ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ
при СОВЕТЕ
МИНИСТРОВ СССР

16 ноября 1961 г.

№ 5284/и

гор. Москва

ЦК КПСС
(Общий отдел)

На № 3622

По миновании надобности возвращаем рукопись «Мои воспоминания», подготовленную от имени А. А. БРУСИЛОВА, и материалы, связанные с исследованием рукописи.

ПРИЛОЖЕНИЕ: — по тексту (в пакете) и 14 лист.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КОМИТЕТА
ГОСБЕЗОПАСНОСТИ при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР
ИВАШУТИН

7 июня 1961 г.

КОМИТЕТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

тов. ПЕРЕПЕЛИЦИНУ А. И.

Согласно Вашему запросу от 2 июня с. г. № 2099/П направляется для временного использования рукопись Брусилова А. А. «Мои воспоминания» на 207 л. и акт экспертизы № 420 от 5.VIII.1948 г. на 2 л. и 2 фото.

По миновании надобности просьба вернуть в общий отдел ЦК КПСС.

Зав. VI сектором общего отдела ЦК КПСС
Т. Силина

В административный отдел
Центрального Комитета КПСС

ОБЪЯСНЕНИЕ

члена КПСС
КОМАРИНЦА Бориса Максимовича

Мною в 1948 году, когда я работал в Институте криминалистики Главного управления милиции МВД СССР, выполнялась графическая экспертиза рукописи, написанной от имени А. А. Брусилова. Мною в качестве эксперта было дано заключение, что рукопись и подписи на ней написаны А. А. Брусиловым.

В октябре 1961 года мне были представлены исследуемые документы и образцы почерка в более полном объеме, а также акты экспертизы (отдела КГБ, эксперт Краснов А. Н. и др., № 18 от 29 июня 1961 г., Центральной судебно-медицинской лаборатории, эксперты Виноградов и Томилин, № 2294/55 от 14 июля 1961 г. и Центральной криминалистической лаборатории ВИЮН, эксперт Орлова и др., от 27 сентября 1961 г.), по которым дано заключение, что текст рукописи выполнен не А. А. Брусиловым, а Н. Брусиловой.

Рассмотрев эти материалы, я убедился, что в 1948 году мною была допущена экспертная ошибка. Действительно, текст исследуемой рукописи написан Н. Брусиловой, и выводы указанных выше экспертиз, в части выполнения его текста рукописи, безусловно правильны.

Причинами моей экспертной ошибки в 1948 году послужило то, что на исследование была представлена не вся рукопись, а только два ее листа, и малое количество образцов почерка А. А. Брусилова (образцы почерка периода 1916—1922 года, тогда как исследуемая рукопись относится к 1925 году, т. е. значится написанной незадолго до его смерти), отсутствовали образцы других возможных исполнителей рукописи (в частности, Н. Брусиловой), очень сжатые сроки на производство экспертизы, а также большое сходство между почерками А. А. Брусилова и Н. Брусиловой.

Следует также обратить внимание на то, что в 1948 году наши представления о возможностях и принципах оценки результатов графического исследования были более ограниченными, чем в настоящее время.

(Подпись Комаринца)

30 июня 1962 г.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь! СТРОГО СЕКРЕТНО

Всесоюзная Коммунистическая Партия (большее.). ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ.

№ П101/опр4-с
9.V.1927 г.

Тт. Ворошилову, Брюханову, Трилиссеру, Литвинову.

Выписка из протокола № 101 заседания Политбюро ЦК от 12.V.1927 г.

Слушали	Постановили
	Опросом членов ПБ от 9.V.27 г.
30. Предложение тов. Ворошилова.	30. а) Разрешить семье Брусилова в составе двух нетрудоспособных женщин выезд на курортное лечение в Карлсбад; б) обеспечить это лечение соответствующей суммой валюты.

Секретарь ЦК

«ЧЕРКНИ... ДЕСЯТОК СЛОВ»

Адресуя друг другу письма, публикуемые здесь, И. В. Сталин, К. Е. Ворошилов и С. М. Буденный явно не рассчитывали на то, что они будут когда-нибудь обнародованы, станут достоянием широкой общественности. Это время пришло. И теперь письма-подлинники — цепные документы, которые позволяют нам на основе заключенной в них информации зримо представить жизнь и борьбу тех драматических лет.

[И. В. Сталин — К. Е. Ворошилову[1]]

25.1.1921 г. Привет т. Буденному[2]

Друг!

Дела в Питере и Москве пошли хорошо: платформа Ленина и других собрала *огромное* большинство[3]. Мы здесь не сомневаемся, что ты, Фрунзе[4], Молотов[5], Минин[6] и другие сумеете завоевать *Донбасс* (съезд горнорабочих тоже за нас высказался), промышленные города и *армии*. Евдокимов[7], Мельничанский[8] и Залуцкий[9] помогут. Не мешало бы Петровского[10] использовать на правобережье. Не отдавайте без боя ни одного делегатского места ни Троцкому[11], ни рабочей оппозиции.

Твой Сталин.

Письмо написано на бланке народного комиссара рабоче-крестьянской инспекции.

[И. В. Сталин — К. Е. Ворошилову]

27.VII.21 г.

Ну, друг!

Числа 10 авг[уста] думаю двинуться в Ростов и далее в Москву. Хорошо было бы повидаться с тобой и потолковать о делах на Юго-Востоке[12]. Если есть возможность, приготовь пудов десять хлеба для меня, если нет, конечно, не нужно.

Жму крепко руку.

Привет Буденному, Бубнову[13].

Твой Сталин.

2.XI.21 г.

Дорогой Иосиф Виссарионович!

В Москве я тебе уже говорил о моем намерении переменить свое «амплуа», а сейчас я это решил твердо. Работа в Военведе мне уже опостылела, да и не в ней теперь центр тяжести. Полагаю, что буду полезней на гражданском поприще. От тебя ожидаю одобрения и дружеской поддержки перед ЦК о моем откомандировании. Хочется поработать в Донбассе, куда и прошу ЦК меня направить. Работу возьму какую угодно и надеюсь снова встряхнуться, а то я здесь начал хиреть (духовно). Нужно и меня пожалеть.

Крепко обнимаю. Твой Ворошилов.

Письмо написано на бланке командующего войсками Северо-Кавказского военного округа.

[К. Е. Ворошилов — И. В. Сталину]

21.1.1923 г.

Дорогой Иосиф Виссарионович!

Поздравляю тебя еще с одной автономией! 15/1 в ауле Урус-Мортан, что в 24 в[ерсты] от г. Грозный, на съезде представителей аулов (по 5 ч[еловек] от аула) чеченского народа при торжественной обстановке провозглашена автономия Чечни. Выезжали в Чечню Микоян, Буденный, Левандовский и я. Впечатление: чеченцы, как все горцы, не хуже, не лучше. Муллы пользуются неограниченным влиянием, являясь единственной культурной силой. Свое положение служителя аллаха используют со всем искусством восточных дипломатов. Население пребывает в первобытной темноте и страхе «божием». Наши велеречивые и многомудрые коммунисты, работавшие и работающие в Чечне и Горреспублике, по-моему, ничему не научились и не могли ничему научить. Расслоение, «опора на бедняцкие элементы», «борьба с муллами и шейхами» и пр[очие] прекраснозвучащие вещи служили удобной ширмой для прикрытия своего убожества и непонимания, как подойти к разрешению стоящих на очереди вопросов.

После наших (официальных) выступлений говоривший главмулла заявил, что он от имени всего чечнародa приносит сер-

дечную благодарность высш[им] орг[анам] Сов[етской] вл[асти] и выразил свои пожелания (требования), сводящиеся к следующему:

1. Нужно организовать такую власть, которая будет служить народу, а не обворовывать его.

2. Немедленно, беспощадными мерами ликвидировать бандитизм, воровство и разбои.

3. Разрешить сформировать в достаточном количестве чечмилицию.

4. Допустить существование шариатских судов.

Вот основные требования страшных мулл. В виду позднего времени и обширности собрания, мы предложили выделить делегацию в 150—200 чел[овек] и вместе с нами отправиться в Грозный для более детального обсуждения практических вопросов, связанных с автономией.

Было опасение, что этот импровизированный съезд будет состоять из одних мулл и купцов, но у нас выбора не было. Нам нужно было самим обсудить положение. Съехалось до 400—500 чел[овек] вместе с гост[ями].

Выборных больше двухсот, из них:

муллы 35 чел[овек],

купцы 70,

землеробы 140.

Я считаю, что состав этого совещания вполне удовлетворителен.

Заправилами, как нужно было ожидать, были муллы. До тех пор, пока мы не создадим в Чечне кадры преданных, знающих Чечню и ей знакомых работников, придется иметь дело с муллами.

Муллы народ продувной и не много нужно, чтобы их забрать под свое влияние. Дураки только могут верить в возможность проведения в Чечне всяческих «расслоений», «влияний через бедноту» и пр[очую] чепуху.

Конечно, беднота, как и везде, имеется и в Чечне. Но, во-первых, в Чечне патриархально-родовые отношения сохранились почти в полной мере, а, во-вторых, всякий бедняк муллу и святого почитает во сто раз больше, чем кулака (кулак уже грамотный, а то и образованный) и, кроме того, муллы то и всякого рода святые живут и жиреют за счет бедноты.

[Подпись К. Е. Ворошилова]

1 февраля 1923 года

Дорогой Иосиф Виссарионович!

На днях получил письмо от А. Каменского, в котором он сообщает о «сралаше», происходящем в его н[арком]земовской коллегии, выдвигает комбинацию конструирования новой коллегии с Буденным во главе. Об этой «гениальной» комбинации, как пишет К[аменский], должен был говорить с тобой Фрунзе. Выходит, таким образом, что Фрунзе уже согласен с этим.

Думаю, что ты и без меня оценишь по достоинству всю глупость выдвигаемого К[аменским] и др. проекта, но все же я считаю не лишним высказать и свои соображения по этому поводу. Еще на X съезде Сов[стов] Каменский заговорил со мной на эту тему, спрашивая моего мнения. Я решительно возразил, не развивая своих соображений. Как мне тогда показалось, К[аменский] как будто бы согласился со мной. И то, что эта комбинация вновь выдвигается, меня наводит на мысль — нет ли тут чего-либо глубже «сидящего», чем понимание нашего «рыцаря печального образа» А. К[аменского]? По существу вопроса, я считаю недопустимым выдвижение С. Б[уденно]го на этот пост по следующим причинам:

1. Буденный, не касаясь его личных качеств и пригодности для данной роли, слишком *крестьянин*, чересчур популярен и весьма хитер. Зарубежная «белая» пресса очень часто («Руль» от 11/I—23) пишет о Буденном в минорных тонах не без задних мыслей. Внутр[енняя] контрревол[юция] тоже очень уповает на будущее, и в этом будущем, в представл[ении] наших врагов, Буденный должен играть роль какого-то спасителя, (кр[естьянско]го) вождя, возглавляющего «народное» движение. При таких условиях бросать Буденного в крестьянско-земельную пучину было бы сумасшествием.

2. Если бы оказалось, что Буденный не подходит на это место по тем или иным причинам, партия была бы поставлена в затруднительное положение при снятии его с этого высокого поста — и сам Буд[енный], и все пресмыкающиеся (таких и теперь много, а при наркомстве их будет еще больше), истолкуют этот шаг по-своему.

3. Белогвардейцы, и отечественные, и зарубежные, в случае назначения Буд[енного], не преминут поднять по этому поводу шумиху, также истолкуя назначение, как нашу слабость, как последнюю ставку.

4. Если действительно произошло бы, когда-нибудь, серьезное столкновение...* интересов между пролетариатом и крестьянством, Б[уденный] оказался бы с последним.

Буденного знаю лучше, чем кто бы то ни было в партии, и

* Неразборчиво.

считаю, вместе с тобой, что его необходимо использовать для революции целиком и полностью. В меру моих сил я делал в этом отношении все от меня зависящее, и как будто бы результаты положительные.

Но я и раньше не раз говорил и сейчас должен повторить, что наши милые товарищи (в центре), не отдавая себе отчета, чересчур уж много кричат о Буденном, «буденновской» армии, «буденновцах» и пр[очем], что ни в какой мере не отвечает ни партийным, ни общереволюционным задачам. Сегодня комиссар штаба 1-й Кон[ной] т. Тер сообщил мне случай из жизни эскадрона при штарме 1-й К[онной]. На вопрос молодому кр[асноармей]цу, за что он будет драться, последний ответил: «За Буденного».

Боясь надоесть, заканчиваю об этом. Если бы, паче всякого здравого смысла, кому-нибудь вздумалось всерьез поддержать кандидатуру Б[уденного] в наркомземы, я прошу иметь в виду, что я выступлю на ПБ, Пленуме и даже съезде с решительным протестом.

Думаешь, я зря придаю такое значение? Нет, не зря. Если бы я вовремя не убрал Думенко, он наделал бы нам больших неприятностей.

Если мы, не учитывая особенностей переживаемого момента, будем совершать такого рода ошибки, как ничем не вызываемое назн[ачение] в наркомы Б[уденного], это равносильно игре с огнем на территории...*.

Теперь пару слов из другой оперы.

Третьего дня приехал Калмыков и еще 4 чл[ена] обкома на разбирательство кабардинской склоки. По всем данным, Калмыков слишком стал «загибать», следовало бы его маленечко поодернуть. Мы это сделаем, но при случае нужно будет и тебе указать ему на опасность его поведения.

На днях Али-Митаев заключил с нашим ГПУ в Грозном договор на охрану лин[ии] ж[елезной] д[ороги] Хасавюр — Грозный.

Все данные за то, что с чечбандитизмом удастся покончить с помощью самих чечбандитов.

Статью Ильича прочитал 4 раза.

По существу с Ильичем согласен, боюсь только, что многие, даже «старики», не поймут Ильича. Конструкция, выдвигаемая И[льичем], немного тяжеловесная и не совсем стройная, но, по всей видимости, И[льич] решил в самом корне изменить порядок управл[ения] и партией, и, отчасти, государством. Очень хотел бы знать твое мнение и мнение других по этому вопросу. Если найдешь свободную минуту, черкни об этом десяток слов.

Проезжавший здесь т. Зиновьев сказал, что он не понял статьи И[льича].

---

* Неразборчиво.

Во всяком случае, к съезду мы должны быть информированы более или менее подробно. Если не напишешь официального письма, напиши лично.

Всех благ.
Жму руку.
Твой К. Ворошилов.

Глубокоуважаемый
Иосиф Виссарионович!

Сегодня уезжаю и очень жалею, что перед отъездом мне не удалось повидаться с Вами, ибо уезжаю с очень тяжелым чувством.

Дивизии 1-й Конной армии переходят на новые стоянки, и, если не иметь за ними постоянного наблюдения, их боеспособность падет, а наблюдать за ними из Ростова мне совершенно невозможно.

Прошу Вас лично возможно скорее вывести этот вопрос из неопределенного положения. Со своей стороны считаю, что единственным полезным для дела решением, которое даст мне возможность поднять всю кавалерию республики на должную высоту, это есть назначение меня помощником Главкома по кавалерии и членом РВСР. Мне должна быть дана возможность иметь небольшое управление, где должны быть сосредоточены все вопросы, относящиеся к кавалерии: ее организация, обучение, ремонт и инспектирование. Это же управление будет включать кадры полевого штаба 1-й Конной армии.

Очень прошу Вас, уважаемый Иосиф Виссарионович, провести решение этого вопроса в самом срочном порядке и вывести меня, наконец, из того неопределенного и тяжелого положения, в котором я нахожусь, и, если Вас не затруднит, о последующем мне сообщить.

Глубоко Вас уважающий С. Буденный.

Москва, 22 августа 1923 г.

Шифром

Ростов-на-Дону

Буденному

Можете быть уверены, что проведем Вас членом РВСР и помощником Главкома, и начальником кавалерии республики.

Сталин.

23.VIII.23 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. К. Е. Ворошилов (1881—1969) — государственный, партийный и военный деятель. В 1921—1924 гг. член Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б), командующий войсками Северо-Кавказского военного округа.

2. С. М. Буденный (1883—1973) — военный деятель. В 1921—1922 гг. член военного совета, командующий 1-й Конной армии.

3. В конце 1920-го — начале 1921 года в обстановке перехода страны от гражданской войны к мирному строительству в РКП(б) развернулась дискуссия о роли и задачах профсоюзов. ЦК РКП(б) подготавливал замену политики военного коммунизма новой экономической политикой, призванной укрепить союз рабочего класса с крестьянством на хозяйственной основе.

ЦК РКП(б) считал необходимым отказаться от военных методов профсоюзной работы и перейти к последовательной рабочей демократии в профсоюзных организациях. Против этого выступил член ЦК партии Л. Д. Троцкий. На 5-й Всероссийской конференции профсоюзов и в тезисах, представленных ЦК РКП(б) (ноябрь 1920 г.), он требовал установления военного режима в профсоюзах, «перетряхивания» их руководящих кадров административными методами. Пленум ЦК РКП(б) (8—9 ноября 1920 г.) отверг тезисы Троцкого и по предложению В. И. Ленина создал комиссию для разработки мер, направленных на развертывание профсоюзной демократии.

Подавляющее большинство членов партии поддерживало ленинскую линию. Группа рабочей оппозиции выдвинула лозунг передачи управления народным хозяйством профсоюзам в лице «Всероссийского съезда производителей». Рабочая оппозиция отрицала государственное руководство народным хозяйством.

Десятый съезд РКП(б) (март 1921 г.) подвел итоги дискуссии, принял ленинскую платформу и осудил взгляды оппозиционных групп.

4. М. В. Фрунзе (1885—1925) — партийный, государственный и военный деятель. С декабря 1920-го по март 1924 гг.— уполномоченный РВСР на Украине, командующий вооруженными силами Украины и Крыма. С 1921 года член ЦК.

5. В. М. Молотов (Скрябин, 1890—1986) — политический деятель СССР. В 1920—1921 гг. секретарь ЦК КП(б) Украины. В 1921—1930 гг. секретарь ЦК РКП(б) (ВКП(б))

6. С. К. Минин (1882—1962) — участник революционного движения в России. В 1920—1921 гг. член РВС 1-й Конной армии, в 1921—1922 гг. помощник командующего войсками Украины и Крыма по политической части, член ЦК КП(б)У и СПК Украины.

7. Г. Е. Евдокимов (1884—1936). В 1919-1920 гг. и в 1923—1927 гг. член ЦК. После Октябрьской революции в Красной Армии.

8. Г. Н. Мельничанский (1886—1937) — партийный, профсоюзный и хозяйственный деятель. С 1918 года председатель Московского губернского совета профсоюзов, член Президиума ВЦСПС, член СТО от ВЦСПС.

9. П. А. Залуцкий (1887—1937) — участник Октябрьской революции в Петрограде. В 1920—1921 гг. секретарь и член Президиума ВЦИК, кандидат в члены ЦК.

10. Г. И. Петровский (1878—1958). В 1919—1938 гг. Председатель Всеукраинского ЦИК и ЦИК УССР, в 1921—1939 гг. член ЦК.

11. Л. Д. Троцкий (Бронштейн, 1879—1940). В 1918—1925 гг. нарком по военным и морским делам и председатель РВС СССР (до 1923 г.— РСФСР), одновременно председатель ЦК союза транспортных рабочих (в 1920—1921 гг.).

12. Вероятно, имеется в виду борьба с бандитизмом, который в 1921 году стал главной опасностью для Советского государства.

13. А. С. Бубнов (1884—1938) — партийный и государственный деятель. С 1921 года член Революционного военного совета Северо-Кавказского военного округа, 1-й Конной армии, член Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б).

Our Reader recieved a new magazine «Military Archives of Russia». Another formely restricted sphere of knowclege has become accessible for a wide circle of specialists, scientists, students, for all who are fond of military history. It happened due to the new policy in archives affairs, new principles in this sphere such as openness to the world community, release from lie and falschood, devotion and loyalty to truth whatever unpleasant it could be. The Magazine intents to publish documents, which help us to get back feeling of real and full history of the motherland. The Editorial Board sets its aime to assist the process of cleaning the historical mentality from myths and falsifications that feeded our spiritual life for many years. Hence we will prefer facts, not their ideological interpretation. A reader has right to form his own opinion about them.

We invite all holders military archives to take part in publication their materials on pages of «The Military Archives of Russia» Magazine.

Public Editorial Board of «The Military Archives of Russia» Magazine.

REPRESSIONS IN THE SOVIET ARMY

M. N. Toukhachevsky and «Military-fascist plot».
— Central Committee of the All-Union Communist Party (of Bolsheviks) Plenum February 23 — March 5. 1937.
— Reference of Charge Verification

WORLD WAR II

Secret Additional Protocols to the Non-Aggression Pact between Germany and Russia dated August 23. 1939

ECHO OF THE PAST

Khatin File

UNRETOUCHED PORTRAITS

G. K. Shukov: unknown pages of biography.

U.S.S.R.: PEOPLES AND DESTINIES

Social-political Situation in the Baltic Republics in the Fifties.

MILITARY BUILD-UP AND REFORMS

Soviet Armed Forces Reduction in the mid of Fifties.

THE SOVIET FACTOR IN THE CHINESE REVOLUTION

Protocols of the Chinese Commission of the Communist Party (of Bolsheviks) Central Committee Politbureaus (April—September 1925).

FASHISM IN FACES

Martin Borman Diary (January—April 1945). Testimony of Hans Rattenhuber, the chief of Hitler Personal Guard.

ONE FALSIFICATION MYSTERY

A. A. Brusilov: «My memoirs».

Unser Leser hat eine Zeitschrift «Militärarchiven Russlands» erhalten. Noch ein Schongebiet des Wissens ist fur breite Kreise der Spezialisten, Wissenschaftler, Studenten, aller Freunde der Militärgeschichte erreichbar geworden. Das geschah dank der neuer Politik im Archivenwesen, dessen Hauptprinzipien Aufrichtigkeit für die Weltgemeinschaft, Befreiung von Lüge und Heuchelei, Ergebenheit für Wahrheit jedweder unangenehm sie ist sind. Die Zeitschrift hat die Absicht die Dokumenten zu veröffentlichen, die uns wahrheite echte Geschichte des Vaterlandes wiederzugewinnen helfen. Das Redaktionzkollegium stellt sich eine Aufgabe zu dem Prozess der Befreiung unseres historischen Bewusstseins von Erdichtungen und Fälschungen beizutragen. Darum werden wir den Vorzug den Fakten, nicht ihren ideologisierten Auslegungen geben. Der Leser selbst hat das Recht sich eigene Meinung von den zu bilden.

Das ehrenamtliche Redaktionskollegium der Zeitschrift «Militärarchiven Russlands».

«Militärarchiven Russlands»

REPRESSIVMASSNAHMEN IN DER ROTE ARMEE

M. N. Tuchatschevski und «militär — faschistische Verschworung».
— Plenum des ZK der Partei 2. Februar — 5. März 1937
— Aktenstuck über die Nachprüfung der Anklagen...

DER ZWEITE WELTKRIEG

Geheime Zusatzprotokollen zum Nichteingriffsvertrag zwischen Deutschland und UdSSR vom 23. August 1939.

DER WIDERHALL DER VERGANGENHEIT

Die Katynangelegenheit.

DIE PORTRÄTEN OHNE RETUSCHE

G. K. Shukow: Unbekannte Seiten der Biographie.

DIE UdSSR: VÖLKER UND SCHICKSAL

Sozial-politische Lage im Ostseegebiet in 50-er Jahren.

MILITÄRBAU UND REFORMEN

Die Verringerung der Sowjetarmee in der Mitte der 50-er Jahren.

SOWJETISCHER FAKTOR IN DER CHINESISCHEN REVOLUTION

Die Protokollen der Sitzungen der chinesischen Kommission des Politburos des ZK der Partei (April-September 1925).

DAS FASCHISMUS IN GESICHTEN

Tagesbuch Martin Bormanns (Januar-April 1945).
Hans Rattenchuber: Eigenhändige Aussage des Chefs der Leibwache A. Hitlers.

GEHEIMNIS EINER VERFÄLSCHUNG

A. A. Brusilow: «Meine Erinnerungen».

89072355233

B89072355233A

Тираж: 50 000 экз. Объем 26 п. л.

Свободная цена. Зак. 4414

Адрес: 103055, Москва, ул. Новослободская, д. 50/1, кв. 72.

Справки по телефонам: 258-79-63, 296-45-08.

При перепечатке ссылка на «Военные архивы России» обязательна.